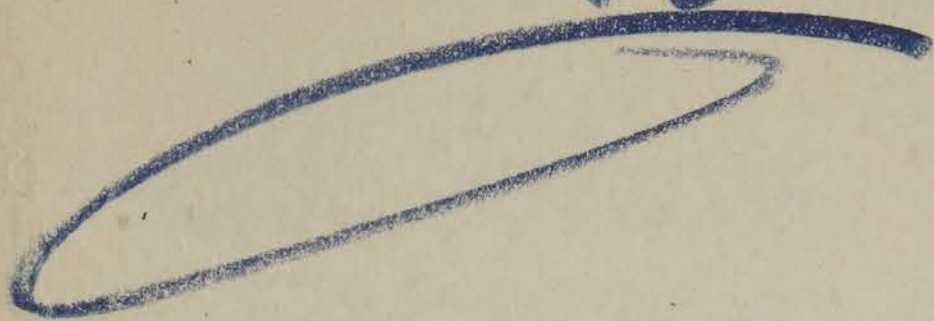
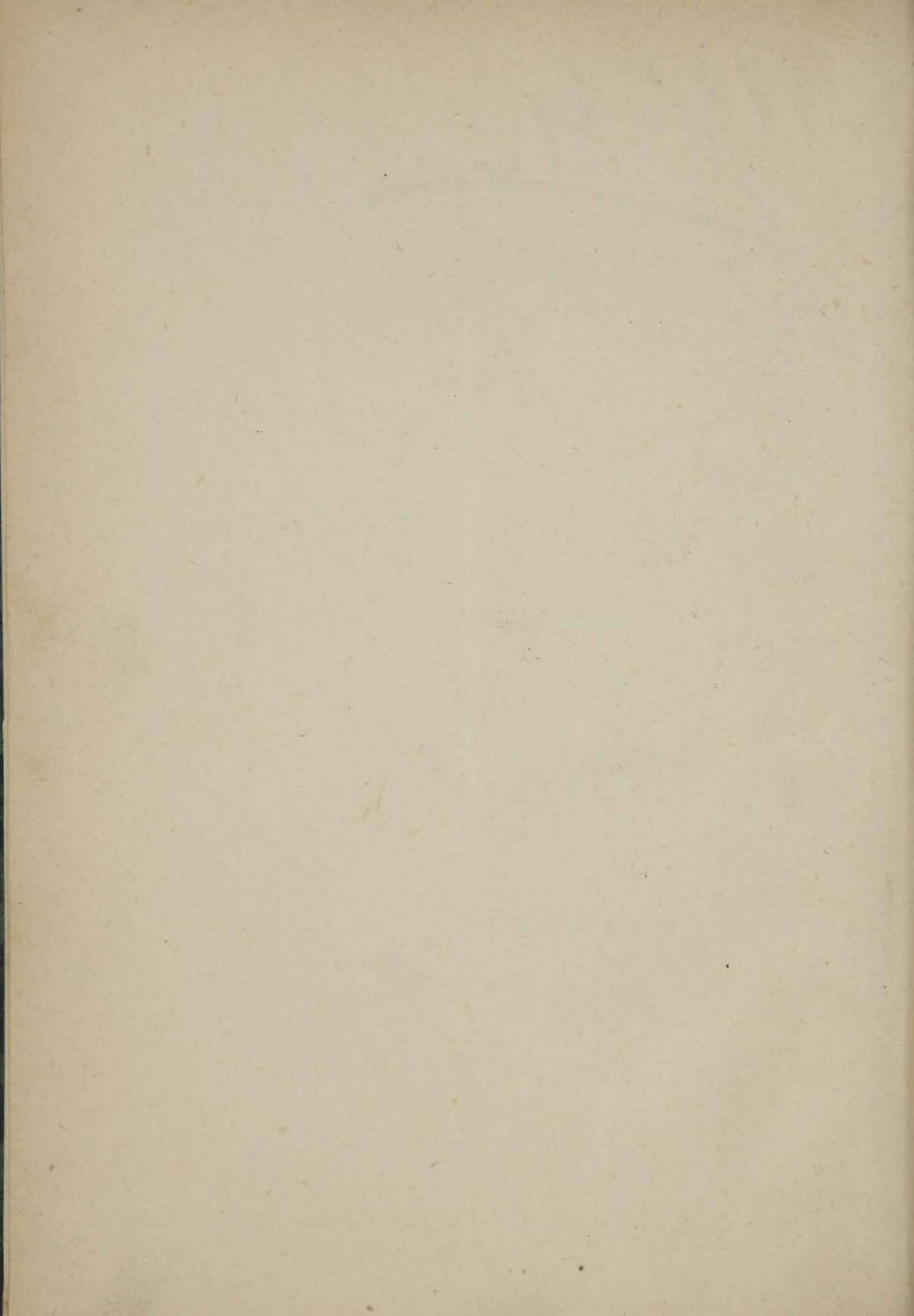

11854

11854_u

71854
~~75813.~~

Уильямъ Гильдеръ.

Во льдахъ и въ снѣгахъ

ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ САНЯХЪ

ЧЕРЕЗЪ СИБИРЬ

ДЛЯ ПОИСКОВЪ ЭКСПЕДИЦІИ КАПИТАНА ДЕЛОНГА

Съ рисунками въ текстѣ

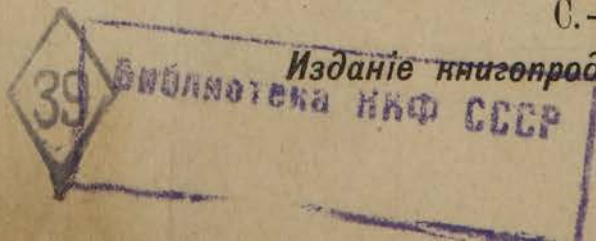
Переводъ съ англійскаго

подъ редакцію Н. М. Федоровой

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Изданіе книгопродавца-издателя И. И. Иванова

1898

К

76502

Дозволено цензурою. С.-Петербургу, 27 Октября 1897 г.

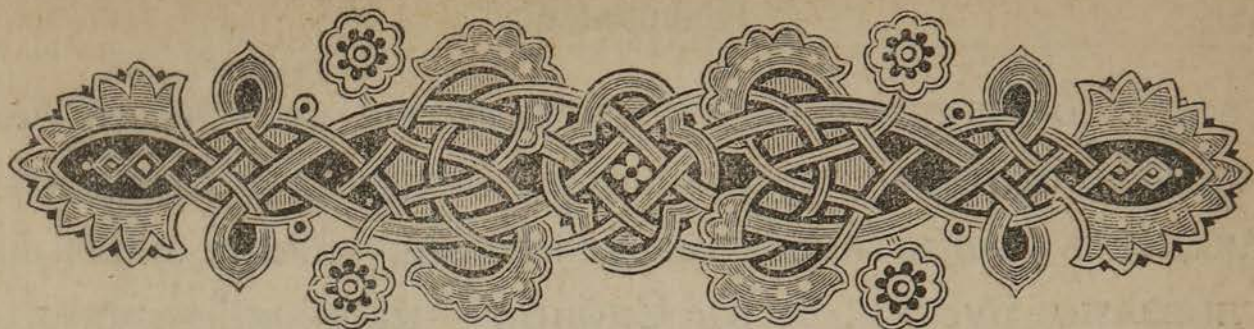
7

Члены экспедиции для поисковъ „Жаннетты“.

Гренбекъ. У. О. Колинкинъ. В. Гильдеръ.
Берри. Черняевъ. Яксонъ. Бобуковъ. Ниндерманнъ. Бартлетъ.
Гентъ. Ларсенъ. Гл. инж. Мельвилъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Представляя на судъ публики переводъ книги Гильдера „Во льдахъ и въ снѣгахъ“ мы желали внести и свой посильный трудъ въ нашу литературу путешествій. Гильдеръ участвовалъ въ экспедиціи, снаряженной Сѣверо-Американскими Штатами для розысковъ „Жаннетты“ и ея экипажа и состоялъ корреспондентомъ газеты „New-York-Herald“.

Читатели, вѣроятно, не безъ интереса прочтутъ дневникъ капитана Делонга, командира „Жаннетты“, гдѣ описаны всѣ ужасы и всѣ лишенія, которымъ подвергся экипажъ судна.

Вилльямъ Гильдеръ также мастерски описываетъ, какъ путешествіе черезъ Тихій океанъ на суднѣ „Роджерсъ“ такъ и свои странствованія по Сибири, то въ саняхъ, то на собакахъ, то верхомъ, а то и пѣшкомъ. И сколько надо было имѣть силы воли, терпѣнія, энер-

гій, чтобы пуститься въ путешествіе по Сибири чело-
вѣку, который, кромѣ всѣхъ неудобствъ, представ-
ляемыхъ климатическими условіями, еще не зналъ ни
слова по-русски, а въ Сибири — мало найдется лю-
дей, которые понимали-бы не только по-англійски,
но даже и по-французски. Сколько разъ Гильдеру
приходилось быть только на волосъ отъ смерти, да
и не одному Гильдеру, а всѣмъ тѣмъ храбрецамъ,
которые пускаются въ путешествія по полярнымъ
странамъ, гдѣ имъ приходится бороться не только съ
природою и съ климатическими условіями, но также
испытывать и другія неудобства кочевой жизни, среди
полудикихъ племенъ, невсегда относящихся друже-
любно къ путешествующимъ иностранцамъ.

Корреспонденціи Гильдера, напечатанныя первонач-
ально въ американской газетѣ „New-York-Herald“, бы-
ли собраны вмѣстѣ и изданы отдѣльною книгою, что
представляетъ, еще большій интересъ, чѣмъ отрывоч-
ныя отдѣльныя корреспонденціи. Правда, книга Гиль-
дера не можетъ быть названа строго научнымъ про-
изведеніемъ, потому что его корреспонденціи предна-
значались для публики, которой показалось-бы слиш-
комъ скучнымъ и даже непонятнымъ систематическое
изложеніе путешествія; Гильдеру по-неволѣ приходи-
лось разнообразить свои описанія, чтобы они не бы-
ли слишкомъ сухи и педантичны. Какъ писатель Гиль-
деръ принадлежитъ къ той талантливой школѣ мо-
лодой Америки, которая теперь является господству-
ющей въ литературѣ и журналистикѣ Новаго Свѣта.

Какъ отважный путешественникъ Вилльямъ Гильдеръ нѣсколько напоминаетъ Гордона, Бенетта и Стэнлея. Онъ отличается еще тѣмъ, что, во время своихъ путешествій не обращалъ никогда ни малѣйшаго вниманія, ни на свои собственныя неудобства, ни на неудобства окружавшихъ его людей; такъ какъ всегда имѣлъ впереди какую-нибудь цѣль, а чтобы ея достигнуть онъ ставилъ на карту все отъ него зависящее. Юморъ Гильдера, проявляющійся въ разныхъ шуточныхъ словечкахъ, а иногда даже въ цѣлыхъ фразахъ, такъ кстати сказанныхъ, напоминаетъ намъ юморъ талантливаго американскаго писателя Марка Твэна, произведенія котораго не безызвѣстны русскимъ читателямъ.

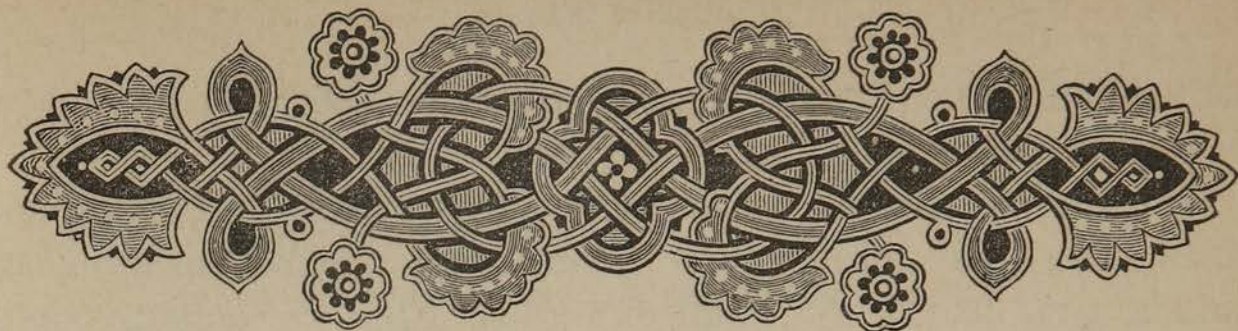
Вообще чѣмъ болѣе опасностей переживалъ Гильдеръ, во время своего полного приключенія путешествія, тѣмъ его описанія являлись живѣе, интереснѣе, самобытнѣе; онъ не жалѣлъ красокъ, но въ то-же время и не злоупотреблялъ ими; какъ истинный художникъ онъ нарисовалъ картину полную жизненной правды и таланта.

Именно въ такомъ духѣ Гильдеръ смотрѣлъ на свое путешествіе и въ такомъ-же духѣ онъ и изобразилъ его въ своей книгѣ „Во льдахъ и въ снѣгахъ“.

Неудивительно, что книга Гильдера была принята сочувственно его соотечественниками и выдержана въ Америкѣ нѣсколько изданій, а также была переведена на нѣмецкій языкъ.

Въ Россіи книга эта также не безызвѣстна чи-

тателямъ по прекрасному переводу покойнаго В. Н. Майнова, давно уже распроданному. Въ нашемъ переводѣ мы придерживались, насколько возможно, американскаго подлинника и отчасти руководствовались русскимъ изданіемъ, именно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ это изданіе является дословнымъ переводомъ подлинника.

Глава I.

Н а м о р ъ.

На палубѣ «Роджерса»,
27-го іюня 1881 г.

Экспедиція, снаряженная Соединенными Штатами Сѣверной Америки для отысканія „Жанетты“, послѣ многочисленныхъ остановокъ, зависившихъ отъ разныхъ постороннихъ обстоятельствъ, теперь наконецъ, находится въ далекомъ Тихомъ Океанѣ, приблизительно около 1000 морскихъ миль отъ Санъ-Франциско и если-бы постоянно не дулъ сильный вѣтеръ, который обыкновенно поднимаетъ на морѣ яростныя волны, то члены экспедиціи навѣрно нашли-бы достаточно времени для серьезныхъ размышленій. Правда нашъ „Роджерсъ“ хорошее и крѣпкое судно, но онъ обладаетъ крайне неудобной привычкой, во время сильнаго вѣтра, покачиваться изъ стороны въ сторону, такъ что участники экспедиціи съ нетерпѣніемъ ожидаютъ хорошей погоды, чтобы расправить хорошимъ купаньемъ свои разбитые, усталые члены. Въ то время, какъ я пишу эти строки, проглянуло изъ-за тучъ солнце, но море все еще сильно волнуется и время отъ времени большая волна переливается черезъ носовую часть; волны были настолько велики, что могли бы снести весь грузъ съ носовой части, который состоялъ изъ бревенъ, если-бы не постарались прикрѣпить и привязать его, какъ слѣдуетъ.

Волны иногда поднимаются такъ высоко, что обдають стоящаго на кормѣ офицера цѣлымъ потокомъ пѣны.

Но все же теперь море менѣе бурливо въ сравненіи съ тѣмъ, чѣмъ оно было, когда мы оставили предгорья, которыя заслоняють входъ въ Гольденъ-Гэть. Еще въ первую ночь нашего путешествія буря бросала насъ изъ стороны въ сторону по разъяренной поверхности, такъ называемаго Тихаго Океана, который такъ мало оправдывалъ свое названіе. Многие изъ нашихъ товарищей, которые съ юныхъ лѣтъ привыкли „ввѣрять свою жизнь невѣрной стихіи“, скрылись въ каюты не для того, чтобы спать, а для того, чтобы скрыть отъ постороннихъ глазъ свои ощущенія. Если кто нибудь изъ бывшихъ на суднѣ страдалъ морскою болѣзнью, тотъ не могъ ожидать ни малѣйшаго участія отъ постороннихъ. Всякій справлялся самъ, какъ умѣлъ; извѣстно, что морская болѣзнь одна изъ самыхъ мучительныхъ для страдающаго, а между тѣмъ, не найдется ни одной дружеской руки, которая подержала бы больному лобъ или смочила водою виски. Какъ доказательство такого равнодушнаго отношенія къ больнымъ, приведу слѣдующій примѣръ: у меня былъ товарищъ по каютѣ молодой, красивый уроженецъ острова Кубы, который, несмотря на то, что самъ страдалъ постоянно морскою болѣзнію, взялъ мѣсто карабельнаго врача; но море страшно отомстило ему за такую смѣлость; несчастный молодой человѣкъ сильно мучился морскою болѣзнью; но никто не оказалъ ему ни малѣйшаго участія; всѣ только смѣялись надъ нимъ и совѣтовали ему восты себя „приличнѣе“. Больной врачъ въ теченіи трехъ дней рѣшительно ничего не могъ ѣсть, а на четвертый день, когда онъ попросилъ чего нибудь съѣстнаго, то ему принесли кусокъ сухого, покрытаго плѣсенью, хлѣба и совѣтовали ему приправить его клейстеромъ, чтобы онъ не „выскочилъ“. Несмотря на свои страданія, молодой врачъ добродушно улыбнулся и самъ порицалъ себя за такую слабость.

— Посмотрите на меня,—сказалъ врачъ своимъ мучителямъ,—я кажется такой сильный и здоровый человѣкъ, а на морѣ ослабѣваю до такой степени, что не могу ни пить, ни

ѣсть, ни встать съ постели; если бы въ данную минуту я упалъ-бы за бортъ, то, пожалуй, даже и не могъ-бы выплыть, хотя меня и считаютъ хорошимъ пловцомъ.

Но удивительное дѣло! Куда запрятался этотъ Доминикъ? Доминикъ Букеръ это нашъ провіантмейстеръ, который пріѣхалъ изъ Луисвилля въ Кентукки собственно для того, чтобы пріобрѣсти себѣ славу перваго чернокожаго достигшаго сѣвернаго полюса. У всякаго свое честолюбіе и свои мечты! Это славный малый, но въ высшей степени мѣшко-ватъ и неповоротливъ. Онъ считаетъ, что теперь достигъ всѣхъ своихъ желаній и что на бѣломъ свѣтѣ теперь ему рѣшительно нечего дѣлать. На Маркъ-Айлэндѣ и въ Санъ-Франциско онъ былъ невыразимо счастливъ. У него была цѣлая каюта „господь“, которымъ онъ былъ обязанъ услуживать; у него въ распоряженіи былъ поваръ—итальянецъ, которому онъ заказывалъ кушанья для „своихъ господъ“, и это льстило его самолюбію, а большаго онъ и не требовалъ отъ судьбы. Такъ все шло благополучно, пока мы не достигли открытаго океана, тутъ нашъ бѣдный Доминикъ совершенно измѣнился; правда и океанъ былъ въ дурномъ расположеніи духа, онъ такъ шумѣлъ, ревѣлъ, бурлилъ, поднималъ такія высокія волны, что это, вѣроятно, привело въ смущеніе нашего чернаго Доминика, потому что и его расположеніе духа совершенно измѣнилось; ему приходилось вести счеты, а это никакъ ему не удавалось. Кромѣ того, сначала онъ отличался шутливымъ благодушіемъ, а теперь сдѣлался такимъ мрачнымъ и скучнымъ, съ лицомъ, которое выражало ужасное страданіе; жаль было смотрѣть на такого человѣка. Но не одинъ Доминикъ насупился и кончилъ тѣмъ, что рѣшительно ничего не могъ дѣлать; нашъ превосходный итальянскій поваръ, выписанный изъ Нью-Йорка на счетъ офицерской столовой, тоже былъ не въ состояніи работать, такъ что наша кухня осталась на рукахъ повара-матроса, которому усердно помогалъ кузнецъ; эти люди должны были заботиться о продовольствіи обѣихъ половинъ экипажа; но впрочемъ, откровенно говоря, дѣла было немного; судно такъ сильно

кренилось и содрогалось, что рѣшительно нельзя было варить кушанье. Намъ подавали немного кофе, если только не проливали его на пути отъ кухни въ офицерскую столовую, вареный картофель, цоджаренный въ маслѣ хлѣбъ—были основными блюдами нашего незатѣливаго меню и то мы могли имъ наслаждаться въ томъ только случаѣ, если намъ удавалось хорошо укрѣпиться въ каютѣ; мы ухитрились захватить одною ногою какую нибудь столовую ножку, другую упереть въ доску, а спиною упереться къ какой нибудь неровности въ стѣнѣ каюты. Кромѣ того, вся наша посуда была перебита, такъ что офицерская кухня находилась въ самомъ плачевномъ состояніи, когда ей былъ сдѣланъ осмотръ по окончаніи бури. Ночь съ воскресенья на 19-ое была превосходна и въ слѣдующіе затѣмъ три дня стояла прекрасная погода, вѣтеръ былъ такъ слабъ, что пришлось развести пары и идти подъ ними до утра четверга. Съ этого дня вѣтеръ усилился и пары стали не только излишними, но пришлось еще убрать и нѣсколько парусовъ.

Однако, быстрота хода нашего судна подъ парусами приготовила намъ нѣкоторое разочарованіе. Правда, нашъ „Роджерсъ“ былъ сильно нагруженъ и несъ на 100 тоннъ болѣе груза, чѣмъ было предположено и кромѣ того сильно крутобокъ. Это-то и явилось причиною его валкости съ одной стороны и медленности хода съ другой. Далѣе, большой винтъ, которымъ снабжено наше судно, также припятствуетъ быстротѣ хода, какъ и большой панцырь, который долженъ защищать „Роджерса“ отъ напора льдовъ. Но несмотря на это, офицеры очень довольны судномъ и считаютъ его чуть ли не самымъ лучшимъ и самымъ красивымъ изъ тѣхъ судовъ, которымъ когда-либо доводилось входить въ Ледовитый Океанъ. Подъ парами „Роджерсъ“ даже шелъ скорѣе, нежели ожидали; въ среду 22-го не прибѣгая къ помощи парусовъ, онъ проходилъ въ часъ до $5\frac{1}{2}$ узловъ, слѣдовательно однимъ узломъ больше, чѣмъ рассчитывали; главный инженеръ полагаетъ, что добьется еще болѣе быстрого хода.

Наша команда не оставляетъ желать ничего лучшаго; въ

особенности хороша команда изъ моряковъ; все это народъ молодой, привычный къ работѣ и къ дисциплинѣ и полный мужества и силъ. Любо смотрѣть на ихъ работу, когда они тянутъ канатъ и поютъ пѣсни о мрачной соленой глубинѣ бурнаго океана. Эти пѣсни можно раздѣлить на двѣ категоріи: на пѣсни во время работы и во время того, какъ они тянутъ канатъ. Первыя поются быстрымъ темпомъ, а вторыя монотоннымъ и заунывнымъ напѣвомъ, гдѣ хоръ постоянно вторитъ напѣвъ: „Натягивай, ребята, натягивай крѣпче“.

Нѣкоторые люди изъ этой команды отличаются такою силою, что ихъ не удержать на уздѣ. Эти смѣльчаки всегда съ какимъ-то презрѣніемъ относились къ веревочнымъ лѣстницамъ и на любую снасть охотно влѣзали на однѣхъ рукахъ. Какъ-то вечеромъ, когда убирали паруса, по случаю налетѣвшаго шквала, одному матросу пришлось отправиться съ вершины брамъ-стенги на нижнюю рею; вмѣсто того, чтобы спуститься по веревочной лѣстницѣ, онъ спустился прямо по снасти и, окончивъ работу, не пошелъ по настоящей дорогѣ, а взобрался наверхъ опять на рукахъ. Такъ какъ была сильная качка, то его выбрасывало далеко за бортъ надъ свирѣпыми волнами, но онъ, казалось нисколько и не думалъ о томъ, что ему угрожала такая опасность. Но вахтенный офицеръ выбранилъ этого смѣльчака за такую неосторожность; но подобные люди, какъ эти удальцы, предпринимаютъ такія смѣлыя выходки не изъ хвастовства, а потому, что вполне надѣются на свои силы и ловкость. Дѣйствительно, трудно было-бы набрать экипажъ, который былъ-бы лучше и мужественнѣе нашего; эти молодые люди обладали всѣми необходимыми качествами для борьбы съ ледяными глыбами и бурями полярныхъ морей. Многіе изъ людей команды уже успѣли побывать въ Ледовитомъ океанѣ и были хорошо знакомы со всѣми трудностями, какія представляютъ подобныя путешествія.

Прежде чѣмъ мы вышли изъ Санъ-Франциско, кто-то сдѣлалъ такого рода замѣчаніе, что на „Роджерсъ“ слишкомъ много молодыхъ людей, неопытныхъ и непривыкшихъ къ

тѣмъ сюрпризамъ, которые часто подносятъ мореплавателямъ открытое море. На это можно было отвѣтить, что такіе молодые люди, которые съ такимъ успѣхомъ кончили курсъ въ морской академіи Соединенныхъ Штатовъ, конечно, легко освоятся и съ практикой. Всѣ ожидали полного успѣха отъ такихъ людей экипажа и отъ такихъ офицеровъ, какъ наши. Намъ сдѣлали самые сочувственные проводы 19-го іюня; когда мы выходили изъ Санъ-Франциско, то насъ провожали многіе мужчины и дамы на особомъ пароходѣ. Когда мы проходили мимо фортвъ, то навстрѣчу намъ выѣхалъ большой военный пароходъ, на которомъ былъ хоръ военной музыки; онъ сопровождалъ насъ нѣсколько времени по заливу, а музыканты исполнили нѣсколько пьесъ. Многія парусныя суда санъ - францискаго паруснаго клуба также сопровождали насъ. Всѣ пили за наше здоровье и желали намъ полного благополучія. Дамы махали платками, мужчины шляпами; такіе сердечные проводы тронули всѣхъ офицеровъ и всѣхъ матросовъ „Роджерса“ и наполнили ихъ сердца благородною гордостью. Всякій вполне сознавалъ, что наша экспедиція будетъ не безопасною, но что цѣль ея въ высшей степени благородна и гуманна; мы шли помочь несчастнымъ и надѣялись вывести ихъ изъ ихъ ужаснаго положенія.

Наконецъ, наступило время, когда всѣ гости, бывшіе на „Роджерсѣ“, должны были вернуться домой, потому что море начало уже бурлить и потомъ уже было-бы неудобно пересѣсть съ „Роджерса“ на другое судно. Паровая шкуна „Генераль Ирвинъ“ стала очень близко къ нашему судну, такъ что провожавшіе насъ гости легко могли пересѣсть на нее. Всѣ пересѣвшіе на шкуну, собрались въ носовой части, чтобы еще разъ проститься съ нами и пожелать намъ счастливаго и благополучнаго пути. Мы обмѣнялись взаимными привѣтствіями, но многіе изъ насъ не могли произнести ни слова, такъ какъ наши сердца были слишкомъ переполнены. Последнее прощаніе дошло до насъ съ сигнальной станціи телеграфнаго холма, гдѣ мы въ туманной дали видѣли звѣзды и полосы, которыя развѣвались съ флагъ-мачты. На этотъ

сигналъ мы отвѣтили; потомъ стали медленно подвигаться впередъ по направленію къ предгорію Гольденъ-Гэта и очутились въ обширномъ необозримомъ океанѣ.

Море сильно волновалось и качало наше судно изъ стороны въ сторону; многіе захворали морскою болѣзною и удалились въ каюты. Маркъ Твэнъ гдѣ-то сказалъ, что человѣкъ всегда становится тщеславенъ въ томъ случаѣ, если окружающіе его люди на палубѣ какого-либо парохода начинаютъ страдать морскою болѣзною, а онъ, этотъ человѣкъ, чувствуетъ себя совершенно здоровымъ, потому что его желудокъ ведетъ себя вполне прилично; тоже самое могу сказать про себя и я, потому что, въ то время, какъ мои товарищи одинъ послѣ другого уходили съ палубы, чувствуя приступы морской болѣзни, я одинъ былъ совершенно бодръ и здоровъ; однако, море бурлило все болѣе и болѣе, вѣтеръ усиливался и я не зналъ на долго-ли у меня хватитъ мужества и силы бороться противъ природы и быть можетъ, морская болѣзнь дойдетъ и меня и мнѣ также придется покориться общей судьбѣ морскихъ путешественниковъ; но я, конечно, утѣшалъ себя надеждою, что не всѣ-же страдаютъ этою болѣзною и быть можетъ, я принадлежу къ числу тѣхъ счастливецъ, которымъ не вредятъ ни качки, ни пѣнящіяся волны, ни сильный порывистый вѣтеръ. Во время этой непогоды я старался всѣми силами помогать моимъ товарищамъ по каютѣ, которые подверглись морской болѣзни; но вотъ мнѣ показался на глаза Доминикъ. Если-бы какому-нибудь художнику вздумалось изобразить раскаяніе, то онъ, конечно, взялъ-бы за модель Доминика. Лицо несчастнаго негра выражало, дѣйствительно, полное раскаяніе въ томъ, что онъ рѣшился намъ сопутствовать.

— Какъ называется эта рѣка?—спросилъ онъ, послѣ того, какъ уже въ теченіе трехъ дней, мы совершенно потеряли изъ виду берегъ.

— Это океанъ, Доминикъ.

— Вотъ какъ; а гдѣ-же земля?

— Еще много дней пройдетъ, прежде чѣмъ мы достигнемъ твердой земли, старина.

На это не послѣдовало никакого отвѣта, а только старый Доминикъ запрятался гдѣ-то въ носовой части и нѣсколько дней никому не показывался. Во время одной изъ бурь, когда наше судно такъ и качало изъ стороны въ сторону, а волны обливали его со всѣхъ сторонъ, одинъ изъ офицеровъ спросилъ у какого-то матроса, не видѣлъ-ли онъ Доминика и не знаетъ-ли, что случилось со старикомъ.

— Полагаю, что онъ утонулъ, ваше благородіе,—отвѣчала матросъ. — Рано утромъ, я видѣлъ, какъ съ носовой части выкинуло какой-то ящикъ, Доминикъ плылъ за нимъ и имѣлъ такой видъ, точно онъ уже умеръ или долженъ тотчасъ умереть.

Но мало по малу, море успокоилось, погода прояснилась и больные стали на ноги, а Доминикъ, котораго считали утонувшимъ, снова принялся за дѣло. Правда, бѣдный старикъ сначала былъ крайне смущенъ, когда нѣсколько офицеровъ давали ему одновременно нѣсколько приказаній. Между офицерами былъ одинъ молодой человекъ изъ Южной Каролины, онъ былъ веселаго нрава и постоянно шутилъ надъ Доминикомъ, приказывая всегда скорѣе являться, лишь только онъ позоветъ его, но бѣдный старикъ, вѣроятно и въ молодости былъ тяжелъ на подъемъ, а подъ старость и тѣмъ болѣе. Стонэй, такъ звали молодого человека изъ Южной Каролины, постоянно муштровалъ Доминика и тотъ извинялся, что несовсѣмъ здоровъ, что море имѣетъ на него такое дурное вліяніе.

— Вотъ какъ, — замѣтилъ Стонэй, — мнѣ кажется, что съ тѣхъ поръ, какъ я васъ знаю, вы постоянно находитесь при послѣднемъ издыханіи.

Услыша эти слова Доминикъ скорчилъ такую жалобную фізіономію, что мнѣ показалось, будто онъ готовъ былъ отказать отъ своего мѣсячнаго жаловаья, лишь бы только никогда не видать этой рѣки, какъ онъ называлъ океанъ.

Но молодой каролинецъ привязался къ нашему чернокожему буфетчику; вѣроятно, послѣдній напоминалъ ему его

родину; но и Доминикъ также чувствовалъ большую симпатію къ этому молодому человѣку.

— Слушай, Доминикъ,—сказалъ, однажды, молодой человѣкъ негру, — когда мы вернемся на родину, ты долженъ остаться у меня и жить въ моемъ домѣ; ты ничего не будешь дѣлать, какъ только нянчить моихъ дѣтей. Ты станешь рассказывать имъ небылицы о нашемъ путешествіи.

— А развѣ у васъ уже есть дѣти, ваше благородіе? На видъ, вы кажетесь еще слишкомъ молодымъ для этого? — спросилъ Доминикъ.

— До сихъ поръ еще у меня не было дѣтей, но если при моемъ возвращеніи наши дамы будутъ такъ-же со мною любезны, какъ при моемъ отъѣздѣ, то я выберу себѣ одну изъ нихъ въ жены, а за дѣтьми уже дѣло не станетъ.

На „Роджерсъ“ былъ установленъ такой же строгій порядокъ относительно распредѣленія дня и относительно службы, какъ и на военныхъ судахъ; экипажъ всегда былъ въ веселомъ расположеніи духа и исполнялъ безпрекословно всѣ приказанія въ особенности ввиду опасностей. Офицеры, свободные отъ службы, проводили вечера въ каютъ-компаніи, занимались игрою въ карты, въ шахматы въ триктракъ, или же проводили время за чтеніемъ научныхъ и беллетристическихъ произведеній. Въ хорошую погоду занимались на ютѣ гимнастическими упражненіями, фехтованіемъ и тому подобными развлеченіями. Иные вступали даже и въ кулачный бой. По всему баку, подъ сѣнью брамсея, разгуливала на свободѣ пара черныхъ свиней, которыхъ мы прозвали Миккель - Анджело и Рафаэль; казалось эти животныя вполнѣ наслаждались жизнью. Грустно было подумать, что они должны погибнуть преждевременною смертію, чтобы снабдить насъ пищею въ день праздника освобожденія. Хотя наше судно и достаточно снабжено провіантомъ, но нашъ аппетитъ былъ слишкомъ великъ—вѣроятно, отъ свѣжаго морского воздуха—такъ что ничто не могло ускользнуть отъ нашего желудка. Если только нашъ „Роджерсъ“ не погибнетъ, то мы долго еще можемъ просуществовать, такъ какъ съѣстныхъ припасовъ

вполнѣ достаточно. Кромѣ строго распредѣленныхъ военныхъ раціоновъ на два съ половиною года, у насъ есть еще много превосходныхъ припасовъ рассчитанныхъ на два года; эти припасы куплены на деньги, выданныя конгрессомъ. Словомъ, наше судно обезпечено провизіею на четыре года, а если соблюдать нѣкоторую экономію, то можемъ просуществовать и пять лѣтъ. Но по истинѣ сказать, мы всѣ здѣсь на „Роджерсѣ“ крайне избалованные люди, которыхъ не удивятъ разныя деликатессы нью-іоркскихъ ресторановъ; куда теперь дѣвался тотъ дурной аппетитъ, который необходимо было возбуждать чѣмъ нибудь особеннымъ передъ завтракомъ и обѣдомъ; но какъ-бы то ни было провизіи намъ хватитъ на нѣсколько лѣтъ. Быть, можетъ всего этого очень много для насъ самихъ, но если намъ придется снабжать провизіею „Жанетту“ и китолововъ, то, пожалуй, этого окажется и мало. Можетъ случиться и то, что мы ничего и не найдемъ, но такъ какъ эта экспедиція составляетъ главную цѣль нашихъ поисковъ, то весьма понятно, что мы должны рассчитывать на эту случайность. Всѣ запасенные нами съѣстные припасы отличаются превосходными качествами; исключеніемъ изъ этого составляютъ мясные консервы, которые пришлось покупать на скорую руку для замѣны захваченныхъ изъ Нью-Йорка консервъ торговаго дома Бревуртъ Гоуза; эти продукты испортились въ пути по желѣзной дорогѣ. Потеря этихъ продуктовъ была для насъ крайне непріятна, тѣмъ болѣе, что ихъ хорошія качества были признаны всѣми и повсюду. Члены морского управленія въ Вашингтонѣ, которымъ были посланы образцы, высказались за ихъ покупку, подвергнувъ ихъ предварительно тщательному изслѣдованію въ средѣ своихъ семействъ. Глава торговаго дома пользуется всемірною извѣстностью, но каково было-бы наше положеніе, если-бы намъ пришлось пользоваться его супами и мясными блюдами среди Ледовитаго океана; но мы замѣтили порчу провизіи раньше, чѣмъ начали ее нагружать на „Роджерса“ и могли ихъ замѣнить другими консервами, несмотря на то, что послѣдніе не пользуются всемірною славою. Уже теперь оказалось, что

многія изъ жестянокъ, которыя были куплены въ Калифорніи, нѣсколько попорчены, но мы надѣемся, что большая часть изъ нихъ сослужить намъ службу, когда представится въ этомъ надобность.

Въ послѣдній четвергъ утромъ, мы обмѣнялись привѣтствіями съ англійскимъ бригомъ, который, вѣроятно, шелъ въ Санъ-Франциско. Но обмѣняться визитами мы не могли, потому что погода стояла туманная и бурливая. Трудно было подойти одному судну къ другому, такъ какъ ихъ качало въ разныя стороны отъ сильнаго вѣтра.

Въ воскресенье 26-го вѣтеръ опять былъ очень свѣжъ и до такой степни силенъ, что переходилъ даже въ штормы. Волны высоко поднимались и даже заливали палубу; но несмотря на это мы шли на парусахъ, пока подвѣтренный парусъ не черпнулъ воды: мы дѣлали по девяти узловъ, что, при подобныхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, можно считать вполне хорошимъ ходомъ

Глава II.

Въ Камчаткѣ.

Петропавловскъ въ Камчаткѣ,
23-го іюля 1881 г.

19-го, послѣ полудня, „Роджерсъ“, окруженный густымъ туманомъ, который представляетъ въ здѣшнихъ мѣстахъ обычное явленіе, вошелъ въ Петропавловскую гавань. Уже вечеромъ, наканунѣ мы находились всего лишь въ 60 морскихъ миляхъ отъ берега, но погода была очень пасмурна, и лейтенантъ Берри нашелъ болѣе благоразумнымъ остановиться до разсвѣта на якорѣ, такъ какъ плаваніе у этихъ береговъ, при неблагоприятной погодѣ, можетъ быть очень непріятно. Вскорѣ послѣ трехъ часовъ утра якорь подняли и мы тихо стали по-

двигаться къ берегу. Какъ и всегда въ трудныхъ и опасныхъ случаяхъ, капитанъ все время стоялъ на бакѣ для того, чтобы лично наблюдать за движеніями судна и руководить имъ. Около половины восьмого съ берега понесло запахомъ мха и травы, хотя до него все еще оставалось около 40 миль и онъ окутанъ былъ туманомъ. Наконецъ, почти въ половинѣ девятаго, могли мы увидеть землю и, опредѣливъ высоты нѣкоторыхъ выдающихся частей материка, опредѣлили свое положеніе, почти на 20 миль южнѣ Авачинской губы. Тогда мы развели пары и шли подъ парами вдоль берега, причемъ по временамъ, могли видѣть очертанія материка, пока наконецъ, подъ вечеръ, показался небольшой маякъ, стоящій на вершинѣ одного изъ береговыхъ утесовъ. Отсюда уже входъ въ безопасную Петропавловскую гавань не представлялъ болѣе никакихъ трудностей, такъ какъ разставленные бакены можно было видѣть превосходно. Когда мы приближались къ городу, то, при помощи нашихъ подзорныхъ трубъ, увидали, что раньше насъ вошли въ гавань два большіе парохода, а затѣмъ вскорѣ подошла къ намъ маленькая лодка, которая привезла стараго офицера съ принадлежащаго Аляскинскому обществу парохода „Александръ“, г. Грина. Подъ руководствомъ этого господина мы тотчасъ-же выбрали себѣ удобную якорную стоянку за длиннымъ, песчанымъ мысомъ, въ полумилѣ отъ города. Гринъ сообщилъ намъ, что насъ уже ожидаютъ, а другое судно, стоящее въ гавани, русскій паровой корветъ „Стрѣлокъ“, подъ командою капитана Деливрона бросилъ якорь сегодня утромъ. „Александръ“ пришелъ наканунѣ съ острова Беринга и занять въ настоящее время разгрузкою своихъ товаровъ; затѣмъ, онъ будетъ продолжать свой путь и отправится на Командорскіе острова для ловли тюленей.

Командиръ русскаго военнаго судна прислалъ къ намъ тоже одного изъ своихъ офицеровъ, чтобы привѣтствовать насъ и предупредить о своемъ посѣщеніи. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ приказалъ передать намъ, что съ радостью сдѣлаетъ все, отъ него зависящее для того, чтобы помочь намъ въ нашихъ предпріятіяхъ. Тотчасъ послѣ этого, прибылъ на другой лодкѣ

капитанъ Сэндманъ съ „Александра“, котораго сопровождали капитанъ Гентеръ и г. Мулановскій, оба мѣстные жители: они предложили намъ свои услуги. Капитанъ Сэндманъ и Гентеръ, хотя лично и незнакомые намъ, все-же были извѣстны большинству изъ насъ, благодаря описанію путешествія Кеннана и Беша, чиновниковъ русско-американскаго телеграфнаго общества, столкнувшихся здѣсь съ ними. Капитанъ Сэндманъ командовалъ бригомъ „Ольга“, который перевезъ изъ Санъ-Франциско американскій отдѣлъ, а капитанъ Гентеръ, бывшій уже и тогда постояннымъ жителемъ Петропавловска, оказалъ имъ весьма важныя услуги, какъ дѣломъ, такъ и совѣтомъ, благодаря той опытности, которую онъ успѣлъ пріобрѣсти вслѣдствіе своего долгаго пребыванія въ странѣ. Послѣ краткаго, но радостнаго свиданія, наши гости покинули насъ, съ обѣщаніемъ позаботиться о недостающихъ для нашего полнаго снаряженія въ полярную экспедицію предметахъ, которые можно было пріобрѣсти на мѣстѣ; наше посѣщеніе этого отрѣзаннаго отъ всего остальнаго міра, города, куда только одинъ разъ въ годъ приходитъ правильная почта, было сдѣлано единственно съ цѣлью пріобрѣсти здѣсь нѣкоторыя необходимыя для насъ вещи.

На слѣдующее утро, лейтенантъ Берри и я, въ сопровожденіи нашего новаго друга, капитана Гентера, въ качествѣ переводчика, отдали визитъ командиру „Стрѣлка“, капитану Деливрону. Отъ него мы узнали, что ему поручено его правительствомъ оказать намъ всякую возможную помощь и что въ теченіе лѣта онъ долженъ крейсировать въ Беринговомъ морѣ и въ Ледовитомъ океанѣ и, такимъ образомъ, способствовать нашимъ поискамъ за „Жаннеттою“.

На слѣдующій день, офицеры „Стрѣлка“ пригласили своихъ товарищей съ „Роджерса“ на парадный завтракъ, а затѣмъ, въ продолженіи всего нашего пребыванія здѣсь, они оказывали намъ всегда неизмѣнное, дружественное гостепріимство. „Стрѣлокъ“ представляетъ собою паровое судно, почти въ 1,400 тоннъ; на немъ 20 офицеровъ и 150 человѣкъ команды и батарея тяжелыхъ, заряжающихся съ казенной части

орудій; подъ полными парами, онъ въ состояніи сдѣлать до 12 узловъ. Капитанъ Деливронъ ожидаетъ теперь здѣсь прибытія русскаго адмирала, командующаго тихо-океанскою эскадрою, который черезъ недѣлю пріѣдетъ сюда съ тремя другими военными судами императорскаго русскаго флота. Это посѣщеніе навѣки запечатлѣется въ памяти жителей этого мирнаго и лишеннаго всякаго значенія порта. Сегодня утромъ, пришла „Камчатка“, паровое судно въ 1,400 тоннъ, принадлежащее одному изъ здѣшнихъ русскихъ негоціантовъ, г. А. Э. Филиппеусу; отсюда оно отправляется въ торговый объѣздъ, сначала къ устьямъ рѣкъ Камчатки, а затѣмъ по различнымъ портамъ Охотскаго моря. Капитанъ Гентеръ, дѣйствующій здѣсь въ качествѣ агента и представителя владѣльца, приметъ участіе въ этомъ плаваніи.

Гг. Гентеръ и Мулановскій, а также и исправникъ г. Серебренниковъ помогли намъ добыть отъ мѣстныхъ жителей 47 превосходныхъ упряжныхъ собакъ; къ сожалѣнію, однако, невозможно было получить вмѣстѣ съ тѣмъ и необходимый запахъ вяленой лосося для ихъ корма; для покупки сушеной рыбы время еще не настало, хотя и теперь уже ловится громадное количество свѣжихъ лососей.

Большой запасъ одежды изъ оленьихъ шкуръ, закупленный нами тоже здѣсь, будетъ для насъ неоцѣненнымъ сокровищемъ при арктическихъ переѣздахъ на саняхъ; эти одежды, какъ по работѣ, такъ и по своему покрою, гораздо лучше эскимосскихъ.

Собаки содержатся здѣсь гораздо лучше, нежели у эскимосовъ и выѣзжены гораздо заботливѣе въ гоньбу. Вмѣсто кнута, погоняютъ ихъ одобрительными возгласами и въ то время, какъ эскимось припрягаетъ каждое животное посредствомъ особой постромки, здѣсь онѣ запрягаются попарно къ длинной бичевкѣ, впереди которой привязана головная собака, которая слушается голоса возницы и, сообразно съ приказаніями послѣдняго, поворачиваетъ направо и налево. Сибирскія собаки выѣзжаются преимущественно для большей быстроты; если только имъ въ достаточной мѣрѣ и притомъ

76502
20592

правильно выдаютъ пищу и воду, то онѣ, безъ особенныхъ усилій, пробѣгаютъ ежедневно отъ 120 до 150 верстъ послѣдовательно, впродолженіи четырехъ или пяти дней. Что касается, однако, до перевозки тяжестей, по неровному льду, или по неровной-же мѣстности, то, повидимому, эскимосскія собаки лучше приучены къ этому, нежели здѣшнія. По гладкой мѣстности онѣ везутъ всякій грузъ съ величайшею скоростью, но едва лишь мѣстность становится неровною, какъ онѣ останавливаются. Нѣтъ сомнѣнія, что главная причина этого обстоятельства заключается въ ихъ выѣздкѣ и воспитаніи; когда возница намѣренъ остановиться, то втыкаетъ, чтобы сдѣлать свое желаніе еще болѣе понятнымъ животнымъ, свою крѣпкую палку прямо передъ санями въ снѣгъ; собаки, чувствуя препятствіе, останавливаются и тотчасъ-же ложатся на землю. Мы надѣемся, однако, что въ теченіе этой осени и зимы найдемъ возможность приучить нашихъ собакъ къ трудной работѣ, предстоящей имъ весною. Здѣшнія собаки принадлежатъ, очевидно, къ одной породѣ съ эскимосскими, съ которыми имѣютъ большое сходство по росту, окраскѣ и сложенію. Способъ побужденія ихъ во время ѣзды на обоихъ материкахъ одинаково громогласенъ и шумливъ, но произносимыя при этомъ слова различны. Когда камчадалъ, хочетъ, чтобы собака повернула направо, то кричитъ: „кахъ! кахъ!“ или „сундахъ!“ поворотъ налево опредѣляется крикомъ „хаучъ!“ или „хо-джи, хо-джи!“ что очень напоминаетъ хрюканье свиней. Знакъ къ отъѣзду подается или свистомъ, или крикомъ: „хе, хе!“ а останавливаются собаки по краткому и рѣзкому крику: „нахъ, н-а-хъ!“

Значительно различается также отъ эскимосской и самая конструкція камчадалскихъ саней; первыя значительно тяжелѣе послѣднихъ и предназначены скорѣе къ перевозкѣ тяжестей, нежели къ быстрой ѣздѣ.

Сани жителей Петропавловска соединяютъ въ себѣ величайшую легкость съ замѣчательною крѣпостью и выносливостью; въ особенности этими качествами обладаютъ одномѣстные сани, на которыхъ приходится ѣхать задомъ и которыя

очень напоминаютъ американскій экипажъ, извѣстный подъ именемъ „селки“, употребляемый на нашихъ цивилизованныхъ бѣгахъ. Эти маленькіе экипажи имѣютъ широкіе, но тонкіе полозья, которые спереди согнуты вверхъ и несутъ на себѣ устои, держащіе раковинообразную корзину; отдѣльныя части связаны другъ съ другомъ ремнями изъ кожи морской собаки и медвѣдя. Съ упряжкой въ 6 собакъ можно, при хорошей дорогѣ, легко сдѣлать въ этомъ экипажѣ отъ 12 до 15 верстъ въ часъ; наибольшее количество груза для упряжки въ 9 сильныхъ собакъ считается здѣсь 15 пудовъ; точно такое-же число эскимосскихъ собакъ было-бы въ состояніи дѣлать въ теченіе цѣлыхъ недѣль и даже мѣсяцевъ по 25 и 30 верстъ въ сутки, таща грузъ въ 45—50 пудовъ вѣсомъ.

Мы не могли достать въ Иетропавловскѣ оленины, но зато взяли шесть головъ скота, которыя вмѣстѣ съ нашимъ грузомъ строевого лѣса и топлива и съ 47 собаками, дѣлаютъ свободное пространство на бакѣ не особенно просторнымъ. Кому приходится теперь переходить съ одного конца судна на другой, тотъ долженъ быть достаточно ловокъ и изворотливъ. Сегодня вотъ уже второй вечеръ, какъ мы приняли на палубу нашихъ собакъ, и ни на минуту еще не прекращался ихъ протяжный вой, который заставитъ насъ вѣчно помнить эти ночи. Завтра, рано утромъ, мы намѣреваемся отправиться въ св. Михайль на Аляскѣ, чтобы захватить оттуда 200 тоннъ угля, которыя привезъ для насъ „Павель“, паровое судно Аляскинскаго Общества. Но куда мы дѣнемъ этотъ уголь—еще вопросъ, о которомъ придется подумать даже и самому опытному грузовщику и укладчику, который когда-либо существовалъ на свѣтѣ. Около 100 тоннъ могутъ остаться въ трюмѣ до новаго наполненія угольныхъ ямъ, а остальное количество надо помѣстить на палубѣ—но гдѣ именно? Коровы стоятъ у фокъ-мачты, а собаки, дрова и бревна занимаютъ все пространство между фокъ-мачтою и шканцами, тогда какъ весь такелажъ увѣшанъ лососями, которые сушатся для корма собакъ. Счастье еще, что намъ нечего опасаться въ Берин-

говомъ морѣ и въ Ледовитомъ океанѣ особенно бурной погоды и что путешествіе наше не будетъ слишкомъ продолжительно. Мы расположимся на зимовку на Врангелевой землѣ, или-же на сосѣднемъ сибирскомъ берегу. Такая погода, какая насъ преслѣдовала во время перехода изъ Санъ-Франциска, произвела бы самое печальное опустошеніе среди нашего палубнаго груза.

4-го іюля *) день былъ бурный; судно сильно качало и бросало изъ стороны въ сторону; тѣмъ не менѣе, наши юные офицеры-патріоты отнюдь не смутились и находились все время въ самомъ торжественномъ расположеніи духа. Заклатъ упитаннаго тельца мы не могли, такъ какъ такового не имѣли; но его съ успѣхомъ замѣнила упитанная свинья Микель-Анджело, которая доставила всему корабельному обществу въ высшей степени желанное праздничное блюдо изъ свѣжаго мяса. Если-бы доброе животное знало, какъ мы его всѣ оцѣнили послѣ его смерти, то оно навѣрно утѣшилось бы сознаніемъ, что умерло не даромъ. Одинъ изъ офицеровъ досталъ откуда-то ящикъ, который былъ поднесенъ ему ко дню 4-го іюля нѣкоторыми изъ знакомыхъ дамъ; для каждаго офицера нашелся здѣсь какой-нибудь маленькій подарокъ или игрушка, и радость, сопровождавшая находку какой-нибудь дѣтской игрушки — трещетки, или волчка, или кнута, была безгранична. Даже самый ящикъ представлялъ собою поводъ къ веселью; помѣщенная на немъ комическая надпись гласила, что и онъ, и его содержимое предназначается для „большой дѣтской“. Самъ Доминикъ, нашъ цвѣтной провіант-мейстеръ, подчинился всеобщему одушевленію въ этотъ день; хотя онъ и былъ едва въ состояніи держаться на ногахъ, но все-же соорудилъ такой обѣдъ, который могъ-бы сдѣлать честь даже и хорошему ресторану, пользующемуся хорошей славой. Послѣ обѣда, докторъ Джонсъ, главный врачъ, держалъ подходящую случаю рѣчь, въ которой прославлялъ мореплаваніе, арктическія изслѣдованія и патріотизмъ.

*) Годовщина основанія республики Сѣворо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ.

Ночью съ 4-го на 5-е, безпрестанно налетали сильные шквалы; одинъ, проходившій съ подвѣтренной стороны судна, былъ бы для насъ, по словамъ вахтеннаго офицера, гибельнымъ, если бы застигъ въ морѣ. Онъ рассказывалъ, какъ видѣлъ приближеніе шквала, который глубоко бороздилъ море и распространялъ какой-то сѣроватый, холодный свѣтъ, придававшій всему окружающему блѣдный, мертвенный видъ, что на сценѣ достигается посредствомъ такъ-называемаго зеленого стекла, когда нужно изобразить въ трагедіяхъ и другихъ трогательныхъ пьесахъ смерть. Офицеръ прибавилъ, что ни разу, во всю свою жизнь, онъ не казался себѣ такимъ маленькимъ и ничтожнымъ, какъ въ тотъ моментъ, когда ужасный порывъ вѣтра пролеталъ мимо; онъ зналъ только, что рѣшительно не въ состояніи ничего предпринять, если шквалъ налетитъ на судно. Этого, однако, къ счастью, не случилось, и мы сегодня цѣлы и невредимы и можемъ о томъ рассказывать.

9-го іюля, мы увидали высокія горы Уналакши; на слѣдующій день прошли на разстояніи около 50 миль Умнакъ и видѣли вершину его, покрытаго снѣгомъ, вулкана, въ 5000 ф. высоты, который прорѣзалъ облака и былъ озаренъ лучами заходящаго солнца. Зрѣлище было блестящее. Гора, съ ея низковисящимъ облачнымъ вѣнцомъ, была совершенно похожа на Фузи-Яму, священную гору въ Японіи, извѣстную всему міру по безчисленнымъ ея изображеніямъ на японскихъ товарахъ. Въ недалекомъ разстояніи отъ нея видно было, какъ изъ одного вулкана, дѣйствующаго еще до сихъ поръ, среди остальныхъ трехъ ему подобныхъ, поднимался густой дымъ. На слѣдующій день, 11-го іюля, прошли мы черезъ такъ-называемый „172-й проходъ“, находящійся между островами Амугхта и Сегуамъ въ Беринговомъ морѣ, гдѣ скоро нашли совершенно гладкое море. Послѣ нашего бурнаго перехода мы были рады плыть по такой спокойной глади и не особенно смущались туманомъ, который окружалъ насъ все время. Съ той поры, какъ мы покинули Санъ-Франциско, мы имѣли всего пять дней хорошей погоды.

Въ четвергъ, 14-го іюля, мы пересѣкли 180 меридіанъ и очутились, такимъ образомъ, въ другомъ полушаріи. Здѣсь, именно, и находится то мѣсто, гдѣ мореплаватель приобрѣ-

таетъ одинъ день, когда ѣдетъ на западъ, и теряетъ столько же, когда направляется на востокъ. Такъ какъ мы намѣревались черезъ нѣсколько дней вернуться и снова пересѣчь этотъ меридіанъ, то намъ приходилось два раза измѣнять нашъ календарь. Лейтенантъ Берри былъ, однако, того мнѣнія, что мы прекраснѣйшимъ образомъ можемъ оставаться при старомъ своемъ счетѣ; единственная замѣтная для насъ разница состояла въ томъ, что, когда мы прибыли въ нашу субботу въ Петропавловскъ, то увидали, что тамошніе благочестивые люди справляютъ воскресное богослуженіе. И все-таки, хотя бы мы, переходя черезъ 180 меридіанъ, прибавляли и убавляли по дню, въ случаѣ зимовки на Врангелевой землѣ, мы бы не выпутались изъ затрудненія, такъ какъ 180 меридіанъ какъ разъ пересѣкаетъ этотъ островъ, мы то и дѣло пересѣкали бы его и спутались бы сами, да и въ записныхъ своихъ книжкахъ надѣлали бы страшную путаницу.

Я вовсе не жалѣю, что прерываю на этомъ свое письмо, такъ какъ въ то время, когда я пишу его въ большой каютѣ „Роджерса“, я испытываю невыразимыя мученія отъ нападеній москитовъ, этихъ истинныхъ бичей полярныхъ странъ. Трудно повѣрить, что здѣсь можно ихъ встрѣтить, но они тутъ-то и есть, и притомъ въ такомъ безчисленномъ количествѣ, что для жителей этихъ странъ жизнь положительно становится тяжелымъ бременемъ.

Глава III.

Петропавловскъ.

На «Роджерсѣ», Берингово море,
28-го іюля 1881 г.

Если бы союзники—враги Россіи, во время Крымской войны, не сочли за необходимое попробовать овладѣть этимъ городомъ и тѣмъ самымъ не придали ему нѣкотораго значенія, котораго, въ противномъ случаѣ, онъ никогда бы не добился, то никому бы и на умъ не пришло, что Петропавловскъ можетъ значить что-нибудь въ мірѣ. Но, когда въ августѣ

1854 года, союзная англо-французская эскадра, состоявшая изъ шести фрегатовъ, появилась передъ городомъ и высадила на берегъ отрядъ войскъ, то городъ оказался укрѣпленнымъ и защищаемымъ горстью отважныхъ русскихъ солдатъ и казаковъ, которымъ, при помощи топографическихъ преимуществъ, а также грубыхъ ошибокъ противника, удалось нанести чувствительное пораженіе союзникамъ, потерявшимъ почти всѣхъ офицеровъ и около 120 рядовыхъ. У подножья возвышенности, недалеко отъ плотины, у которой происходило сраженіе, расположено небольшое въ 20 кв. футовъ кладбище, гдѣ нашли вѣчное успокоеніе, павшіе съ обѣихъ сторонъ бойцы. Надъ обоими большими курганами висятъ деревянные, покрытые русскими надписями, кресты; приличная, окрашенная въ бѣлую краску, ограда окружаетъ кладбище, которое, будучи расположено у подошвы высокаго и крутого холма и упираясь одною своею стороною въ обросшія травой забвенія развалины стариннаго форта, а другою—въ пороховой магазинъ, представляетъ очень живописное зрѣлище. Городъ расположенъ въ долинѣ, между высокихъ холмовъ, обросшихъ съ подвѣтренной стороны красивымъ лѣсомъ. Дома очень малы, и срублены по большей части изъ плохо-обструганныхъ бревенъ; бѣднѣйшіе изъ нихъ крыты соломой. Многія правительственныя зданія точно также, какъ и товарные склады русскаго Пушнаго Общества и жилища почетнѣйшихъ гражданъ, выстроены изъ досокъ, привезенныхъ издалека, и прекрасно выкрашены. Изъ числа улицъ существуетъ только одна, которая достойна носить это названіе, да и та имѣетъ всего лишь футовъ 30 въ ширину. Дома выстроены безъ всякаго вниманія на направленіе этой, такъ называемой улицы, и возвышаются именно тамъ, гдѣ понадобилось и заблагоразсудилось ихъ владѣльцу. Въ Петропавловскѣ двѣ церкви: старая и новая. Первая,—полуразвалившійся, но все еще живописный блокгаузъ, съ множествомъ угловъ и выступовъ, съ зеленымъ, странно устроеннымъ куполомъ, напоминаетъ нѣсколько восточную архитектуру. Новая церковь выстроена изъ досокъ, выкрашена въ бѣлую краску и обладаетъ широ-

кою лѣстницею, ведущею къ главному входу; она возвышается среди миниатюрнаго парка, черезъ который пробѣгаетъ веселенькій, маленькій ручеекъ. Берега послѣдняго усѣяны могильными камнями, среди которыхъ мрачная и одинокая поднимается черная желѣзная колонна, поставленная въ честь и память русскаго мореплавателя Витуса Беринга, могила котораго находится въ 250 англ. миляхъ отсюда на томъ островѣ, гдѣ онъ въ 1741 году потерпѣлъ кораблекрушеніе и нашелъ преждевременную смерть. На томъ-же кладбищѣ, по другую сторону церкви, находится памятникъ изъ чернаго мрамора, русская надпись котораго гласить, что онъ воздвигнутъ въ память офицеровъ и экипажа небольшого русскаго купеческаго судна, погибшаго со всѣмъ, что на немъ было, у одного изъ Курильскихъ острововъ. Памятникъ доставленъ сюда изъ Россіи съ цѣлю перевести его на мѣсто кораблекрушенія и водрузить тамъ; но такъ какъ тамъ никто, вѣроятно, никогда бы его не увидѣлъ, то сочли за лучшее поставить его въ такомъ, часто посѣщаемомъ центральномъ пунктѣ общественной жизни, каково кладбище Петропавловска, города съ 400 жителей и съ одной почтой въ годъ.

Построеніемъ и дальнѣйшею поддержкою новой церкви городъ обязанъ русской компаніи пушныхъ товаровъ, которая, по правдѣ сказать, есть тоже Аляскинское Торговое Общество, только подъ другимъ названіемъ; благодаря принятію этого другаго названія, ему удалось выхлопотать себѣ право пользованія тѣми же различными привилегіями охоты за тюленями на Беринговомъ и Мѣдномъ островахъ, находящихся подъ властью Россіи, какими оно успѣло заручиться на Алеутскихъ островахъ отъ правительства Соединенныхъ Штатовъ. Служба отправляется въ новой церкви только лѣтомъ, тогда какъ небольшая и легче отапливаемая старая церковь даетъ убѣжище тѣмъ, которые ощущаютъ потребность въ утѣшеніяхъ вѣры и въ долгое зимнее время, когда старинное зданіе исчезаетъ почти совершенно подъ снѣгомъ и когда войти въ него возможно лишь по длинному проходу, прокопанному въ снѣгу. Богослуженіе совершается священникомъ

и двумя причетниками, которыхъ часто можно встрѣтить на улицѣ съ ихъ длинными спускающимися до пятъ одеждами; высокая черная шляпа покрываетъ ихъ длинные волосы, а волнистая борода украшаетъ ихъ лица. У священника надѣта на шеѣ длинная золотая цѣпь, къ которой привѣшенъ большой золотой наперстный крестъ—подарокъ покойнаго императора. Когда недавно православный епископъ западнаго побережья Соединенныхъ Штатовъ посѣтилъ Петропавловскъ, то, по словамъ капитана Гентера, ему стоило большихъ трудовъ и усилій заставить жителей признать за нимъ его духовный санъ; такъ какъ онъ не носилъ длинныхъ волосъ и бороды и тотчасъ по окончаніи службы снималъ священное облаченіе, то никто не хотѣлъ признать въ немъ дѣйствительное духовное лицо.

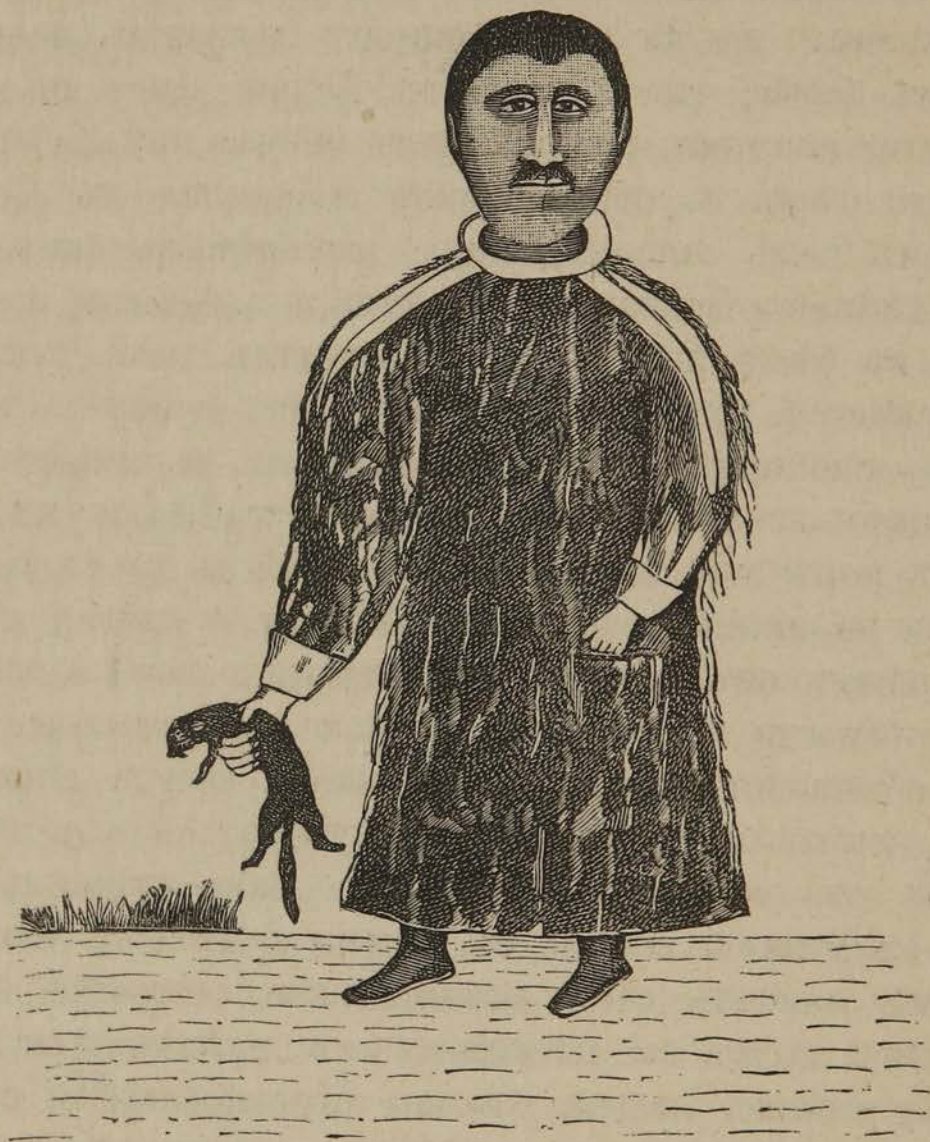
Въ городѣ существуетъ одна только лавка *), но, такъ какъ у жителей (за исключеніемъ военныхъ, духовенства и иноземныхъ кушцовъ) денегъ не водится, то и этой лавки совершенно достаточно. Само собой разумѣется, что мы всѣ смотрѣли на нынѣшняго владѣльца этой лавки съ сожалѣніемъ и никакъ не могли понять, какимъ образомъ ему удастся сводить концы съ концами, но г. Мулановскій, ея теперешній обладатель, уроженецъ польскихъ губерній, говорящій по-французски и по-англійски также бѣгло, какъ на своемъ родномъ языкѣ, представляетъ собою типъ предприимчиваго торговца пушниной: онъ въ теченіе зимнихъ мѣсяцевъ предпринимаетъ частыя и продолжительныя экскурсіи на саняхъ во внутрь страны, при чемъ закупаетъ большіе запасы самыхъ дорогихъ мѣховъ; благодаря долгому опыту въ этомъ отношеніи, онъ сдѣлался въ странѣ авторитетомъ. Всѣ свои товары онъ отправляетъ на лондонскій рынокъ, но никогда не согласится продать чужому человѣку хотя бы одну шкурку.

— Отчего же вы не хотите уступить мнѣ эту шкуру молодой выдры за 100 долларовъ? Сами же вы говорите, что не получите за нее больше и въ Лондонѣ; а если вы прода-

*) Такъ было двадцать пять лѣтъ назадъ, но теперь Петропавловскъ нѣсколько измѣнился.

дите ее тотчасъ, то вамъ не придется ждать вашихъ денегъ,— уговаривалъ его лейтенантъ Берри.

— По той простой причинѣ, что хочу остаться съ вами въ дружескихъ отношеніяхъ, возразилъ Мулановскій, я съ ра-

Ловецъ.

(Съ эскимосекаго рисунка).

достью сдѣлаю для васъ все возможное, все, чѣмъ я могу быть вамъ полезнымъ, и буду считать себя совершенно счастливымъ, что мнѣ удалось принимать васъ у себя; тогда какъ если бы я вздумалъ продать вамъ эту шкуру, то скорнякъ, къ которому вы, конечно, снесете ее для выдѣлки, не замед-

лечь спросить у васъ, гдѣ вы ее купили и что за нее дали; побуждаемый завистью, онъ станетъ, быть можетъ, увѣрять васъ, что шкурка не стоитъ этихъ денегъ, и вы невольно подумаете, что Мулановскій обманулъ васъ... и конецъ нашимъ дружественнымъ отношеніямъ.

Противъ этого, въ основѣ вполнѣ разумнаго и неоспоримаго аргумента, мы не могли ничего возразить и оставили дѣло, тѣмъ болѣе, что лейтенантъ Берри вовсе не особенно желалъ этой покупки, а спрашивалъ скорѣе изъ любопытства.

Прежде, чѣмъ г. Мулановскій поселился въ Петропавловскѣ, онъ велъ жизнь, полную различныхъ приключеній, среди индѣйцевъ Британской Колумбіи и Аляски и не разъ попадалъ въ бѣду, изъ которой выходилъ лишь послѣ многихъ опасностей, прямо вытекавшихъ изъ сожительства и постоянныхъ сношеній съ его строптивыми и непостоянными сотоварищами по жизни; сколько разъ стрѣляли они въ него и до сихъ поръ еще видны на немъ слѣды двухъ ужасныхъ ранъ, одна на нижней части лѣвой руки, а другая на лѣвой ногѣ, которыми онъ обязанъ индѣйцамъ и своей жизни среди нихъ. Рѣшимость и мужество, а также основательное знакомство съ обычаями дикарей и готовность всегда помочь имъ въ бѣдѣ, помогали ему всегда выпутываться изъ опасныхъ положеній, отъ которыхъ теперь онъ явно сторонится, привкнувъ къ мирной жизни съ женою и дѣтьми. Своею торговлею онъ нажилъ себѣ значительное состояніе и теперь чрезвычайно щедръ въ сношеніяхъ съ другими людьми. Безъ содѣйствія такихъ людей, каковы Мулановскій и капитанъ Гентеръ, плохо бы пришлось бѣднымъ жителямъ города, и едва ли могли бы они пробиться въ теченіе долгой голодной зимы, такъ какъ, подобно всѣмъ нецивилизованнымъ народамъ, камчадалы мало заботятся о черномъ днѣ и вовсе почти не дѣлаютъ запасовъ на то время, когда нѣтъ подъ рукою ни дичины, ни рыбы.

На слѣдующій день послѣ нашего прихода отправились мы съ лейтенантомъ Берри и съ капитаномъ Гентеромъ съ визитомъ къ г. Серебрянникову, мѣстному исправнику или

начальнику уѣзда, живущему въ центрѣ города, въ одноэтажномъ, деревянномъ домѣ, выкрашенномъ въ бѣлую краску съ красною крышею и выстроенномъ здѣсь правительствомъ для своего представителя. Для здѣшнихъ мѣстъ домъ этотъ весьма приличенъ. Мы вошли въ прихожую, гдѣ повѣсили свои шляпы и переступили за тѣмъ безъ всякихъ дальнѣйшихъ формальностей въ гостинную, очень уютную комнату, съ натертыми полами и съ приличною, хотя и простою мебелью. Черезъ нѣсколько минутъ, появилась супруга начальника города, любезная маленькая женщина, которая, пожимая наши руки выразила свое удовольствіе видѣть насъ у себя; я вывелъ это заключеніе скорѣе изъ ея улыбки, нежели изъ ея словъ, изъ которыхъ не понялъ ни одного. Она предложила намъ, однако, папирсъ, и сама закурила одну изъ нихъ. Тогда вошелъ въ комнату и ея супругъ въ темнозеленомъ мундирѣ съ оранжевою опушкою, застегнутомъ на всѣ пуговицы, съ золотыми жгутами на плечахъ и съ двумя рядами пуговицъ на груди. Онъ, видимо, хотѣлъ казаться любезнымъ и въ то же время властнымъ и формалистомъ; но разговоръ не былъ оживленъ; онъ разсказалъ намъ, однако, что всего лишь за часъ до нашего прихода произошло въ городѣ землетрясеніе, которое было, впрочемъ, весьма незначительно; на водѣ мы, разумѣется, его не замѣтили. Посидѣвъ немного и, выслушавъ отъ исправника увѣренія въ полной готовности оказать намъ всякое содѣйствіе, мы простились съ нимъ и съ его милой супругой и отправились въ домъ капитана Гентера, куда были приглашены обѣдать. Обѣдъ былъ самый веселый и обильный, со свѣжею говядиною и овощами съ собственнаго огорода нашего хозяина; кромѣ того, намъ подали превосходнаго молока, которому мы оказали большую честь.

Позднѣе, посѣтили мы еще г. Мулановскаго, у котораго, какъ и вездѣ, угощались чаемъ, приготовленнымъ въ знаменитомъ „самоварѣ“. Г. Мулановскій подарилъ мнѣ этотъ волшебный снарядъ, которымъ я и думаю усиленно воспользоваться во время нашей зимовки на Врангелевой землѣ.

Въ качествѣ замѣчательной особенности этого маленькаго

городка слѣдуетъ упомянуть о томъ обстоятельстве, что 400—500 жителей могутъ вести очень покойную жизнь, не смотря на то, что здѣсь нѣтъ ни адвокатовъ, ни окружныхъ судовъ. Старый, давно уже живущій здѣсь купецъ, но знакомый и съ жизнью въ цивилизованныхъ странахъ, рассказывалъ мнѣ, что въ послѣдніе восемнадцать лѣтъ во всемъ краѣ не случилось ни одного преступленія, въ разбирательство котораго пришлось бы вступить высшей администраціи. Кромѣ нѣсколькихъ казаковъ, которые отличаются отъ частныхъ людей красною выпушкою на шапкахъ, никакой полиціи не существуетъ. При высадкѣ на берегъ, гдѣ нѣсколько гнилыхъ досокъ проложены съ берега на потопленную барку, служащую вмѣсто пристани, я замѣтилъ нѣчто въ родѣ ящика, вышиною въ ростъ человѣка, пригороженнаго къ какому-то сараю. Ящикъ былъ запертъ и украшенъ императорскимъ російскимъ гербомъ. Я не могъ понять его назначенія, но черезъ два или три дня, возвращаясь вечеромъ изъ гостей, я былъ пораженъ низкимъ басомъ, который, какъ мнѣ показалось въ темнотѣ, исходилъ изъ нѣдръ земли, но на самомъ дѣлѣ, какъ я узналъ скоро ради своего успокоенія, исходилъ изъ густой, растрепанной бороды казака, который стоялъ въ ящикѣ, или какъ его называли въ будкѣ и, защищалъ, такимъ образомъ, городъ отъ неожиданнаго нападенія и нашествія иноземныхъ флотовъ.

Я только что сказалъ, что возвращался на судно изъ гостей; теперь постараюсь описать этотъ пиръ, который можетъ служить небезъинтереснымъ образцомъ тѣхъ общественныхъ удовольствій, которыми можно пользоваться въ такомъ мѣстѣ, каковъ Петропавловскъ. Есть между здѣшними жителями нѣсколько человѣкъ, которые не родились здѣсь и получили воспитаніе и образованіе въ болѣе интеллигентномъ кругѣ другихъ мѣстностей земного шара. Большинство ихъ привлечено сюда наживою, представляемою пушною торговлею; нѣсколько другихъ, женившихся на туземкахъ или мѣстныхъ русскихъ, тоже совершенно осѣли здѣсь. Къ числу такихъ личностей относятся, кромѣ капитана Гентера и г. Муланов-

скаго, еще капитанъ Люгебиль, агентъ алексинскаго общества и школьный учитель г. Федереръ, преподающій въ маленькой школѣ, выстроенной, учрежденной и поддерживаемой алексинскимъ обществомъ, какъ разъ возлѣ церкви. Капитанъ Сэндманъ съ парохода „Александръ“, съ женою и дѣтьми, случайно тоже былъ въ это время въ городѣ и его острый, но добродушный юморъ составлялъ главную приманку торжества. Гости считаютъ здѣсь долгомъ собираться спозаранку; въ блестящее и особенно оживленное время нашего пребыванія въ городѣ, когда не менѣе четырехъ большихъ паровыхъ судовъ стояли въ гавани, каждый день устраивались вечеринки. Офицеры остальныхъ судовъ были, почти безъ исключенія, все русскіе и потому чувствовали себя совершенно, какъ дома въ томъ самомъ обществѣ, гдѣ я могъ выказывать свое образованіе только смѣхомъ и неустаннымъ принятіемъ въ себя разныхъ яствъ и питій, которыя предлагались любезными хозяевами. Во многихъ изъ такихъ собраній я заслужилъ высочайшее уваженіе со стороны хозяекъ дома только мужественнымъ поглощеніемъ копченыхъ сельдей и маринованной лососины. Ничто не нравится русскому хозяину до такой степени въ гостѣ, какъ обладаніе необычайно хорошимъ желудкомъ и готовностью, во всякое время дня и ночи, потреблять копченую рыбу, рѣдьку, молоко, маринованную лососину, чай, черный хлѣбъ и икру. По большей части, я даже не зналъ, собственно говоря, что именно мнѣ предлагаютъ, но, не смотря на это, я избѣгалъ выдавать свое незнаніе разспросами, или-же, что еще хуже, выказать свое равнодушіе отказомъ. Да и въ самомъ дѣлѣ, почти всѣ кушанья были превосходны, въ особенности для того, кто, подобно мнѣ, только что выдержалъ искусь однообразнаго питанія мясными и овощными консервами на суднѣ. Пріятно было еще, что я почти въ вѣждомъ домѣ находилъ кого-нибудь, говорившаго по-англійски; такимъ образомъ, я могъ объясниться всегда, когда того требовали обстоятельства. Въ пятницу вечеромъ, лейтенантъ Берри и я присутствовали на большомъ приѣмѣ и балу въ домѣ капитана Люгебиля. Капи-

танъ русскій родомъ, но сдѣлался гражданиномъ Соединенныхъ Штатовъ, вслѣдствіе уступки Аляски; онъ долгое время служилъ въ аляскинскомъ обществѣ, да и сюда пріѣхалъ съ цѣлью быть представителемъ интересовъ этого общества. Такъ какъ при его американизациі ему пришло въ голову, что онъ не можетъ быть хорошимъ гражданиномъ, не придерживаясь какой-нибудь политической партіи, то онъ присталъ къ демократамъ и скорбитъ теперь, въ сообществѣ съ капитаномъ Гентеромъ, бывшимъ жителемъ Балтимора, о пораженіи, которое потерпѣлъ генераль Хэнкокъ на послѣднихъ выборахъ. Капитанъ Гентеръ цѣлыхъ 23 года уже не былъ на своей родинѣ; онъ бѣгло говоритъ по-русски, женатъ на русской и имѣетъ цѣлую толпу прелестныхъ дѣтей, изъ которыхъ никто не говоритъ по-англійски. Въ его кабинетѣ такъ-же, какъ и въ домѣ капитана Люгебиля, виситъ фотографія покойнаго президента Андрю Джонсона, который, по всѣмъ вѣроятіямъ, и не думалъ никогда, чтобы даже въ маленькомъ городкѣ Камчатки, у самой границы полярныхъ странъ, нашлись люди, преклоняющіеся предъ его геніемъ. Домъ капитана Люгебиля, выстроенный обществомъ, интересы котораго онъ представляетъ, является самымъ красивымъ и приличнымъ зданіемъ въ городѣ; онъ красивѣе и приличнѣе даже новаго дома исправника, куда этотъ администраторъ переселится лишь слѣдующею весною, когда пріѣдетъ сюда его помощникъ, такъ какъ предположенъ цѣлый рядъ реформъ, выражающихся въ усиленіи личнаго состава администраціи и въ учрежденіи военнаго поста. Эти реформы будутъ крайне благодѣтельны для города, такъ какъ вслѣдствіе ихъ въ обращеніи появится больше денегъ.

Вечеромъ на слѣдующій день, офицеры съ судна „Стрѣлокъ“, съ которыми мы вошли въ самыя дружественныя отношенія, давали балъ въ городѣ; многіе изъ офицеровъ съ „Роджерса“ приняли сдѣланное намъ всѣмъ приглашеніе и участвовали въ веселіи, какого они прежде и не видывали. Нѣсколько молоденькихъ дамъ изъ петропавловскаго общества украсили своимъ присутствіемъ праздникъ, а вмѣстѣ съ

тѣмъ, не было недостатка и въ почтенныхъ, старыхъ русскихъ матронахъ. Къ сожалѣнію, обязанности службы принудили меня остаться дома, и въ половинѣ четвертаго утра я еще занятъ былъ писаньемъ, когда наши счастливцы вернулись съ берега. Не зачѣмъ было и спрашивать, весело-ли провели они время? достаточно было посмотреть на ихъ, смоченные потомъ и висящіе по вискамъ волосы и на измятые воротники, чтобы угадать, что скучать имъ не пришлось.

Мелкій, частый дождь, встрѣтившій насъ при прибытіи въ Петропавловскъ, продолжался и въ теченіе двухъ первыхъ дней нашего пребыванія въ этомъ городѣ, но увѣряютъ, что погода здѣсь далеко не всегда бываетъ такая дождливая. Капитанъ Гентеръ рассказывалъ мнѣ даже, что это былъ первый дождь, вышавшій на ихъ долю въ теченіе цѣлаго мѣсяца, такъ что молились даже въ церкви о ниспосланіи дождя. Оба послѣдніе дня нашего пребыванія были-бы превосходны, если-бы не подавляющая жара и масса москитовъ. Къ великому нашему удовольствію, мы могли восхищаться во всей ихъ могучей прелести вулканами, окружающими бухту; въ промежуткахъ между холмовъ, къ сѣверу отъ города, виднѣлись снѣжныя вершины вулкановъ Корянскаго, Авачинскаго и Козельскаго; изъ которыхъ первый возвышается до 11¹/₂ тысячъ футовъ, второй, почти постоянно находящійся въ дѣятельности до 9,000 фут., тогда какъ третій достигаетъ лишь высоты 5,300 футовъ. Миляхъ въ 30 отъ города поднимается надъ гладью моря сопка Вилючинская; она не только представляетъ собою наиболѣе интересную часть ландшафта, но и считается превосходнымъ барометромъ, такъ что чрезвычайно тщательно наблюдается жителями Петропавловска; когда всѣ ея мельчайшія подробности вырѣзываются ясно на небѣ, то это предвѣщаетъ на слѣдующій день хорошую погоду, тогда какъ появленіе облаковъ, закрывающихъ одну лишь вершину или всю гору цѣликомъ, предвѣщаетъ приближеніе бурной или туманной погоды. Ни одна изъ этихъ окрестныхъ вершинъ не освобождается никогда отъ снѣга, тогда какъ долины между ними, такъ хорошо защищены, что ихъ пло-

доносная почва съ успѣхомъ могла бы быть обрабатываема, но, къ сожалѣнію, мѣстные жители вовсе не обладаютъ наклонностью къ занятіямъ земледѣліемъ; они вполне зависятъ отъ рыбы, которая находится у нихъ въ изобиліи въ бухтѣ. Во время лова можно во всякое время дня и въ какомъ угодно мѣстѣ закинуть сѣть и быть увѣреннымъ, что вытащишь ее полную лососей, трески, корюшки, окуней и сельдей. Въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ здѣсь сушится значительное количество лососей для пропитанія людей и собакъ; такимъ образомъ, заготовленная впрокъ рыба называется „юколою“. Порція юколы для собаки въ работѣ рассчитывается въ полторы рыбы средней величины. Прежде, нежели приступить къ сушкѣ рыбы, ее предварительно чистятъ и солятъ, но позднѣе, ради быстроты заготовки, обходятся уже безъ чистки, и пойманная рыба прямо бросается въ нарочно выкопанныя для этого ямы и пересыпается землею для того, чтобы употреблять ее въ пищу, когда выйдетъ весь запасъ, тщательно приготовленной рыбы. Безъ сомнѣнія, рыба эта очень скоро портится, но голодный камчадалъ такъ-же мало обращаетъ вниманія на отвратительный вкусъ и запахъ потребляемой пищи, какъ и эскимось. Во время нашего пребыванія въ Петропавловскѣ, по всему берегу гавани и бухты, виднѣлись въ живописномъ безпорядкѣ разбросанные навѣсы для сушки рыбы, покрытые соломенными крышами, а кругомъ нихъ толпились мужчины, женщины и дѣти, занятые соленьемъ и развѣшиваніемъ рыбы; много убытка и горя причиняютъ здѣсь людямъ мясныя мухи, кладущія свои яйца въ рыбу, которую и приходится бросать, такъ какъ въ ней кишмя-кишатъ личинки.

Пастбище для коровъ, лошадей и овецъ находится на близъ лежащихъ холмахъ и на улицахъ города, а потому бѣганье собакъ по улицамъ строго запрещено высшимъ начальствомъ, такъ какъ эти животныя могутъ напугать скотину и даже разорвать оторопѣвшую овцу; въ силу этого распоряженія, собакъ здѣсь всегда держатъ на цѣпи и не въ городѣ а около него, и притомъ на такомъ разстояніи, что ихъ не-

прерывный вой не можетъ ночью потревожить сна ихъ хозяевъ.

Въ сосѣднихъ горахъ, зачастую попадаются медвѣди; зимою они появляются даже въ городѣ и нападаютъ на улицахъ на коровъ. Зимняя шкура медвѣдя представляетъ превосходный мѣхъ свѣтло-бураго цвѣта и употребляется, по большей части для покрывшекъ, не имѣя высокой цѣны въ торговлѣ. Нельзя не замѣтить здѣсь объ одномъ чрезвычайно интересномъ явленіи, наблюдаемомъ у собакъ, лошадей и коровъ точно такъ-же, какъ и у всѣхъ дикихъ звѣрей арктическихъ странъ и состоящемъ въ томъ, что зимою подъ шерстью у нихъ вырастаетъ чрезвычайно плотная, пушистая шерстка, которая защищаетъ ихъ отъ климатическихъ невзгодъ.

Съ той поры, какъ мы вступили въ сѣверныя воды, доктора Джонсъ и Костилю постоянно заняты собираніемъ на сушѣ и на водѣ „интересныхъ экземпляровъ“, которые они потомъ съ наслажденіемъ анализируютъ и классифицируютъ. Драга почти постоянно виситъ спущенною съ кормы судна, а нѣсколько попытокъ пустить въ дѣло сѣти въ гавани Петропавловска дали, по словамъ обоихъ ученыхъ, „въ высшей степени драгоцѣнные результаты“; мой необразованный глазъ могъ различить только лишь нѣкоторое количество черноватаго ила, въ которомъ копошилась безчисленная масса самыхъ отвратительныхъ маленькихъ животныхъ. Были пойманы также разныя птицы, погибшія мученическою смертію отъ рукъ обоихъ врачей, которые припрятали шкурки и кости, рассчитывая впослѣдствіи препарировать изъ нихъ чучела и скелеты; многія изъ этихъ птицъ, вѣроятно, очень рѣдки и несомнѣнно прекрасны. Каждый божій день д-ръ Джонсъ, судовой плотникъ Детрасей и г. Белджеръ, первый инженеръ съ „Александра“, хорошо знакомый съ окрестностями, отправлялись на сосѣднія возвышенности, вѣчно въ исканіи чего-нибудь, чтобы можно было убить и обратить въ чучело; часто ихъ старанія увѣнчивались полнымъ успѣхомъ и доставляли „въ высшей степени драгоцѣнные результаты“. Д-ръ Костилю, мой сотоварищъ по каютѣ, взираетъ на всѣхъ рѣшительно

насъкомыхъ, какъ на „энтомологическіе экземпляры“; его обычное положеніе у микроскопа, причемъ онъ, зажмуривъ одинъ глазъ и, устремивъ другой на линзу, отыскиваетъ „органическую жизнь“ въ фосфорисцирующей морской водѣ. Д-ръ Джонсъ собралъ кое-какія свѣдѣнія о санитарной статистикѣ Петропавловска и узналъ при этомъ, что господствующая болѣзнь здѣсь носить золотушный характеръ и происходитъ отъ заразной болѣзни, которую внесъ сюда экипажъ „Лаперуза“ въ концѣ 18 столѣтія. И теперь еще можно наблюдать въ городѣ случаи проказы, которая, по всѣмъ вѣроятіямъ, того же происхожденія. Нѣсколько времени тому назадъ, правительство открыло здѣсь госпиталь, который предназначенъ преимущественно для этихъ именно болѣзней; врачомъ въ этотъ госпиталь присланъ политическій ссыльный. Въ настоящую минуту, однако, госпиталь пусть и врачъ находится въ увеселительной поѣздкѣ въ южной части полуострова. Причина этого лежитъ отнюдь не въ отсутствіи заболѣваній, но лишь въ равнодушіи и небрежности, съ которыми распоряженія правительства исполняются въ такомъ отдаленномъ мѣстѣ.

На второй день, послѣ нашего пріѣзда, лейтенантъ Берри послалъ двухъ людей подъ командою перваго вахтеннаго офицера, г. Путнама, на тотъ берегъ Авачинской бухты съ тѣмъ, чтобы взять изъ селенія, расположеннаго въ 12 миляхъ отъ города, нѣсколько собакъ и запасъ сушеной рыбы, предварительно имъ купленныхъ. Первый инженеръ Зэнъ и докторъ Кастильо присоединились къ экспедиціи, чтобы при сей вѣрной оказіи насладиться удовольствіемъ поѣздки черезъ сѣверные лѣса. Въ качествѣ проводника, отправился съ ними одинъ мѣстный обыватель, которому принадлежала большая часть купленныхъ собакъ и который былъ, кромѣ того, хорошій охотникъ, самый богатый и предприимчивый человекъ въ этой мѣстности. Только что они хотѣли двинуться въ путь, когда посланный отъ г. Мулановскаго передалъ имъ еще сѣтку отъ москитовъ, о которой, само собою разумѣется, никто и не подумалъ при снаряженіи; а между тѣмъ, сѣтка эта была имъ

необходима при проектированномъ ими ночлегѣ; счастье ихъ, что о нихъ позаботился этотъ любезный человѣкъ, такъ какъ безъ сѣтки они жестоко помучились-бы ночью. Даже д-ръ Кастильо потерялъ терпѣніе и загубилъ немилосердно и безпощадно безчисленное количество „интересныхъ экземпляровъ“. Нѣсколько туземцевъ изъ ближайшаго селенія очутились близъ ночлега и оказали чужестранцамъ много услугъ; они носили имъ дрова и воду и въ изобиліи снабдили ихъ свѣжимъ молокомъ. Въ благодарность за это наши раздѣлили весь захваченный съ собою провіантъ съ добродушными камчадалами и заключили съ ними, такимъ образомъ, на вѣки нерушимую дружбу. Привезенныя ими собаки, въ числѣ 21 штуки, повидимому, представляютъ собою прекрасную коллекцію; быть можетъ, это и не лучшія, но во всякомъ случаѣ сильныя, молодыя еще животныя. Всего мы достали 47 взрослыхъ и еще нѣсколько молодыхъ собакъ, которыя, однако, будущей весною тоже будутъ годиться въ упряжь. Среднею цѣною за собаку установлено было 15 рублей, но вечеромъ, передъ отъѣздомъ нашимъ изъ Петропавловска, мы купили еще двухъ особенно замѣчательныхъ животныхъ по 20 рублей за штуку. Лейтенантъ Берри, д-ръ Кастильо и я отправились вмѣстѣ съ человѣкомъ, предложившимъ ихъ намъ, на берегъ для того, чтобы испытать ихъ качество, какъ грузовыхъ животныхъ. Смѣшно было видѣть бѣшеное нетерпѣніе цсовъ, когда вытасили сани и когда они услышали бряцаніе сбруи; они едва могли дожидаться той минуты, когда ихъ запрягутъ. Флечеръ, хозяинъ, правилъ ими совершенно свободно и онѣ чрезвычайно быстро везли его по высокой травѣ и поросли. Послѣ этого онѣ потребоваль, чтобы и лейтенантъ Берри сдѣлалъ имъ испытаніе съ своей стороны, но не успѣлъ онѣ еще усѣсться въ сани, какъ собаки вырвались изъ рукъ Флечера и полетѣли въ бѣшеной скачкѣ по песчаному берегу къ морю. Я ожидалъ, что онѣ не остановятся до тѣхъ поръ, пока не домчатся до города или, быть можетъ, до ближайшей деревни, но чрезъ нѣсколько времени между двумя изъ нихъ произошло нѣкоторое несогласіе во мнѣніяхъ; онѣ вдругъ останови-

лись и Флечеру удалось догнать ихъ и привести обратно. Этотъ Флечеръ престранный человѣкъ и намъ доставляетъ истинное удовольствіе слушать его рассказы. Онъ англичанинъ, родомъ изъ Лондона, гдѣ отецъ его содержалъ нѣкоторое время пивную лавву; но теперь онъ такъ давно уже живетъ въ Камчаткѣ, что можетъ лишь съ трудомъ и съ престраннымъ акцентомъ говорить на своемъ родномъ языкѣ; отецъ его, въ настоящее время, слабый старикъ, тоже живетъ въ Петропавловскѣ.

Замѣчательно, что здѣсь очень мало въ обращеніи денегъ. Обычною ходячею монетою являются рубли и копѣйки. Флечеръ увѣряетъ, что времена теперь настали тяжелыя; онъ почти ничего не наживаетъ, не смотря на усиленный трудъ, тогда какъ прежде ему удавалось нерѣдко наживать до 200 р. въ день. Конечно, все это преувеличено до-нельзя, ради того, вѣроятно, чтобы мы еще болѣе оцѣнили честь знакомства съ нимъ. Теперь, я полагаю, онъ зарабатываетъ 200 р. развѣ въ 10 лѣтъ; свѣжая лососина стоитъ въ настоящее время 2 к., селедка по копѣйкѣ за штуку—само собою разумѣется, что, при такихъ цѣнахъ, на рыбной торговлѣ состоянія не наживешь.

Въ Петропавловскѣ же получили мы 25 „куклэнкасъ“, одеждъ изъ оленьихъ шкуръ, съ надѣвающимися на голову мѣшками, очень похожихъ на эскимосскія „кулитаръ“, но лучше и красивѣе сдѣланныхъ. Онѣ стоятъ отъ 16 до 40 р. за штуку, но зимою будутъ для насъ неоцѣненными сокровищами. Набрали мы также запасъ мѣховыхъ сапогъ, чулокъ и рукавицъ, и слѣдуетъ думать, что все это вмѣстѣ съ тѣмъ, что мы предполагаемъ найти на сѣверѣ у туземцевъ, составить полную зимнюю обмундировку для всего экипажа. Сообразно съ инструкціями, полученными отъ управленія Аляскинскаго Общества, ни капитанъ Люгебаль, ни капитанъ Сендманъ не взяли платы ни за одну вещь, которыми снабдили наше судно.

24 іюля, въ 5 часовъ пополудни, мы снялись съ якоря и на парахъ вышли изъ бухты, при развѣвающихся, въ знакъ прощанія, флагахъ на всѣхъ судахъ. Вилючинская сопка, ко-

торая ясно вырѣзалась на горизонтѣ, обѣщала намъ хорошую погоду. Несмотря, однако, на это обѣщаніе, при выходѣ изъ бухты, ожидали насъ обычные туманы, но такъ какъ мы держали всѣ паруса и хорошо знали свой курсъ, то туманы эти мѣшали намъ только тѣмъ, что скрывали отъ насъ чудный видъ на горы, которымъ мы думали наслаждаться во все время пути, мимо камчатскаго берега. Одно только обстоятельство преслѣдовало насъ и здѣсь, какъ и въ пути отъ Санъ-Франциско; оно скорѣе сердило насъ, нежели вредило намъ: все время почти мы шли съ противнымъ вѣтромъ. Отъ Санъ-Франциско до Петропавловска мы почти постоянно имѣли сѣверо-западный вѣтеръ, а отъ Петропавловска до св. Михаила—сѣверо-восточный. Понятное дѣло, первый дулъ слишкомъ долго—пора ему было измѣниться.

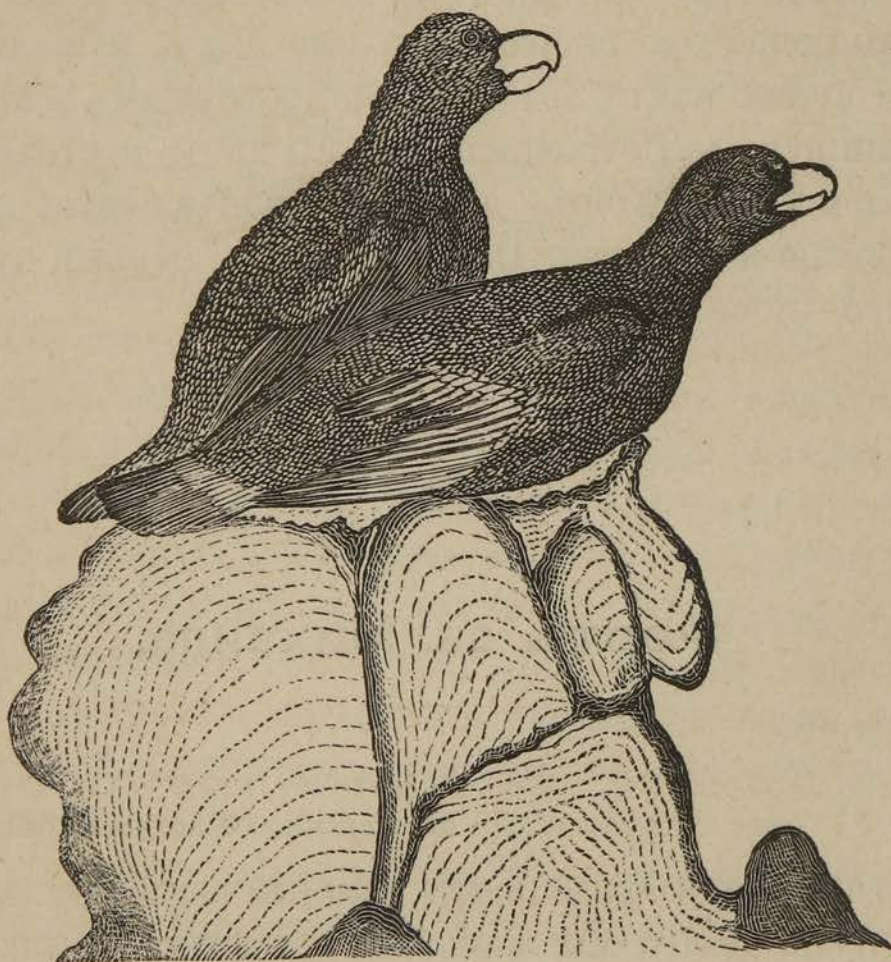
Глава IV.

Фортъ св. Михаила.

На «Роджерсъ», передъ св. Михаиломъ,
въ Аляскѣ, 10 августа 1881 г.

Сильный вѣтеръ дулъ почти каждый разъ оттуда, куда мы держали путь. Долго мы жаждали встрѣтить землю и, наконецъ, послѣ полудня, 3-го августа, увидѣли островъ Стюартъ въ Нортонзундѣ. Мы бы увидали его раньше, если бы густой туманъ не застилалъ горизонта и не затруднялъ плаванія въ этихъ еще малоизвѣданныхъ водахъ. Море очень бушевало, когда мы при наступающей темнотѣ, защищенные островомъ Стюартъ, бросили, наконецъ, якорь, чтобы выждать разсвѣта для дальнѣйшаго плаванія. Около 5 часовъ утра, мы снова пустились въ путь и подъ надоѣдливымъ дождемъ, продолжали нашъ курсъ подъ парами. Поминутно опускали лотъ, и квартирмейстеръ возвѣщалъ печально однообразнымъ

голосомъ найденную глубину. Снова должны мы были стать на якорь, такъ какъ наступилъ штиль; густой туманъ разостлался по морю и закрылъ отъ нашихъ взоровъ тѣ немногіе пункты, по которымъ мы могли при иныхъ обстоятельствахъ оріентироваться; было уже почти 11 часовъ, когда воздухъ очистился и мы увидѣли, на разстояніи семи миль отъ судна

Чайки съ попугаевиднымъ клювомъ.

(Съ эскимосскаго рисунка).

маленькое поселеніе св. Михаила, гдѣ можно было бросить якорь, подъ защитою длинной косы. Пара допотопныхъ цушекъ проревѣла намъ привѣтствіе, и скоро мы замѣтили отваливающую отъ берега лодку. Здѣшній агентъ Аляскаго Общества, г. Лоренцъ, прибылъ къ намъ въ сопровожденіи сержанта Левитта, начальника метеорологической стан-

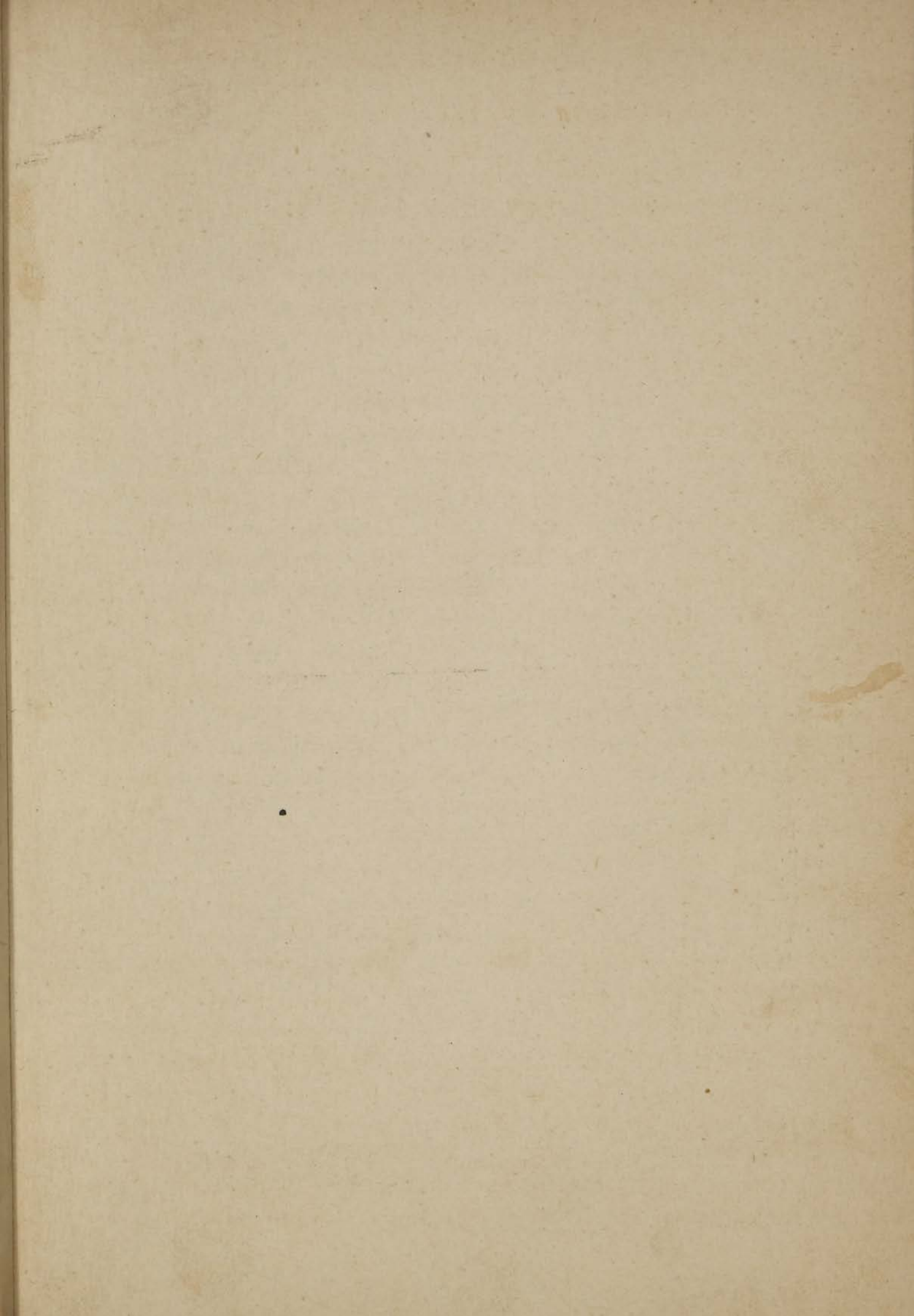
ціи въ фортѣ св. Михаила, для того, чтобы поздравить насъ съ благополучнымъ прибытіемъ и принять почту, привезенную нами для нихъ изъ Санъ-Франциско.

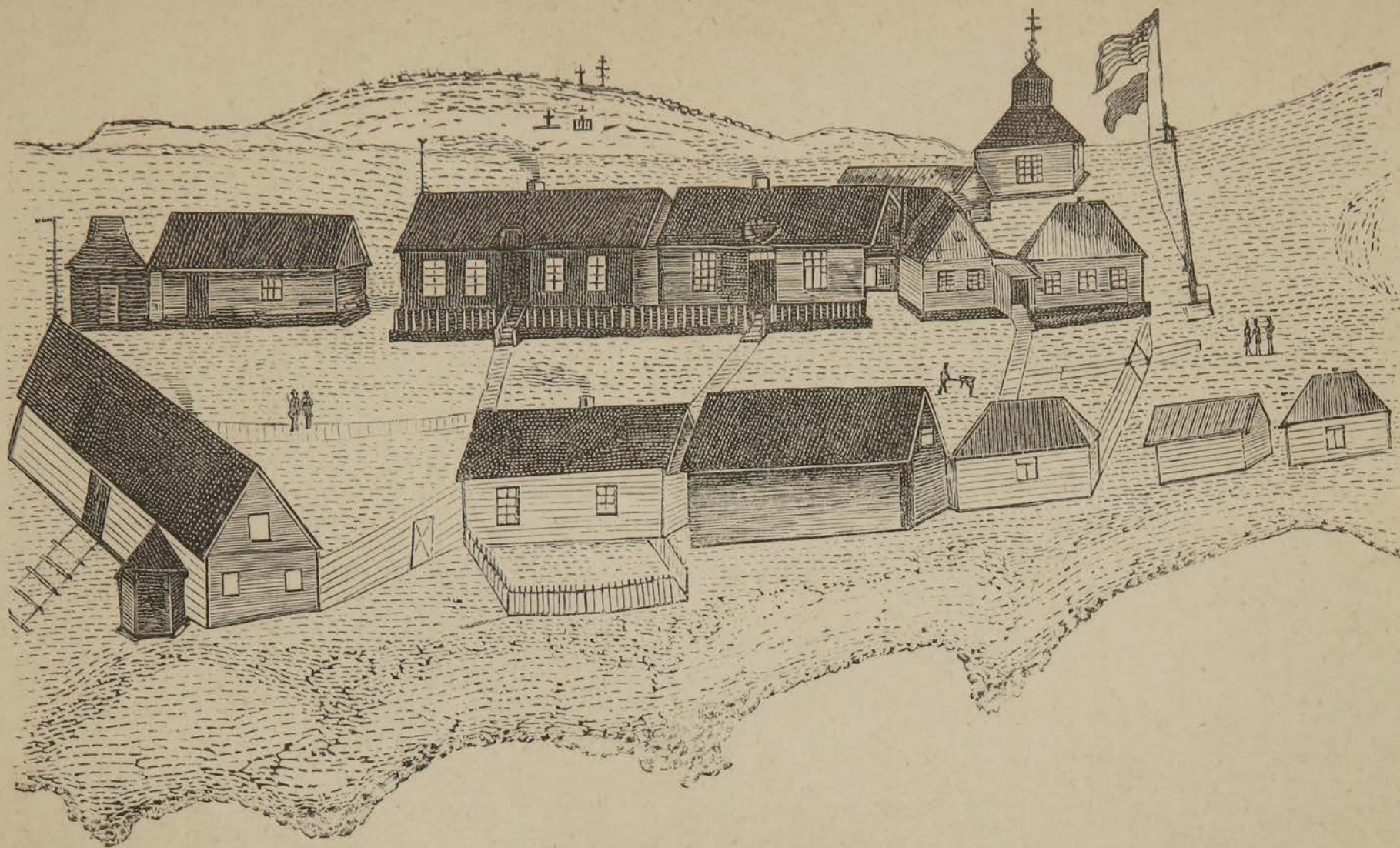
Они сообщили намъ, что таможенный тендеръ „Тома Корвинъ“ былъ уже здѣсь два раза, 9 іюля вышелъ въ Ледовитый океанъ; съ той поры, они не имѣютъ о немъ никакихъ свѣдѣній. Мы были очень обрадованы сообщеннымъ ими извѣстіемъ, что прошлая зима была чрезвычайно мягкая, какою давно уже не было, и что въ силу этого, мы найдемъ теперь необычайно открытое, т. е. свободное ото льда море. У китобоевъ былъ, какъ оказалось, исключительно счастливый уловъ; уже теперь многія суда съ полнымъ грузомъ отправились въ обратный путь, въ Соединенные-Штаты. Передъ тѣмъ, какъ прибыть сюда въ первый разъ, „Корвинъ“ высадилъ на сибирскій берегъ, по близости Пloverъ-бухты, экспедицію на саняхъ, съ тою цѣлю, чтобы произвести на мѣстѣ изслѣдованіе о кораблекрушеніи, которое, по слухамъ, распространившимся среди туземцевъ, случилось по близости Колючинской бухты. „Корвинъ“ простоялъ цѣлыхъ пять дней у острова св. Лаврентія, чтобы собрать возможно болѣе точныя свѣдѣнія объ ужасномъ голодѣ, царствовавшемъ въ этой мѣстности, въ теченіе зимы 1879—1880 годовъ; большое количество скелетовъ, оставшихся съ того бѣдственнаго времени, было перенесено на судно, чтобы затѣмъ быть выставленными въ витринахъ Смитсоніанскаго института въ Вашингтонѣ. Между тѣмъ, на суднѣ случился преинтересный казусъ: г. Нельсонъ, предшественникъ сержанта Левита въ фортѣ св. Михаила, получилъ разрѣшеніе сопровождать „Корвинъ“ въ этой поѣздкѣ и взялъ съ собою, въ качествѣ переводчика, эскимоса изъ ближайшей къ форту деревни; всѣ эскимосы, какъ и я самъ могъ не разъ убѣдиться, во многихъ мѣстностяхъ арктической Америки, чрезвычайно суевѣрны; по ихъ мнѣнію, если ктонибудь вздумаетъ нарушить покой смертныхъ останковъ ихъ покойниковъ, то послѣдствіемъ такого неуважительнаго къ нимъ отношенія должно быть какоенибудь большое и при томъ всеобщее несчастіе. Когда затѣмъ бѣдный туземецъ

изъ св. Михаила увидѣлъ въ одинъ прекрасный день ученыхъ мужей „Корвина“, являющимися на палубу въ сообществѣ съ костями столь многочисленныхъ жертвъ голода на св. Лаврентіи, то отъ ужаса и отчаянія пришелъ въ такое состояніе, что попробовалъ наложить на себя руки и вонзилъ себѣ въ грудь охотничій ножъ. Къ счастью, нѣкоторые изъ присутствующихъ успѣли еще удержать его отъ нанесенія смертельной раны, но это не помѣшало, однако, ему сдѣлать вторичное покушеніе на свою жизнь и броситься въ море. Снова, во второй разъ удалось какъ-то спасти его и хотя на время отклонить отъ мысли о необходимости самоубійства, но, вѣроятно, по возвращеніи своемъ на родину, онъ повторитъ свои злополучные опыты, и на этотъ разъ они, конечно, увѣнчаются успѣхомъ.

Отъ св. Лаврентія „Корвинъ“ пошелъ снова къ сибирскому берегу, чтобы взять съ собою оставленную тамъ санную экспедицію; члены этой послѣдней дѣйствительно нашли остатки погибшаго судна и подвергли ихъ самому тщательному изслѣдованію; теперь они могли признать почти съ увѣренностью, что имѣли дѣло съ остатками погибшаго китобоя „Вигиланта“. Среди обломковъ кормовой части и на другихъ предметахъ часто имъ попадалась буква В; сообщившіе мнѣ эти свѣдѣнія полагали, что не было найдено ничего такого, что указывало бы на счастливый исходъ для экипажа погибшаго судна; вѣроятно, судно было раздавлено льдами, а экипажъ пошелъ ко дну.

Изъ находки этихъ корабельныхъ обломковъ, по моему мнѣнію, вытекаетъ слѣдующее: прежде всего то, что туземцы сѣвернаго сибирскаго берега чрезвычайно внимательны, а затѣмъ, что вѣтры и теченія въ этой части Ледовитаго океана, по крайней мѣрѣ временами, имѣютъ стремленіе прибывать къ берегу обломки, такъ что, если дѣйствительно съ „Жанеттой“ случилось какое нибудь несчастіе, то объ этомъ мы скоро получили бы извѣстіе. Слѣдовательно, если мы ничего не слышали о судьбѣ, постигшей „Жанетту“, отъ прибрежныхъ чукчей, то можемъ утѣшаться надеждою, что съ нею

Фортъ Св. Михаила.
(Съ эскимосскаго рисунка).

ничего особеннаго не случилось и что она самымъ обыкновеннымъ образомъ зазимовала на Врангелевой землѣ, найдя тамъ удобное для этого мѣсто.

Г. Лоренцъ сообщилъ намъ, что пароходъ „св. Павелъ“ доставилъ сюда для насъ 200 тоннъ угля, который и былъ сваленъ возлѣ амбаровъ. Это значило, что намъ придется пробыть здѣсь 8—10 дней, такъ какъ приходилось подвозить уголь на лодкѣ, вмѣщавшей никакъ не болѣе десяти тоннъ, а сами никакимъ образомъ не могли подойти къ берегу и за мелководьемъ должны были бросить якорь въ трехъ четвертяхъ мили отъ форта. Послѣ того, что мы узнали о благопріятномъ въ настоящее время состояніи льда на сѣверѣ, такая задержка намъ была особенно непріятна, такъ что мы всѣ ретиво взялись за работу, съ цѣлью, чтобы ускорить нашъ отъѣздъ. Утромъ, въ 4 часа, всѣ были уже на работѣ, которая прекращалась только въ 8 часовъ вечера; г. Лоренцъ занимался между тѣмъ пополненіемъ нашихъ запасовъ, по части мѣховаго платья, а г. Гренфильдъ, агентъ „Западной пушной компаніи“, доставлялъ намъ все, что онъ только могъ; ко дню нашего отъѣзда мы будемъ превосходно снабжены всѣмъ необходимымъ для арктической экспедиціи.

Въ сопровожденіи г. Лоренца, я отправился въ его лодкѣ съ туземными гребцами на берегъ, гдѣ и провелъ нѣсколько очень пріятныхъ часовъ въ его гостепріимномъ домѣ. Стоней и Кентъ занимались между дѣломъ промѣрами въ гавани для того, чтобы найти, по возможности, болѣе близкую къ берегу якорную стоянку; ихъ старанія увѣнчались успѣхомъ; имъ удалось найти фарватеръ и крѣпкое дно въ разстояніи полумили отъ склада угля, при глубинѣ въ 19 футовъ, но такъ какъ гавань была совершенно открыта съ сѣверо-восточной стороны, то первый же набѣжавшій шквалъ, по этому направленію, могъ такъ сильно взволновать море, что намъ пришлось бы немедленно разводять пары и искать спасенія въ бѣгствѣ. Еще вчера, послѣ полудня, налетѣла буря, которая отбросила насъ, при страшной качкѣ, на мягкое, илистое дно; тотчасъ же развели огонь подъ котлами, но не успѣли еще

поднять пары, какъ море стало, мало по малу, успокоиваться, и ко времени отлива мы снова уже мирно качались на волнахъ, хотя, все-таки, слишкомъ еще близко къ берегу. На всякій случай, лейтенантъ Берри отдалъ приказъ поддерживать огонь подъ котлами, во все время нашего пребыванія здѣсь, такъ что во всякую минуту, мы могли бы спастись отъ угрожающей опасности.

Когда я, въ сопровожденіи г. Лоренца, вошелъ въ его домъ, то былъ изумленъ самымъ пріятнымъ образомъ: все убранство было не только прилично, но даже и роскошно; вездѣ была видна рука женщины. Въ комнатѣ, убранной съ полнымъ комфортомъ, были мы приняты госпожею Лоренцъ, прелестною молодою женщиною, которая не побоялась ледянаго сѣвера и провела послѣднюю зиму въ такой широтѣ, въ какой еще, быть можетъ, ни одна женщина, уроженка умѣреннаго пояса, не оставалась. Она родилась въ штатѣ Мэнъ и пріѣхала сюда только въ прошломъ году со своимъ мужемъ, который, по происхожденію русскій и жилъ прежде въ Одессѣ; теперь онъ уже 8 лѣтъ служитъ агентомъ Аляскайскаго Общества; продолжительный отпускъ, которымъ онъ воспользовался въ прошломъ году, употребилъ на путешествіе въ Соединенные Штаты, гдѣ посѣтилъ одного изъ своихъ старинныхъ друзей въ Мэнѣ; тамъ онъ познакомился съ одною молодою дѣвушкою, полюбилъ ее и женился на ней; когда отпускъ кончился, то Лоренцъ пріѣхалъ обратно съ своею молодою женою. Ею юная супруга образованная и умная женщина; маленькая, но избранная библіотека, находившаяся въ комнатѣ, доказывала присутствіе у нея тонкаго и развитаго литературнаго вкуса. Мнѣ было пріятно войти въ домъ, гдѣ стѣны были покрыты обоями Морриса, а мебель и ковры вполне гармонировали съ обоями; но вмѣстѣ съ тѣмъ, я почувствовалъ себя, какъ-то не совсѣмъ ловко въ своемъ, грубомъ морскомъ костюмѣ; тѣмъ не менѣе, я былъ принятъ самымъ сердечнымъ образомъ, и легко было замѣтить, что каждый гость изъ болѣе южныхъ мѣстностей, приносящій съ собою богатый запасъ новостей „изъ свѣта“, здѣсь принимался съ одинаковымъ радушіемъ.

Не могу сказать, чтобы мнѣ было непріятно, когда двѣ канарейки смѣшивали свои громкіе, веселые голоса съ нашею болтовнею; онѣ привѣтствовали меня изъ своихъ позолоченныхъ клѣтокъ; въ этомъ искреннемъ привѣтѣ не слышалось ни одной фальшивой нотки. На окнахъ комнаты стояли горшки съ прекрасными растеніями въ полномъ цвѣту и, между прочимъ, розы, камеліи и другія, которыя вдругъ такъ живо напомнили мнѣ родину, какъ не случилось со мною еще ни разу со времени отъѣзда изъ Санъ-Франциско.

Фортъ св. Михаила состоитъ изъ нѣсколькихъ жилыхъ домовъ и амбаровъ, связанныхъ высокимъ частоколомъ и образующихъ большой прямоугольникъ. Сосѣднія племена тихи и смиренны, если только ихъ не напоятъ, сбивающею ихъ съ толку, водкою, такъ какъ, не смотря на запрещеніе закона, который такъ строгъ, что даже агентамъ разныхъ американскихъ торговыхъ обществъ невозможно привозить въ страну вино, водку и пиво для собственнаго своего потребленія; все-же туземцевъ снабжаютъ, въ достаточномъ количествѣ, водкою, которую они вымѣниваютъ у китолововъ и торговцевъ по непомѣрно высокой цѣнѣ за мѣха и моржевые клыки. Г. Лоренцъ рассказывалъ намъ, что онъ не можетъ привести для себя ни пива для стола, ни патроновъ для ружья, заряжающагося съ казенной части, но что онъ можетъ, все-таки, во всякое время, хотя и по высокой цѣнѣ, достать у туземцевъ и водки, и патроновъ; на мой вопросъ, какимъ образомъ совершается эта противозаконная торговля въ то время, когда особо предназначенный для ея уничтоженія военный корабль постоянно крейсируетъ въ Беринговомъ морѣ и въ сосѣднихъ водахъ, онъ замѣтилъ, что все это крейсерство, собственно говоря, предназначено одинаково, какъ для этой цѣли, такъ и для собиранія естественно-историческаго матеріала для Смитсоніанскаго института, а извѣстно, что погоня за двумя зайцами врядъ ли когда нибудь приноситъ блестящіе результаты. По его словамъ, та водка, которую привозятъ сюда китоловы и торговцы самая дешевая и притомъ самая противная по вкусу, какую только можно найти на всемъ земномъ

шарфъ; такую водку разбавляютъ, въ достаточной мѣрѣ, водою для того, чтобы еще болѣе увеличить наживу, и прибавляютъ къ ней еще кайенскаго перцу, табачнаго соку и другихъ ѣдкихъ ингредиентовъ, такъ что приходится только удивляться, какимъ образомъ могутъ люди пить ее безнаказанно, не умирая тутъ же на мѣстѣ. Всякому понятно, какія влечетъ за собою послѣдствія безмѣрное употребленіе этой отвратительной смѣси.

Многіе изъ домовъ форта св. Михаила очень стары; многіе изъ нихъ выстроены лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, при основаніи форта русскими, изъ огромнаго плавучаго лѣса и грубо сколочены, но хорошо проконопачены изнутри и снаружи и стоятъ до сихъ поръ крѣпкіе и красивые, недоступные никакому вѣтру. Вокругъ cadaго дома, какъ разъ у стѣны, возвышается фута на три надъ землею, покрытая досками, такъ называемая, завалина, которая держитъ тепло въ домѣ и не даетъ дождю и вѣтру проникать подъ полъ; топка производится исключительно дровами, которые находятся по берегу въ огромномъ количествѣ, такъ какъ сюда приносятъ ихъ теченіемъ рѣкъ, со стороны материка. По ту сторону ча-стокола, возвышается хорошенькая, маленькая православная церковь, которая выстроена тоже изъ неотесанныхъ бревенъ и покрыта красною крышею съ деревяннымъ крестомъ на самомъ верху. За кухнею дома Лоренца находится небольшой огородъ, гдѣ безъ особеннаго труда произрастаетъ рѣдька, салатъ и рѣпа, о превосходномъ вкусѣ которыхъ я могу лично засвидѣтельствовать. Такъ какъ это послѣднее мѣсто на нашемъ пути на сѣверъ, гдѣ можно доставить себѣ высокое наслажденіе русской бани, то большинство изъ насъ воспользовались любезнымъ предложеніемъ г. Лоренца посѣтить его баню; кромѣ того, онъ сообщилъ мнѣ рецептъ устройства русской дорожной бани, которая, какъ я полагаю, будетъ отнюдь не бесполезна намъ на дальнемъ сѣверѣ. Обыкновенно, она устраивается такимъ образомъ: изъ большихъ по возможности камней складываютъ нѣчто въ родѣ печки, гдѣ изъ плавучаго лѣса разводятъ сильный огонь; какъ только камни до-

статочно накалятся, надъ ними разбиваютъ палатку, стараясь тщательно закрыть всѣ отверстія въ ней; затѣмъ, входятъ въ палатку, снимаютъ съ себя одежду и наливаютъ воду на раскаленные камни, отъ чего изъ нихъ выдѣляется паръ, наполняющій, въ концѣ концовъ, всю палатку; подливаніе воды продолжается, пока не достигнутъ желаемой степени потѣнія, тогда приступаютъ уже къ окончательному процессу вытира-

Молодой чукча.

ніа губкою при помощи ведра свѣжей воды, послѣ чего необходимо еще вытереться грубою шерстяною матеріею такъ, чтобы все тѣло покраснѣло. Результатомъ всего этого, является блаженное ощущеніе, которое надо испытать для того, чтобы оцѣнить его вполнѣ. Такую баню можно устроить въ какомъ угодно климатѣ и даже при самыхъ неудобныхъ условіяхъ. Тотчасъ о-бокъ съ домомъ г. Лоренца расположены тоже

весьма приличные съ виду и удобные дома его помощниковъ, г. Ньюмана и служащаго на метеорологической станціи, г. Левитта. Само собою разумѣется, что жизнь такого служащаго въ этихъ сѣверныхъ краяхъ до-нельзя однообразна, а потому г. Левиттъ и предпринялъ, ради развлеченія и пользы, учиться, подъ руководствомъ г. Лоренца, русскому языку. По уставу его службы, онъ долженъ производить свои наблюденія одновременно со всѣми остальными начальниками метеорологическихъ станцій въ Америкѣ и, на примѣръ, непременно въ 1 ч. 20 мин. ночи отмѣчать направленіе и силу вѣтра, а также и состояніе погоды—работа, по истинѣ, не очень веселая втеченіе арктической зимы и можно быть почти увѣреннымъ, что этому положенію никто не завидуетъ. Предшественникъ его былъ ретивый естествоиспытатель и переслалъ въ Смитсоніанскій институтъ не сотни, а тысячи разныхъ образчиковъ мѣстной флоры и фауны.

Остальные представители бѣлаго племени здѣсь огромный бѣловолосый и бѣлобородый русскій рабочій и сѣдовласый субъектъ, живущій въ ближайшей эскимосской деревнѣ; оба женаты на туземкахъ, и небо благословило ихъ цѣлою колонию полукровныхъ дѣтей, которыя наследуютъ нищету своихъ отцовъ.

Туземцы здѣшніе принадлежатъ безспорно, какъ къ эскимосской, такъ и къ индѣйской семьѣ народовъ; мнѣ было очень интересно воочию убѣдиться въ полномъ сходствѣ строенія лица этихъ туземцевъ съ тѣмъ эскимосскимъ типомъ, который мнѣ приходилось наблюдать на восточномъ берегу Америки. Раньше я слышалъ, что здѣшніе жители чистокровные индѣйцы и говорятъ на языкѣ, совершенно отличающемся отъ языка жителей Кумберлэнда и центральныхъ племенъ; утверждали, что даже тѣ, которые живутъ отъ нихъ немного далѣе на сѣверъ, уже не могутъ понимать ихъ, и приводили мнѣ въ доказательство справедливости своихъ словъ нѣсколько, совершенно отличающихся одно отъ другого названій самыхъ обыденныхъ предметовъ, какъ, на примѣръ: китъ, тюлень, моржъ, сѣверный олень и т. п. Каково же было мое удивле-

ніе и вмѣстѣ съ тѣмъ удовольствіе, когда я, пробывъ съ этими людьми всего лишь нѣсколько дней и разговаривая съ ними только черезъ переводчика, спросилъ у одного туземца, понимаетъ-ли онъ иннуитскій языкъ, и увидалъ тотчасъ-же на его лицѣ выраженіе пониманія предложеннаго ему вопроса и совершенно категорическій отвѣтъ „армеларъ“, т. е. да. Мы тотчасъ же начали крайне оживленный разговоръ, причемъ понимали другъ друга гораздо легче, чѣмъ когда я говорилъ на этомъ языкѣ съ представителями нѣкоторыхъ племенъ Гудзонова залива и земли короля Уильяма; нѣкоторыя слова въ обоихъ діалектахъ были совершенно одни и тѣ-же, остальные же такъ сходны, что понимать ихъ было очень нетрудно. Я вступилъ въ разговоръ со многими туземцами, которые, до той поры, ни разу еще не слыхали своего родного языка изъ устъ бѣлаго, и вовсе не удивился, когда переводчикъ сообщилъ мнѣ, что у него спрашивали, не „кавсарамуть“-ли я, т. е. не эскимось-ли я, явившійся съ сѣвера.

Туземцы, живущіе по близости станціи, успѣли уже перенять многія прелести цивилизаціи; они живутъ гораздо охотнѣе въ деревянныхъ домахъ, нежели въ чумахъ и варятъ пищу по нашему. Йоэ, поваръ-эскимось г. Лоренца, успѣлъ уже выработаться въ истиннаго *chef de cuisine*; къ тому-же онъ мастеръ и рисовать; по моей просьбѣ, онъ набросалъ мнѣ нѣсколько эскизовъ, представляющихъ разныя сцены изъ жизни туземцевъ и видимо желалъ, чтобы міръ узналъ о его талантѣ; удовлетворяя его желанію, я и прилагаю здѣсь нѣкоторые изъ его рисунковъ.

Ходили мы также въ сообществѣ нѣкоторыхъ изъ нашихъ офицеровъ въ „кашинъ“, ближней эскимосской деревни, чтобы посмотрѣть танцы туземцевъ; г. Лоренцъ упросилъ ихъ доставить намъ это удовольствіе, подаривъ имъ мѣшокъ муки. „Кашинъ“—это нѣчто въ родѣ общественнаго дома для собраній мужской половины племени; весь онъ почти выстроенъ въ землѣ и покрытъ высокою земляною же крышей, вверху которой продѣлано отверстіе для освѣщенія этого страннаго „дома совѣта“. Крытый корридоръ и дверь, пробраться въ

которую можно лишь на четверенькахъ, ведутъ въ большую, срубленную изъ неотесанныхъ бревенъ, горницу, крыша которой, высоко поднимающаяся надъ поверхностью земли, не поддерживается ни однимъ столбомъ, а помѣщается на ис-

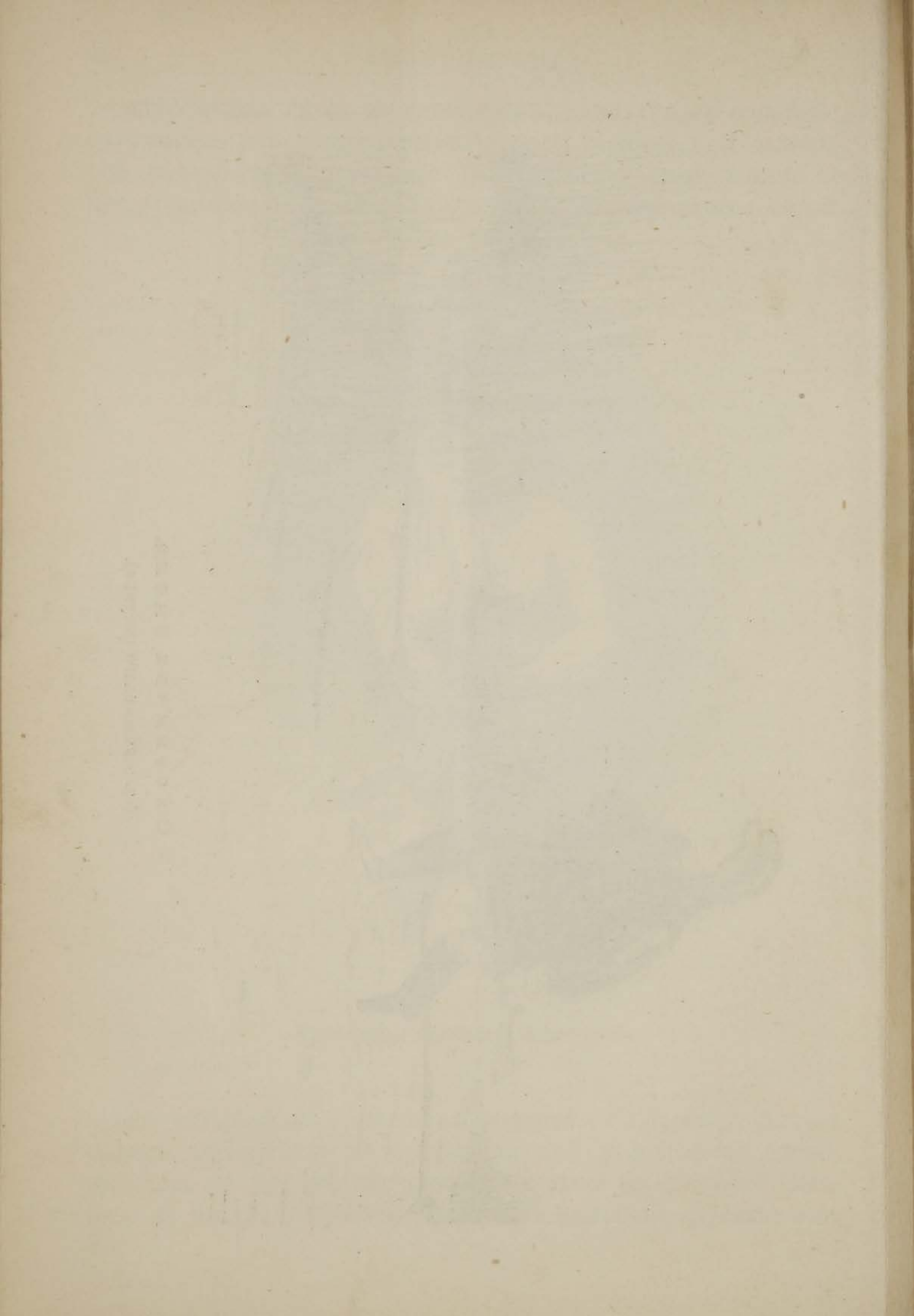

Чукотская женщина за шитьемъ.

кусно сдѣланномъ, плетеномъ потолокъ. Г. Лоренцъ рассказывалъ, что видѣлъ въ другой деревнѣ подобное-же зданіе, имѣвшее 50 фут. въ поперечникѣ и тоже съ такою же висящею на воздухѣ, крышею. Посрединѣ выкопана глубокая яма,

Охотничья сцена.
(съ эскимосского рисунка).

въ которой зимою постоянно поддерживается яркій огонь. Въ „кашинѣ“ мужчины проводятъ большую часть времени; здѣсь они спятъ и ѣдятъ и только изрѣдка „покоятся въ нѣдрахъ семейства“. Стремленіе къ домашнему очагу и отеческая любовь проявляются въ туземцахъ вообще въ очень слабой степени; до самаго послѣдняго времени они имѣли обыкновение отдѣлываться отъ лишнихъ дѣтей тѣмъ, что бросали ихъ гдѣ-нибудь вдали отъ жилья человѣческаго, гдѣ они и дѣлались очень скоро добычею лисицъ и волковъ.

При входѣ нашемъ въ „кашинѣ“ мы нашли въ немъ нѣсколько мужчинъ, сидѣвшихъ на скамейкѣ въ 4 фута высоты и 18 дюймовъ ширины и погруженныхъ въ глубокій сонъ; скамейка эта тянется по стѣнамъ всей горницы. Одинъ юноша приготовлялся къ танцу, для чего снялъ все свое платье, за исключеніемъ короткихъ штановъ и надѣлъ на ноги башмаки изъ оленьей шкуры. Три старика, сидѣвшіе также на высокой скамѣ, били въ тактъ палочкой по барабану, стоявшему у нихъ на колѣняхъ и сдѣланному изъ кожи, натянутой на обручъ; они подтягивали какой-то грустный напѣвъ, въ которомъ не было даже словъ. Почти совершенно голый малый, большимъ прыжкомъ перепрыгнувъ черезъ очагъ, очутился, такимъ образомъ, посрединѣ горницы и началъ подъ тактъ вертѣться на одномъ мѣстѣ, причемъ всѣ мускулы его напрягались до чрезвычайности; по временамъ, жесты и положенія, принимаемые его туловищемъ, показывали, что онъ разыгрываетъ передъ нами сцены битвы и охоты. Сначала кричалъ онъ и всхлипывалъ, словно одурманенный, но вскорѣ обезсилѣлъ отъ напряженія и ему пришлось остановиться и дать себѣ нѣсколько минутъ отдыха. Затѣмъ, отдохнувъ немного, онъ снова взялся за прежнее, но на этотъ разъ къ нему уже присоединились другой юноша и нѣсколько дѣтей; эти послѣдніе были въ праздничныхъ нарядахъ, вѣроятно, принятыхъ въ большомъ обществѣ, такъ какъ кромѣ мѣховыхъ башмаковъ, на нихъ ничего другого не было. Танецъ носилъ на себѣ явные признаки индѣйскаго вліянія, котораго въ другихъ мѣстахъ среди эскимосовъ на-

блюдать еще не приходилось; все удовольствіе, прерываемое лишь на нѣсколько минутъ для передышки, продолжалось около получаса; тогда внесли обѣщанную, въ качествѣ вознагражденія, муку и роздали ее участвующимъ. Изъ присутствовавшихъ при этомъ женщинъ ни одна не принимала участія ни въ пѣніи, ни въ танцѣ, хотя и замѣтно было, что многія изъ нихъ рады бы были принять живѣйшее участіе въ удовольствіи, которымъ наслаждались другіе.

Всѣ мужчины въ этой мѣстности прекрасные моряки, ихъ каяки изъ шкуры очень похожи на лодки восточныхъ эскимосовъ, но нѣсколько шире и сидятъ глубже въ водѣ, хотя по длинѣ своей и не достигаютъ ихъ размѣровъ; нѣкоторые снабжены двумя или тремя дырами, продѣланными для сидѣнья столькихъ-же гребцовъ, которые чрезвычайно ловко справляются со своими греблами. На морѣ эти каяки чрезвычайно устойчивы и быстры и могутъ выдержать очень сильный вѣтеръ, не угрожая никакою опасностью пассажиру, если только онъ успѣлъ набить себѣ достаточно руку въ управленіи этимъ своеобразнымъ судномъ.

Во время нашего пребыванія въ св. Михаилѣ, нѣкоторые изъ нашихъ офицеровъ предприняли охотничью поѣздку, которая доставила имъ цѣлую массу утокъ, бекасовъ и водяныхъ курочекъ. Д-ръ Кастильо, къ немалому своему удовольствію, прибавилъ къ своей коллекціи много новыхъ экземпляровъ, а д-ръ Джонсъ все время занимался фотографированіемъ всевозможныхъ видовъ и предметовъ.

Сегодня, послѣ обѣда, „Роджерсъ“ принялъ послѣдній грузъ каменнаго угля, такъ что теперь мы въ состояніи сегодня же поздно вечеромъ или, самое позднее, завтра рано утромъ, поднять паруса и выйти въ море. Мы не нагрузили всего приготовленнаго для насъ запаса, такъ какъ иначе намъ пришлось бы бросать за бортъ коровъ, собакъ и запасы дровъ, а это было бы не совсѣмъ предусмотрительно и благоразумно. Господа Лоренцъ, Левиттъ, Ньюмэнъ и Гренфильдъ старались изо всѣхъ силъ сдѣлать намъ пребываніе здѣсь на сколько возможно болѣе пріятнымъ и всячески заботились

о томъ, чтобы снарядить насъ вполне какъ слѣдуетъ для дальнѣйшаго плаванія. Эти добрые люди, конечно, порадуются, если намъ удастся благополучно вернуться къ нимъ обратно; мы сами также будемъ довольны снова съ ними увидаться.

Глава V.

Въ бухтѣ св. Лаврентія.

На «Роджерсѣ», бухта св. Лаврентія,
Сибирь, 18-го августа 1881 г.

Переходъ изъ Пloverъ-бэя въ эту гавань былъ самый быстрый и самый пріятный изъ всѣхъ совершенныхъ нами на „Роджерсѣ“ переходовъ. Когда мы вчера, рано утромъ, подняли якорь, то подулъ сильный вѣтеръ; послѣ скучныхъ проволокъ, которыя намъ пришлось испытать, мы рѣшили не терять времени, потому что хотѣли въ этомъ же году, до начала зимы, успѣть что-нибудь сдѣлать въ Ледовитомъ океанѣ, а потому капитанъ Бѣрри далъ приказаніе, не смотря на угрожающую непогоду, итти впередъ. Едва покинули мы Пloverъ-бэй и достигли открытаго моря, какъ туманъ сталъ подниматься; его густыя завѣсы, скрывавшія отъ нашихъ взоровъ береговья возвышенности, отдернулись и передъ нашими глазами предсталъ самый живописный видъ. Солнышко проглянуло изъ-за облаковъ, а наше образцовое судно весело пошло подъ парусами, со скоростью 10 узловъ въ часъ. Послѣ печальнаго однообразія тумана, дождя и несноснаго вѣтра, что намъ страшно надоѣло, переменна погоды очень обрадовала насъ всѣхъ. Цѣлый день почти всѣ офицеры находились на палубѣ и здоровый, укрѣпляющій воздухъ, вдыхаемый нами, при температурѣ въ 4° R., поневолѣ заставилъ насъ вспомнить съ сожалѣніемъ о нашихъ друзьяхъ на родинѣ, ищущихъ теперь прохлады отъ солнпека въ Лонгъ-Бренчѣ и Коней-Айлэндѣ. Незадолго до полуночи мы были

уже такъ близко отъ входа въ бухту св. Лаврентія, что капитанъ Бёрри счелъ болѣе осторожнымъ остановиться на якорѣ и подождать разсвѣта для входа въ самую бухту.

Наши ожиданія встрѣтятся съ русскимъ фрегатомъ „Стрѣлокъ“ еще въ Пloverъ-бэй не исполнились. Капитанъ Деливронъ, дѣйствительно, ожидалъ насъ тамъ нѣсколько дней, но затѣмъ, пошелъ далѣе, оставивъ у одного изъ туземцевъ записку, гдѣ значилось, что онъ идетъ въ бухту св. Лаврентія, для того, чтобы если не встрѣтится съ нами, подождать нашего прибытія. Непріятная задержка въ св. Михаилѣ, причиненная намъ погрузкою угля, навела его на мысль, что мы, быть можетъ, совершенно исключили Пloverъ-бэй изъ нашего маршрута. Вскорѣ послѣ нашего прибытія въ здѣшнюю гавань, капитанъ Деливронъ пріѣхалъ къ намъ и передалъ извѣстіе, удивительное и въ то же время смутившее всѣхъ насъ до того, что я, не смотря, на его сомнительную достовѣрность и тотъ длинный, окольный путь, по которому оно до насъ достигло, не могу не передать его здѣсь; извѣстіе это представляетъ собою рѣзкій примѣръ тѣхъ отрывочныхъ и неясныхъ свѣдѣній, которыя достаются на долю путешественника въ сѣверныхъ моряхъ. За два дня передъ нами, въ бухту св. Лаврентія зашла шкуна „Гэнди“, на которой находился капитанъ китобойнаго судна Даніиль Вебстеръ, потерпѣвшій крушеніе близъ Пойнтъ-Барроу; отъ него и нѣкоторыхъ другихъ лицъ капитанъ Деливронъ слышалъ, что въ небольшомъ разстояніи отъ мыса Сердце-Камень мѣстные чукчи нашли судно, потерпѣвшее крушеніе съ громадною пробоиною и почти наполненное льдомъ. Будто бы въ носовой части находятся тѣла четырехъ людей изъ экипажа погибшаго судна. Съ другой стороны, эскимосы Пойнтъ-Барроу утверждаютъ, что они видѣли нынѣшнею весною какихъ-то четверыхъ бѣлыхъ людей, которые шли по сѣверо-американскому берегу, по направленію къ рѣкѣ Мэккензи; равнымъ образомъ, не разъ случалось имъ находить снѣговья хижины, въ которыхъ, повидимому, зимовали люди, а подлѣ этихъ хижинъ лежало нѣсколько тѣлъ. Слѣды саней и пѣшеходовъ встрѣчаются тамъ будто

тоже очень часто и капитанъ Деливронъ утверждаетъ, что здѣсь всѣ думаютъ, что эти несчастные путники не кто иные, какъ люди съ „Жаннетты“. Пока, однако, нѣтъ рѣшительно ни одного факта, на которомъ можно было-бы несомнѣнно основать такое предположеніе, прійти къ какому-либо рѣшенію; во всякомъ случаѣ, представляется невѣроятнымъ, чтобы люди изъ экспедиціи „Жаннетты“ избрали путь къ рѣкѣ Мэккензи, вмѣсто того, чтобы направиться къ Беринговому проливу, гдѣ они могли быть увѣрены, что найдутъ дружественно расположенныхъ эскимосовъ и среди нихъ могутъ дожидаться начала лова и прибытія китобоевъ. Напротивъ того, путь къ рѣкѣ Мэккензи вель въ страну туземцевъ, извѣстныхъ своею дикостью и воинственностью и даже при самыхъ счастливыхъ обстоятельствахъ только съ огромными лишеніями команды „Жаннетта“ могла добраться до какого-нибудь европейскаго поселенія, слѣдуя по этому трудному пути, но въ томъ-то и дѣло, что надежда найти здѣсь какое-нибудь поселеніе сама по себѣ была уже несбыточна. Гораздо правдоподобнѣе такимъ образомъ, что всѣ эти несчастные принадлежали къ экипажу какого-нибудь погибшаго китобойнаго судна и избрали этотъ странный путь, не давая себѣ отчета, по какому они идутъ направленію. Капитанъ Берри хочетъ сдѣлать, по возможности, все отъ него зависящее для того, чтобы выяснитъ это дѣло.

Капитанъ Деливронъ и офицеры его судна употребляютъ всевозможныя усилія, чтобы быть намъ какимъ-бы то ни было образомъ полезными; они предложили намъ даже довести „Роджерсъ“ на буксирѣ до мыса Сердце - Камень для того, чтобы мы сберегли, какъ можно болѣе нашъ запасъ угля. Если завтра, когда мы поднимемъ паруса, будетъ спокойное море, то мы прикрѣпимся къ „Стрѣлку“ восьмидюймовымъ канатомъ и пойдёмъ у него на буксирѣ; въ противномъ случаѣ, пойдёмъ лишь съ нимъ вмѣстѣ.

Двое нѣмецкихъ ученыхъ, братья Краузе, которые прибыли еще весною нынѣшняго года въ Сибирь для естественно-историческихъ изслѣдованій, живутъ въ настоящую минуту въ палаткѣ на сѣверномъ берегу бухты св. Лаврентія; завтра

они сядутъ на „Стрѣлокъ“, чтобы перебраться на мысъ Восточный, а при возвращеніи своемъ изъ Ледовитаго океана тотъ же „Стрѣлокъ“ захватить ихъ съ собою и перевезетъ въ Пloverь-бэй, гдѣ они намѣреваются провести всю зиму.

Переходъ „Роджерса“ отъ форта св. Михаила до Пloverь-бэя затруднялся туманомъ, непрерывнымъ дождемъ и противнымъ вѣтромъ; 14-го августа, послѣ полудня, часовой на реѣ вдругъ услыхалъ шумъ прибоя къ носу; судно быстро направили въ другую сторону. Въ ту же самую минуту туманъ поднялся, и мы увидали пустынный, утесистый сибирскій берегъ у мыса Таплина. Вслѣдъ затѣмъ вышелъ изъ своего логовища Доминикъ; нашъ цвѣтной стюартъ; онъ былъ крайне смущенъ и изумленъ при видѣ опасныхъ утесовъ, которые поднимались чуть не возлѣ самой кормы „Роджерса“, и выразилъ свое безпокойство тѣмъ, что спросилъ: „Скажите, пожалуйста, господинъ Уэрингъ, какимъ образомъ мы сюда забрались?“ Но въ томъ то и дѣло, что, къ сожалѣнію, и самъ г. Уэрингъ не зналъ этого. Хотя мы находились всего лишь въ 45 морскихъ миляхъ отъ Пloverь-бэя, тѣмъ не менѣе, мы достигли его только 16-го августа, послѣ полудня, вслѣдствіе тумановъ и противнаго вѣтра. Карта этой мѣстности представляла массу неточностей; глубина была очень часто показана совершенно ошибочно. Къ сожалѣнію, мы не застали уже извѣстнаго чукча Джона Корнеліуса, котораго думали захватить съ собою въ Пloverь-бэѣ, такъ какъ онъ былъ намъ рекомендованъ въ качествѣ прекраснаго лоцмана для Берингова пролива, ловкаго возницы на собакахъ и хорошаго переводчика англійскаго языка; онъ ушелъ уже въ Ледовитый океанъ съ капитаномъ Оуэномъ.

Въ первый разъ въ Пloverь-бэѣ, я увидѣлъ чукчей, рѣзкое различіе которыхъ отъ эскимосовъ меня интересовало. Окраска ихъ кожи гораздо свѣтлѣе; питаніе ихъ лучше, нежели у эскимосовъ, а языкъ до такой степени страненъ, что мнѣ никогда еще въ жизни не приходилось слышать ничего подобнаго. Боцманмать „Роджерса“ зимовалъ уже разъ въ этой мѣстности и зналъ поэтому многихъ изъ туземцевъ; я

попросилъ его узнать, нѣтъ ли здѣсь въ окрестностяхъ сѣверныхъ оленей. Тотчасъ же обратился онъ къ стоявшему возлѣ насъ туземцу, дѣлая самые невозможные жесты, съ вопросомъ: „Сѣверный олень здѣсь, человѣкъ, приходитъ!“—На что и не замедлилъ получить въ отвѣтъ: „Но, тахъ, пахъ“. По словамъ моего переводчика, это значило, что олени находятся далеко, далеко отсюда. Этотъ пріятный разговоръ можетъ служить прекраснымъ образчикомъ того страннаго жаргона, который образовался въ этихъ мѣстахъ для сношеній между туземцами и ихъ бѣлыми гостями. Среди здѣшнихъ чукчей я нашелъ нѣсколько человѣкъ, обладавшихъ кое-какими познаніями въ эскимосскомъ языкѣ, но, къ сожалѣнію, познанія эти были слишкомъ незначительны для того, чтобы я могъ объясниться съ ними.

Завтра, утромъ въ 6 часовъ, мы располагаемъ войти въ Ледовитый океанъ для того, чтобы провѣрить скорѣе неблагопріятные слухи, которые дошли до насъ черезъ капитана Деливрона.

Глава VI.

Островъ Врангеля.

На «Роджерсъ», островъ Врангеля,
2-го Сентября 1881 г.

Я пишу эти строки съ чувствомъ какой то неизъяснимой радости изъ этой таинственной и до сихъ поръ еще неизвѣданной страны. 25-го августа, около 10-ти часовъ вечера, мы стали здѣсь на якорь, въ полумилѣ отъ берега, пробывъ весь предыдущій день на островѣ Гаральдъ. Впродолженіе 16-ти дневнаго пребыванія нашего здѣсь, вотъ уже три раза, какъ отдѣльные отряды нашего экипажа изслѣдовали, какъ берега, такъ отчасти и внутренность страны, въ надеждѣ отыскать, хотя какіе нибудь слѣды пребыванія „Жаннетты“, собраны

значительныя коллекціи фауны и флоры, сдѣланы многія магнитныя наблюденія и произведена точная съемка берега и гавани. Кромѣ того, производились правильныя наблюденія надъ вѣтрами, теченіями и движеніемъ льда; все это дѣлалось съ чрезвычайною точностью и немедленно записывалось, такъ что эту часть нашей задачи можно считать счастливо и удачно выполненною; будь только островъ Врангеля частью материка, а задача нашей экспедиціи — съемка этой мѣстности и поѣздка на саняхъ на сѣверъ, никогда не найти бы намъ лучшаго операціоннаго базиса для этихъ цѣлей. Теперь мы стоимъ на якорѣ въ безопасной гавани, единственной на всемъ островѣ; открытіе этого убѣжища послужитъ, быть можетъ, спасеніемъ для многихъ китолововъ, затертыхъ сплошнымъ льдомъ въ океанѣ.

Хотя наши лодки и обошли кругомъ всего острова, но не нашли рѣшительно никакихъ слѣдовъ „Жаннетты“ или чего либо, что указывало бы на временное пребываніе здѣсь человѣка за исключеніемъ, впрочемъ, документа положеннаго здѣсь четырнадцать дней тому назадъ капитаномъ Гуперомъ.

Когда мы разстались въ бухтѣ Св. Лаврентія съ „Стрѣлкомъ“, то были въ полной увѣренности, что встрѣтимся съ нимъ у мыса Сердце-Камень и передадимъ на него нашу послѣднюю почту; къ сожалѣнію, намъ не удалось этого выполнить, такъ какъ болѣе мы уже съ нимъ не встрѣчались, издали видѣли мы его еще на слѣдующее утро по направленію къ мысу Восточному, гдѣ онъ высадилъ гг. Краузе съ ихъ лодками и матросами. Пребываніе наше въ бухтѣ св. Лаврентія было очень непродолжительно; 18-го августа мы стали тамъ на якорь, а вечеромъ 19-го, уже были снова подъ парусами. Цѣлый день 19-го, мы стояли въ густомъ туманѣ, который прояснялся время отъ времени, а затѣмъ, тотчасъ же снова сгущался и облегалъ насъ со всѣхъ сторонъ. Все это было крайне неблагопріятно для нашего путешествія, но тѣмъ не менѣе, на „Роджерсѣ“ приняты были всевозможныя мѣры, чтобы ежеминутно быть готовыми итти подъ парами. Гг. Краузе пріѣхали къ намъ и провели съ нами

вечеръ до тѣхъ поръ, пока капитанъ Деливронъ не прислалъ сказать, что онъ намѣренъ двинуться часа черезъ полтора въ путь подъ парусами. Не прошло и часа, какъ „Роджерсъ“ былъ уже въ пути и вышелъ подъ парами изъ гавани въ дико-волнуюющійся Беринговъ проливъ. „Стрѣлокъ“, ушедшій только черезъ часъ послѣ насъ, скоро перегналъ „Роджерса“; онъ шелъ съ половиннымъ паромъ по восьми узловъ въ часъ, тогда какъ мы дали полный ходъ и дѣлали не болѣе четырехъ узловъ.

20-го августа, погода была очень бурная. Вѣтеръ дулъ съ сѣверо-запада, и притомъ съ такою необычайною силою, что мы едва съ нимъ могли бороться. Мы видѣли, какъ „Стрѣлокъ“ боролся съ волнами недалеко отъ берега, но скоро потеряли его изъ виду, лавируя противъ вѣтра; съ той поры мы не видались болѣе. Погода была ясная и прекрасная, когда мы на слѣдующее утро пересѣкли полярный кругъ, а затѣмъ, къ скоромъ времени увидали мысъ Сердце-Камень, легко признанный нами съ перваго же взгляда, благодаря рисунку приложенному къ „Отчету о путешествіи Корвина лѣтомъ 1880 года; капитана Гутера. Въ то время, какъ рано утромъ, мы находились близъ берега, къ намъ причалила сшитая изъ шкуръ лодка, переполненная чукчами, и остановилась у нашего борта; повидимому, эти люди имѣли намѣреніе войти съ нами въ мѣновую торговлю, но у нихъ не нашлось ровно ничего такого, что было бы намъ необходимо. Къ сожалѣнію, нельзя было также получить отъ нихъ какихъ либо полезныхъ указаній, такъ какъ у насъ не было подходящаго переводчика; оба наши чукотскіе возницы, захваченные изъ бухты св. Лаврентія, хотя и разговаривали очень бойко и оживленно съ нашими гостями, да мы то ихъ не понимали, и намъ отъ всей этой болтовни не было никакого толку. Скоро мы приняли новый грузъ туземцевъ, среди которыхъ нашелся таки одинъ, обладавшій кое-какими познаніями въ англійскомъ языкѣ; онъ могъ сообщить намъ очень неясныя свѣдѣнія о саняхъ, собакахъ и двухъ бѣлыхъ „на берегу недалеко“, а также и о пароходѣ, который былъ тамъ,

а теперь „паукъ“, т. е. ушелъ прочь. При затруднительности понимать другъ друга, мы такъ и не могли добиться отъ него, ушелъ ли этотъ пароходъ, или погибъ какимъ-нибудь образомъ. Во всякомъ случаѣ, приходилось провѣрить точнѣе это извѣстіе, а потому мы приказали этимъ людямъ—проводить насъ къ указываемому ими мѣсту, которое оказалось большимъ поселеніемъ чукчей, на берегу какого-то острова, принятаго нами за Колючинъ. Лейтенантъ Уэрингъ, мичманъ Гентъ, докторъ Джонсъ и я отправились на берегъ, гдѣ намъ сейчасъ же показали значительное число собакъ, принадлежавшихъ пароходу съ двумя мачтами“. Наконецъ, намъ принесли дощечку, на которой были вырѣзаны имена лейтенантовъ Герринга и Рейнгольдса и штурмана Гисслера съ „Корвина“; теперь все объяснилось: „Корвинъ“ былъ здѣсь весною и высадилъ своихъ собакъ, чтобы избавиться отъ лишняго груза во время своего лѣтняго крейсерства; на случай, если бы ему пришлось зазимовать въ Ледовитомъ океанѣ, ему ничего бы не стоило снова забрать отсюда своихъ собакъ.

Сильное волненіе крайне затрудняло высадку на этомъ мѣстѣ; но между островомъ и материкомъ находилась, повидимому, хорошая гавань, на которую мы тотчасъ и обратили вниманіе, такъ какъ она представляла собою вѣрное пристанище для тѣхъ, кому пришлось бы поневолѣ искать въ этихъ мѣстахъ зимовки. Открытіе это хотя отчасти вознаградило насъ за потерянное даромъ время, благодаря неясному и непонятному сообщенію чукчей, или вѣрнѣе, отсутствію у насъ хорошаго переводчика. Пока д-ръ Джонсъ ботанизировалъ по берегу, мы отправились въ поселеніе, гдѣ мы впервые увидѣли чукчей въ ихъ домашнемъ быту.

Поселокъ чукчей состоялъ изъ семи большихъ, круглыхъ, куполообразныхъ палатокъ, футовъ 20 въ діаметрѣ, которыя были сдѣланы изъ сшитыхъ вмѣстѣ тюленевыхъ шкуръ, растянутыхъ на очень замысловато установленныхъ кольяхъ изъ плавучаго лѣса. На той сторонѣ, которая приходилась противъ входа, стояли три или четыре постели, отдѣленные отъ главнаго помѣщенія занавѣсами изъ оленьихъ шкуръ;

это были отдѣльныя жилища столькихъ же семей, жившихъ подъ одною кровлею. Занавѣсы нѣкоторыхъ изъ этихъ клѣтушекъ были приподняты вверхъ, а на постеляхъ, сдѣланныхъ тоже изъ оленьихъ шкуръ, покрывавшихъ также и весь полъ этихъ клѣтушекъ, сидѣли женщины, занимавшіяся домашними работами, или же нянчившія цѣлую толпу грязныхъ, полунагихъ дѣтей. Невыносимый запахъ грязи и китоваго жира заставилъ меня вспомнить эскимосовъ; къ сожалѣнію, въ мѣстномъ языкѣ не было такого же сходства и я долженъ былъ переговариваться съ туземцами при помощи лишь крайне недостаточнаго для сношенія между людьми языка жестовъ, да нѣсколькихъ весьма немногихъ англійскихъ словъ, которыя они выучили, благодаря постояннымъ сношеніямъ съ американскими китоловами.

Судя по тому, что я видалъ въ этомъ селеніи, среди чукотскихъ женщинъ, также какъ и среди эскимосскихъ, господствуетъ обычай татуировки съ тою, однако, разницею, что у чукчей татуируются и дѣвушки, тогда какъ у эскимосовъ молодая женщина пріобрѣтаетъ право украситья, такимъ образомъ, только тогда, когда она должна покинуть отчую палатку и переходить жить къ своему мужу. Въ татуировкѣ также замѣчается нѣкоторая разница: украшенія на щекахъ зависятъ здѣсь, повидимому, отъ личнаго вкуса, тогда какъ украшенія на подбородкѣ во всѣхъ видѣнныхъ мною случаяхъ были совершенно схожи съ обычными украшеніями у остальныхъ эскимосскихъ племенъ.

Для того, кто привыкъ къ точнымъ съемкамъ южныхъ береговъ, неполнота картографическихъ свѣдѣній о полярныхъ странахъ представляетъ нѣчто ужасающее; на нашихъ различныхъ картахъ, положеніе острова Колючина было обозначено до такой степени различно, что разница достигала 40 и 60 миль, такъ что намъ пришлось сомнѣваться, дѣйствительно ли мы находились у этого острова. Такъ какъ я зналъ, что названіе острова заимствовано у чукчей, то и обратился съ вопросомъ прежде всего къ одному изъ проводниковъ, это ли островъ Колючинъ. Сначала, казалось, онъ и самъ не былъ

вполнѣ увѣренъ въ этомъ, но, посоветовавшись со своими друзьями на берегу, онъ снова пришелъ ко мнѣ и, указывая островъ, произнесъ слово „Колючинъ“; я удовлетворился этимъ и принялъ на вѣру, что онъ правъ, хотя и сознавалъ, что такое подтвержденіе моихъ словъ ровно ничего не значитъ; навѣрное, онъ сказалъ бы „да“, если бы я его спросилъ, не называется ли этотъ островъ островомъ Соединенныхъ Штатовъ, такъ какъ онъ, подобно всѣмъ этимъ добродушнымъ дикарямъ, былъ склоненъ соглашаться рѣшительно со всѣмъ, что мы ему не говорили.

Въ теченіе слѣдующей ночи и всего слѣдующаго дня дулъ благопріятный вѣтеръ; измѣренія глубины лотомъ производились все время черезъ каждый часъ, и здѣсь всѣ глубины сходились съ глубинами, указанными на картѣ. По временамъ, встрѣчали мы плавучій лѣсъ, который несся по теченію къ сѣверу и къ западу.

22-го августа, распредѣлены были офицеры и матросы на всѣ лодки „Роджерса“ и отданы были всѣ приказанія для того, чтобы, въ случаѣ нужды, мы могли, по возможности, скоро и въ порядкѣ покинуть судно. Весь слѣдующій день насъ окружалъ густой туманъ; когда около 7 часовъ вечера онъ сталъ подниматься, насъ позвали на палубу, чтобы мы могли насладиться видомъ Врангелевой земли; но то, что мы увидели передъ собою, было до такой степени похоже на клочекъ тумана, что между нами произошелъ оживленный споръ, земля это, или нѣтъ. Въ концѣ-концовъ, оказалось, что это была земля, и быстрое паденіе температуры воды (въ три часа времени температура понизилась на цѣлыхъ четыре градуса) показало намъ, что мы приближаемся къ ледянымъ полямъ. Прошло очень немного времени, когда съ реи увидѣли дѣйствительно ледъ на сѣверѣ и на западѣ, а затѣмъ скоро онъ сталъ видѣнъ и съ востока. Вѣтеръ дулъ, какъ разъ съ той стороны, гдѣ былъ ледъ, а такъ какъ и безъ того уже было достаточно сыро, то онъ показался намъ, жителямъ болѣе южныхъ широтъ, непріятно холоднымъ, хотя термометръ и показывалъ всего лишь 2 градуса. Черезъ нѣсколько времени

мы увидѣли передъ собою какой-то предметъ, который, послѣ долгихъ наблюденій при помощи подзорныхъ трубъ, признанъ былъ за корабль, лишенный мачтъ и занесенный снѣгомъ. Для удостовѣренія въ томъ, дѣйствительно ли это погибшее судно, мы направились прямо къ заинтересовавшему насъ предмету и, когда мы достаточно вдвинулись въ ледяное поле, то скоро убѣдились, что мнимые остатки судна не что иное, какъ ледяная глыба, покрытая иломъ; сходство было полное и для того, чтобы разубѣдиться въ нашемъ предварительномъ предположеніи, намъ пришлось приблизиться къ самой глыбѣ. Весь ледъ, который мы нашли здѣсь, казался старымъ и талымъ, но, повидимому, былъ когда-то очень крѣпокъ и толстъ. Послѣ этого уклона, взяли мы снова свой прежній курсъ, но, такъ какъ въ это время наступила уже темнота, а мы все еще находились среди льда, то и пришлось стать на якорь, чтобы обезопасить себя отъ столкновенія съ такими громадными массами льда; не смотря, однако, на эту предосторожность, мы получили, все-таки, нѣсколько очень сильныхъ толчковъ, которые потрясали крѣпкую обшивку „Роджерса“, но не наносили судну никакого вреда.

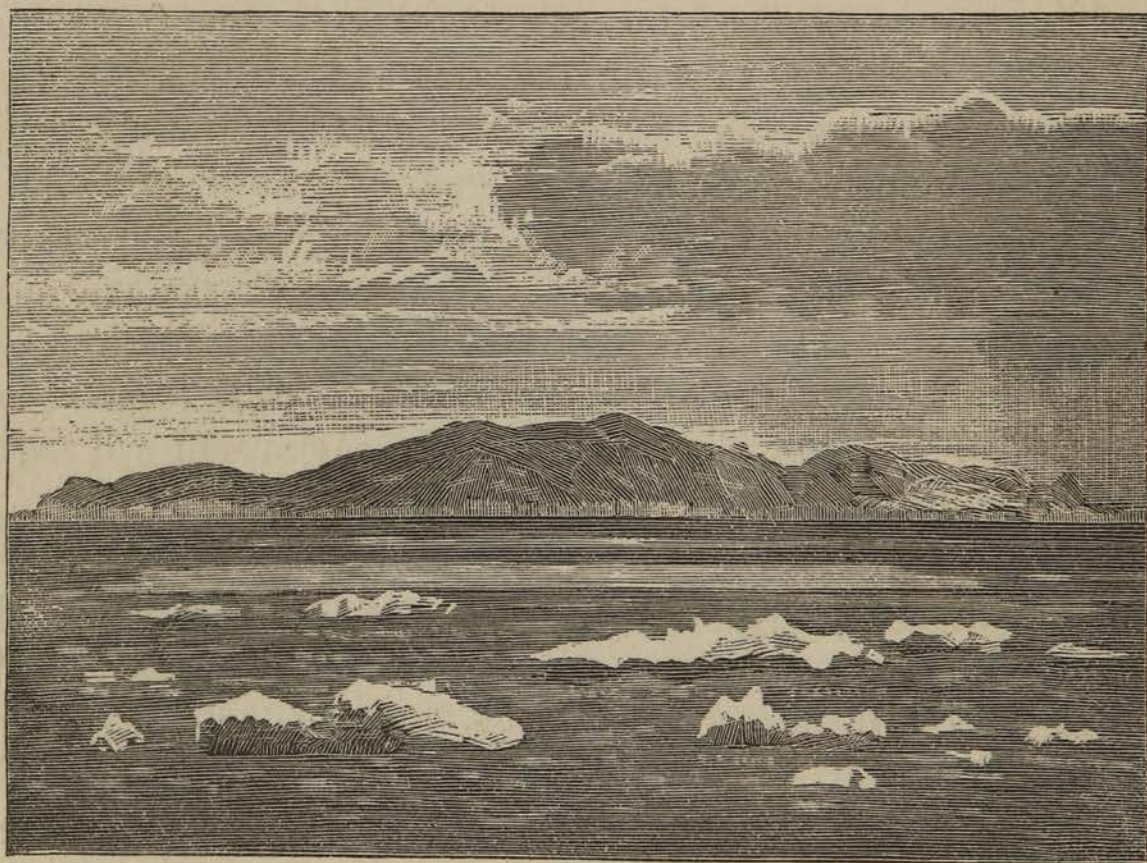
На слѣдующее утро, погода была холодная и ясная, а потому были видны, какъ островъ Гаральдъ, такъ и Врангелева земля. Около полудня, достигли мы острова Гаральда, который былъ совершенно свободенъ отъ льда, и попробовали проѣхать на его западную сторону.

Тутъ, однако, наткнулись мы на сильное волненіе, которое разбивалось объ опасные утесы, выдающіеся въ юго-западномъ направленіи мили на двѣ въ море. Пришлось стать на якорь миляхъ въ трехъ южнѣе западной оконечности острова и послать на берегъ только лодку, чтобы поискать слѣдовъ „Жаннетты“ и положить подъ каменный курганчикъ документъ, свидѣтельствующій о нашемъ посѣщеніи. Трудно было итти на веслахъ, но высадка произошла, сравнительно довольно легко на самой западной части острова, подъ прикрытіемъ рифа, омываемаго со всѣхъ сторонъ морскими волнами. Лодкой управлялъ лейтенантъ Уэрингъ, вмѣстѣ съ которымъ, кромѣ меня,

находились еще мичманы Гѣнтъ и Стоней и оба врача, Джонсъ и Кастильо. Недалеко отъ вершины западнаго утеса воздвигли мы нашъ каменный курганчикъ, въ срединѣ котораго укрѣпили большую доску, гдѣ написали названіе нашего судна и день нашего посѣщенія. Между тѣмъ, нѣкоторые изъ насъ взобрались на самую вершину и прошли по гребню горъ до средней и притомъ высшей точки острова, тогда какъ остальные занимались охотою на морскихъ птицъ и собирали мхи и растенія для нашихъ ботаниковъ. Весь островъ представляетъ собою не что иное, какъ узкій и высоній утесъ миль 5—6 въ длину, при наибольшей ширинѣ, едва достигающей четверти мили; на западной сторонѣ острова, гребень такъ узокъ, что мы очень удобно сядились на него верхомъ, тогда какъ на восточной сторонѣ онъ ниже и имѣетъ округленную форму. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы высадились, каменная порода состоитъ изъ глинистаго сланца, среди котораго въ расщелинахъ то тамъ, то сямъ виднѣется гранитъ. Подъемъ былъ крутъ и труденъ и возможенъ лишь потому, что мѣстами мы карабкались на четверенькахъ и цѣплялись за выступы сланцевыхъ породъ, которыя постоянно угрожали намъ паденіемъ и тѣмъ, что ихъ обломки увлекли бы вмѣстѣ съ собою въ глубину и отважныхъ лазуновъ. Въ самой высшей своей точкѣ островъ поднимается на 600 футовъ надъ поверхностью моря, но, такъ какъ воздухъ былъ чрезвычайно прозраченъ, то передъ нами открывалось чрезвычайно обширное поле зрѣнія. Врангелева земля была прекрасно видна, но на сѣверъ отъ нея, на сколько хватало зрѣніе, ни гдѣ другой земли не было видно.

Пройдя восточную оконечность острова, „Роджерсъ“ направился на мысъ Хавайи на Врангелевой землѣ, и уже въ 10 часовъ на слѣдующее утро мы увидали его передъ нами сплошь затертымъ съ восточной стороны льдами, тянущимися на сѣверъ отъ острова на столько, на сколько видно было простымъ глазомъ. Мы сохраняли все тоже направленіе на юго-западъ и въ половинѣ четвертаго достигли льдовъ, черезъ которые съ трудомъ и притомъ очень тихимъ ходомъ стали пробиваться къ берегу, находившемуся отъ насъ въ какихъ нибудь 12 ми-

ляхъ. Чѣмъ болѣе мы приближались къ берегу, тѣмъ бѣльшее волненіе охватывало экипажъ „Роджерса“, а когда мы шли по открытымъ проходамъ, или, какъ это не разъ случалось, попадали въ полыньи чистой воды, гдѣ мы могли итти полнымъ ходомъ, то на лицахъ всѣхъ членовъ экспедиціи была написана неизъяснимая и непритворная радость. Не разъ имѣли мы случай оцѣнить вполнѣ крѣпость и силу нашего судна, въ особенности, когда намъ приходилось пробивать себѣ дорогу

Островъ Гаральдъ.

черезъ твердый плавучій ледъ, загоразживавшій намъ зачастую путь къ острову. Около берега вода была совершенно чиста отъ льда; только по временамъ виднѣлись отдѣльныя глыбы, которыхъ избѣжать намъ не стоило никакого труда. Въ 10 часовъ, мы бросили якорь приблизительно въ трехъ четвертяхъ мили отъ берега и при семи саженьяхъ глубины; тотчасъ же были спущены двѣ лодки, чтобы свезти на берегъ нѣсколькихъ офицеровъ. Высадившись на плоскій песчаный берегъ,

они крикнули три раза „ура!“, и имъ восторженно отвѣчали съ „Роджерса“ такими же радостными криками; затѣмъ, сожгли двѣ ракеты и, когда десантъ возвратился на судно, одинъ изъ офицеровъ расщедрился и въ честь столь радостнаго дня роздалъ намъ по куску огромнаго рождественскаго пирога.

Передъ тѣмъ, какъ спустить ракеты, лейтенантъ Уэрингъ позвалъ нашихъ обоихъ чукотскихъ проводниковъ, получившихъ отъ насъ прозвища „Ливерпуль“ и „Кокней“, показалъ имъ оба цилиндра и спросилъ, знаютъ ли они, что это такое. „Да, ме сабе“,—былъ отвѣтъ и тогда уже зажгли стопинъ, а они стояли и смотрѣли съ напряженнымъ вниманіемъ на то, что будетъ. Первоначальное шипѣніе и тлѣніе стопина доставляло имъ, видимо, большое удовольствіе; когда же внизу цилиндра раздался сначала трескъ, а затѣмъ, произошелъ взрывъ и ракета понеслась въ вышину, оставляя за собой блестящій слѣдъ, оба они были поражены такимъ паническимъ страхомъ, что безъ смѣху на нихъ невозможно было смотрѣть. Словно по командѣ, схватили они оба себя за волосы, какъ будто имъ предстояло удержать эти послѣдніе на головѣ, сдѣлали большой прыжокъ назадъ и остановились, дрожа всѣмъ тѣломъ и сдерживая дыханіе, устремивъ взоры въ безконечномъ изумленіи на сыпавшіяся сверху, изъ лопнувшей высоко въ небѣ ракеты, разноцвѣтныя, свѣтлыя звѣздочки. Стало ясно, что они не имѣютъ ровно никакого понятія ни о нашемъ „4 іюля“, ни объ обычномъ у насъ способѣ его празднованія.

На слѣдующее утро, въ половинѣ седьмого, снова была послана лодка съ тѣмъ, чтобы точнѣе изслѣдовать лагуну, или вѣрнѣе, узенькую бухту, которая, по словамъ бывшихъ вчера на берегу офицеровъ, вѣзывалась между не менѣе узкою косою и ближайшею цѣпью холмовъ въ материкъ; и дѣйствительно, за длинною и низкою косою оказалась превосходная гавань съ твердымъ дномъ и достаточной глубины даже для такого большого и глубоко сидящаго судна, какъ „Роджерсъ“. Тотчасъ, по возвращеніи лодки, мы вошли на парахъ въ только что открытую гавань, гдѣ безотлагательно и были сдѣланы всѣ приготовленія къ различнымъ экспедиціямъ,

имѣющимъ быть организованными для отысканія парохода „Жаннетты“.

Изъ трехъ отдѣленій, на которыя разбитъ былъ весь экипажъ, первое, подъ руководствомъ капитана Бѣрри, должно было отправиться на сѣверный берегъ, или же на какой-нибудь высокій пунктъ острова, съ котораго представлялась бы возможность видѣть весь островъ, съ его берегами; другому, подъ предводительствомъ лейтенанта Уэринга, поручено было плыть въ китобойной лодкѣ вдоль восточнаго берега; третье, съ мичманомъ Гѣнтомъ во главѣ, послано было на западъ для изслѣдованія берега въ этомъ направленіи. Обѣ послѣднія экспедиціи, снабженныя провіантомъ на пятнадцать дней, получили приказаніе постараться, по возможности, объѣхать весь островъ, такъ какъ послѣ наблюденій, произведенныхъ нами съ острова Гаральда, мы уже ни на минуту не сомнѣвались въ томъ, что имѣемъ дѣло съ островомъ, а не съ материкомъ.

По подробнымъ инструкціямъ, полученнымъ отдѣльными экспедиціонными отрядами, они должны были обращать вниманіе на такъ называемые „кэрны“, или курганчики изъ камней, производить наблюденія надъ морскими теченіями и собрать возможно полный научный матеріаль. Къ отряду капитана Бѣрри принадлежали, кромѣ главнаго врача д-ра Джонса, еще четыре человѣка, а именно: Франкъ Мельмсъ, отлично знающій условія арктическихъ сухопутныхъ путешествій, принимавшій участіе въ экспедиціи лейтенанта Шватка на землю короля Уильяма въ 1878 — 1880 годахъ; Олафъ Петерсенъ и Тома Лоудонъ, оба служившіе долгое время во флотѣ и перешедшіе только за три дня до нашего отъѣзда на „Роджерсъ“ съ „Пенсаколы“ и, наконецъ, Доминикъ, нашъ цвѣтной буфетчикъ, который отправился въ путь въ полной увѣренности, что дѣло идетъ о простой прогулкѣ на сѣверный полюсъ; объ этомъ сѣверномъ полюсѣ, какъ онъ рассказывалъ, столько ему приходилось слышать, что поневолѣ захотѣлось, наконецъ, взглянуть, что это за штука такая. Въ качествѣ замѣстителя капитана остался на „Роджерсѣ“, старшій лейтенантъ Чарльзъ Ф. Путнамъ, которому поручено было производить магнитныя

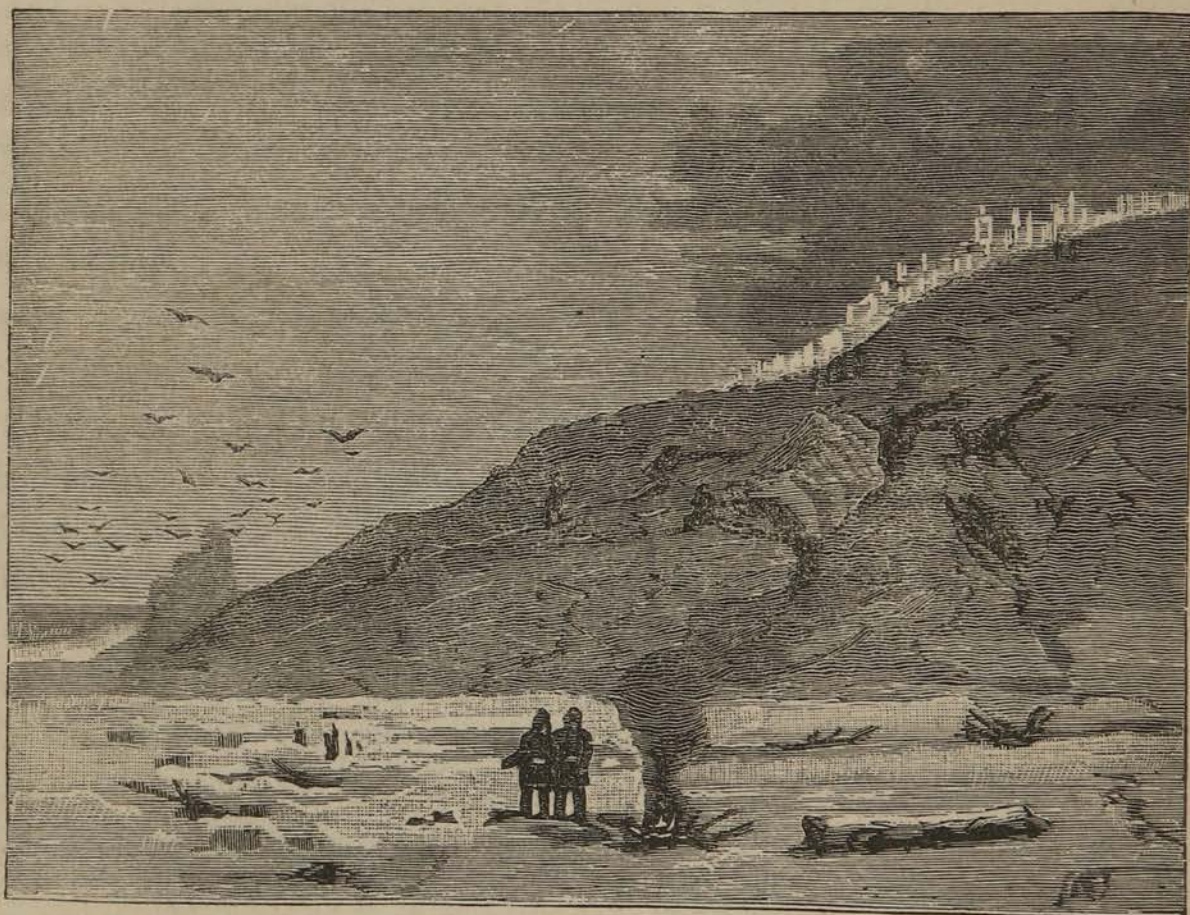
наблюденія, причемъ мичманъ Джорджъ М. Стоней долженъ былъ помогать ему, въ качествѣ ассистента. Этому послѣдному было кстати поручено сдѣлать съѣмку гавани и близълежащихъ береговъ. Оба офицеры, казалось, были рождены именно для такого рода работъ; такъ какъ занимались уже долгое время на родинѣ въ комиссіи береговой съѣмки въ Соединенныхъ Штатахъ и были уволены только на нѣкоторое время, чтобы принять участие въ нашей экспедиціи.

Всю пятницу, а также и часть субботы, вплоть до 3-хъ часовъ пополудни, всѣ были заняты снаряженіемъ экспедиціонныхъ отрядовъ и въпродолженіи всего этого времени хлопоты и работы царили на „Роджерсѣ“. Троекратное „ура,, остающихся раздалось, въ знакъ прощанія съ отъѣзжающими, когда тѣ отчалили отъ судна, чтобы отправиться навстрѣчу предстоявшихъ имъ приключеній и опасностей.

Когда экспедиціонные отряды покинули „Роджерсѣ“, насъ все еще оставалось 19 человѣкъ, считая въ этомъ числѣ обоихъ чукчей и камчадала, захваченнаго нами изъ Петропавловска и до такой степени привыкшаго къ морской службѣ, что онъ выразилъ желаніе отправиться съ нами въ Соединенные Штаты. На слѣдующій день, въ воскресенье, погода была такъ прекрасна, какъ никогда въ этихъ странахъ бурь и непогоды; солнце блистало ярко на небѣ и ни малѣйшій вѣтерокъ не колыхалъ зеркальной поверхности моря. Мы воспользовались прекрасною погодою для того, чтобы установить на сосѣднемъ берегу палатку подъ обсерваторію, и Путнамъ немедленно принялся за наблюденія отклоненія магнитной стрѣлки и за разныя вычисленія. Стоней, съ своей стороны, отправился производить съѣмку берега, для чего и избралъ базисъ въ три мили длиною. Мало того, тотчасъ же опредѣлили широту и долготу гавани, сняли фотографію съ корабля и окрестностей и поохотились очень удачно. Годжсонъ, боцманмать, отправился въ сопровожденіи Ливерпуля и Кокнея въ трехмѣстномъ шкурномъ каякѣ, далеко въ ледяное поле и убилъ около десятка моржей. Онъ хотѣлъ притащить за собою, на буксирѣ, четырехъ изъ убитыхъ звѣрей, но они бы-

ли слишкомъ тяжелы, такъ что по пути онъ все отвязывалъ ихъ по одному и привезъ на судно всего лишь одного.

Между тѣмъ, на море палъ густой туманъ и, такъ какъ мы боялись, чтобы наши охотники на моржей не заблудились во льдахъ, то Трасей, плотникъ, былъ посланъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ людей за ними на поиски; въ то-же время, съ корабля, черезъ каждыя пять минутъ, давались, посредствомъ туманной трубы, сигналы, пока, наконецъ, около поло-

Оставленіе документовъ на островъ Гаральдъ.

вины одинадцатаго, не возвратились обѣ лодки. Имъ пришлось грести изо всѣхъ силъ, чтобы тащить за собою моржа, да и теперь всѣ мы, и офицеры, и простые матросы, напрягли всѣ наши силы для того, чтобы втащить звѣря на палубу, при помощи веревокъ, окруженныхъ вокругъ его шеи. Оказалось, что это моржиха, пудовъ въ тридцать вѣсомъ, которая попалась очень кстати, такъ какъ доставила значительное подспорье для собачьяго корма. Ливерпуль и Кокней ос-

вѣжевали и разрѣзали мясо на куски, съ видимымъ наслажденіемъ, причемъ не преминули, по временамъ, не оставляя ни на минуту своей работы, угощаться кусками такого лакомаго для нихъ окровавленнаго мяса. Наша обыкновенная пища давно уже потеряла для нихъ свою прелесть; желудки ихъ, казалось, неотступно требовали, чтобы ихъ снова напичкали сырымъ мясомъ и теперь они были вполнѣ довольны, что имъ представилась возможность удовлетворить этому требованію.

На другой день, еще два моржа были убиты и доставлены на палубу; мы запаслись теперь мясною пищею для нашихъ 50 собакъ. А между тѣмъ, хорошая погода начала портиться: на третій день, по уходѣ экспедиціонныхъ отрядовъ, на насъ налетѣлъ штормъ съ сѣвера; но тутъ мы имѣли возможность сдѣлать очень интересныя наблюденія надъ измѣненіями во льдахъ. Ледяное поле, которое простиралось на востокъ, по ту сторону мыса Хавайи, пришло въ движеніе и, не смотря на то, что вѣтеръ дулъ съ берега, все открытое пространство моря, бывшее передъ нами, черезъ три часа времени покрылось крутящимися массами льда, огромныя глыбы котораго съ необыкновенною силою и съ страшнымъ трескомъ и грохотомъ сталкивались другъ съ другомъ. Море съ удивительною силою било въ наружную сторону песчаной косы и намъ оставалось только радоваться, что мы успѣли заблаговременно, пока еще стояла хорошая погода, окончить бѣльшую часть нашихъ работъ.

Въ теченіе слѣдующихъ девятнадцати дней нашего пребыванія здѣсь, мы видѣли странное явленіе, какъ ледъ постоянно двигался вдоль берега къ западу, тогда какъ, по самой природѣ вещей, вѣтеръ долженъ былъ отгонять его отъ берега. Иногда, когда мы укладывались уже спать, море представлялось, насколько можно было видѣть невооруженнымъ глазомъ, сплошь покрытымъ плавучимъ льдомъ, а когда на другое утро мы снова выходили на палубу, то удивленнымъ глазамъ нашимъ снова представлялась неизмѣримая даль открытаго и совершенно свободнаго ото льда моря, по которой

то тамъ, то сямъ неслись отдѣльныя могучія глыбы; часто случалось, что утромъ видѣли мы все тѣ же ледяныя поля передъ собою тамъ, гдѣ еще вечеромъ разстилалось открытое море. Эти то быстрыя перемѣны, такъ изумляющія моряка и, вмѣстѣ съ тѣмъ, до такой степени мѣшающія ему въ его предпріятіяхъ, привели къ тому, что среди китолововъ утвердилась теорія, по которой въ этихъ широтахъ, въ силу неизвѣданныхъ еще законовъ природы, ледъ опускается будто-бы на дно и снова поднимается на поверхность океана.

Въ результатѣ магнитныхъ наблюдений, произведенныхъ оставленными на суднѣ офицерами, получилась инклинація въ $79^{\circ} 15'$ и отклоненіе въ $14^{\circ} 49'$. Интенсивность была незначительна и притомъ часто колебалась.

Глава VII.

Вокругъ острова.

На «Роджерсѣ», островъ Врангеля.
12-го сентября 1881 г.

Въ слѣдующіе дни погода стояла неблагопріятная и невозможно было дѣлать какія либо наблюденія; наша жизнь была бы крайне однообразною, если бы насъ не ожидало волненіе испытанное на охотѣ за медвѣдями. Въ субботу, 3-го сентября, въ 6 часовъ вечера, только что мы хотѣли садиться за столъ, какъ на берегу показались какіе-то два бѣлые предмета, которые, при помощи подзорной трубы, мы тотчасъ же признали за медвѣдицу и ея медвѣженка. Тотчасъ была спущена на воду наша маленькая лодка; двое офицеровъ, вооруженныхъ винтовками, прыгнули въ нее и отправились къ берегу, съ усиліемъ выгребая противъ волненія; гребцамъ приходилось, къ сожалѣнію, бороться съ сильнымъ противнымъ вѣтромъ, такъ что медвѣди имѣли время собраться въ обратный путь и значительно опередить охотниковъ. Едва толь-

ко лодка успѣла причалить къ берегу, какъ сидѣвшіе въ ней выскочили вонъ, и началось преслѣдованіе. Впереди всѣхъ бѣжалъ Трасей, плотникъ, обуреваемый охотничьимъ пыломъ, не смотря на то, что при высадкѣ принялъ холодную ванну и промокъ до костей; когда остальные, послѣ довольно долгаго и безустаннаго преслѣдованія, повернули обратно къ берегу, онъ, указывая рукою впередъ и вскрикнувъ какимъ то особенно одушевленнымъ голосомъ: *Excelsior!* — ринулся одинъ преслѣдовать звѣрей. Старанія его увѣнчались полнымъ успѣхомъ, и въ 10 часовъ вечера онъ возвратился, сдѣлавъ верстъ пятнадцать, но вмѣстѣ съ тѣмъ и уложивъ обоихъ медвѣдей.

Въ тотъ же вечеръ, часу въ одиннадцатомъ, услышали мы на „Роджерсѣ“ громкій крикъ, принесшійся съ вышеупомянутой косы; крикъ этотъ пересилилъ непрестанный ревъ бушующаго вѣтра. Мы узнали голосъ капитана Берри, который возвращался изъ своего путешествія; онъ пріѣхалъ въ сопровожденіи одного только спутника; остальные слѣдовали за нимъ, въ нѣкоторомъ отдаленіи, такъ какъ ноги ихъ, съ непривычки сильно пострадали отъ ходьбы по каменистому и неровному грунту. Капитанъ Берри нарочно пошелъ впередъ, чтобы послать къ нимъ, въ глубь гавани, лодку и такимъ образомъ, избавить ихъ отъ излишняго пути въ четыре мили; управленіе лодкою, тотчасъ же спущенною на воду, было поручено боцманмату Годжсону, старому, испытанному моряку, который не разъ бывалъ въ арктическихъ экспедиціяхъ и въ особенности, умѣло могъ управляться съ лодкою среди льдовъ. Несмотря, однако, на всевозможныя старанія, скоро пришлось убѣдиться, что нѣтъ рѣшительно никакой возможности бороться съ волненіемъ и вѣтромъ; Годжсону пришлось бросить лодку тутъ же на берегу и спѣшить со своими людьми къ несчастнымъ путникамъ, чтобы, въ случаѣ необходимости, имъ оказать содѣйствіе. Предпріятіе было не легкое, такъ какъ къ довершенію всѣхъ бѣдъ на встрѣчу имъ поднялась страшная снѣжная мятель, вслѣдствіе которой они могли проплутать до самаго разсвѣта. Доминикъ совершенно потерялъ силы,

когда его притащили на палубу; на вопросъ, гдѣ его нашли, онъ отвѣчалъ, какъ бы выходя изъ забытья, что онъ и его спутники сбились съ дороги, отдалились отъ берега и порѣшили прилечь отдохнуть въ ближнемъ „лѣсочкѣ“. Оказалось, что посланные не могли никакъ отыскать слѣдовъ д-ра Джонса, а потому и отряжена была немедленно лодка, порученная на этотъ разъ управленію г. Стоней. Послѣ долгихъ и невѣроятныхъ усилій, этому послѣднему удалось счастливо высадиться во внутренней части бухты; онъ исходилъ по разнымъ направлениямъ ближайшую часть берега, но всѣ поиски оказались тщетными. Около 10 часовъ утра, снова услышали мы громкій крикъ, но на этотъ разъ онъ донесся уже со стороны острова; на скоро снарядили лодку, которая и доставила на „Роджерсъ“ недостававшихъ еще членовъ отряда капитана Берри, а именно: д-ра Джонса и Франка Мельмса. По рассказамъ перваго изъ нихъ, онъ не очень страдалъ въ эту памятную ночь отъ холода и непогоды, такъ какъ Франкъ Мельмсъ, оставшійся съ нимъ добровольно, ради того, чтобы не покинуть его на произволъ судьбы, всячески оберегалъ его и строилъ ему довольно сносное убѣжище отъ дождя и снѣга. Докторъ не могъ нахвалиться дружескимъ участіемъ, съ которымъ относился къ нему добрый малый, успѣвшій сохранить еще свои силы и имѣвшій, слѣдовательно, полную возможность добраться въ тотъ же вечеръ до „Роджерса“, но не пожелавшій покинуть товарища, которому онъ могъ быть полезенъ, благодаря своей опытности въ полярныхъ путешествіяхъ и невзгодахъ. Теперь пришлось послать на берегъ обоихъ машинистовъ Моррисона и Кезилля, чтобы вернуть съ тщетныхъ поисковъ Стоней и его команду; наконецъ, около 2 часовъ пополудни, всѣ собрались на „Роджерсъ“, измученные непосильными трудами и голодные, какъ волки.

Капитанъ Берри дошелъ почти до самой сѣверо-западной оконечности острова, гдѣ нашелъ барометрическую высоту въ 2,500 ф.; съ этой горы ему удалось обзрѣть всѣ берега острова, за исключеніемъ небольшого клочка, между югомъ и юго-западомъ, гдѣ возвышалась и закрывала горизонтъ цѣпь

горъ значительной высоты. Капитанъ Берри полагалъ, что лейтенантъ Уэрингъ, начавшій свое плаваніе, при очень благоприятномъ вѣтрѣ, успѣлъ уже пройти восточную и сѣверную части своего сравнительно небольшого маршрута и находится въ настоящее время гдѣ нибудь на обратномъ пути къ мѣсту нашей стоянки. Такъ какъ капитанъ старался всячески избѣгать излишней задержки „Роджерса“ тамъ, гдѣ отъ этого не могло быть никакой пользы, то онъ и рѣшилъ вернуться скорѣе къ мѣсту стоянки. Внутри острова не нашлось никакихъ слѣдовъ животной жизни; по части растеній, тамъ встрѣчались лишь тѣ же немногіе виды, которые и росли на берегу. Два горные хребта тянутся по острову отъ сѣвера къ югу, а между ними находится холмистая мѣстность, омываемая нѣсколькими небольшими рѣчками, питаемая таяніемъ горныхъ снѣговъ. Въ минералогическую и ботаническую коллекцію, которая пополнялась во все время пути, попалъ въ первый же день странствованія, превосходно сохранившійся экземпляръ мамонтова зуба; позднѣе, какъ членами экспедиціи, такъ и тѣми, которые оставались въ гавани, найдено было еще нѣсколько огромныхъ клыковъ этого животнаго, въ большей или меньшей степени сохранности. Когда капитанъ, въ сопровожденіи Лаудона, вечеромъ подходилъ уже къ нашей бухтѣ, то Лаудонъ замѣтилъ на дорогѣ голову медвѣдя, смотрѣвшаго съ вершины холмика; онъ тотчасъ же сбросилъ свои вещи на землю и, тщательно цѣлясь, выпустилъ нѣсколько зарядовъ въ неподвижно стоявшій передъ нимъ трупъ медвѣдицы, которую за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ убилъ плотникъ. Къ счастью, капитану Берри скоро удалось умѣрить его пылъ раньше, нежели онъ успѣлъ совершенно испортить столь драгоценную для убившаго шкуру.

Лейтенанта Уэринга сопровождалъ въ его поѣздкѣ докторъ Кастильо; экипажъ состоялъ изъ штурмана Фр. Брука и четырехъ матросовъ: Франка Берка, Уильяма Греса, Юліуса Гюбнера и Оуэна Макарти. Гюбнеръ, нѣсколько разъ уже побывавшій на китоловныхъ судахъ и имѣвшій, благодаря этому, не разъ случай плавать въ лодкѣ среди льдовъ, при-

несъ огромную пользу экспедиціи своимъ знаніемъ дѣла и опытною; сопровождаемые громкимъ „ура!“ оставшихся на суднѣ и гонимые свѣжимъ попутнымъ вѣтромъ, сильно надувавшимъ парусъ, наши экспедиціонеры пустились въ путь на востокъ, полные надеждъ на счастливый исходъ своихъ поисковъ; въ тотъ же вечеръ они достигли мыса Хавайи, гдѣ г. Уэрингъ, вслѣдствіе спавшаго вѣтра, остановился бивуакомъ на берегу. Ничѣмъ не нарушенный сонъ въ теченіе всей ночи, а также гордое, возвышающее душу сознаніе, что проводишь ночь въ палаткѣ, при 3° мороза, на островѣ Врангеля, сдѣлало пребываніе отряда въ этомъ мѣстѣ пріятнымъ. Обѣхавъ на слѣдующее утро мысъ, стали на якорь у меньшаго островка, находящагося при устьѣ ручья, гдѣ нашли скелеты большаго кита и моржа. Вниманіе лейтенанта Уэринга привлечено было, однако, болѣе всего нѣсколькими кусками дерева, торчавшими изъ песка и воткнутыми въ него, по всѣмъ вѣроятіямъ, съ намѣреніемъ; приглядѣвшись къ мѣстности, онъ замѣтилъ и слѣды людей, которые вели къ ближайшему утесу; онъ тотчасъ же отправился по слѣду и скоро достигъ флагштока, съ висѣвшими на немъ какими то обрывками, оказавшимися остатками флага Сѣверо-американскихъ Штатовъ. Къ нижнему концу флагштока привязана была бутылка, содержащая въ себѣ № газеты „Нью-Йоркъ-Геральда“, отъ 22 марта 1881 года и двѣ записки слѣдующаго содержанія:

„Копія.

„Таможеннаго флота Соединенныхъ Штатовъ, пароходъ „Корвинъ“, Врангелева земля, 12-го августа 1881 года.

„Таможеннаго флота Соединенныхъ Штатовъ, парохода „Корвинъ“ капитанъ К. Л. Куперъ высадился здѣсь, ради отысканія слѣдовъ судна „Жаннетта“. Ящикъ съ провіантомъ положенъ во второмъ утесѣ, отсюда на сѣверъ. Все на кораблѣ благополучно“.

(Безъ подписи).

„Таможеннаго флота Соединенныхъ Штатовъ куттеръ „Корвинъ“.

12-го августа 1881.

„Прибыли сегодня сюда, высадившись предварительно и на островъ Гаральдъ. На сѣверо-восточной возвышенности этого острова воздвигнутъ каменный курганчикъ, въ которомъ положенъ отчетъ. Нашедшаго просятъ переслать содержимое въ бутылкѣ въ редакцію „Нью-Йоркъ-Геральда“.

„I. K. Россе“.

Съ обоихъ документовъ лейтенантъ Уэрингъ снялъ копию, которая и вложилъ снова въ бутылку, на мѣсто подлинниковъ; самые же оригиналы были захвачены съ собою и затѣмъ, доставлены морскому министру, вмѣстѣ съ донесеніемъ капитана Бѣрри. Въ 3 часа пополудни, лодка обогнула мысъ, среди котораго, на разстояніи 150 ф. отъ берега, возвышался совершенно вертикально стоящій, столпообразный утесъ, футовъ во сто вышины. Здѣсь экспедиція наткнулась на массу плавучаго льда, который простирался на востокъ, на сколько хватало зрѣнія; ближе къ берегу ледъ былъ не такъ густъ, и потому лодка двинулась впередъ по этому узенькому каналу нѣсколько часовъ сряду продолжалось это трудное путешествіе, причемъ приходилось грести только самыми короткими веслами и потому подвигаться лишь чрезвычайно медленно впередъ. Однако, около 6 часовъ вечера, ледъ до такой степени сгустился, что лейтенантъ Уэрингъ нашелъ необходимымъ въ первомъ же удобномъ мѣстѣ вытащить лодку на берегъ. Здѣсь отрядъ расположился на ночлегъ, а такъ какъ и на слѣдующее утро состояніе льда было то же, то гг. Уэрингъ и Кастильо предприняли экскурсію къ довольно высокому холму, который возвышался на нѣкоторомъ разстояніи отъ лагеря, на сѣверъ. Послѣ чрезвычайно утомительнаго карабканья, имъ удалось, наконецъ, добраться до вершины, откуда они могли озираться западную часть берега на очень значительное разстояніе—это хотя немного вознаградило ихъ за перенесенныя имитруды при подъемѣ. Тотъ пунктъ, на которомъ они находи

лись, былъ самымъ выдающимся, на сѣверо-востокъ, мысомъ острова; на сѣверъ не было видно никакой земли. На западъ берегъ былъ необыкновенно плоскъ; нѣсколько длинныхъ и низкихъ косъ далеко простирались, съ этой стороны, въ море; въ глубокихъ бухтахъ между ними лежалъ сплошными массами ледъ. На слѣдующее утро, погода была ясная; съ берега, въ ONO направленіи совершенно ясно можно было разглядѣть очертанія острова Гаральда. Около 9 часовъ, ледъ началъ мало-по-малу отходить отъ берега, что давало возможность снова приняться за короткія весла и попробовать итти на нихъ впередъ. Черезъ шесть часовъ, послѣ усиленныхъ трудовъ, удалось обогнуть предгоріе и оставить за собою около 5 миль береговой линіи сѣверной части острова; но когда въ пять часовъ пополудни, хотѣли снова пуститься въ путь, то натолкнулись на непреодолимые препятствія; цѣлыхъ полтора часа люди выбивались изъ силъ, чтобы пробить себѣ среди льда дорогу и только съ непомѣрнымъ трудомъ, да и то лишь потому, что лодка была поспѣшно повернута назадъ, экспедиціи удалось избѣгнуть неминуемой опасности, а быть можетъ и гибели между двухъ огромныхъ ледяныхъ глыбъ, столкнувшихся съ такою страшною, всеокрушающею силою, противъ которой не устояло бы и самое крѣпкое судно. Приходилось радоваться, что удалось въ концѣ-концовъ найти узенькій проходъ къ берегу, такъ какъ черезъ пять минутъ отъ него не осталось и слѣда; повсюду кругомъ виднѣлась сплошная масса сталкивающагося, трещащаго и громоздящагося льда. Къ концу дня, палъ сильный туманъ, проложавшійся и на слѣдующее утро, а небольшой, сѣверный вѣтеръ, пригнавшій наканунѣ ледяныя массы къ берегу, не замедлилъ усилиться и принесъ съ собою снѣжную мятель. Подлѣ берега все еще лежалъ ледъ, изъ котораго образовались цѣлыя башни; если бы вѣтеръ не перемѣнился, то не было никакой надежды, чтобы около берега очистился путь. Рекогносцировка, предпринятая лейтенантомъ Уэрингомъ на сѣверъ и на западъ, показала, что состояніе льда на далекое разстояніе отъ острова то же, что и у самага берега. 1-е сентября проведено было

очень печально; погода была пасмурная, а въ положеніи льда не было замѣчено ни малѣйшей переменны, которая подала бы хоть слабую надежду на скорое освобожденіе; нечего было обманывать себя, прямой путь былъ закрытъ и оставался лишь одинъ выходъ изъ затруднительнаго положенія, именно: покинуть лодку тамъ, гдѣ она находилась въ настоящее время и итти къ „Роджерсу“ сухимъ путемъ. Конечно, все это было очень печально и г. Уэрингъ никакъ не могъ примириться съ мыслию покончить на этомъ свою экспедицію; онъ не терялъ еще надежды на счастливый исходъ и потому рѣшился подождать еще одинъ день, употребивъ его на изслѣдованія. Рано утромъ, послалъ онъ часть своихъ людей къ самой выдающейся части западнаго мыса, отстоявшаго всего лишь миль на 15 отъ стоянки; отсюда они могли убѣдиться, что берегъ тянется отъ этого пункта на юго-западъ. Съ живѣйшимъ сожалѣніемъ, принялись на другой день за приготовленія разстаться съ лодкой; ее вытащили на берегъ въ такое мѣсто, гдѣ прибой не могъ достать до нея, перевернули вверхъ дномъ и зарыли тщательно по издавно установившемуся у моряковъ обычаю; мачту водрузили на одномъ изъ ближайшихъ холмовъ, а возлѣ закопали записку, гдѣ было указано направленіе, по которому экипажъ думалъ пуститься въ обратный путь. Въ страшную, снѣжную мятель наши моряки двинулись въ пять часовъ утра, 3-го сентября, въ путь; было нестерпимо холодно и вѣтеръ дулъ бѣшенными порывами; на сколько они могли видѣть, всюду лежалъ сплошными массами ледъ. Они направились къ восточному берегу, гдѣ были убѣждены, что найдутъ защиту за тянущимися тамъ холмами, и гдѣ, кромѣ того, было много плавучаго лѣса, чтобы вечеромъ согрѣть свои окоченѣвшіе члены и сварить себѣ чего нибудь горячаго. Путешествіе съ большимъ грузомъ за плечами было сопряжено съ непомѣрными трудами, тѣмъ болѣе, что скоро снѣгъ перешелъ въ дождь, промочившій ихъ до послѣдней нитки и сдѣлавшій ихъ ноши еще болѣе тяжелыми. Такъ какъ г. Уэрингъ считалъ крайне вреднымъ, чтобы люди спали въ мокромъ платьѣ, то приказалъ поспѣшно итти впе-

редь и даль имъ всего нѣсколько часовъ отдыха лишь тогда, когда наступившая темнота дѣлала розысканіе пути невозможнымъ. Дорога шла черезъ рядъ холмовъ и была вслѣдствіе этого для непривыкшихъ къ ходьбѣ людей чрезвычайно изнурительною, но надежда достигнуть мѣста стоянки „Роджерса“ на слѣдующій день придавала имъ силы и возбуждала ихъ энергію. Съ окоченѣвшими членами и съ ногами, изрѣзанными острыми каменьями, встрѣчавшимися на пути, выступили они съ разсвѣтомъ снова въ путь: около 7 часовъ пополудни, достигли они, наконецъ, берега, гдѣ тотчасъ же былъ разведенъ веселый огонекъ и приготовленъ горячій завтракъ, поддержавшій истощенныя силы нашихъ путниковъ. Далѣе имъ пришлось итти все время, подъ снѣгомъ и дождемъ, вплоть до глубины нашей гавани, гдѣ они, къ великой своей радости и къ изумленію нашли лодку, прибывшую сюда для перевозки медвѣжьихъ шкуръ Трасея; благодаря этой лодкѣ, изстрадавшіеся путники были освобождены отъ 4 миль труднаго пути, который, для большинства изъ нихъ, былъ бы сопряженъ съ невыразимыми страданіями. Черезъ часъ мы съ распростертыми объятіями встрѣтили ихъ на „Роджерсѣ“; здѣсь, за горячимъ обѣдомъ, въ тепломъ помѣщеніи и въ кругу своихъ друзей, слушавшихъ со вниманіемъ рассказы о ихъ приключеніяхъ, они позабыли всѣ горести и страданія, только что перенесенныя ими.

Почти въ одно время съ Уэрингомъ, отправился въ путь, на западъ и мичманъ Гѣнтъ; въ его отрядѣ находился инженеръ А. Цане, а экипажъ лодки состоялъ изъ помощника рулеваго Артура Ллойда и матросовъ Якова Югансена, Франка Макшэна, Джозефа Куирка и Эдуарда О’Лири. Вѣтеръ, бывшій столь благопріятнымъ восточному отряду, напротивъ того, доставлялъ имъ очень много хлопотъ; когда они, около 9 часовъ вечера, стали бивуакомъ на ночь, то оказалось, что они отошли отъ нашей стоянки только на 9 миль; да и на слѣдующій день они двигались очень тихо впередъ, хотя и взялись за весла, чтобы бороться съ противнымъ вѣтромъ. Въ теченіе этого дня, они замѣтили на берегу какой-то предметъ, пока-

завшійся имъ „кэрномъ“; чтобы изслѣдовать его поподробнѣе, Гентъ отдалъ приказъ немедленно пристать къ берегу, но это, достойное всякой похвалы, рвеніе едва не поставило его въ самое непріятное положеніе. Едва онъ вышелъ на берегъ и взобрался на крутизну, какъ очутился совершенно неожиданно въ 6 шагахъ отъ огромнаго бѣлаго медвѣдя, который явился сюда отдохнуть послѣ обѣда. Чудовищное животное приподняло голову и повернулось къ смѣльчаку, дерзнувшему нарушить его покой; оба они, ошеломленные неожиданностью смотрѣли впродолженіе нѣсколькихъ минутъ одинъ на другого, наконецъ, нашъ храбрый, юный мичманъ положилъ конецъ этому пріятному взаимосозерцанію, живо повернувшись на каблукахъ и пустившись бѣжать съ такою быстротою, какою онъ и не подозрѣвалъ въ себѣ прежде; направляясь къ лодкѣ, онъ кричалъ, чтобы ему подали винтовку. Между тѣмъ, медвѣдь тихонько поднялся и величественно сталъ спускаться къ морю; но не успѣлъ онъ еще подойти къ берегу, какъ пуля Гента поразила его и принудила обратиться назадъ; второй выстрѣлъ растянулъ его на землѣ, а третій до такой степени обезсилилъ, что Югансенъ, подбѣжавъ къ нему, всунулъ въ ухо дуло своей винтовки и прикончилъ. Теперь только могъ Гентъ свободно и спокойно осмотрѣть путь своего бѣгства, на которомъ онъ выказалъ такія чудеса храбрости; по его словамъ, шаги его имѣли въ длину, по крайней мѣрѣ, добрую сажень, причемъ ноги разбрасывали во всѣ стороны песокъ и голыши. Отрядъ тотчасъ же принялся свѣжевать чудовище, причемъ курдюкъ, печень, сердце и сладкое мясо составили желанное прибавленіе къ запасу провіанта и были отнесены въ лодку. Увѣряли, что печенка оказалась чрезвычайно вкусною; цѣлыхъ десять дней она составляла главную часть ихъ пищи и, не смотря на то, что она считается ядовитой, употребленіе ея въ пищу не доставило экипажу ничего, кромѣ удовольствія. На третій день плаванія, они обогнули юго-западную оконечность острова и затѣмъ, должны были направить курсъ нѣсколько на сѣверо-востокъ. Вѣтеръ былъ до такой степени силенъ, что сломалъ форштевень. На слѣ-

дующій день, они встрѣтили такую массу льда, что, не взирая на всѣ усилія, могли продвинуться впередъ всего лишь на четыре мили. Черезъ день, имъ не оставалось ничего болѣе дѣлать, какъ тащить лодку вдоль берега и пробивать себѣ во льду дорогу; наконецъ, пришлось остановиться на подвѣтрянной сторонѣ огромной льдины и долго отливать изъ лодки воду. То же самое повторялось ежедневно, пока они не достигли сѣверной оконечности острова, гдѣ цѣлый рядъ узкихъ, песчаныхъ косъ вдавался въ сѣверо-восточномъ направленіи въ море. Среди этихъ косъ простирались, очень глубоко врѣзывающіяся въ материкъ, бухты, совершенно свободныя отъ льда; но здѣсь лодка постоянно становилась на мель и стаскивалась лишь послѣ долгихъ и изнурительныхъ трудовъ всего экипажа. Нѣкоторыя изъ этихъ косъ вдавались въ море на 20—25 миль, и тутъ ледъ былъ до такой степени сплошной, что, въ концѣ-концовъ, нельзя болѣе пробивать себѣ дорогу; противъ общаго желанія и при живѣйшемъ сожалѣніи спутниковъ, Гентъ рѣшился, наконецъ, отправиться въ обратный путь. 5-го сентября, они достигли благополучно самой сѣверной оконечности Врангелевой земли, откуда превосходно былъ видѣнъ мысъ сѣверо-восточный въ юго-западномъ направленіи, но сплошной ледъ, поставившій непреодолимую преграду экспедиціи лейтенанта Уэринга, остановилъ и юнаго, энергичнаго товарища его въ стремленіи обогнуть весь островъ. Нежеланный возвратный путь продолжался всего пять дней и все это время Гентъ занимался провѣркою, сдѣланныхъ имъ прежде, опредѣленій мѣстности и другими наблюденіями.

10-е сентября, день, назначенный для возвращенія, уже истекъ, склонялся къ концу, а на слѣдующій день, мы увидѣли, приближающуюся къ намъ, съ юго-запада, небольшую китобойную лодку. Черезъ нѣсколько минутъ, лодка причалила и мы радостными кликами встрѣтили возвратившихся изслѣдователей. Во всякомъ случаѣ, работы обоихъ экспедиціонныхъ отрядовъ дали самые утѣшительные результаты, такъ какъ крайняя сѣверная точка острова, достигнутая обѣими

лодками, представляла возможность видѣть даже и не изслѣдованныя части острова; положимъ, что никакихъ слѣдовъ „Жаннетты“ не было найдено, но за то была сдѣлана полная съемка острова и доказано, что Врангелева земля не что иное, какъ островъ, который можно объѣхать кругомъ въ нѣсколько дней. Всѣ необходимыя коллекціи были собраны, а вмѣстѣ съ тѣмъ, была открыта покойная гавань, которой, вѣроятно, суждено быть крайне полезною для многихъ и многихъ судовъ, застигнутыхъ льдами въ этихъ негостепріимныхъ водахъ.

На косѣ, возлѣ гавани, гдѣ стоитъ „Роджерсъ“, также точно, какъ и по всему берегу острова, лежитъ много плавучаго лѣса, среди котораго зачастую попадаются разнаго рода деревянная утварь и деревянные же орудія, издѣлія туземцевъ сибирскаго и американскаго береговъ; многіе изъ этихъ предметовъ, по своей внѣшности, доказывали, что были сдѣланы очень давно; члены экспедиціи собрали на память нѣсколько очень интересныхъ экземпляровъ. Здѣсь также много было обломковъ кораблей и предметовъ, видимо изготовленныхъ въ цивилизованныхъ странахъ; неизвѣстно только, были-ли эти предметы роскоши свидѣтелями кораблекрушеній и гибели людей отъ голодной смерти или свалились съ борта какаго либо китоловнаго судна.

Глава VIII.

Среди ледяныхъ полей.

На «Роджерсъ» 25-го сентября
1881 года.

Начиная съ 14-го сентября, когда мы встрѣтились недалеко отъ острова Гаральда, съ китоловнымъ судномъ „Кораль“, мы только и дѣлаемъ, что крейсируемъ среди ледяныхъ полей, между этимъ островомъ и островомъ Врангеля. Въ тотъ день, какъ капитанъ Кунъ принялъ нашу почту и

мы направили свой путь на сѣверъ, мы снова прошли мимо его судна и видѣли, кромѣ того, семь другихъ китолововъ, крейсировавшихъ тутъ же на пространствѣ какихъ нибудь десяти миль. При этомъ, мы имѣли возможность наблюдать, какъ три лодки съ „Кораля“ преслѣдовали и убили, наконецъ, кита. Когда мы подошли на близкое разстояніе къ этому судну и могли переговариваться въ рупоръ съ его экипажемъ, то обратились къ капитану Куну съ просьбою отдать намъ одну изъ его лодокъ взамѣнъ той, которая была нами оставлена на островѣ Врангеля; отвѣтъ былъ неутѣшителенъ: капитанъ Кунъ выразилъ свое сожалѣніе, что не можетъ удовлетворить нашего желанія, такъ какъ только что убитый китъ повредилъ одну изъ его лодокъ.

Въ тотъ же вечеръ мы достигли льдовъ и стали на якорь, чтобы выждать разсвѣта. Но, къ нашей досадѣ, на слѣдующее утро, вмѣстѣ съ восходомъ солнца, палъ густой туманъ, а въ скоромъ времени поднялась снѣжная буря, такъ что мы принуждены были войти въ глубокую бухту, или, вѣрнѣе въ проходъ, образовавшійся въ сплошномъ льду, изучить особенности котораго представилось, такимъ образомъ, полная возможность. Масса этого льда дѣйствительно очень рѣзко отличалась отъ того стараго, грязнаго и талаго льда, который намъ случалось видѣть вокругъ острова Врангеля. Этотъ ледъ состоялъ изъ высокихъ, крѣпкихъ и совершенно прозрачныхъ глыбъ, представлявшихъ дивное зрѣлище подъ снѣжнымъ покровомъ ослѣпительно-бѣлаго, только что выпавшаго снѣга. Небольшихъ кусковъ, чрезъ которые могло бы пробить себѣ дорогу какое нибудь судно, встрѣчалось очень мало; несомнѣнно, что, если бы нѣсколько такихъ глыбъ сблизились, и при этомъ случился морозъ, то попавшее между ними судно оказалось бы запертымъ на долгіе мѣсяцы въ этихъ безконечныхъ ледяныхъ поляхъ. Сдѣлавъ этотъ неутѣшительный выводъ, мы, ради предосторожности, двинулись въ обратный путь; потихонку пробивая себѣ путь, пока не добрались до открытаго моря и снова стали здѣсь на якорь, чтобы дожидаться разсвѣта.

Около полудня слѣдующаго дня, мы снова очутились на краю ледянаго поля и вошли въ каналъ, по которому стали осторожно подвигаться впередъ до шести часовъ вечера, когда передъ нами вновь очутилась сплошная масса льда, заградившая намъ путь. Капитанъ Берри взлѣзъ на вышку марса, которую и избралъ мѣстомъ постояннаго наблюденія пока мы шли во льдахъ; его волосы и борода всегда были покрыты инеемъ, да и весь такелажъ былъ почти постоянно покрытъ фантастическими, перистыми украшеніями; для сторонняго наблюдателя—все это было бы волшебнo-восхитительнымъ зрѣлищемъ, но не такъ думали матросы, которымъ приходилось хвататься руками за канаты и веревки и лазить по нимъ. Вѣтра почти вовсе не было, а температура въ 3° мороза только способствовала образованію новаго льда. Къ счастью, все время погода была пасмурная, такъ что даже ночью температура не падала болѣе, чѣмъ на полградуса; будь иначе, намъ бы ни за что не выбратъся изъ ледяныхъ полей, такъ какъ путь впередъ для насъ былъ запертъ. На ночь мы привязали „Роджерсъ“ къ ледяной глыбѣ, которая имѣла размѣръ приблизительно въ 10 кв. миль; посреди ея была большая полынья, въ которую намъ удалось пробратъся раньше, чѣмъ темнота сдѣлала невозможнымъ движеніе нашего судна; тѣмъ не менѣе около полуночи это открытое пространство почти совершенно затянуло льдомъ, напиравшимъ въ каналъ съ юга, такъ что, когда въ половинѣ третьяго, утромъ, мы тронулись въ путь, то намъ пришлось направить „Роджерсъ“ между двухъ смерзшихся ледяныхъ глыбъ и, давъ полный ходъ машинѣ, пробить себѣ силою выходъ къ спасенію. Протащившись цѣлый часъ, такимъ образомъ, съ быстротою улитки, намъ удалось, наконецъ, на столько раздвинуть глыбы, что судно могло, хотя и съ трудомъ, пробратъся между ними; затѣмъ, счастье улыбнулось намъ и мы напали на трещину, по которой могли, наконецъ, выбратъся въ открытое море. Трудно было намъ раздвигать глыбы, такъ какъ ледъ между ними достигъ уже толщины въ добрый дюймъ и плотно связалъ ихъ между собою въ теченіе ночи. Когда, 17-го сентября, намъ случалось вхо-

дить нѣсколько разъ въ открытые каналы, то мы всегда уже находили тамъ вновь образовавшійся ледъ, пока еще въ четверть дюйма толщиною и не заграждавшій намъ пути, но все же указывавшій довольно ясно на предстоящую опасность и какъ бы предостерегавшій насъ отъ нея, Случись, при этомъ, сильный вѣтеръ съ юга, и обратный путь былъ бы намъ окончательно запертъ, а между тѣмъ, мы успѣли врѣзаться въ область ледяныхъ полей, по крайней мѣрѣ, миль на пятнадцать; тогда пришлось бы ожидать возможности освобожденія, по крайней мѣрѣ, до наступленія зимы, а это было бы истиннымъ несчастіемъ, потому что пришлось бы отложить наши поиски на очень долгое время, а свое освобожденіе до слѣдующей весны.

18-го и 19-го сентября, мы шли на парахъ вдоль края ледянаго поля, изслѣдуя всѣ встрѣчавшіяся въ немъ по пути бухты и каналы и все еще надѣясь найти такой каналъ, по которому намъ было бы возможно продолжать нашъ путь на сѣверъ, но всюду мы встрѣчали лишь громадныя, смерзшіяся ледяныя массы, которыя на $171^{\circ} 30'$ западной долготы или $188^{\circ} 30'$ восточной долготы спускались далеко на югъ. По западной окраинѣ ледянаго поля можно было пробраться далѣе на сѣверъ, но и здѣсь скоро огромный ледяной поясъ преградилъ намъ дорогу. 19 сентября въ 10 ч. утра мы достигли самой высокой широты, т. е. $73^{\circ} 44'$; эта широта, хотя и не лежитъ еще особенно близко къ полюсу, но все же самая большая, на сколько мнѣ извѣстно изъ тѣхъ, которыя были достигаемы кѣмъ либо въ этой части океана.

Пока мы находились въ этихъ широтахъ, мы ни разу не видѣли ясной погоды, чтобы разглядѣть гдѣ-нибудь вдали землю, такъ что лишены были возможности подтвердить указанія тѣхъ мореплавателей, которые говорятъ, что посѣтивъ сѣверные острова Врангеля, имъ удавалось видѣть землю; безъ всякаго рѣшительно труда мы прошли на парахъ черезъ значившіяся на картахъ на Врангелевой землѣ горы Блевина, а также и черезъ обозначенную на картахъ „обширную страну, покрытую высокими горами“. Идя отъ сѣверной оконечности

острова Врангеля, мы доходили въ сѣверо-западномъ направленіи до $73^{\circ} 28'$ сѣверной широты и до $179^{\circ} 52'$ восточной долготы и производившіяся нами измѣренія лотомъ во все это время показывали постепенно увеличивающуюся глубину. Въ этомъ именно пунктѣ мы встрѣтили входъ въ глубокую бухту во льду, по которой и прошли около 10 миль, ломая новый, хрупкій ледъ, образовавшійся здѣсь, несмотря на довольно сильное волненіе. Шумъ, производимый треніемъ ледяныхъ глыбъ о края ледяного поля, а также трескъ ломающихся льдинъ, былъ слышенъ на далекое разстояніе. Температура воздуха доходила до 4°R , но въ глубокихъ бухтахъ, образовавшихся среди льдовъ, она на цѣлый градусъ спускалась сравнительно съ температурою, наблюдаемою въ открытомъ морѣ. Цѣлыя стада моржей плавали въ водѣ или лежали, грѣясь на солнцѣ, по окраинамъ большихъ ледяныхъ глыбъ.

Въ теченіе всего нашего долгаго крейсерства среди льдовъ, мы ни разу не встрѣчали никакихъ слѣдовъ какой бы то ни было санной экспедиціи „Жаннетты“; такъ какъ теперь дальнѣйшій путь на сѣверъ былъ намъ совершенно загражденъ, то мы рѣшились возвратиться на островъ Гаральдъ для того, чтобы заняться изслѣдованіемъ морскихъ теченій, стремящихся тамъ въ сѣверо-западномъ направленіи. Едва направили мы курсъ „Роджерса“ къ входу въ ту бухту, по которой до сихъ поръ плыли, какъ замѣтили большого бѣлаго медвѣдя, вышедшаго прямо на насъ. Цѣлый отрядъ стрѣлковъ бросился на шканцы; казалось, что они готовятся защищать корабль отъ нападенія какого то невиданнаго еще непріятели. Плотникъ нашъ очень возгордившійся съ тѣхъ поръ, какъ ему удалось убить двухъ медвѣдей, открылъ огонь промахомъ, но тотчасъ же послалъ вслѣдъ еще два выстрѣла, попавшіе приближающемуся врагу въ голову и принудившіе его къ постыдному отступленію. Тутъ началась совершенно правильная стрѣльба на призь, но медвѣдь съ четырьмя ранами на тѣлѣ все еще плылъ по направленію ко льду и навѣрное избѣжалъ бы плачевной участи, если бы ему не пришла въ голову взбалмошная мысль бросить на „Роджерса“ послѣдній прощальный и лю-

бовный взглядъ. Едва онъ успѣлъ повернуть голову, какъ пуля пронзила ему черепъ, и онъ остался недвижимъ. Мы тихо подошли къ мѣсту его успокоенія и, когда его вытащили посредствомъ каната на палубу и свѣшали, то оказалось, что онъ вѣсилъ около 28 пудовъ.

Погода вечеромъ снова испортилась. Спустился туманъ и подулъ сильный вѣтеръ, пока мы шли по направленію къ острову Горальду.

Ночью видѣли мы по сторонамъ огни нѣсколькихъ китолововъ, все еще продолжавшихъ держаться той части моря, гдѣ мы ихъ встрѣтили впервые; идя еще на сѣверъ 20-го сентября, около половины третьяго пополудня, туманъ до того сгустился, что мы сочли болѣе безопаснымъ стать на якорь на глубинѣ 15 сажень, а въ теченіе послѣдующихъ двадцати четырехъ часовъ всѣ занимались наблюденіями теченій; въ результатѣ оказалось, что періодическія теченія направляются здѣсь при приливѣ на сѣверо-западъ, а при отливѣ—на юго-востокъ, причемъ никакихъ иныхъ теченій ни въ приливъ, ни въ отливъ наблюдаемо не было; всѣ наблюденія производились какъ на поверхности, такъ и на глубинѣ десяти сажень.

Въ виду того, что подъ вечеръ, 21-го сентября туманъ сталъ проясняться, мы снова тронулись въ путь и, держа курсъ на юго-западъ, уже на слѣдующее утро очутились въ виду „кэрна“ капитана Хупера на островѣ Врангеля. Погода мало-по-малу становилась все яснѣе, такъ что мы прошли на парахъ вдоль сѣверной окраины острова. Къ великой нашей радости, тутъ почти не было льда и мы могли подойти къ берегу довольно близко. Лейтенантъ Уэрингъ отправился на берегъ и ему удалось снова забрать и лодку, и всѣ оставленные имъ здѣсь вещи. Отсюда мы снова направились на сѣверъ, гдѣ нашли большое пространство открытой воды, опоясанное съ запада безграничными ледяными полями.

Безчисленныя ошибки въ отчетахъ арктическихъ мореплавателей сдѣлали то, что свѣдѣнія, сообщаемыя ими о будто бы видѣнныхъ ими съ кораблей островахъ и материкахъ, не пользуются довѣріемъ со стороны публики и людей науки.

Дѣйствительно, довѣряться имъ слѣдуетъ съ большою осмотрительностью, потому что кто хорошо знакомъ съ арктическими морями, хорошо знаетъ также, какъ легко клубы тумана и облака, почти постоянно видимые здѣсь на горизонтѣ, могутъ легко ввести въ заблужденіе неопытнаго наблюдателя. Поневолѣ приходится вспомнить о томъ испытанномъ капитанѣ китоловнаго судна, который на рассказы о землѣ, видѣнной другими китоловами въ 1875 г., на сѣверъ отъ мыса Барроу, замѣтилъ, что „по всѣмъ вѣроятіямъ это туманъ, который былъ принятъ часовымъ съ вышки за землю“.

— Напротивъ того,—возражали ему:—весь экипажъ видѣлъ одновременно то же самое.

— Если такъ, то теперь я уже совершенно увѣренъ, что это туманъ, а не что нибудь иное, такъ какъ иначе его не видѣли-бы одновременно со всѣхъ мѣстъ на кораблѣ. Съ вышки мачты, пожалуй, и можно еще увидать высокій и дальній берегъ, но и, съ палубы—никогда!

— А знали-ли вы, что по юго-западную сторону острова Гаральда есть очень опасный рифъ въ двѣ мили длиною? спросили разъ этого стараго моряка.

— О, да!—отвѣчалъ онъ:—всѣ мы (онъ подразумѣвалъ здѣсь китолововъ) его знаемъ; недавно, недалеко отъ мыса Барроу образовалась прескверная мель глубиною не болѣе 1—2 саженой воды. Эта мель можетъ быть пагубна для судовъ.

— Да вѣдь помилуйте—скажите! Подобныя открытія необходимо наносить на карты! Отчего вы никогда никому о нихъ не сообщаете?

— Зачѣмъ! Если мы станемъ это дѣлать, никто и не подумаетъ обратить на это вниманіе. Всѣ станутъ увѣрять, что это опять „старыя сказки китолововъ“ и успокоятся на томъ. Мы же, капитаны, отлично съумѣемъ разобраться въ нашемъ фарватерѣ и этого съ насъ довольно. Коли хотятъ другіе кое-что узнать, такъ милости просимъ, пусть сами отправятся, да поучатся. Таково „наше“ мнѣніе объ этомъ, но все же мы готовы съ полнымъ удовольствіемъ подѣлиться нашими свѣдѣ-

ніями съ тѣми, кто дѣйствительно захотѣлъ бы узнать что-либо новое. По моему мнѣнію старый морякъ былъ совершенно правъ.

Глава IX.

Идлидля *).

Лагерь Хѣнтъ, Идлидля, Сѣверная Сибирь.
15-го ноября 1881 г.

Октября 8-го „Роджерсъ“ бросилъ якорь передъ островомъ Идлидлей, находящемся въ 25 миляхъ на западъ отъ мыса Сердце-Камень, съ цѣлью высадить на берегъ часть своего экипажа. Здѣсь предполагалось устроить нѣчто въ родѣ депо для будущихъ зимнихъ и весеннихъ санныхъ экспедицій, которое могло бы, въ то же время, служить и убѣжищемъ какъ для людей экипажа „Жаннеты“ такъ и другихъ китоловныхъ судовъ, которые могли въ теченіе прошлыхъ лѣта и осени добраться до сибирскаго берега и до сихъ поръ скитались въ поискахъ за человѣческимъ жильемъ. Къ сожалѣнію, дувшій уже въ теченіе нѣсколькихъ дней сильный вѣтеръ поднялъ такое волненіе, что нельзя было и думать о высадкѣ, такъ что капитанъ Берри долженъ былъ отказаться отъ своего первоначальнаго плана устроить складъ на твердой землѣ и избралъ для устройства жилья и депо всевозможныхъ и необходимыхъ припасовъ небольшой островокъ, гдѣ легко можно было высадиться, такъ какъ онъ былъ расположенъ подъ вѣтромъ. Такая переменѣна доставила намъ не мало непріятностей; живя на островѣ, само собою разумѣется, мы должны были лишиться тѣхъ преимуществъ и удобствъ, которыя были бы къ нашимъ услугамъ на твердой землѣ; тамъ мы всегда могли имѣть подъ рукою помощь чукчей, тамъ у насъ была бы

*) Въ англійскомъ подлинникѣ этотъ островъ Гильдеръ называетъ Eeteet-lan (Ититлэнъ), а Норденшельдъ называлъ его Идлидля.

всегда въ изобиліи прѣсная вода; ничего подобнаго не будетъ на островѣ. Какъ-бы ни было, но отъ гостей мы вовсе не избавились; цѣлый Божій день не было отбою отъ посѣтителей, являвшихся къ намъ, то въ лодкахъ, то въ саняхъ; и они надоѣдали намъ безмѣрно въ виду того, что иного сборнаго пункта, кромѣ нашей маленькой избы, на островѣ не было, а она и для своихъ постоянныхъ обитателей была слишкомъ мала.

Въ теченіе трехъ дней, потребовавшихся на выгрузку разныхъ припасовъ, нашъ корабельный плотникъ выстроилъ избу въ 16 ф. длины, 12 футовъ ширины и 8 футовъ вышины; постройка была покрыта скошенной крышею поднимавшеюся надъ домомъ еще на два фута. Стѣны были двойныя, причемъ пустое пространство по первоначальному плану предполагалось забить травою. Къ сожалѣнію, однако, на островѣ не было травы, тогда какъ на материкѣ ее росло достаточно, но получить ее въ достаточномъ количествѣ мы не могли до тѣхъ поръ, пока безбожно лѣнивые чукчи находили еще наслажденіе изо дня въ день созерцать невиданныхъ ими бѣлыхъ гостей,—эту желанную для нихъ диковинку. Крыша была въ одну доску, но все же всѣ щели между отдѣльными досками ея были тщательно заколочены дранью, чтобы уберечь избу отъ дождя, но въ томъ то и бѣда, что эта дрань далеко не достигала предполагаемой цѣли, такъ что пришлось покрыть крышу старымъ парусомъ, прикрѣпленнымъ къ ней новыми драницами, и хотя немного помочь этимъ горю; скоро наступили сильные морозы и для того, чтобы помѣшать проникновенію въ избу внѣшняго холода, крышу покрыли еще пластомъ дерна; морозы стояли на этотъ разъ недолго, скоро потеплѣло и пошелъ непрерывный дождь, который сталъ проникать черезъ крышу уже не въ видѣ чистой воды, а въ видѣ липкой грязи, пока не выпалъ, наконецъ, снѣгъ и не сдѣлалъ положеніе обитателей жилья болѣе выносимымъ.

Отрядъ, оставленный въ жильѣ, состоялъ изъ старшаго корабельнаго лейтенанта Чарльса Ф. Путнама, врача Джонса, автора этихъ писемъ и трехъ матросовъ: Франка Мельмса,

Олафа Петерсена и Константина Татаринова; имя этого послѣдняго, захваченнаго нами изъ Петропавловска, камчадалскаго собачьяго возницы, имя котораго давнымъ давно уже было передѣлано его товарищами въ „Петра“.

По одной стѣнѣ маленькой комнаты только что выстроенной избы были устроены три нары для людей; двѣ кровати у

Наша изба въ Идлидлѣ.

протиположной стѣны предназначались для нашего начальника и для доктора, лично для себя я сдѣлалъ пристроекку изъ ящичковъ изъ-подъ вяленаго мяса и сухарей; причемъ потолокъ и полъ этой пристройки были сколочены тоже изъ досокъ консервныхъ ящичковъ. Петръ, не имѣющій вовсе читать по англійски, устроилъ дверь изъ доски, взятой имъ отъ

ящика съ собачьимъ кормомъ. Крыша пропускала воду, но нѣсколько каучуковыхъ дождевыхъ плащей давали, всетаки, возможность спать подъ нею довольно удобно. Вѣтеръ свистѣлъ черезъ щели между ящиками, но постоянно возобновляемая конопатка и покрывка изъ оленьихъ шкуръ сдѣлали въ концѣ концовъ то, что жилище мое, если и не достигло полнаго совершенства, то было довольно отъ него близко по представляемымъ имъ удобствамъ. Конечно, обивка стѣнъ оленьими шкурами отнюдь не можетъ быть признана моею собственною идеею, такъ какъ я заимствовалъ ее у туземцевъ, защищающихъ, такимъ образомъ, зимою свои жилища отъ сквозняка и стужи. Иначе, нежели бродячіе эскимосы, принужденные постоянно отрываться отъ своихъ оленьихъ пастбищъ для ловли на берегу тюленей и моржей, устраиваютъ свои жилища здѣшніе туземцы, живущіе въ нихъ безвыходно цѣлый годъ.

Чукчи раздѣляются на двѣ вѣтви: на оленные племена или „чаучу“, и на охотниковъ за моржами, или „чауаны“ (чауны, по-русски чаунской). Названіе „чукчи“, или „чухкчи“, не только не понимаемое, но и не признаваемое ими совсѣмъ, вѣроятно, было дано русскими безразлично обѣимъ отраслямъ этого народа и, какъ мнѣ кажется, есть не что иное, какъ испорченное названіе „чаучу“; такъ какъ русскіе впервые должны были встрѣтиться съ оленными чукчами, то ихъ прозвище и было ими ошибочно принято за племенное. Береговья и внутреннія племена находятся между собою въ постоянныхъ сношеніяхъ; они мѣняють оленьи шкуры и мясо на моржовый жиръ и шкуры моржей и тюленій, и именно эта оживленная мѣновая торговля доставляетъ имъ возможность не перемѣщать своихъ жилищъ съ мѣста на мѣсто, подобно эскимосамъ. Ихъ жильё представляетъ большую куполообразную юрту, сдѣланную лѣтомъ изъ моржевыхъ, а зимою—изъ оленьихъ шкуръ; шкуры эти тщательно и плотно сшиты другъ съ другомъ и натянуты на остовъ изъ большихъ кольевъ. Юрты эти достигаютъ ширины въ 12 и даже до 40 футовъ въ поперечникѣ, въ центральной своей части возвышаются

обыкновенно футовъ въ 12 надъ поверхностью земли. Въ этой-то юртѣ, представляющей достаточную защиту отъ вѣтра и дождя и называемой „яранга“, или „яратъ“, находится маленькія спальни юрточки, квадратной формы, состоящей также изъ сшитыхъ вмѣстѣ и натянутыхъ на деревянный остовъ оленьихъ шкуръ. Эта внутренняя юрта совершенно непроницаема для вѣтра, но за то и отличается полнымъ отсутствіемъ всякаго намека на какую нибудь вентиляцію. Наполненная сосудомъ съ моржевымъ жиромъ и фитилемъ изъ мха, лампочка горитъ цѣлый день въ небольшомъ помѣщеніи и даетъ въ немъ такой удушливый воздухъ, который едва можно вынести даже въ томъ случаѣ, когда на дворѣ стоитъ морозъ въ 20 и 35 °R. Внутри юрты мужчины ходятъ только въ своихъ короткихъ кожаныхъ штанахъ, а женщины прикрываются только лишь узенькимъ передникомъ изъ тюленьей шкуры, оставляя всѣ остальные части тѣла голыми. Какъ видите, костюмъ очень откровенный, который могъ бы напомнить отчасти фигурантокъ въ откровенныхъ нашихъ балетахъ, если бы чукотскія наши дамы были хотя нѣсколько по выше ростомъ и не были почти сплошь покрыты непроницаемымъ слоемъ грязи. Надо обладать изумительною привычкою къ грязи, или же быть особенно свѣдущимъ въ жизни среди снѣговъ и льдовъ для того, чтобы пребываніе въ этихъ скопищахъ грязи, въ сравненіи съ которыми даже знаменитыя Авгіевы конюшни могли бы показаться земнымъ раемъ, сдѣлалось для человѣка выносимымъ. Между тѣмъ, зачастую приходится наблюдать у этихъ людей вполнѣ интеллигентныя лица, а нѣкоторые изъ нихъ обладаютъ такимъ спокойнымъ, и въ то же время, полнымъ достоинства выраженіемъ въ походкѣ, разговорѣ и во внѣшнемъ видѣ, что любой сенаторъ могъ бы имъ позавидовать.

Одежда чукчей состоитъ по большей части изъ оленьихъ шкуръ, которыя соскабливаются съ внутренней стороны и затѣмъ окрашиваются особаго рода глиною; такая отдѣлка придаетъ имъ не только красивый внѣшній видъ, но и прочность. Въ холодное время чукчи сверхъ этой одежды надѣваютъ еще

вторую изъ болѣе толстой и плотной шкуры. Для большаго тепла они носятъ поясъ изъ тюленьей кожи или сукна. Голову они прикрываютъ шапкою, въ родѣ чепца. Во время путешествій, при сильномъ холодѣ, сверхъ всего этого, они надѣваютъ еще и третью одежду въ видѣ плаща, къ которому пришиваютъ башлыкъ изъ пушистаго мѣха; для защиты же отъ снѣга и дождя чукчи надѣваютъ плащъ изъ тонкой оленьей кожи, которая такъ хорошо отдѣлывается, что скорѣе напоминаетъ замшу. Такой плащъ чукчи дѣлаютъ изъ коленкора или изъ бумажной матеріи, которую они приобрѣтаютъ у торговцевъ, и чѣмъ ярче цвѣтъ, тѣмъ болѣе покупатель остается доволенъ покупкою. Намъ случилось приобрѣсти коленкоръ кофѣекъ по 12-ти аршинъ; на этомъ коленкорѣ были изображены павлины съ распущенными хвостами, горѣвшими всѣми цвѣтами радуги; такой рисунокъ въ большомъ почетѣ у туземцевъ, и если кому нибудь удастся приобрѣсти такую матерію, тотъ считаетъ себя вполнѣ счастливымъ, въ особенности, когда рисунокъ расположенъ такъ, что на спинѣ и на груди будетъ по павлину съ распущеннымъ яркимъ хвостомъ.

Дѣйствительно, мнѣ случилось какъ то позднѣе встрѣтить тукую одежду, тотчасъ же мною признанную, въ Нижне-Колымскѣ, т. е. болѣе, чѣмъ въ 2,000 верстномъ разстояніи отъ нашей зимовки. Одежда эта служила тамъ украшеніемъ старшинъ оленныхъ чукчей, который, какъ говорили, заплатилъ за нее чоуану, продавшему эту драгоценность, чуть-ли не баснословную цѣну. Весною, когда чукчи занимаются охотой на спящихъ на льду тюленей, прибрежные чукчи носятъ всего охотнѣе плащи изъ бѣлой матеріи, а лѣтомъ—преимущественно непромокаемую одежду, изготовляемую изъ тонкихъ оленьихъ кишекъ; такія непромокаемыя одежды часто украшаются перьями и очень красивы на видъ; къ тому же онѣ превосходно достигаютъ цѣли—защитить отъ дождя и морской воды одежду изъ оленьей шкуры, а вмѣстѣ съ нею и ея владѣльца. Штаны мужчинъ, плотно облегающіе ногу, доходятъ до щиколки, гдѣ они и завязываются шнуркомъ поверхъ чулокъ; нижніе штаны дѣлаются изъ тонкой оленьей шкуры, тогда

какъ верхніе приготавливаются изъ шкуры, которую сдираютъ только съ ногъ оленя; только въ путешествіяхъ, и при очень сильномъ холодѣ, надѣваютъ на ноги еще штаны, изготовленные изъ толстой оленьей шкуры. Въ поясѣ штаны кроются почему-то чрезвычайно коротко и неудобно и, хотя вверху тоже продѣтъ шнурокъ для ихъ подвязыванія, все же является какой-то загадкой, что они не сваливаются поминутно. Лѣтомъ, и въ то время, когда море открыто, чукчи носятъ сапоги изъ тюленьей кожи, которые бываютъ самой разнообразной вышины: они то доходятъ до половины икры, то достигаютъ вертлюга; на зиму подбиваютъ ихъ оленьей шкурой и снабжаютъ подошвою изъ толстой тюленьей кожи, а въ большіе холода шьютъ подошвы изъ медвѣжьей или моржовой шкуры, которая прикрѣпляется къ сапогу стороною, покрытою шерстью. Эти зимніе сапоги бываютъ обыкновенно очень низки и хватаютъ лишь до того мѣста, гдѣ проходящій черезъ край штановъ шнурокъ можетъ быть обвязанъ вокругъ ихъ; иногда случается, впрочемъ, встрѣчать и такіе зимніе сапоги, которые доходятъ до колѣнъ. Весьма важную часть зимняго туалета составляетъ несомнѣнно большая шаль, или шейный платокъ, шитый, чаще всего, изъ бѣличьихъ хвостовъ, причемъ на одну штуку идетъ такихъ хвостовъ отъ 500 до 600. Вообще, чукотская одежда довольно красива, удобна и гораздо практичнѣе и красивѣе, нежели одежда самоѣдовъ.

Одежда женщинъ нѣсколько отличается отъ мужской. Какъ рубаха, такъ и штаны дѣлаются у нихъ изъ одного сплошнаго куска. Штаны до невозможности широки, также точно, какъ и рукава, а послѣдніе, кромѣ того, такъ длинны, что хватаютъ до конца пальцевъ и мѣшаютъ до-нельзя свободнымъ движеніямъ рукъ, такъ что, благодаря этому покрою, вошло въ обычай, во время всякой работы, спускать платье съ плечъ и рукъ и такимъ образомъ получить необходимую свободу въ движеніяхъ рукъ.

Въ холодную погоду, на воздухѣ женщины носятъ нѣчто въ родѣ верхняго платья съ башлыкомъ, которое хотя тяжело и некрасиво, однако очень хорошо держитъ тепло и

слѣдовательно вполнѣ соотвѣтствуетъ своему назначенію; сапоги ихъ, надѣваемые на длинные чулки изъ оленьей шкуры, похожіе на высокіе сапоги мужчинъ доходятъ, какъ и эти послѣдніе, до колѣнъ, гдѣ связываются со штанами; это единственная часть женскаго туалета, гдѣ нѣсколько стараются о красотѣ, а потому у многихъ женщинъ они вышиваются чрезвычайна замисловатымъ и трудно выполнимымъ узоромъ. Въ особенности излюблены въ качествѣ украшеній стеклянныя бусы, нанизываемыя на длинныя снурки и надѣваемые на шею; интересно, что такія ожерелья проходятъ съ шеи подъ мышку. Мнѣ часто приходилось видѣть такихъ красавицъ, удрученныхъ тяжестью своихъ ожерелій, почти изнемогающихъ отъ стремленія къ прекрасному. Не смотря, однако, на то, что ихъ украшеніе постоянно должно быть имъ помѣхою, когда онѣ нагибаются для какой либо работы, все таки, даже это неудобство доставляетъ имъ видимо удовольствіе, такъ какъ они смотрятъ на него, какъ на уступку, дѣлаемую ими требованіямъ моды. Иногда вплетаютъ онѣ бусы и въ волосы и тогда нитки бусъ и косы падаютъ на плечи толстыми жгутами, а эта мода тоже не можетъ быть признана менѣе неудобною и мучительною, такъ какъ стоитъ имъ только зацѣпиться волосами за какой нибудь предметъ, онѣ не только повиснутъ у нихъ на волосахъ, но и будутъ немилосердно теревить эти послѣдніе. Многіе мужчины носятъ серьги изъ бусъ, и уши тѣхъ, кто слѣдуетъ этой модѣ, показываютъ достаточно ясно, какъ эта мода неудобна и тяжка для самихъ модниковъ; ушная мочка у нихъ во многихъ мѣстахъ разорвана и позднѣйшія дырки должны дѣлаться все выше и выше, достигая иногда внѣшнихъ краевъ уха, а люди все таки, вѣшаютъ въ уши новыя и новыя тяжелыя серьги, словно и въ самомъ дѣлѣ они становятся отъ этого красивѣе. Въ большомъ употребленіи находятся какъ у мужчинъ, такъ и у молодыхъ женщинъ браслеты и повязки изъ тюленьей шкуры; многіе носятъ еще длинную ленту изъ того же матеріала на шеѣ, со свѣшивающимися на грудь концами, или же надѣваютъ такой же поясъ. У женщинъ эта шейная повязка имѣетъ

опредѣленное назначеніе, такъ какъ на ней виситъ маленькій кисеть съ табакомъ, сдѣланный изъ тюленьей шкуры. Мужчины курятъ почти всѣ безъ исключенія, а многіе изъ нихъ, кромѣ того, еще и жуютъ табакъ; напротивъ того между женщинами мало найдется такихъ, которыя курятъ, тогда какъ жуютъ табакъ онѣ всѣ, безъ исключенія. Въ вышеупомянутомъ кисетикѣ носятъ дневной запасъ жевательнаго табаку только въ томъ случаѣ, когда онѣ не заложены уже за щеку, такъ какъ похвальная бережливость требуетъ, чтобы каждый кусочекъ былъ высосанъ до послѣдней возможности; въ силу этого онѣ не выбрасываютъ свою жвачку до тѣхъ поръ, пока она сама не лишится способности выдѣлять сокъ подъ ихъ зубами и, будучи даже положена подъ гидравлической прессы, не выдѣлитъ его ни капли. То же качество величайшей бережливости заставляетъ ихъ супруговъ мѣшать табакъ, куримый ими изъ невозможно маленькихъ трубочекъ, съ щепками и кусочками древесной кожи; кромѣ того случается, что они набиваютъ свои трубки до половины оленьими волосами, а потомъ уже докладываютъ остальное пространство табакомъ; когда они зажигаютъ затѣмъ трубку, то тянутъ въ себя дымъ, не переводя дыханія, пока не сгоритъ весь табакъ безъ остатка. При этомъ, лицо ихъ и шея надуваются, жилы натягиваются, изъ глазъ текутъ слезы и, наконецъ, когда человѣческая натура отказывается далѣе переносить мученіе, дѣлается сильнѣйшій приступъ кашля и выдѣленія мокроты продолжающійся нѣсколько минутъ времени. Съ момента зажженія трубки до счастливаго окончанія припадка кашля, никогда не слѣдуетъ пробовать заговорить съ чукчею, такъ какъ это было бы совершенно бесполезнымъ трудомъ; пока онѣ наслаждаются куреньемъ, ничто постороннее не можетъ привлечь его вниманія. Хотя бы ему объявили, что сейчасъ подъ ногами его разразится динамитная бомба, всетаки, онѣ останутся совершенно равнодушнымъ, такъ какъ ни въ какомъ случаѣ не промѣняетъ свое минутное наслажденіе на будущее безсмертіе. Среди знакомыхъ намъ чукчей былъ, между прочимъ, одинъ, который имѣлъ обыкновеніе нюхать табакъ, но этотъ

отъявленный модникъ и свѣтскій человѣкъ долгое время жилъ среди русскихъ въ Нижне-Колымскѣ и носилъ другіе отпечатки культурности, употребляя, на примѣръ, вилку, которою онъ ѣлъ моржевое мясо, а также ложку изъ рога оргали, которою онъ хлебалъ жиръ моржовый съ рубленою травою. Онъ, какъ изволите видѣть, стоялъ уже слишкомъ высоко для той среды, въ которой жилъ.

Домъ нашъ на Идлидлѣ выстроенъ былъ на единственномъ плоскомъ мѣстѣ острова, гдѣ, по словамъ туземцевъ, даже и при очень сильномъ вѣтрѣ никогда не могли достать насъ разбушевавшіяся волны; тѣмъ не менѣе, до такой поры, пока море успѣло замерзнуть, намъ пришлось пережить немало тяжелыхъ и полныхъ страха часовъ, когда вода поднималась до самого дома и грозила ему гибелью. Поэтому въ футахъ двухъ отъ дома мы выстроили плотину изъ камней и тогда стали болѣе спокойными, хотя волны и пробили въ нѣсколькихъ мѣстахъ нашу постройку и иногда плескали такъ высоко чрезъ нее, что вода свободно проникала въ нашъ домъ. Совершенно обезпеченными отъ всякой опасности почувствовали мы себя только тогда, когда море между островомъ и материкомъ, наконецъ покрылось сплошнымъ покровомъ льда и, благодаря этому, прекратилось вторженіе волнъ на берегъ. Какъ мы были счастливы, когда это случилось. Какъ нарочно, непрерывно слѣдовавшія одна за другой бури держали насъ въ постоянномъ страхѣ; два раза мы были принуждены стоять попеременно на часахъ у плотины, опасаясь, конечно, не за нашу жизнь, которой не угрожала опасность, но за нашъ покой и имущество, и въ особенности, за послѣднее, такъ какъ мы могли лишиться его очень легко. Изба была необходима для защиты зимою насъ и нашихъ припасовъ и тяжко бы намъ пришлось, если бы въ одинъ прекрасный день мы были принуждены выбираться сами въ бурю и непогоду изъ нашего убѣжища и выносить наши припасы подъ открытое небо. Вечеромъ того дня, когда море замерзло, свирѣпствовала ужасная буря; долго наблюдали мы за движеніемъ волнъ, которые влекли къ берегу массу мягкаго ледянаго „сала“; уже нѣ-

сколько дней очертанія материка были окружены какъ бы каймою изъ льда, по которому туземцы расхаживали на своихъ лыжахъ; этотъ ледъ постепенно сгущаясь и образовалъ длинную косу, тянущуюся отъ материка прямо къ выдающейся точкѣ нашего острова. Наконецъ, сало достигло этого пункта, и образовавшійся, такимъ образомъ, мостъ сталъ расти, благодаря страшной снѣжной мятели, которая несла цѣлыя груды снѣга. Мы сидѣли въ домѣ, когда громкій плескъ волнъ о берегъ вдругъ, какъ бы по волшебству, прекратился; тогда мы сразу поняли, что море покрылось своимъ зимнимъ покровомъ. Выбѣжавъ тотчасъ же изъ дому, мы увидали, что предположенія наши совершенно вѣрны. Мы не нуждались болѣе въ утомительной для всѣхъ ночной стражѣ и, по крайней мѣрѣ, вплоть до весны могли быть совершенно спокойны. На другой же день, къ намъ прибыли на лыжахъ четверо туземцевъ, а почти въ слѣдъ за ними цѣлая толпа явилась на лыжахъ и саняхъ. Сообщение съ материкомъ, прервавшееся было на цѣлыя двѣ недѣли, снова открылось, и туземцы были отъ этого въ восторгѣ. Съ своей стороны, мы были очень рады снова увидеть ихъ и находили очень интереснымъ принимать нѣкоторыхъ изъ нихъ въ своемъ обществѣ, хотя иногда они только мѣшали намъ, когда набирались цѣлою гурьбою въ нашу избу. Къ счастью, они были народъ очень добродушный и, когда Франку нужно было мѣсто для приготовления обѣда, то имъ говорили безъ церемоніи, чтобы они отправлялись домой и снова возвращались, когда будетъ время. Это приглашеніе, которое Франкъ называлъ „выбиваніемъ изъ позиціи“, заставляло ихъ иногда только выходить за дверь; здѣсь они становились у окошка, прижимались носами къ стеклу такъ, что носы ихъ совершенно сплющивались; загораживая окно, они отнимали у насъ такимъ образомъ дневной свѣтъ; тѣ же изъ нихъ, которымъ не выпадало на долю счастье занять мѣсто у окошка довольствовались рапортами о происходившемъ внутри, даваемыми счастливыми. Такова была наша обыденная жизнь въ Идлидлѣ.

Чукчи часто предлагали намъ купить моржевые клыки и

шкуры и никакъ не могли понять, почему мы не хотимъ брать у нихъ эти предметы, считаемыя всѣми торговыми судами, приходящими къ Восточному мысу и къ сосѣднему берегу, очень желаннымъ товаромъ; нѣкоторые изъ нихъ приносили оленья мясо, которое мы забирали у нихъ всегда очень охотно; другіе приносили намъ съ материка прѣсную воду и ледъ, наконецъ третьи не приносили съ собою ровно ничего, кромѣ вѣчно удивляющихся и какъ бы изумленныхъ глазъ, уставленныхъ въ теченіе цѣлаго дня на бѣлыхъ чужеземцевъ. Все это приходилось намъ испытывать изо дня въ день, съ утра до вечера; только вечеромъ мы могли пользоваться жизнью, когда убирали со стола, а лейтенантъ Путнамъ, нашъ начальникъ, бралъ свою гитару и распѣвалъ намъ любовныя испанскія пѣсни или же какіе нибудь общеизвѣстные мотивы, причемъ мы аккомпанировали хоромъ. Въ такомъ маленькомъ обществѣ, каково было наше, строгой военно-морской дисциплины вовсе не требовалось, такъ что всѣ наши бесѣды были скорѣе направлены или просто къ тому, чтобы провести какъ нибудь время, или же къ тому, чтобы учить нашихъ людей, а отнюдь не къ нашему собственному удовольствію. Нашего возницу камчадала Петра Путнамъ взялъ на свое попеченіе и, пока докторъ, я и остальные два матроса упражнялись въ игрѣ на „пинафорѣ“, столь удачно преподавалъ ему англійскій языкъ, что довелъ его до возможности складывать д-о-г-ъ, догъ (собака) и к-э-т-ъ, кэтъ (кошка). Иногда нѣкоторые изъ насъ почти въ теченіе цѣлаго вечера занимались игрою въ безикъ и въ шахматы, а по временамъ всѣ мы оставляли въ сторонѣ игры и образовательныя стремленія и вдавались въ общій, чрезвычайно оживленный споръ о предметахъ, насъ интересовавшихъ, и вещахъ, въ которыхъ мы ровно ничего не смыслили. Такимъ образомъ, здѣшняя жизнь наша, хотя и однообразная, все же не была лишеною пріятности, какъ это могло бы казаться съ перваго взгляда. Конечно, и тутъ были свои неудобства и непріятности, но всѣ мы знали, что поселились здѣсь вовсе не рады нашего собственнаго удовольствія. Также иногда, и притомъ въ видѣ особенной милости,

позволяли мы тому или другому туземцу остаться у насъ на ночь, и такая милость была обыкновенно цѣнима ими чрезвычайно высоко; они отлично знали, что около половины десятого или въ десять у насъ всегда найдется чашка горячаго чая, сухарь съ небольшимъ кусочкомъ сыра или нѣсколькими сардинками, а пожалуй даже и кусокъ превосходнаго докторскаго рождественскаго пирога. Эти прелести утонченнаго вкуса туземцы умѣли отлично цѣнить и зачастую старались перенять также и нѣкоторыя наши привычки; высшей степени культуры достигъ, однако, изъ нихъ одинъ только старшина оленныхъ чукчей, который послѣ обѣда откидывался на спинку и употреблялъ въ дѣло салфетку доктора,—салфетку, которая должна была служить ему до конца нашей экспедиціи! Этотъ же самый старикъ старшина угощалъ насъ вечеромъ своимъ пѣніемъ, причемъ онъ аккомпанировалъ себѣ на гитарѣ Путнама; это была однообразная мелодія съ часто повторяющимися словами: ей-пехкъ-и-комъ-опъ“; къ сожалѣнію я не могъ добиться, что это значитъ, да и значитъ ли это вообще что нибудь.

Теперь туземцы пріѣзжали къ намъ по ледяному мосту на саняхъ, и я нерѣдко изумлялся легкости и прочности этихъ экипажей. Сидить въ саняхъ чаще всего одинъ, иногда два чукча, такъ что впряженные въ нихъ собаки могутъ свободно бѣжать полнымъ ходомъ; маленькія санки такъ прыгали по неровному льду, залегшему между нашимъ домомъ и берегомъ, что я ожидалъ каждую минуту, что онѣ разлетятся въ дребезги на тысячу кусковъ, но онѣ никогда не ломались словно были сдѣланы изъ китоваго уса. Днемъ нашъ домъ былъ всегда окруженъ такимъ огромнымъ количествомъ самыхъ разнообразныхъ саней, что право иной принялъ бы нашъ островокъ за ярмарку; всѣ люди, пріѣхавшіе на нихъ, и множество добравшихся на островокъ пѣшкомъ полагали, что имѣютъ право забраться въ нашу единственную комнату и угощаться въ ней въ теченіе цѣлаго дня. Зачастую они являлись до разсвѣта, когда мы еще не вставали, и ожидали тогда на холоду цѣлые часы, пока наконецъ, ихъ впускали

въ избу. Это удивительно терпѣливый народъ нищихъ, если они не получаютъ всего того, что видятъ, то навѣрно не по своей винѣ, такъ какъ они большіе мастера выпрашивать все, что попадется имъ на глаза, не разбирая нисколько, можетъ имъ пригодиться выпрашиваемая вещь или нѣтъ.

Глава X.

„Гибель Роджерса“.

Лагерь Гентъ, Идидля Сѣверная Сибирь.
31-го декабря 1881 г.

Во второй половинѣ ноября, я отправился къ сосѣднему племени оленныхъ чукчей, чтобы заготовить для нашего стола свѣжимъ мясомъ. Лагерь находился всего лишь въ 40 миляхъ, но такъ какъ дни были очень коротки, а собаки—очень лѣнны, то намъ и пришлось переночевать на снѣгу. На слѣдующій день, дулъ рѣзкій вѣтеръ, и несся снѣгъ прямо намъ въ лицо; но мой возница правилъ съ такою увѣренностью въ этой снѣжной пустынѣ, гдѣ я не замѣчалъ рѣшительно ничего, что могло бы указать путь, что привезъ меня прямо къ юртамъ чукчей. Я нашелъ, что юрты схожи съ чоуанскими; но до сихъ поръ я могъ познакомиться съ внутренностью ихъ юртъ лишь поверхностно, тогда какъ теперь мнѣ пришлось привести въ одной изъ нихъ цѣлую ночь и рисковать задохнуться отъ жары и спертого воздуха. Былъ только одинъ способъ заснуть, именно просунуть голову подъ занавѣску изъ оленьей шкуры такъ, чтобы она находилась во внѣшней юртѣ; въ спальнѣ, или юрангѣ; было такъ жарко, что не требовалось никакого одѣяла. Такимъ образомъ мы всѣ спали съ головами въ одной комнатѣ, а съ туловищами—въ другой; само собою разумѣется, что такой способъ спанья, какъ мнѣ пришлось потомъ не разъ убѣждаться

имѣеть свои неудобства. Внѣшняя юрта, или горангъ, служитъ убѣжищемъ для всѣхъ собакъ, а потому случается нерѣдко, что вдругъ среди ночи вы съ ужасомъ просыпаетесь, пробужденные ощущеніемъ чего-то холоднаго на лицѣ, и скоро догадываетесь, что это одно изъ этихъ животныхъ въ пылу особенной нѣжности тщательно лижетъ вамъ лицо, или же, пытаясь проникнуть во внутреннюю юрту, тычетъ вамъ своимъ холоднымъ носомъ въ грудь. Я досталъ у чукчей превосходнаго молодаго оленя и отправился домой. Въ Теопъкейнѣ, небольшомъ селеніи туземцевъ, на ближайшемъ отъ нашей избы берегу, я нашелъ Путнама, который снаряжалъ своихъ собакъ для поѣздки въ Ванкармень, отстоящій отъ насъ версть на 225 къ сѣверо-западу, съ тѣмъ, чтобы устроить тамъ складъ провіанта для весенней нашей экспедиціи; онъ прибылъ сюда еще вечеромъ истекшаго дня въ туземной лодкѣ и перевезъ въ ней сани и 18 собакъ. Петерсенъ сопровождалъ его въ эту экспедицію, которая, предполагалось, возьметъ не менѣе десяти дней. Я выждалъ, пока они отправились въ путь, а затѣмъ и самъ отправился на край береговаго льда, чтобы отсюда перебраться въ лодкѣ на островъ; но новый ледъ и сало были такъ густы, что тяжело нагруженная лодка не могла двигаться впередъ; послѣ полутора-часовой безостановочной и притомъ очень тяжелой работы, мы успѣли отѣхать отъ окраины береговаго льда не дальше, какъ на три длины лодки, такъ что поневолѣ пришлось вернуться назадъ; обратное наше путешествіе продолжалось ни какъ не менѣе двухъ часовъ. На слѣдующій день, мы снова сдѣлали попытку пробраться на островъ, но и на этотъ разъ успѣли отойти отъ берега не болѣе какъ футовъ на 400, причемъ пользовались лодкою, какъ мостомъ между глыбами льда. Новый ледъ былъ на столько крѣпокъ, что хотя лодка и погружалась въ него повидимому, но на самомъ дѣлѣ онъ только гнулся подъ, нею, какъ гнется каша подъ ложкою. Снова пришлось намъ возвратиться вспять, но на этотъ разъ я твердо рѣшился дожидаться, пока не замерзнетъ каналъ, что по моимъ расчетамъ, должно было случиться въ скоромъ

времени, такъ какъ вѣтеръ дулъ на материкъ, а сало и льдины постоянно подгонялись имъ къ тому мѣсту гдѣ и прежде ледъ стоялъ мостомъ. На слѣдующій день шелъ такой сильный снѣгъ, что мы не могли даже разглядѣть нашего острова, но въ тоже время намъ показалось, что ледъ сталъ до мысочка; тотчасъ же нѣсколько туземцевъ, вооружась лыжами и палками, отправились попытать счастья и изслѣдовать, дѣйствительно ли можно добратъся по льду до острова. Вышеупомянутыя палки были для меня совершенно новинкою и ихъ замысловатое устройство заслуживаетъ подробнаго описанія. Дѣлаются онѣ изъ дерева и величиною нѣсколько больше обыкновенной палки, употребляемой для гулянья; въ нижній конецъ ея вдѣланъ обыкновенно моржевый клыкъ, а въ двухъ дюймахъ отъ конца находится обручъ въ 6—8 дюймовъ въ поперечникѣ, прикрѣпленный къ палкѣ многочисленными ремнями изъ тюленьей кожи; этотъ обручъ и сѣтка изъ ремней лежатъ свободно на снѣгу и могутъ сдержатъ на немъ и на мелкомъ льду порядочную тяжесть. Когда туземцы отправляются на берегъ на тюленью охоту или же ставить тенета на тюленей, они обуваются въ лыжи, берутъ въ руки эти палки, и приходится лишь удивляться, какъ они рискуютъ ходить по самымъ опаснымъ мѣстамъ. Такъ, на примѣръ, не разъ случалось мнѣ видѣть ихъ бродящими совершенно беззаботно по самому тонкому льду, который поднимался то тамъ, то сямъ отъ напора волнъ. Здѣсь же кстати будетъ замѣтить объ однотъ крайне удивительномъ явленіи касающемся установившагося льда: хотя всякое движеніе уже нѣсколько недѣтъ какъ прекратилось, тѣмъ не менѣе поверхность льда была волнистая и указывала ясно на происходившее подъ нимъ волнообразное движеніе: часто приходилось мнѣ въ теченіе моихъ странствованій наблюдать ледъ такого вида, который какъ будто застылъ моментально вслѣдствіе сильнаго мороза въ ту минуту, когда волны не успѣли еще улечься, и море не сдѣлалось гладкимъ.

Три четверти часа спустя послѣ того, какъ мой авангардъ двинулся въ путь, я получилъ извѣстіе, что всѣ благополучно

добрались до острова и что ледъ вполне надеженъ; тотчасъ же нашлась цѣлая толпа туземцевъ, пожелавшихъ тоже переправиться на островъ и выразившихъ желаніе захватить меня съ собою на салазкахъ, такъ какъ я былъ слишкомъ мало опытенъ въ бѣгѣ на лыжахъ; трое саней открывали шествіе, а за ними шли пѣшкомъ человѣкъ 20 туземцевъ; къ сожалѣнію, салазки, на которыхъ я сидѣлъ, сломались, едва только мы добрались до мелкаго льда, и я погрузился до самыхъ плечъ въ холодную воду и ледяное сало. Быстро перевернувшись и постоянно повторяя это движеніе, мнѣ удалось однако, продержаться на водѣ до тѣхъ поръ, пока ко мнѣ не подѣхали другія сани; я ухватился за нихъ руками, сталъ болтать ногами и скоро достигъ ледяной глыбы, на которой стояли уже почти всѣ пѣшеходы. Пришлось пересѣсть на другія сани, которыя подталкивалъ сзади одинъ изъ туземцевъ, когда собаки отказывались втащить меня на какую нибудь высокую ледяную глыбу; перетаскиваемый и переталкиваемый такимъ образомъ съ одной глыбы на другую, достигъ я, наконецъ, послѣ полуторачасоваго путешествія, самаго непріятнаго изъ всѣхъ когда либо совершенныхъ мною, нашего острова, причемъ замѣчу, что туземцы стояли все время совершенно безопасно на своихъ лыжахъ тамъ, гдѣ я провалился съ санями.

Недѣлю спустя, возвратился назадъ и Путнамъ, который выдержалъ сильную снѣжную бурю при переѣздѣ черезъ бухту Пилканъ или Колючинскую, какъ она обыкновенно обозначается на картахъ. Онъ былъ принужденъ провести ночь подъ открытымъ небомъ, да къ тому же еще на льду, такъ какъ во время „пурги“ (такъ называются по всей Сибири снѣжныя бури), нѣтъ рѣшительно никакой возможности добиться того, чтобы животныя бѣжали впередъ; приходится спокойно ожидать, чтобы буря утихла, и тогда уже продолжать путь. Само собой разумѣется, что въ безграничныхъ пустыняхъ, въ родѣ тундры и ледяныхъ полей, выжиданіе можетъ быть одинаково опасно, какъ и продолженіе пути, такъ какъ здѣсь не рѣдко случается, что и экипажъ, и собаки, и

самъ путешественникъ замѣтаются снѣгомъ и погребаются въ немъ на вѣкъ. Когда, какъ это не разъ уже случалось, если пурга застанетъ въ пути почтовую повозку, то поневолѣ приходится отправлять для ея спасенія цѣлый отрядъ людей подъ руководствомъ человѣка, хорошо знающаго мѣстность; люди эти находятъ на пути какой нибудь холмъ, при чемъ вожакъ указываетъ на послѣдній и говоритъ: „я не видалъ его никогда прежде“; рабочіе принимаются тогда за работу, разгребаютъ лопатами снѣгъ и зачастую отрываютъ и повозку, и лошадей, и проѣзжихъ, которые или успѣли замерзнуть окончательно, или же недалеко отъ смерти. Вообще, туземцы, живущіе вблизи тундры, знаютъ превосходно тѣ признаки, которые предвѣщаютъ приближеніе пурги, и, въ такомъ случаѣ, никогда не предпринимаютъ никакой поѣздки, если погода хотя сколько нибудь сомнительна. Въ другихъ мѣстностяхъ, гдѣ высокія береговья горы или лѣсочки, разбросанные по сторонамъ, представляютъ собою достаточные указатели дороги, въ такой предосторожности нѣтъ необходимости, такъ какъ въ самомъ худшемъ случаѣ приходится бояться лишь ночевки въ метель подъ открытымъ небомъ. Въ пургу на Пилканской бухтѣ Путнамъ отморозилъ себѣ руку, а Петерсенъ окончности пальцевъ.

Черезъ нѣсколько дней по возвращеніи изъ этой поѣздки, Путнамъ снова отправился въ путь, и на этотъ разъ уже къ бухтѣ св. Лаврентія, гдѣ хотѣлъ навѣстить наше судно и кстати переговорить о санной поѣздки въ Нижне-Колымскъ, гдѣ хотѣлъ развѣдать, не слышно-ли чего нибудь о „Жаннеттѣ“. Когда онъ прибылъ въ деревню Чейптунъ, отстоящую всего на два дня пути отъ зимовки „Роджерса“, то былъ испуганъ ужасною вѣстью, только что привезенною однимъ возвратившимся изъ бухты св. Лаврентія туземцемъ, который рассказывалъ, что корабль сгорѣлъ до тла и что экипажу удалось спасти лишь очень небольшую часть припасовъ. Рассказывали также, что никто не погибъ на пожарѣ и что офицеры и матросы живутъ теперь въ юртахъ туземцевъ и питаются наравнѣ съ ними вяленнымъ моржовымъ мясомъ. Изъ

Гибель «Роджерса».

PLATE I

разсказовъ оказывалось, что пожаръ случился 1-го декабря, тогда какъ на самомъ дѣлѣ несчастье посѣтило днемъ раньше. Такъ какъ Путнамъ былъ совершенно убѣжденъ въ достовѣрности сообщеннаго ему слуха, то немедленно возвратился къ нашей зимовкѣ, чтобы захватить съ собою припасовъ для несчастныхъ товарищей. 27-го декабря, онъ снова пустился въ путь къ бухтѣ св. Лаврентія; теперь онъ ѣхалъ въ сопровожденіи четырехъ большихъ саней, до верху нагруженныхъ хлѣбомъ, кофе, сахаромъ, пеммиканомъ (вяленое мясо) и мясными консервами. Онъ захватилъ также съ собою нѣсколько книгъ и фунтовъ 100 табаку и папиросъ — почти половину того, что мы имѣли. 3-го января, въ Идлилю прибылъ капитанъ Берри; онъ подтвердилъ печальную вѣсть о гибели судна почти со всѣмъ грузомъ и далъ мнѣ порученіе отправиться тотчасъ же въ Нижне-Колымскъ, а оттуда на ближайшую телеграфную станцію Сибири, откуда я долженъ былъ послать нашему морскому министру телеграмму о постигшемъ насъ несчастіи; затѣмъ я долженъ былъ безъ остановокъ ѣхать черезъ Сибирь и Европу въ Вашингтонъ, чтобы доставить туда подробный письменный рапортъ о гибели нашего судна.

30-го ноября, около 9 часовъ утра, въ носовой части зимовавшаго въ бухтѣ св. Лаврентія «Роджерса» былъ замѣченъ густой дымъ, который выходилъ изъ-подъ палубы: достаточно было для всякаго увидать это зрѣлище, чтобы понять, что на кораблѣ пожаръ. Всѣ люди въ полномъ порядкѣ живо отправились на свои мѣста въ ожиданіи приказаній и дальнѣйшихъ распоряженій офицеровъ; люки были тотчасъ же закрыты и всѣ помпы пущены въ ходъ. Изъ ручной помпы, накачиваемой экипажемъ и помѣщавшейся на носу, а также изъ паровой пожарной трубы, гдѣ поддерживался всегда огонь для нагрѣванія парохода, скоро полились цѣлые потоки воды. Но едва лишь отворили одинъ люкъ для того, чтобы облегчить нѣсколько доступъ водѣ, какъ цѣлыя массы густого, удушливаго дыма вырывались оттуда внаружу и мѣшали работѣ; люди у помпъ должны были постоянно мѣняться, а ко-

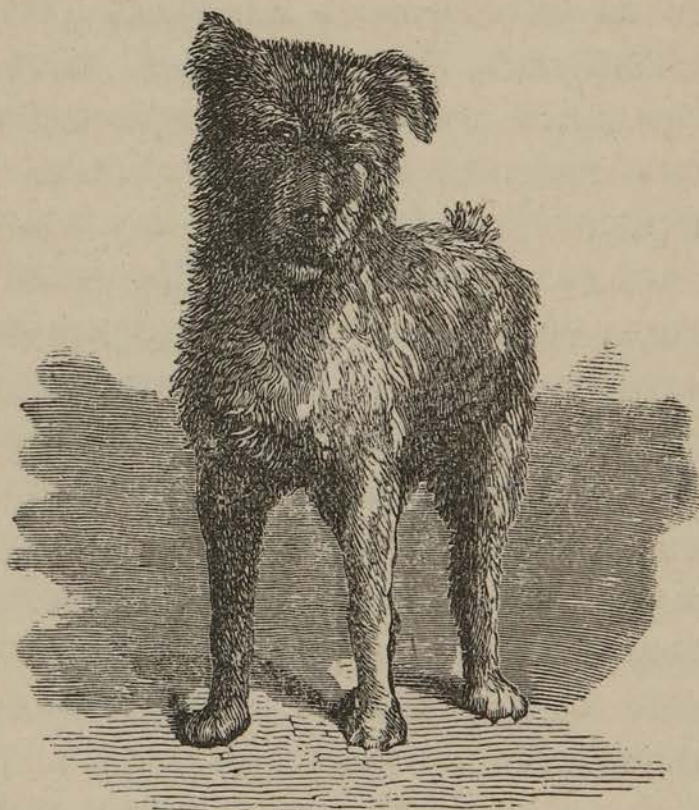
чегарь у котла вынужденъ былъ оставить свой постъ. Тогда затворили снова всѣ двери и люки, но проломали отверстіе въ палубѣ и черезъ него стали тушить огонь. Такъ продолжалось нѣкоторое время, пока не собрали развинченныхъ на зиму трубокъ большихъ котловъ, которые и пущены были затѣмъ въ ходъ; оказалось, что это было сдѣлано какъ разъ во время, потому что приходилось покинуть помѣщеніе около малаго котла вслѣдствіе сильнаго дыма, который не давалъ дышать. Между тѣмъ отворили кухонный кранъ и пустили изъ него воду черезъ пробоины въ палубѣ, но ничто не дѣйствовало на огонь, который съ минуты на минуту разгорался все болѣе и болѣе. Когда судно было обращено заднею частью противъ вѣтра для того, чтобы помѣшать распространенію разбушевавшейся стихіи въ эту сторону, экипажъ принялся перетаскивать масло и порохъ изъ носоваго помѣщенія на бакъ, откуда, въ случаѣ нужды легко было все выкинуть за бортъ или перегрузить въ лодки. Вскорѣ дымъ началъ проникать въ угольные ямы и въ топку, такъ что пришлось употребить вскорѣ людей на переноску припасовъ и пушныхъ одеждъ изъ кормовыхъ кладовыхъ въ болѣе безопасное мѣсто, но припасныя кладовыя были уже полны дымомъ и угольнымъ газомъ, такъ что тамъ не было никакой возможности работать. Оставалось еще одно средство къ спасенію именно перерѣзать паровую трубу и наполнить такимъ образомъ всю внутренность судна паромъ; сначала дѣйствительно казалось, что огонь можетъ быть потушенъ именно такимъ путемъ. У всѣхъ явилась надежда. Но труба расплавилась, и дымъ въ машинномъ отдѣленіи сгустился до такой степени, что кочегары выскочили оттуда, едва не задохнувшись. Нечего было обманывать себя и утѣшать надеждою—корабль погибъ безвозвратно и слѣдовало направить всѣ старанія на то, чтобы спасти экипажъ. Все, что осталось отъ парусовъ, было поставлено и сдѣлана была попытка навестъ судно на берегъ, такъ какъ вся бухта была переполнена саломъ и новымъ льдомъ, который не былъ достаточно твердъ, чтобы сдержать человѣка, и въ то же время слишкомъ густъ, чтобы дозволить спу-

ститъ лодки и спастись на нихъ. Но судьба, казалось, вооружилась противъ несчастнаго судна; вѣтеръ, дувшій въ теченіе всего утра, могъ только увеличивать опасность, съ большою силою, теперь вдругъ спалъ и притомъ какъ разъ именно въ тотъ моментъ, когда всѣ жаждали только вѣтра для того, чтобы онъ натолкнулъ пароходъ на берегъ. Такимъ образомъ, едва замѣтное поступательное движеніе корабля зависѣло теперь лишь отъ движенія льда и теченія; судно не слушалось руля и направлялось очень тихо въ каналъ, лежащій между островомъ Литке и плоскою, тянущеюся съ берега далеко въ море косою. Когда, наконецъ, „Роджерсъ“ попалъ здѣсь на мель, то снова явилась у всѣхъ надежда, что можно будетъ спасти что нибудь; но, къ сожалѣнію, недолго пришлось лелѣять эту надежду, такъ какъ густой дымъ не допускалъ приблизиться къ конденсаторному клапану, отворивъ который можно было напустить въ корпусъ воды и такимъ образомъ потушить огонь, пользуясь тѣмъ, что судно сидитъ на мели. Три или четыре толчка, и снова судно вышло на глубину; пока оно проходило мимо плоской воды, попробовали, при помощи легонькой лодки изъ шкуръ, завести на берегъ канатъ; два или три раза всѣ попытки оставались тщетными, несмотря на нечеловѣческія усилія людей; наконецъ, послѣдняя отчаянная попытка увѣнчалась успѣхомъ; канатъ былъ завезенъ на берегъ, а къ нему прикрѣпили другой потолще, который и обмотали вокругъ вмерзшаго крѣпко въ землю бревна. По этому канату хотѣли провести къ берегу всѣ пять лодокъ, но оказалось, что такой способъ сообщенія требуетъ слишкомъ много времени, такъ что пришлось отрѣзать обѣ заднія лодки и пересадить спасавшихся на нихъ людей на остальные. Тогда отрѣзали и канатъ, прервавъ такимъ образомъ всякую связь съ предоставленнымъ своей печальной судьбѣ кораблемъ. Тяжело было перетаскивать лодки. Не было еще полуночи, когда послѣдняя лодка отвалила отъ „Роджерса“, и хотя разстояніе до берега не превышало 225 сажень, тѣмъ не менѣе они достигли берега только въ 2 часа утра. Еще раньше, однако, видно было, какъ пламя бѣшено вырвалось изъ передняго

люка и затѣмъ сразу охватило весь корабль. Какъ будто послѣдній отчаянный сигналъ бѣдствія съ покинутаго судна, въ этотъ самый моментъ изъ пламени взвилась къ темнымъ небесамъ ракета, да два ружья, оставленные по необходимости гдѣ-то на шканцахъ, дали залпъ надъ могилою „Роджерса“. Вѣтеръ перемѣнившій между тѣмъ направленіе и дувшій теперь на юго-востокъ, къ великой радости всего спасагося экипажа, гналъ корабль прямо на берегъ; но тутъ снова задержалъ его на пути ледъ, и онъ двинулся въ каналъ и ушелъ далеко въ глубь бухты, гдѣ его можно было видѣть горящимъ еще утромъ 2-го декабря; здѣсь, наконецъ, онъ пошелъ ко дну.

Слишкомъ измученные для того, чтобы думать объ устройствѣ себѣ убѣжища на ночь, всѣ провели ночь подъ открытымъ небомъ. На слѣдующее утро оказалось, что вѣтеръ, повернувшій ночью на сѣверо-востокъ, прогналъ ледъ отъ берега; тотчасъ же спустили на воду лодки и направили курсъ къ ближайшему туземному поселенію Нунамо, находившемуся на мысѣ того же имени, но не успѣли еще отъѣхать на болѣе значительное разстояніе, какъ ледъ началъ снова спираться и до того угрожалъ лодкамъ, что не оставалось ничего болѣе, какъ поспѣшно вернуться назадъ и вытащить лодки на берегъ. Въ теченіе второй ночи, которую пришлось провести на томъ же мѣстѣ, бушевала страшная метель, а лодки съ ихъ парусами доставляли несчастному экипажу „Роджерса“ лишь самое ненадежное убѣжище. Еще при самомъ началѣ пожара двое чукчей были случайно на кораблѣ; затѣмъ они вмѣстѣ съ экипажемъ перебрались на берегъ и тотчасъ же направились по домамъ. Утромъ 2-го декабря эти люди возвратились вмѣстѣ съ другими туземцами на берегъ и привезли съ собою всѣ сани, которыя имъ удалось достать въ своемъ селеніи, для того, чтобы убѣдить капитана Берри отправить людей къ нимъ въ селеніе, гдѣ они могли бы остаться жить, пока не придетъ помощь изъ отчизны. При подобныхъ обстоятельствахъ, конечно, нельзя было желать лучшаго, приходилось лишь порадоваться радушному предложенію туземцевъ, которое безъ дальнѣйшихъ размышленій съ великою призна-

тельностью было принято капитаномъ Берри. Мичманъ Гентъ остался на берегу съ небольшимъ отрядомъ еще на нѣкоторое время для того, чтобы, когда дозволитъ состояніе льда, перевести въ деревню лодки и припасы; онъ послѣдовалъ за всѣми лишь черезъ нѣсколько дней. Вскорѣ оказалось, что и нѣкоторыя другія селенія готовы принять къ себѣ нѣсколькихъ людей съ „Роджерса“, и черезъ нѣсколько времени рѣ-

Одноглазый Рилей.

шительно весь экипажъ былъ размѣщенъ по селеніямъ, расположеннымъ по бухтѣ св. Лаврентія. Обѣ собаки, захваченныя съ собою на „Роджерсѣ“, къ величайшему сожалѣнію всего экипажа, погибли во время пожара; въ особенности всѣ горевали обѣ одной изъ нихъ, пресмѣшномъ маленькомъ звѣрькѣ получившимъ на кораблѣ кличку „Одноглазый Рилей“ и сдѣлавшемся съ первыхъ же дней любимцемъ всѣхъ матросовъ.

Огорченіе туземцевъ при видѣ горящаго, среди непроходимаго льда, судна было, безъ всякаго сомнѣнія, очень сильно. Старый старшина того селенія, гдѣ люди съ „Роджерса“ нашли первый пріютъ, всплеснулъ отчаянно руками и воскликнулъ: „Вашъ корабль сварился, не хорошо! Очень много вашихъ людей варилось, не придутъ берегъ!“ Почти всѣ туземцы по близости Восточнаго мыса обладаютъ нѣкоторыми познаніями въ англійскомъ языкѣ, а многіе даже бѣгло объясняются на немъ. Одинъ чукча изъ Пloverской бухты, котораго я видѣлъ на китоловномъ пароходѣ „Бельведеръ“ говорилъ по-англійски такъ бойко и вѣрно, какъ будто бы по меньшей мѣрѣ родился въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ и всю жизнь свою провелъ тамъ; онъ цѣлыхъ 14 лѣтъ прослужилъ на американскихъ корабляхъ и успѣлъ побывать на нихъ почти во всѣхъ странахъ свѣта. На своей родинѣ онъ, конечно, считается теперь великимъ лгуномъ, такъ какъ никто и не думаетъ вѣрить его невѣроятнымъ, но въ то же время вполне согласнымъ съ дѣйствительностью, рассказамъ о земляхъ бѣлыхъ людей и въ особенности о необыкновенныхъ животеяхъ, съ виду напоминающихъ человѣка, но обладающихъ хвостомъ и четырьмя руками, вмѣсто двухъ рукъ и двухъ ногъ. Впрочемъ, всѣ туземцы, посѣщавшіе нашъ домъ въ Идлидлѣ, вовсе не прочь были хотъ вѣчно слушать наши рассказы объ обезьянахъ и попугаяхъ, этихъ чудесныхъ говорящихъ птицахъ, и зачастую приходилось мнѣ, по ихъ неотступной просьбѣ, переводить языкъ попугаевъ на чукотскій; это дѣлало мои рассказы осязательнѣе и привлекательнѣе; но для самого рассказчика, обладавшаго лишь весьма ограниченными свѣдѣніями въ обоихъ языкахъ, доставляло не мало трудностей.

Около этого времени случилось въ бухтѣ св. Лаврентія такое обстоятельство, которое совершенно ясно доказало, что вѣрность изрѣченія библіи: „ею же мѣрою...“ и т. д.; можетъ оправдаться даже въ самомъ непродолжительномъ времени. Вскорѣ послѣ прибытія „Роджерса“ въ зимнюю стоянку; одинъ старый чукча, по имени Уинчелинъ, захваченъ былъ бурей

на китовой ловлѣ и принужденъ былъ въ теченіе недѣли оставаться на островѣ Литкѣ; съ нимъ находилось нѣсколько мужчинъ, женщинъ и дѣтей очутившихся въ одинаковомъ съ нимъ бѣдственномъ положеніи, въ полной невозможности какимъ бы то ни было путемъ попасть на берегъ или добраться до корабля. Когда капитанъ Берри увидѣлъ съ „Роджерса“, какъ они въ отчаяніи бѣгали по берегу и разыскивали какихъ-нибудь животныхъ, которыми могли бы утолить свой голодъ, онъ почувствовалъ состраданіе къ этимъ несчастнымъ. Онъ приказалъ спустить лодку и, прикрѣпивъ ее къ судну, добрался на веслахъ почти до самаго островка; здѣсь бросилъ онъ за бортъ боченокъ съ хлѣбомъ и имѣлъ удовольствіе видѣть, какъ этотъ боченокъ былъ прибитъ волнами къ берегу и поднять чукчами. Когда, два дня спустя, буря стихла, то старый чукча явился на „Роджерсъ“, чтобы принести живѣйшую благодарность тѣмъ, кто избавилъ его отъ преждевременной голодной смерти; онъ обѣщалъ, когда замерзнетъ бухта, возвратиться и привезти оленьяго мяса. Конечно, всѣ позабыли объ этомъ случаѣ и вспомнили объ немъ только лишь послѣ пожара, когда старикъ предсталъ предъ капитаномъ Берри съ запасомъ оленины и сала, теперь, когда „корабль сварился“, ему захотѣлось сдѣлать доброе для бѣлыхъ людей; онъ взялъ къ себѣ въ юрту двухъ матросовъ, а остальныхъ размѣстилъ по своимъ знакомымъ и соплеменникамъ.

Глава XI.

Ожиданія освобожденія

Лагерь Гѣнтъ, Идлidlя, Сѣверная Сибирь,
1-го января 1881 года.

Капитанъ Берри рѣшительно не можетъ понять, что было причиною пожара. Въ томъ помѣщеніи, гдѣ показался впервые огонь, не было никакихъ самовозгорающихся предметовъ;

онъ думаетъ, однако, что, по всѣмъ вѣроятіямъ, причину пожара слѣдуетъ искать въ постепенномъ обугливаніи палубы подъ малымъ котломъ; всѣ паровыя, отопливающія трубы корабля проходили черезъ палубу и только выводная труба была направлена въ кормовую часть, куда паръ вступалъ уже въ достаточной мѣрѣ охлажденнымъ, пройдя черезъ все подпалубное пространство судна. Удалось спасти только то небольшое, что экипажъ „Роджерса“ имѣлъ при себѣ; густой дымъ, тотчасъ же наполнившій все помѣщеніе носовой части, не далъ возможности кому-либо проникнуть туда и спасти хотя что-либо. Офицеры лишились почти всей своей одежды, а то, что осталось изъ ихъ гардероба и не было ими самими употреблено тотчасъ-же въ дѣло, пришлось раздать тѣмъ изъ экипажа, которые нуждались въ самомъ необходимомъ, такъ какъ лишились всего своего имущества. По словамъ капитана Берри, поведеніе офицеровъ и матросовъ было безукоризненно, но съ особенною похвалою онъ отзывается въ своемъ рапортѣ морскому министру о фейерверкѣ У. Р. Морганѣ, который съ необыкновеннымъ мужествомъ и рѣшимостью ни за что не хотѣлъ покинуть своего поста у люка и только полуживой былъ вытащенъ товарищами, при помощи обмотанной вокругъ туловища веревки, на палубу; едва отдышавшись, онъ снова отправился туда же и повторялъ это до тѣхъ поръ, пока капитанъ Берри не запретилъ ему рисковать жизнью. Само собою разумѣется, что запрещеніе пришло слишкомъ поздно, такъ какъ этотъ безстрашный человѣкъ лежалъ уже безъ чувствъ, полузадохнувшись отъ дыма на палубѣ, и только черезъ двѣ недѣли къ нему снова возвратились силы, и онъ получилъ возможность ходить безъ посторонней помощи.

Капитанъ Берри намѣренъ, въ случаѣ, если ему не пришлютъ изъ тихоокеанской эскадры другого судна, нанять одного изъ первыхъ прибывшихъ въ Беринговъ проливъ китоловныхъ судовъ и отправиться на немъ въ фортъ св. Михаила на Аляскѣ; тамъ думаетъ онъ дожидаться парохода Аляскинскаго общества „св. Павелъ“ и отправиться на этомъ послѣднемъ со

всѣмъ своимъ экипажемъ въ Санъ-Франциско. Но въ случаѣ, если морское вѣдомство пришлетъ ему другое судно, то онъ ходатайствовалъ о присылкѣ ему также груза подарковъ, которые онъ хотѣлъ раздать добродушнымъ чукчамъ, пріютившимъ у себя и прокормившимъ весь экипажъ погибшаго судна. Конечно, даровыя квартиры, въ которыхъ размѣщены были теперь наши люди, были въ тысячу разъ хуже самыхъ нищенскихъ хижинъ цивилизованныхъ странъ, но онѣ служили единственнымъ убѣжищемъ своимъ хозяевамъ, которые радушно подѣлились съ чужестранцами всѣмъ тѣмъ, что сами имѣли. Если подарки будутъ присланы тогда, когда капитанъ Берри еще не покинетъ Берингова пролива, то онъ постарается, чтобы они были распредѣлены между тѣми изъ туземцевъ, которые наиболѣе заслужили ихъ своими заботами о покоѣ и удобствахъ своихъ невольныхъ гостей. Немного нужно денегъ для того, чтобы роскошно вознаградить ихъ за доброе дѣло; всего желательнѣе и необходимѣе для нихъ были-бы, конечно, корабельные сухари, морсъ, чай, сахаръ, скорострѣльные ружья Генри и патроны къ нимъ, порохъ, пули, свинецъ, пистоны, дробь, ножи, топоры, пилы и другіе столярныя инструменты, швейныя иглы, наперстки, бумажныя ткани, стеклянныя бусы, табакъ, трубки, фитили, спички, горшки, котлы, жестяные ковши, сѣчки и холстъ; истративъ не болѣе 5,000 долларовъ, можно сдѣлать изъ чукчей счастливейшихъ дикарей всего восточнаго континента и притомъ доказать имъ самымъ ощутительнымъ образомъ, что помощь, оказанная постигнутымъ бѣдствіемъ бѣлымъ, не остается безъ вознагражденія. Безъ всякаго сомнѣнія, тѣ изъ туземцевъ, которые оказали нашимъ людямъ наибольшія услуги, будутъ награждены отъ русскаго правительства обычными въ этихъ случаяхъ золотыми медалями, но желательно было-бы, въ то же время, чтобы они получили награжденіе и отъ того народа, представителямъ котораго оказали такую существенную и дружественную помощь. Не всякому покажется великимъ благодѣяніемъ прокормъ одного голоднаго человѣка вяленнымъ моржовымъ мясомъ, но въ жизни моряка могутъ быть слу-

чай, когда и такая отвратительная пища будетъ принята съ благодарностью, какъ великая и богатая милость. Раньше того времени, какъ мы перебрались съ корабля на этотъ островъ, часто случалось, что, увидя висящую на такелажѣ заднюю часть быка, я не могъ отказать себѣ въ наслажденіи отрѣзать кусокъ холоднаго, сырого мяса и съѣсть его. Одинъ изъ моихъ товарищей, считавшій немислимымъ, чтобы кто-нибудь могъ ѣсть дѣйствительно съ наслажденіемъ сырое мясо, сталъ меня разъ дразнить и спросилъ даже, не дѣлаю ли я это для того, чтобы немного порисоваться; я отвѣчалъ ему, что онъ долженъ благодарить Творца, если у него всегда будетъ подъ рукою хотя-бы нѣчто, похожее на это прекрасное мясо и вотъ теперь, послѣ гибели корабля, вся пища насмѣшника состоитъ только изъ вяленаго моржоваго мяса туземцевъ, и онъ недавно еще прислалъ сказать мнѣ, что теперь ему часто приходится вспоминать о моихъ тогдашнихъ словахъ и что насталъ тотъ день, когда онъ съ восторгомъ бы съѣлъ то, что прежде казалось ему до такой степени противнымъ. Другой офицеръ, получившій воспитаніе въ Парижѣ и обладавшій тѣмъ изысканно-развитымъ вкусомъ, который можетъ развиться лишь подъ вліяніемъ тамошняго поварского искусства, имѣлъ обыкновеніе говорить, что самая мысль о сыромъ мясѣ возбуждаетъ въ немъ тошноту, но такъ какъ вмѣстѣ съ тѣмъ онъ зналъ очень хорошо, что именно сырое мясо и считается наилучшимъ презервативомъ отъ скорбута, то объявлялъ въ офицерской каютѣ, что нецрѣмѣнно станетъ принуждать себя втеченіе зимы съѣдать нѣкоторое количество этого противоскорбутнаго средства; по его словамъ, онъ станетъ тогда выбирать себѣ лучшіе куски оленьяго мяса, разрѣзать ихъ на маленькіе кусочки, величиною въ обыкновенную пилюлю отправлять эту гадость себѣ въ ротъ и затѣмъ быстро проглатывать, чтобы не имѣть времени замѣтить всю отвратительность подобной пищи. Бѣдняга принужденъ теперь довольствоваться гораздо худшею пищею и уже не имѣетъ ни охоты, ни времени устраивать себѣ изъ своей пищи удобно проглатываемыя пилюли. Однако, прошло не-

мало времени, пока онъ могъ рѣшиться дотронуться до моржовины, онъ почти умиралъ отъ голода, когда, наконецъ, ему удалось превозмочь свое отвращеніе къ этой дѣйствительно не особенно вкусной пищѣ; онъ такъ похудѣлъ и ослабѣлъ, что капитанъ Берри сталъ не на шутку опасаться за его жизнь. Большинство офицеровъ и матросовъ довольно легко приспособились къ обстоятельствамъ и недолго нѣжничали и разыгрывали разборчивыхъ. Недостатокъ табаку—вотъ что дѣйствительно составить чувствительное лишеніе для многихъ; бѣда еще не въ томъ, что многіе, за недостаткомъ мѣховой одежды принуждены проводить цѣлые дни во внутренней юртѣ, что не особенно хорошо можетъ отозваться на ихъ здоровьѣ. Впрочемъ, капитану Берри уже удалось закупить зимняго платья почти для всѣхъ людей; кромѣ того, уѣзжая отъ насъ, онъ захватилъ изъ нашего склада довольно значительное количество мѣховыхъ вещей.

Былъ у насъ на „Роджерсѣ“ еще третій офицеръ, обладавшій изумительнымъ аппетитомъ и достигшій значительной полноты и округлости, благодаря питанію самыми вкусными блюдами и снадобьями; нерѣдко, когда мы собирались за столомъ большой каюты всѣмъ обществомъ, онъ отсылалъ свою порцію, не дотронувшись даже до нея, какъ онъ говорилъ, „бѣднымъ“, а теперь, я думаю, какъ счастливъ-бы онъ былъ очутиться, среди этихъ самыхъ „бѣдныхъ“. Толщина его значительно уже спала, но и онъ долго не могъ себя заставить ѣсть то, что ему давали; однако, молодость, хорошее расположеніе духа и крѣпкое здоровье пришли ему на помощь и теперь развили въ немъ опять такой аппетитъ, который лучше всякихъ приправъ можетъ сдѣлать пищу вкусною. Долго, однако, придется ему бродить по ресторанамъ Санъ-Франциско, пока оставленное имъ на родинѣ платье сдѣлается ему снова впору.

Прилагаемое здѣсь письмо получилъ въ Идлидлѣ старшій врачъ „Роджерса“ отъ одного изъ офицеровъ, бывшаго очевидцемъ пожара на кораблѣ и перенесшаго затѣмъ всѣ страданія обездоленныхъ нашихъ товарищей; письмо это не было

сначала предназначено къ напечатанію, но я привожу его здѣсь, такъ какъ въ немъ чрезвычайно живо описаны всѣ обстоятельства, послѣдовавшія за гибелью „Роджерса“.

«Сѣверное предгорье у бухты св. Лаврентія,
24-го декабря 1881 года.

„Дорогой докторъ!

„Я начинаю свое письмо желаніемъ всѣмъ вамъ веселыхъ Рождественскихъ праздниковъ и счастливаго Новаго года. Такъ какъ капитанъ дастъ вамъ подробный отчетъ о случившейся съ нами катастрофѣ, то я могу ограничиться тѣмъ, что опишу какъ ее, такъ и наше горестное положеніе лишь вкратцѣ, такъ сказать, съ высоты птичьяго полета. Огонь показался въ носовой части и, несмотря на всѣ наши усилія, разгорался все съ большею и большею силою, пока мы не были принуждены около 2 часовъ пополудни покинуть судно. И офицеры, и матросы, цѣлый день работали до утомленія, почти до полного обезсилѣнія; я самъ сначала долгое время подавалъ ведра съ водой, но долженъ былъ оставить это дѣло для того, чтобы при помощи Стонея и двухъ матросовъ вынести весь петроль изъ паруснаго отдѣленія, сдѣлавшагося очень горячимъ, вслѣдствіе близости къ нему огня, и небезопаснымъ хранилищемъ такого, легко воспламеняющагося вещества, каковъ керосинъ. Вся аптека была полна дыму; при первомъ же извѣстіи о пожарѣ я поспѣшилъ отворить ее для того, чтобы выбросить за бортъ всю водку и спиртъ. Занятый то тушеніемъ огня, то больными, я цѣлый день находился въ безпрестанныхъ хлопотахъ. Пациентовъ было у насъ довольно: все случаи большей или меньшей асфикціи; Морганъ былъ очень боленъ, да и до сихъ поръ еще не совсѣмъ выздоровѣлъ; когда его вытащили изъ передняго палубнаго помѣщенія, то у него можно было наблюдать рѣшительно всѣ симптомы асфикціи: дыханіе было значительно затруднено и мы принуждены были примѣнить къ нему Сильвестрскую методу возбужденія искусственнаго дыханія, которая и ока-

зала превосходные результаты. Между другими пациентами находились Стоней, Грэсъ и Луидонъ; большая каюта была съ раннего утра наполнена дымомъ и углеродомъ, освобождающимся отъ горѣнія углей, а потому мы имѣли возможность наблюдать пятнадцать случаевъ острой кефалалгіи. Все, что можно было только сдѣлать для спасенія судна, все, что умъ и опытность могли посоветовать, было испробовано, но безъ всякаго успѣха. Среди находившихся на суднѣ людей не нашлось ни одного, который бы не сохранилъ полного хладнокровія и не остался на указанномъ ему начальникомъ посту. Не было рѣшительно никакой возможности попасть въ кладовую съ провіантомъ и одеждой, такъ что мы лишились большей части нашихъ запасовъ. Что касается меня, то у меня осталось всего двѣ рубашки, пара панталонъ, да немного табаку, такъ какъ я не имѣлъ времени подумать о своихъ собственныхъ нуждахъ; мнѣ было слишкомъ много дѣла и возни съ моими больными и ихъ переноскою въ лодки. Благодаря этому же обстоятельству, мнѣ не удалось ничего спасти изъ инвентаря медицинскаго отдѣленія, кромѣ журнала, да листовъ съ атмосферическими наблюденіями. Кромѣ того, было отдано приказаніе не нагружать лодки ничѣмъ инымъ, кромѣ провіанта и вещей, годныхъ для мѣновой торговли; съ удрученнымъ горемъ сердцемъ долженъ былъ я подчиниться этому распоряженію и предоставить микроскопъ и другіе инструменты ихъ судьбѣ. Вокругъ судна ледъ былъ очень толстъ и, еслибы намъ не удалось завести на берегъ конецъ, то врядъ ли бы мы спаслись безъ потери въ людяхъ; судно не двигалось съ мѣста и пламя проникало ежеминутно все дальше и дальше въ кормовую часть. Еслибы мы сдѣлали попытку перебраться на берегъ по льду, то, конечно, провалились бы въ воду и замерзли бы несомнѣнно, такъ какъ должны были провести всю эту ночь на берегу, дрожа отъ мороза и обезсиленные голодомъ. На слѣдующій день, мы сдѣлали попытку добраться до одного изъ береговыхъ селеній, лежащихъ въ 7 — 8 верстахъ отъ насъ, какъ разъ у сѣверной оконечности бухты, но вѣтеръ дулъ въ южномъ направленіи

и нагналъ въ бухту такую массу льда, что лодки наши рѣшительно не были въ состояніи сдвинуться съ мѣста. Намъ снова пришлось вытти на берегъ и тутъ мы выстроили себѣ изъ лодокъ и парусовъ нѣчто въ родѣ палатки, гдѣ и провели неособенно пріятную и покойную ночь; въ особенности плохо приходилось капитану и мнѣ, такъ какъ мы лежали подъ крышею изъ парусовъ; снѣгъ падавшій впродолженіе всей ночи, пригнулъ парусъ книзу и сдѣлалъ изъ него фильтръ, чрезъ который вода капала на насъ безостановочно.

Утромъ, послѣ этой невеселой ночи прибыли къ намъ на саняхъ туземцы, имѣя въ виду перевезти насъ въ свое селеніе. Я помѣстилъ больныхъ возможно удобнѣе, а Моргана оставилъ въ саняхъ, на которыхъ самъ ѣхалъ. Чтобы дать вамъ хотя нѣкоторое понятіе о нашей слабости, скажу только то, что цѣлыхъ 8 часовъ тянулось это путешествіе на разстояніи всего какихъ-нибудь 6 верстъ, отдѣлявшихъ насъ отъ селенія чукчей; впрочемъ, тутъ ничего нѣтъ удивительнаго, когда припомнишь, что втеченіе цѣлыхъ двухъ дней, мы почти ничего не ѣли и въ особенности не видѣли капли воды. Для присмотра за вещами, которыя мы не могли захватить съ собою въ сани, оставлены были Гентъ и команда съ его лодки; черезъ три дня всѣ мы снова возвратились на берегъ за лодками и оставленными въ нихъ припасами. Въ жизнь свою никогда еще не приводилось мнѣ испытывать такой тяжелой и невыносимой, вслѣдствіе холода, работы, какъ эта доставка лодокъ. Неудивительно, что я прибылъ на мѣсто съ изрядно отмороженною правою ногою. Я поселился сначала въ юртѣ веселаго туземца, по имени Самъ, и втеченіе цѣлой недѣли ничего не ѣлъ, кромѣ вяленаго моржоваго мяса; при дальнѣйшихъ разспросахъ оказалось, однако, что содержаніе у другихъ хозяевъ нѣсколько лучше, такъ что я безъ всякихъ дальнѣйшихъ переговоровъ переселился въ ту юрту, которую занималъ капитанъ, гдѣ дѣйствительно ѣда оказалась лучше и протухлая моржовина подавалась гораздо рѣже. Въ довершеніе всѣхъ напастей, хозяинъ нашъ страдаетъ такую болѣзнь, которая теперь не проявляется внѣш-

нимъ образомъ, но во всякую минуту можетъ разыгратъся, какъ это, по его словамъ, случилось прошлою весною, и сдѣлать совмѣстное сожителство и опаснымъ и непріятнымъ до крайности. Само собою разумѣется, что жизнь здѣсь проходитъ чрезвычайно однообразно и изъ полныхъ сутокъ въ 24 часа, по крайней мѣрѣ, 20 часовъ приходится, за неимѣніемъ ни какого дѣла, проводить, лежа на спинѣ. Всѣ мы несказанно страдаемъ желаніемъ отыскать хотя какое-нибудь дѣло и какую-нибудь подходящую пищу; что до меня касается, то я постоянно голоденъ. Весь день провожу, терзаясь непрестаннымъ аппетитомъ, рисуящимъ предо мною то тѣ, то другія вкусныя вещи, и не разъ уже случалось мнѣ видѣть во снѣ, что я сажу въ хорошемъ ресторанѣ и съ жадностью троглодита поѣдаю хорошій обѣдъ; обыкновенно мои сладкія сновидѣнія прерывались хозяйкою, которая являлась пригласить меня къ обѣду изъ тюленьяго и моржоваго мяса. Къ счастью, намъ удалось спасти отъ огня два полубоченка бобовъ, два ящика кофе, два полубоченка сахара и пять боченковъ муки, такъ что по временамъ мы можемъ доставить себѣ роскошь, заключающуюся въ тарелкѣ бобовой похлебки. Чтобы достойнымъ образомъ встрѣтить великій праздникъ Рождества, мы получимъ завтра, кромѣ чашки кофе, еще и эту знаменитую похлебку. Представьте себѣ мою радость при столь пріятной перспективѣ! Я съ нетерпеніемъ жду этой благословенной минуты. Къ сожалѣнію, не могу никому изъ васъ прислать рождественскаго подарка, но утѣшаюсь мыслью получить отъ cadaго изъ васъ по таковому. Отъ васъ я желаю получить хорошую бутылку морса, отъ „Пута“ обильно намазанный масломъ сухарь (чтобы на каждой половинкѣ сухаря было по полудюйму масла), отъ Гильдера—фунта два табаку, такъ какъ я себѣ представить не могу, что будетъ со мною, когда я останусь безъ табаку, тѣмъ болѣе, что куря, легче [всего убиваешь несносное время, котораго дѣтъ некуда. Напомните же капитану, чтобы онъ захватилъ съ собою немного соли, да перцу, да соли. Было бы совершенно излишне описывать вамъ ту невыносимую жизнь, которую мы здѣсь ведемъ, такъ какъ

все равно всѣмъ намъ суждено испробовать это удовольствіе, когда въ апрѣлѣ вы придете сюда ожидать китобоевъ.

«Всѣмъ поклоны

«Вашъ вѣрный К.»

Зима до сихъ поръ была необыкновенно теплая; представляется-ли это изъ ряду вонъ выходящимъ явленіемъ, или же такъ бываетъ всегда на этомъ берегу, я до сихъ поръ не знаю, такъ какъ не могу добиться объ этомъ точныхъ свѣдѣній. Самая низкая температура, которую намъ привелось испытать до сихъ поръ, была 18-го и 19-го декабря, когда ртуть стояла на—30° R. 29-го декабря температура поднялась при юго-восточномъ вѣтрѣ до—8° R., а по словамъ туземцевъ, на этомъ берегу всегда бываетъ нѣсколько теплѣе, нежели за нѣсколько миль отсюда на востокъ или на западъ. Что на сосѣднемъ материкѣ дѣйствительно температура была всегда нѣсколько ниже, нежели на островѣ, не подлежитъ никакому сомнѣнію, но къ сожалѣнію, намъ не представлялось возможности провѣрить все это наблюденіемъ надъ термометромъ, котораго мы не имѣли подъ рукою. Метеорологическія наблюденія, производившіяся съ образцовою аккуратностью и тщательно отмѣчавшіяся Франкомъ Мальмсомъ, однимъ изъ членовъ нашего отряда, несомнѣнно, будутъ цѣннымъ вкладомъ въ знаніе условій погоды въ этой части Сѣвернаго Ледовитаго океана.

Пока позволяла погода, предпринимались также многочисленныя астрономическія наблюденія, при помощи которыхъ положеніе острова опредѣлилось въ 67° 03' сѣверной широты и въ 187° 15' восточной долготы. У мѣстныхъ туземцевъ удалось мнѣ отыскать двѣ визитныхъ карточки лейтенанта Говгаарда, на которыхъ этотъ послѣдній отмѣтилъ день остановки «Веги» въ октябрѣ 1878 года, а также положеніе судна. Онъ далъ положеніе, полученное имъ при помощи ледяного горизонта, въ 67° 05' сѣверной широты и 186° 45' восточной

долготы. Мѣсто, на которомъ „Вега“ находилась именно въ ту зиму, мнѣ часто указывали туземцы. Оно находилось на разстояніи около 10 миль на западъ отъ Идлидди и притомъ было нѣсколько удалено отъ берега, а между тѣмъ наши и ихъ наблюденія дали совершенно одинаковые результаты.

Глава XII.

Судьба Путнэма.

Экипажъ „Роджерса“ посѣтило еще и второе несчастіе которое случилось уже послѣ моего отъѣзда и было мнѣ сообщено капитаномъ Берри много позже, а именно, когда мы встрѣтились съ нимъ въ Якутскѣ. Тотчасъ по установкѣ „Роджерса“ на зимнюю стоянку капитанъ Берри задумалъ выстроить на ближайшемъ берегу небольшой домикъ, въ который рѣшено было перенести часть припасовъ; между тѣмъ погода долгое время была крайне не благопріятна, такъ что не представлялось никакой возможности перевести на берегъ необходимый для постройки матеріаль. Если бы тогда удалось привести въ исполненіе этотъ планъ, то и послѣ гибели судна экипажъ обладалъ бы богатыми запасами съѣстныхъ припасовъ. Дней за десять до пожара мичманъ Гентъ предпринялъ санную поѣздку по берегу, съ упряжкой въ 9 собакъ, къ острову Идлидлѣ, отстоящему отъ зимовки миль на 150 мичманъ хотѣлъ посѣтить своихъ товарищей, жившихъ тамъ въ деревянномъ домѣ, но сильнѣйшія бури помѣшали ему сдѣлать это, и онъ долженъ былъ вернуться назадъ въ бухту св. Лаврентія, куда и прибылъ дня за два до пожара. На слѣдующій день онъ отправился на судно, оставивъ свою упряжку на берегу; только эти собаки и спаслись отъ гибели въ огнѣ,

такъ какъ многія издохли во время плаванія, а остальные сгорѣли на „Роджерсѣ“. Весьма понятно, что положеніе команды не было бы до такой степени отчаянно, если бы у нея было побольше собакъ для поѣздокъ во внутрь страны. Въ теченіе всей первой ночи, послѣ посѣтившаго ихъ бѣдствія, бѣдняки утарались всячески добыть себѣ покой и сонъ, въ которыхъ они до такой степени нуждались; было такъ холодно, что имъ приходилось поминутно вскакивать на ноги и бѣгать для того, чтобы не заоченѣть отъ стужи. Сначала они не знали, нужно-ли имъ попробовать идти въ Идлилю, или отправиться на лодкахъ въ фортъ св. Михаила, или-же, наконецъ, оставаться среди туземцевъ сѣвернаго предгорья. При ближайшемъ обсужденіи всѣхъ этихъ плановъ, стало совершенно яснымъ, что путешествіе въ Аляску ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть приведено въ исполненіе; разстояніе тутъ было около 400 англійск. миль, а бороться съ густымъ и отвердѣвшимъ льдомъ для лодки рѣшительно не было возможности; нельзя было также думать и о переселеніи въ нашу зимнюю избушку, потому что оставленные тамъ по расчету на 6 человѣкъ припасы съ прибытіемъ лишнихъ 30 ртовъ пришли-бы скоро къ концу, и положеніе только-бы ухудшилось, вмѣсто того, чтобы уллучшиться; кромѣ того, за отсутствіемъ иныхъ средствъ передвиженія, имъ пришлось-бы сдѣлать путь въ 150 англ. миль пѣшкомъ, что при глубинѣ снѣга въ нѣсколько футовъ должно было представить непреоборимыя трудности. Каковъ будетъ пріемъ со стороны мѣстныхъ туземцевъ, никто не зналъ, да и знать не могъ, такъ какъ со времени прибытія въ бухту «Роджерса» сношенія съ ними были крайне ограничены, вслѣдствіе чего нельзя было судить о ихъ настроеніи къ чужестранцамъ. Но, это былъ единственный выходъ изъ бѣдственнаго положенія, а потому, въ виду того, что ночью ледъ отогнало нѣсколько отъ берега, на слѣдующее-же утро лодки были спущены на воду и принята была экспедиція къ хребту, тянувшемуся вдоль сѣвернаго берега бухты. И эта попытка, однако, окончилась неудачею: ледъ снова сталъ сгущаться и скоро принудилъ не-

счастливыхъ вернуться; тогда капитанъ Берри приказалъ устроить изъ вытасенныхъ снова на берегъ лодокъ, нѣсколькихъ палатокъ и парусовъ нѣчто въ родѣ жалкаго убѣжища, въ которомъ съ грѣхомъ пополамъ экипажъ и выдержалъ страшную мятель, разыгравшуюся ночью. Дневная порція была далеко не велика, ибо выдано было на человѣка по полуфунту вяленаго мяса и по кусочку хлѣба. Къ счастью, въ скоромъ времени прибыли изъ ближайшаго селенія на саняхъ туземцы, радушно пригласившіе къ себѣ экипажъ „Роджерса“. Нечего и говорить, съ какою живѣйшею признательностью было принято это приглашеніе и едва только стихла буря, отдѣльные отряды (вся команда была раздѣлена на лоцманства, или отряды, находившіеся подъ начальствомъ отрядныхъ офицеровъ) двинулись въ путь по направленію къ селенію, находившемуся, всего лишь въ какихъ-нибудь десяти верстахъ отъ берега; снѣгъ былъ очень глубокъ, а потому переходъ, длился цѣлый день и изъ всѣхъ тяжелыхъ переходовъ, совершенныхъ втеченіе этой злополучной зимы, этотъ коротенькій переходъ былъ самый мучительный, такъ какъ люди были плохо одѣты и едва могли двигаться, вслѣдствіе утомленія отъ непосильныхъ трудовъ, перенесенныхъ ими при пожарѣ.

По прибытіи въ селеніе, гостей размѣстили по двое по юртамъ, гдѣ имъ и пришлось очень скоро познакомиться съ моржовымъ мясомъ и жиромъ. Буря стихла окончательно только на пятый день и тогда нѣкоторая часть людей была послана къ тому мѣсту, гдѣ были оставлены лодки; здѣсь между тѣмъ вѣтеръ взломать успѣлъ ледъ и береговая часть бухты настолько освободилась ото льда, что можно было безпрепятственно спустить лодки на воду, нагрузить ихъ и перевести къ сѣверному предгорью. Было страшно холодно, а потому и самая поѣздка была не изъ особенно пріятныхъ. Прибывъ счастливо къ мѣсту своего назначенія, команда вытасила лодки на берегъ для зимовки и занялась дѣломъ самымъ необходимымъ въ настоящее время и нетерпящимъ отлагательства, а именно—начала скупать у туземцевъ мѣховыя одежды,

при помощи спасенныхъ во время пожара товаровъ. Капитану Берри удалось скоро раздобыть достаточный запасъ теплаго платья для всѣхъ своихъ людей. Спасенный провіантъ былъ спрятанъ на будущее время, а экипажъ, какъ офицеры, такъ и матросы, поступилъ на кормъ къ чукчамъ; но вслѣдствіе усиленнаго потребленія уже черезъ три дня оказался недостатокъ въ лѣсѣ у здѣшнихъ туземцевъ и капитанъ Берри долженъ былъ убѣдиться, что его люди не могутъ ни въ какомъ случаѣ оставаться скученными въ одномъ мѣстѣ, а такъ какъ къ этому времени многія окрестныя селенія заявили о своей готовности помѣстить и прокормить всю зиму чужоземцевъ, то экипажъ и былъ раздѣленъ на три отряда. Одинъ отрядъ, во главѣ котораго стоялъ г. Цэне, отправился на зиму въ то селеніе, которое было расположено у южнаго предгорья; другой, подъ командою мичмана Гента, поселился въ селеніи, построенномъ въ глубинѣ залива и, наконецъ, третій отрядъ, подъ начальствомъ лейтенанта Уэринга и мичмана Стоней, остался у сѣвернаго предгорья.

Когда экипажъ окончательно устроился на островѣ Идлидлѣ, старшій лейтенантъ Путнэмъ сталъ производить ежедневныя наблюденія надъ силою и скоростью теченія, и кромѣ того, сдѣлалъ цѣлый рядъ астрономическихъ наблюденій для точнаго опредѣленія географическаго положенія острова. Для того, чтобы сообщить о результатахъ своихъ работъ, а также и для полученія дальнѣйшихъ по этому поводу указаній, онъ задумалъ отправиться въ первыхъ числахъ января къ мѣсту зимовки „Роджерса“; по дорогѣ туда, еще въ 25 миляхъ отъ цѣли путешествія, въ деревнѣ Инчуинъ дошла до него вѣсть о гибели „Роджерса“. Немедленно вернулся онъ въ нашу зимовку, нанялъ здѣсь нѣсколько туземцевъ, захватилъ всѣ имѣвшіяся у насъ упряжки, нагрузилъ собранные такимъ путемъ припасы на сани и снова двинулся въ путь къ бухтѣ св. Лаврентія. Грузъ, увезенный Путнэмомъ, состоялъ изъ 5 ящиковъ хлѣба, около 25 пудовъ „пеммикана“ и разныхъ мелкихъ припасовъ. Въ то же самое время и капитанъ Берри, передавъ главное начальство надъ расселеннымъ по

берегамъ бухты экипажемъ лейтенанту Кэрингу, съ своей стороны отправился въ Идлилю на единственной уцѣлѣвшей собачьей упряжкѣ, прихвативъ съ собою вожака изъ мѣстныхъ жителей. Въ Инчуинѣ встрѣтился онъ съ Путнэмомъ, которому и отдалъ приказаніе продолжать путь, а при возвращеніи захватить съ собою на островъ гг. Гента и Цэне. На другой же день Путнэмъ и его три спутника изъ туземцевъ достигли цѣли путешествія, гдѣ сдавъ припасы, пробыли нѣсколько дней для того, чтобы дать отдыхъ замученнымъ собакамъ.

Путнэмъ тронулся въ обратный путь 10-го января; погода стояла ясная и онъ самъ правилъ своею упряжкою, захвативъ на свои сани мичмана Гента; докторъ Кастильо ѣхалъ съ Эрфенъ, самымъ почтеннымъ изъ туземныхъ проводниковъ, а лейтенантъ Цэне — съ другимъ туземнымъ возницею. Слѣдуетъ замѣтить, что д-ръ Кастильо присоединился къ экспедиціи по своей волѣ и изъ любви къ искусству, заблаговременно приговорилъ одного изъ туземцевъ пріѣхать за нимъ черезъ нѣсколько дней въ Идлилю. Не успѣли наши путники немного отѣхать отъ селенія, какъ сани Путнэма сломались; положимъ, что ихъ сейчасъ починили бывшіе съ нимъ люди, но все же было благоразумнѣе не нагружать ихъ черезъ мѣру, и потому Гентъ продолжалъ путь въ саняхъ третьяго туземца. Трудно опредѣлить, былъ ли этотъ незначительный случай главною причиною смерти Путнэма и спасенія отъ нея Гента, но во всякомъ случаѣ, около полудня небо покрылось тучами и довольно сильный сѣверный вѣтеръ, поднявшійся въ то же время, скоро перешелъ въ ужасную мятель, не дававшую рѣшительно никакой возможности разпознать дорогу; несмотря, однако, на это, наши путники смѣло продолжали ѣхать впередъ, пока около 5 часовъ вечера проводники не объявили, что необходимо остановиться на ночлегъ, такъ какъ собаки не выдержатъ дальнѣйшаго бѣга противъ вѣтра. Ужасную, по истинѣ, ночь провели они, то сидя на саняхъ и тщательно стараясь уснуть хотя на нѣсколько мгновеній, то снова бѣгая взадъ и впередъ по глубокому снѣгу

для того, чтобы согрѣться и расправить свои коченѣющіе члены; термометръ показывалъ 28 градусовъ мороза и при этой-то температурѣ они вынуждены были оставаться въ полѣ, безъ всякой защиты отъ бушующаго вѣтра отъ 6 часовъ до 8 часовъ утра. Подъ утро мятель нѣсколько утихла и они рѣшились тотчасъ же возвратиться въ бухту св. Лаврентія, чтобы выждать тамъ наступленія болѣе удобной для поѣздки погоды. Безъ особенныхъ приключеній они сдѣлали уже большую часть пути; вѣтеръ, однако, усиливался съ каждою минутою, но такъ какъ онъ дулъ теперь неизмѣнно съ сѣвера (все сильныя штормы идутъ здѣсь въ это время года съ сѣвера или запада), то онъ приходился имъ въ спину и не особенно мѣшалъ. Къ сожалѣнію, въ селеніи у сѣвернаго предгорья они не нашли достаточнаго количества пищи для собакъ и потому принуждены были продолжать путь до южнаго берега залива. Крѣпко замерзшая бухта была уже счастливо оставлена позади и, перебравшись на южный берегъ, имъ оставалось всего лишь версты двѣ съ половиною пути до селенія Нутапинуинъ, мѣста ихъ назначенія. Въ небольшомъ разстояніи отъ берега, дорога идетъ почти все время въ южномъ направленіи и только почти передъ самымъ селеніемъ она дѣлаетъ крутой поворотъ направо, такъ что метровъ 200 приходилось проѣхать противъ вѣтра, который дулъ теперь уже съ запада. Сани ѣхали гуськомъ другъ за другомъ, въ слѣдующемъ порядкѣ: сначала ѣхалъ Кастильо и Эрфенъ, затѣмъ Путнэмъ, вслѣдъ за нимъ Цэне и Нотунгъ и на нѣкоторомъ разстояніи отъ послѣднихъ Гентъ въ сопровожденіи третьяго туземца. Все шло счастливо, пока не прибыли къ повороту. Первыя сани повернули вправо тамъ, гдѣ было нужно; Путнэмъ, который немного отсталъ отъ передовой упряжки, какъ разъ въ этомъ мѣстѣ и былъ перегнанъ третьими санями, съ которыхъ Цэне крикнулъ ему, проѣзжая мимо: „Ну Путнэмъ, кажется, наконецъ, мы пріѣхали!“—„Надѣюсь“,—отвѣтилъ Путнэмъ. Цэне поѣхалъ дальше и, не воображая, что онъ видѣлъ своего товарища въ послѣдній разъ и въ послѣдній же разъ слышалъ его голосъ. Скоро и воз-

ница свернулъ направо, а такъ какъ трудно было заставить собакъ бѣжать противъ бушующаго вѣтра, то никому и въ голову не пришло обернуться и посмотрѣть еще разъ на сани Путнэма, тѣмъ болѣе, что Цэне, естественно, предполагалъ, что Путнэмъ, съ которымъ онъ только что разговаривалъ, слѣдуетъ тотчасъ за его санями. Остался ли онъ далеко за этими третьими санями и, ослѣпленный несущимся ему на встрѣчу снѣгомъ, потерялъ изъ виду передовыя сани, по которымъ онъ долженъ былъ ориентироваться, или же ему не удалось повернуть своихъ собакъ на встрѣчу бурѣ, такъ какъ онъ управлялся съ собаками гораздо хуже туземцевъ; во всякомъ случаѣ, вмѣсто того, чтобы повернуть направо, онъ слѣдовалъ, вѣроятно, все по тому же направленію, какъ оказалось впоследствии, и попалъ на ледъ. Очень легко можетъ быть, что для того, чтобы защитить себя отъ дующаго сбоку вѣтра, онъ сѣлъ бокомъ въ своихъ саняхъ, которыя все болѣе и болѣе сбивались бушующимъ вѣтромъ съ настоящаго пути и въ концѣ концовъ очутились на береговомъ льду; если онъ проѣхалъ такимъ образомъ, нѣкоторое разстояніе, то можно было предположить, что скоро замѣтилъ свою ошибку; падающій снѣгъ мѣшалъ ему разглядѣть настоящую дорогу, а ревъ бури совершенно заглушалъ его голосъ, онъ рѣшился провести всю ночь подъ санями, въ ожиданіи лучшей погоды; все это тѣмъ болѣе вѣроятно, что онъ зналъ своихъ товарищей, которые не оставятъ его въ бѣдѣ и, едва замѣтятъ его отсутствіе, какъ предпримутъ всевозможныя мѣры, чтобы его отыскать и не успокоятся до тѣхъ поръ, пока не найдутъ.

Немного послѣ того, какъ Цэне перегналъ на дорогѣ Путнэма и говорилъ съ нимъ, онъ прибылъ въ селеніе и, совершенно окоченѣлый отъ холода, тотчасъ же забрался въ юрту грѣться. Оба туземца первыхъ двухъ саней никакъ не могли себѣ объяснить исчезновеніе третьихъ; предполагая даже, что если они и сбились, быть можетъ, съ дороги, то все же не могутъ быть далеко отъ селенія; одинъ изъ возницъ, Нотунгъ, отправился на берегъ на поиски. Онъ кричалъ и звалъ во весь голосъ, но о пропавшемъ не было ни слуху, ни духу.

Между тѣмъ Гентъ и его чукотскій проводникъ, которые какъ разъ въ это время вѣзжали въ селеніе, воображали, что криками этими указываютъ имъ дорогу и совершенно спокойно продолжали путь къ деревнѣ, гдѣ тотчасъ же по прибытіи, услышали отъ Эрфена вѣсть о неприбытіи Путнэма. Испугавшись за жизнь своего любимаго всѣми товарища, онъ тотчасъ же отыскалъ Цэне, чтобы посоветоваться съ нимъ о дальнѣйшихъ мѣрахъ и, къ своему величайшему изумленію, нашель этого послѣдняго въ полной неизвѣстности о происшествіи. Туземцы, по своей обычной безпечности, и не подумали вовсе сообщить ему о не возвращеніи однихъ саней, и дорогое время было, такимъ образомъ, потеряно въ ихъ пустыхъ и безтолковыхъ поискахъ. Обезпокоенные до-нельзя и оцѣнивъ вполнѣ весь ужасъ положенія заблудившагося, во время подобной мятели, Цэне и Гентъ поспѣшили скорѣе къ берегу, но тщетно предлагали они туземцамъ всевозможныя награды, тщетно старались то мольбами, то приказаніями побудить ихъ къ тому, чтобы эти люди запрягли своихъ собакъ и пустились на поиски заблудившагося; туземцы твердо стояли на своемъ и повторяли, что они и сами не поѣдутъ никуда, да и собакъ съ санями не дадутъ чужестранцамъ, такъ какъ мятель и буря слишкомъ сильны; вѣроятно, — утверждали они, — завтра погода прояснится и тогда они хоть всѣ отправятся на розыски. Никакія угрозы не могли поколебать ихъ твердую рѣшимость и оставалось лишь съ нетерпѣніемъ ожидать слѣдующаго дня, а между тѣмъ буря становилась съ каждою минутою все сильнѣе и сильнѣе, такъ что скоро едва было можно держаться на ногахъ и возвращеніе съ берега было сопряжено съ большимъ трудомъ. Ночью случилась новая бѣда: сильный вѣтеръ разломалъ ледъ и отогналъ его на далекое разстояніе отъ берега въ открытое море.

Лишь только стало разсвѣтать, какъ пришлось опять приняться за розыски; подъ утро вѣтеръ нѣсколько стихъ, но все еще былъ достаточно силенъ, чтобы затруднять до крайности движеніе впередъ; воздухъ, однако, былъ чистъ и давалъ возможность видѣть вокругъ себя на далекое разстоя-

ніе. Гентъ и Цэне, которые хотѣли итти по берегу, въ то время, какъ туземцы разсыпались по разнымъ направленіямъ внутрь страны, вмѣсто безграничныхъ льдовъ, увидали передъ собою теперь чистое, открытое море, въ которомъ льду не было и слѣда. Такъ прошли они съ милю по берегу, повсюду разыскивая хоть какой-нибудь слѣдъ заблудившагося, пока не достигли высокаго ряда береговыхъ холмовъ, на которые не было никакой возможности взобраться на саняхъ. Рѣшено было, что дальше Путнэмъ не могъ ѣхать, если только предположить, что онъ ѣхалъ по берегу; въ противномъ случаѣ, оказывалось вѣроятнымъ, что онъ съѣхалъ, сбившись съ дороги, на ледъ, провелъ на немъ всю ночь и теперь вынесенъ на немъ въ открытое море; въ такомъ случаѣ, представлялись двѣ возможности къ спасенію: первая—что вѣтеръ переѣмнитъ направленіе и пригонитъ ледъ снова къ берегу; вторая—что наступитъ, наконецъ, тихая погода, при которой между угнаннымъ льдомъ и берегомъ вода замерзнетъ и доставитъ возможность Путнэму спастись отъ смерти. На слѣдующій день Цэне и Гентъ отправились, въ сопровожденіи трехъ туземцевъ, къ сѣверному селенію для того, чтобы дать знать Уэрингу о случившемся несчастіи; докторъ Кастильо остался въ южномъ селеніи, съ намѣреніемъ быть полезнымъ Путнэму, еслибы онъ, по счастью, возвратился домой. Перебравшись черезъ бухту и, достигнувъ сѣвернаго селенія, они оба застали лейтенанта Уэринга собирающимся съ своей стороны въ путь; онъ передалъ уже начальство мичману Стонею и хотѣлъ отправиться въ южное селеніе, думая закупить тамъ моржоваго мяса, запасы котораго замѣтно истощались у жителей; узнавъ о несчастіи, онъ тотчасъ же и рѣшилъ предпринять розыски въ самыхъ шпрокихъ размѣрахъ и немедленно отправился на южный берегъ бухты, тогда какъ Цэне и Гентъ двинулись по его приказанію въ путь въ Идлидлю. 19-го января, прибыли они со своею ужасною вѣстью къ намъ въ зимовку и нашли капитана Берри занятымъ приготовленіями къ санной поѣздкѣ, которую онъ хотѣлъ предпринять вдоль западнаго берега; онъ ожидалъ только Путнэма, ко-

торый непременно долженъ былъ его сопровождать въ этомъ путешествіи.

Розыски лейтенанта Уэринга впродолженіи первыхъ дней то подавали слабую надежду, то приводили его въ полное отчаяніе. 13-го января, послѣ полудня, онъ получилъ отъ одного изъ поселенныхъ на южномъ берегу матросовъ, по имени Кэхилль, вѣсть, что утромъ того же дня съ берега видѣли на огромной льдинѣ, плившей верстахъ въ пяти отъ берега, Путнэма, что Кэхилль тщетно старался, однако, побудить туземцевъ предпринять что-нибудь къ спасенію несчастнаго; несмотря на большое вознагражденіе, предлагаемое имъ, они, боясь тонкаго льда, застлавшаго взморье и дѣйствительно, представлявшаго не малую опасность для тѣхъ, кто отважится ѣхать по немъ въ лодкѣ изъ шкуры, на-отрѣзъ отказались пуститься въ море. Поздно вечеромъ слѣдующаго дня пришла новая вѣсть изъ селенія, лежащаго верстъ на десять южнѣе селенія южнаго берега, о томъ, что и тамъ видѣли Путнэма на льдинѣ верстахъ въ 12 отъ берега; Уэрингъ тотчасъ же отправился въ указанное селеніе; несмотря на сильную мятель и бурю, несущуюся съ запада, онъ достигъ его въ тотъ же вечеръ; здѣсь узналъ онъ, что еще вчера четверо изъ людей „Роджерса“, при помощи двухъ туземцевъ, старались спасти погибающаго, но едва отѣхали они пять верстъ отъ берега, какъ должны были поспѣшно возвратиться вспять, такъ какъ ледъ во многихъ мѣстахъ прорѣзалъ ихъ лодку, и они едва успѣли, поминутно откачивая воду, добраться до берега. Теперь снова поднялась съ берега сильная буря, которая и унесла, вѣроятно, несчастнаго изъ виду; но такъ какъ туземцы были совершенно увѣрены, что глыбу прибьетъ непременно къ одному очень выдающемуся въ море мысу, то Уэрингъ и рѣшилъ, едва только позволитъ погода, отправиться туда; но ему пришлось натолкнуться на неожиданныя препятствія: вслѣдствіе какой-то недавней ссоры съ туземцами индійскаго мыса, жители предгорій ни за что не хотѣли ни сами отправиться въ эту часть прибрежья, ни дать своихъ собакъ, увѣряя, что чужеземцы будутъ тамъ непременно перебиты до по-

слѣдняго. Послѣ долгихъ стараній удалось, наконецъ, кое-какъ собрать изъ селеній, лежащихъ на 30—40 миль въ окружности, упряжку изъ восьми собакъ, но все же раньше 17-го января Уэрингу никакъ не удалось выбраться. Онъ отправился въ путь въ сопровожденіи одного туземца. Цѣлыхъ 30 миль проѣхали они вдоль берега, посѣтили 6 селеній, но нигдѣ не получили никакихъ свѣдѣній о пропавшемъ, такъ какъ долго дувшій съ берега вѣтеръ, успѣлъ угнуть весь ледъ въ открытое море; къ сожалѣнію, и здѣсь нельзя было достать необходимаго, для дальнѣйшаго путешествія, и Уэрингу пришлось на слѣдующій день возвратиться въ селеніе на южномъ берегу бухты.

Тогда отправили нѣсколько туземцевъ по различнымъ береговымъ селеніямъ для того, чтобы обѣщаніемъ большой награды за спасеніе Путнэма или же за розысканіе его тѣла побудить мѣстныхъ жителей приступить къ дѣятельнымъ поискамъ, но всѣ дальнѣйшія мѣропріятія были пріостановлены страшною бурей, которая разыгралась съ ужасающею силою. 22-го января, поднялся сильный юго-западный вѣтеръ, пригнавшій ледъ снова къ берегу, но, къ сожалѣнію, оказалось, что море искрошило его на мелкіе куски и нигдѣ на горизонтѣ не видно было ни одной болѣе значительной глыбы. Посланные на южный берегъ люди не принесли никакихъ вѣстей, и дѣло стало принимать все болѣе и болѣе безнадежный характеръ, ибо нельзя уже было болѣе сомнѣваться въ томъ, что пятидневная буря должна была сломать всѣ большія глыбы, ледъ былъ только въ 5 — 6 футовъ толщины и покрытъ большимъ количествомъ сала и снѣга, а потому и не могъ противостоятъ необычайной силѣ вѣтра. 24-го января, Уэрингъ возвратился въ сѣверную деревню, но на слѣдующій же день снова отправился на южный берегъ бухты; тутъ 26-го января, до него дошелъ слухъ, что на берегъ сошло нѣсколько штукъ собакъ со льда. Задержанный на два дня бурною погодою, онъ могъ отправиться далѣе въ путь только 29-го, да и то въ страшный морозъ, для того, чтобы признать собакъ; въ селеніи Луора, котораго онъ достигъ лишь вече-

ромъ, послѣ 50-ти верстнаго путешествія, дѣйствительно онъ нашелъ трехъ собакъ изъ упряжки Путнэма; туземцы говорили, что ихъ пришло на берегъ больше, но что они могли поймать только трехъ; всѣ собаки, по ихъ словамъ, были безъ сбруи, но болѣе чѣмъ вѣроятно, что на самомъ дѣлѣ было иначе и, что эти люди, ради избѣжанія дальнѣйшихъ изслѣдованій и, быть можетъ, требованія возвратить животныхъ, сняли имѣвшуюся на нихъ сбрую. Во всякомъ случаѣ, Уэрингъ ни на минуту не сомнѣвался въ томъ, что всѣ три собаки принадлежали именно къ упряжкѣ несчастнаго Путнэма. Безпрестанно приходили новые слухи и вѣсти, утверждавшіе что Путнэма видѣли гдѣ-то на берегу, такъ что, переждавъ три дня, продолжавшуюся мятель и бурю, Уэрингъ снова пустился 2-го февраля въ путь, нарочно слѣдуя вдоль берега, чтобы прослѣдить источники этихъ слуховъ; по всему южному берегу вплоть до Пloverской бухты устроилъ онъ розыски, которые, впрочемъ, и на этотъ разъ остались безъ хорошихъ результатовъ; мало того, многіе туземцы этой мѣстности, которые хорошо умѣли объясняться по-англійски, заявили ему, что по ихъ глубокому убѣжденію, Путнэмъ даже и не думалъ попадать въ эти мѣста.

За десять дней до этого, въ селеніе Энгуортъ, находящееся верстъ за 90 отъ южнаго предгорья, пришла еще собака, у которой была на шеѣ pistolетная рана и притомъ явно принадлежавшая къ упряжкѣ Путнэма; эта собака, какъ и всѣ остальные, была очень худа и обезсилена и притомъ вся покрыта ледяною корою, что указывало на ея долгое пребываніе въ водѣ. Путнэмъ хотѣлъ застрѣлить это животное, чтобы раздобыть себѣ пищи, но онъ только ранилъ ее, и она спаслась бѣгствомъ. Всего теперь изъ девяти собакъ возвратилось на берегъ шесть. 18-го февраля, Уэрингъ вернулся въ сѣверное селеніе, употребивъ больше мѣсяца на свои розыски, которые оставилъ лишь тогда, когда о печальной кончинѣ

Путнэма не могло уже быть никакого вопроса или сомнѣнія. Во время своихъ поѣздокъ по берегу, онъ оставилъ въ нѣкоторыхъ селеніяхъ бухтъ Марка и Пloverской письма китоловамъ, которые должны были прибыть сюда раннею весною; въ этихъ письмахъ онъ описалъ печальное положеніе экипажа „Роджерса“ и молилъ о неотложной помощи.

Но розыски не были оставлены; теперь они были поручены мичману Стоней, который тщательно разслѣдовалъ весь берегъ, начиная отъ сѣвернаго предгорья вплоть до мыса восточнаго, но и здѣсь никакихъ ровно результатовъ не было получено, да къ тому же во время послѣднихъ недѣль исключительно дули сильные сѣверо-западные вѣтры, то морское теченіе, идущее въ Беринговъ проливъ, и не могло загнать льда на сѣверъ.

Путнэмъ еще на третій день своего исчезновенія былъ живъ, это не подлежитъ никакому сомнѣнію; что же касается времени, проведеннаго имъ на льдинѣ, имѣя постоянно смерть передъ глазами, то опредѣлить его нѣтъ никакой возможности и можно дѣлать лишь кое-какія предположенія. Все время температура стояла между 24 и 32° мороза, и хотя онъ былъ тепло одѣтъ, но все же не имѣлъ никакой защиты отъ бушующаго вѣтра. Безъ сомнѣнія, онъ убилъ одну, а, быть можетъ, и двухъ собакъ, такъ что можно быть увѣреннымъ, что онъ не умеръ, по крайней мѣрѣ, съ голода; всего вѣроятнѣе, что глыба, на которой онъ находился, сломалась въ одну изъ страшныхъ бурь, и онъ погибъ при этомъ въ морской пучинѣ. Мысль о его гибели, все таки, не казалась бы столь ужасною, еслибы было можно быть увѣреннымъ, что смерть была быстрая; сознаніе, что онъ скоро освободится отъ своихъ страданій, могло, по крайней мѣрѣ, служить ему нѣкоторымъ утѣшеніемъ. Сначала мы думали, что его отнесло, быть можетъ, къ острову св. Лаврентія, гдѣ онъ и спасся, но, когда офицеры „Роджерса“ позднѣе посѣтили берегъ этого острова на

„Корвинъ“ и встрѣтили тамошнихъ туземцевъ, то оказалось, что эти послѣдніе не только не слышали ничего о какомъ-либо, спасшемся на ихъ островѣ, человѣкѣ, но не имѣли никакого понятія о самомъ случаѣ съ Путнэмомъ. Такимъ образомъ, мы потеряли послѣднюю надежду отыскать пропавшаго.

Глава XIII.

По сибирѣ.

Средне-Колымскъ, Сѣверная Сибирь,
8-го марта 1882 года.

Мнѣ пришлось выѣхать изъ Идлидли въ самое неблагоприятное время года; я направился черезъ бассейнъ Колымы до первой восточно-сибирской телеграфной станціи, откуда я могъ бы послать на родину извѣстіе о постигшемъ насъ несчастіи. Днемъ солнце вовсе не показывалось, и это сокращало день и удлиняло ночь, что, конечно, сильно затрудняетъ путешествія въ полярныхъ странахъ. Кромѣ того, у здѣшнихъ туземцевъ существуетъ пренепріятная привычка подниматься въ путь спозаранку; они поступаютъ, такимъ образомъ, даже въ томъ случаѣ, если имъ приходится ѣхать не далеко. У нихъ нѣтъ рѣшительно никакого понятія о времени, и они нерѣдко принимаютъ за разсвѣтъ сѣверное сіяніе. Мнѣ всегда казалось, что возня въ юртѣ и около нея не унимается ни на минуту въ продолженіи всей ночи; кто нибудь постоянно бродитъ и часто между бродящими и находящимися внутри юртъ происходятъ подобные разговоры.

Изъ внутренняго помѣщенія спрашиваютъ: „Мехъ?“, на это снаружи раздается утвердительное хрюканье. Снова вопросъ: „Йети?“. Второе хрюканіе. „Ниретури?“ Новое хрюканье. „Эльдшеро?“ — „Й-и-и“, т. е. два. Все это въ вольномъ пере-

водѣ значить ни болѣе, ни мѣне, какъ: „Эй!“—„Это ты?“— „Васъ двое?“ и затѣмъ: „Свѣтаетъ, что-ли?“ Мнѣ никогда и ни при какихъ обстоятельствахъ не случилось слышать, чтобы на послѣдній вопросъ отвѣтили отрицательно, а потому я и предполагаю, что ихъ „два“ всегда имѣютъ самое широкое значеніе, совершенно понятное лишь для нихъ и поневолѣ поражающее человѣка, незнакомаго съ ихъ обычаями; они очень хорошо знаютъ, что день еще далеко, но предполагаютъ, что со временемъ онъ, все таки, долженъ наступить. Иногда, когда я, часа два спустя послѣ подобнаго разговора, выходилъ наружу, еще не было замѣтно ни малѣйшаго признака зари на небѣ, и мнѣ случилось томиться въ ожиданіи давно желаннаго разсвѣта еще часа четыре времени. Такого рода привычка для человѣка, охотно подчиняющаго время пріѣзда и отъѣзда извѣстному разумному плану, невыносима, но приходится спокойно подчиняться, изстари заведенному у этихъ людей, обычаю, такъ какъ всякая попытка къ сопротивленію повела бы за собою еще большія непріятности. Въ день пріѣзда въ Идлилю капитана Бѣрри прибылъ къ намъ также и одинъ русскій, по имени Ванкеръ, изъ Нижне-Колымска, который согласился за 50 рублей проводить меня въ этотъ городъ; съ перваго взгляда на этого человѣка, было видно, что онъ проходимецъ. До какой степени онъ умѣлъ лгать, я узналъ съ перваго же дня; онъ сказалъ мнѣ, что умѣетъ читать, и когда я далъ ему письмо русскаго консула въ Санъ-Франциско, написанное на русскомъ языкѣ, то онъ прочелъ его, какъ будто съ удовольствіемъ и интересомъ, до конца; онъ улыбнулся даже по поводу будто бы одного шуточного выраженія, употребленнаго въ письмѣ, останавливался раза два на трудныхъ и неразборчивыхъ будто бы словахъ, которыя долго и тщательно разсматривалъ, и все время держалъ письмо въ рукахъ вверхъ ногами! Я было перевернулъ ему письмо должнымъ образомъ, но онъ тотчасъ обратилъ низъ вверхъ и посмотрѣлъ на меня такъ, какъ будто бы хотѣлъ сказать: Я всегда, братъ, читаю мои письма такимъ образомъ!“ Подвергнувъ еще разъ тщательному осмотру черную

каемку и водяное фабричное клеймо на бумагѣ, онъ передалъ мнѣ, наконецъ, письмо обратно со словами, что „все въ порядкѣ“—мнѣніе, за которое, безъ всякаго сомнѣнія, я былъ ему очень благодаренъ. Съ нашимъ камчадаломъ Константиномъ онъ могъ, однако, объясняться очень бѣгло, почему, вѣроятно, и посоветовалъ мнѣ захватить его съ собою, въ качествѣ возницы и переводчика, но въ томъ-то и бѣда, что я также мало могъ понимать Константина, какъ и онъ меня; это былъ юноша, вообще плохо одаренный способностью къ изученію какого бы то ни было языка, но, все таки, былъ мнѣ часто и много полезенъ.

Моимъ возницею былъ Константинъ; къ сожалѣнію, мы подвигались очень медленно впередъ, такъ какъ мои, слишкомъ наскоро купленные, упряжные собаки составили самую жалкую упряжку. Теперь оказалось, что туземцы вовсе не всегда разыскивали для меня лучшихъ своихъ животныхъ, но скорѣе продавали мнѣ, съ особенною охотою, самыхъ негодныхъ; когда я, не смотря на это, все таки, получалъ что нибудь порядочное, то это случалось только по тому, что чукча, отъ котораго я пріобрѣталъ порядочное животное, не имѣлъ ни одной собаки, хуже проданной.

Константинъ, какъ истый знатокъ, съ чувствомъ собственного достоинства, пробовалъ собакъ, и производилъ обыкновенно эту операцію такимъ образомъ, что проводилъ рукою по спинному хребту собаки; если спина была достаточно жирна и притомъ на столько, что кости не царапали ему руку, то онъ объявлялъ животное вполне годнымъ. Первымъ его вопросомъ продавцу было всегда: а можетъ ли она итти за вожака?—изъ чего я и заключилъ, что онъ обладаетъ какою-то особенною слабостью къ водовымъ собакамъ. Мнѣ до сихъ поръ еще не совсѣмъ ясно, кто, по его мнѣнію, долженъ былъ везти наши сани, такъ какъ онъ покупалъ все водовыхъ, а не тяговыхъ собакъ. При нѣкоторыхъ кучерскихъ, несомнѣнно, очень полезныхъ качествахъ онъ обладалъ, однако, еще однимъ, которое не совсѣмъ таки удобно для кучера, такъ какъ онъ замѣчательно легко терялъ съ саней разные

Пихъ-латъ.

Сунъ-нэ.

ЧУКОТСКІЯ ДѢТИ.

отдѣльные предметы; въ каждомъ селеніи, гдѣ мы останавливались, мнѣ приходилось покупать ему то новый ремень, то варешки, то кнутъ и т. п.

Вторую ночь нашего путешествія мы провели въ селеніи Йинретленъ, гдѣ по близости зимовала въ 1878—1879 годахъ „Вега“; здѣсь въ юртѣ старшины, самой большой изъ видѣнныхъ мною до той поры, мы были приняты чрезвычайно гостепріимно. Спальная въ этой юртѣ была футовъ тридцать длины, 12 ф. ширины и 7 вышины; благодаря такимъ размѣрамъ, въ ней не только было достаточно мѣста для спящихъ, но и воздухъ былъ чистъ и хорошъ. Ванкеръ обѣщаль соединиться со мною здѣсь и доставить меня отсюда безъ всякой уже задержки вплоть до самаго Нижне-Колымска, если только прибавилъ онъ въ нѣжной обо мнѣ заботливости, холодъ и быстрая ѣзда не будутъ для меня слишкомъ непріятны. вмѣсто краткаго пребыванія, мнѣ пришлось изъ за бурной погоды прожить въ Йинретленѣ четыре дня и четыре ночи, въ постоянной, но напрасной надеждѣ, что Ванкеръ, хотя на этотъ разъ, сдержитъ свое слово; оставалось только радоваться, что эта долгая задержка случилась тогда именно, когда я находился въ такой юртѣ. Здѣсь впервые представилась мнѣ возможность узнать поближе домашнюю жизнь туземцевъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и нѣкоторые отвратительные, съ перваго раза, обычаи, къ которымъ, однако, впоследствии я успѣлъ привыкнуть.

Хозяйка въ чукотской юртѣ всегда встаетъ очень рано, т. е. не лежитъ, растянувшись на землѣ, но сидитъ за дѣломъ; едва только она замѣтитъ, что одинъ изъ спавшихъ проснулся, тотчасъ же суетъ ему нѣсколько кусковъ оленьяго мяса; никогда не дастъ она много, по большей части, отъ 8 до 10 золотниковъ, но все же достаточно для того, чтобы успокоить желудочные нервы до той поры, когда послѣ всеобщаго пробужденія наступитъ часъ дѣйствительнаго завтрака. Тогда она отправляется во внѣшнюю юрту, которая представляетъ собою не что иное, собственно говоря, какъ кладовую, куда прячутся отъ собакъ разные припасы, и затѣмъ, послѣ уси-

ленной и очень шумливой работы сѣчкою и ножемъ, минутъ черезъ 15—20 возвращается обратно съ готовымъ завтракомъ въ рукахъ. Тутъ ставятъ обыкновенно на полъ плоское деревянное корыто, у одного края котораго присаживается на корточки сама хозяйка, успѣвшая, между тѣмъ, ради удобства движеній, освободиться отъ своей одежды; остальные члены семьи и ихъ гости занимаютъ мѣста подлѣ этого импровизированнаго стола, лежа плашмя на животѣ и, повернувъ голову къ ѣдѣ, а ноги протянувъ, какъ можно дальше; съ высоты птичьяго полета такой чукотскій столъ съ его вѣнкомъ изъ ѣдоковъ представлялъ бы собою нѣчто въ родѣ насѣкомаго чудовищныхъ размѣровъ. Первое блюдо завтрака состоитъ обыкновенно изъ замороженной и политой тюленьимъ жиромъ зелени, которую ѣдятъ, закусывая маленькими кусочками свѣжаго сала, нарѣзываемаго хозяйкою, по мѣрѣ потребления, большимъ ножемъ; по обычаю, заведенному изстари, это блюдо ѣдятъ, такимъ образомъ, что кладутъ прежде кусокъ сала на цѣлую гору зелени и затѣмъ захватываютъ этой послѣдней, какъ разъ столько, сколько укладывается между большимъ и слѣдующими тремя пальцами; зелень сжимается затѣмъ въ плотный комокъ, который, наконецъ, и отправляется въ ротъ. Само собой разумѣется, что лучше всего тому, кого природа надѣлила пальцами приличныхъ размѣровъ. Второе блюдо состоитъ изъ моржоваго мяса, которое равнымъ образомъ рѣжется сидящею на верхнемъ концѣ стола хозяйкою и дѣлится ею между присутствующими щедрою рукою. И тутъ опять тотъ въ барышахъ, кто можетъ сразу проглотить большой кусокъ, безъ того, чтобы останавливаться на жеваньи, считаемомъ совершенно излишнимъ; кто сидитъ подлѣ такого одареннаго природою проворнаго ѣдока, долженъ привыкнуть къ тому, чтобы держать одинъ кусокъ мяса во рту, а два имѣть на готовѣ въ рукѣ. Послѣ того, какъ весь кусокъ мяса поданный хозяйкою, придетъ къ концу, она приноситъ большой кусокъ моржовой кожи, на которомъ съ внутренней стороны его оставлено нѣсколько сала, а сверху цѣла еще вся шерсть. Когда мясо нѣсколько испорчено, то шерсть легко

соскребается съ кожи, которая достигаетъ дюйма въ толщину и до того тверда, что даже самая основательная обработка ея зубами ничего не можетъ съ ней подѣлать. Даже собаки цѣлый полдень безнадежно жуютъ небольшой кусочекъ моржевой шкуры. Вотъ почему хозяйка и рѣжетъ за столомъ кожу на самые тоненькіе куски, которые и составляютъ заключеніе и въ то же самое время самую вкусную часть ѣды и доставляютъ желудку занятіе, побуждающее его молчать вплоть до слѣдующей ѣды.

Чукчи, обладающіе нѣкоторымъ достаткомъ, ѣдятъ два раза въ день; обѣдъ подаютъ очень поздно вечеромъ. За обѣдомъ подаютъ почти такія же кушанья, какъ и за завтракомъ; только въ томъ и разница, что завтракъ заканчивается грызеньемъ моржевой шкуры, тогда какъ въ концѣ обѣда подаютъ еще одно, блюдо, состоящее изъ варенаго мяса. Иногда замороженная зелень замѣняется за обѣдомъ замороженнымъ мясомъ тюленя или моржа, тогда какъ первое и третье блюдо никогда не измѣняются, если только какія нибудь исключительныя обстоятельства не принуждаютъ сдѣлать отступненія отъ разъ установившагося правила. Кромѣ этихъ постоянныхъ и неизмѣнныхъ столованій, для каждаго прибывающаго въ домъ гостя, накрываютъ нѣчто въ родѣ закуски, въ которой принимаютъ участіе всѣ домашніе съ такимъ рвеніемъ, что путнику приходится держать ухо востро, чтобы что нибудь осталось на его долю. Я могу засвидѣтельствовать объ этомъ изъ своего собственнаго опыта, пріобрѣтеннаго дорогою цѣною, такъ какъ часто предлагали мнѣ очень роскошную закуску, которая, однако, уничтожалась другими быть можетъ, только что успѣвшими окончить свою обычную ѣду, а я изъ приличія и учтивости только облизывался. Мало по малу удалось, однако, и мнѣ побороть эти нѣжности, и я началъ занимать свое мѣсто у стола съ спокойнымъ сознаніемъ, что и меня не минуетъ добрая часть общей трапезы.

Вечерніе часы послѣ обѣда проводятъ часто въ играхъ. Положимъ, мы не играли въ шахматы или на бильярдѣ, но за то устраивали состязанія въ искусствѣ бѣгать на рукахъ

съ вытянутымъ горизонтально туловищемъ, или ходить на колѣнахъ; держась руками за ноги. Иногда гасили огонь въ юртѣ и въ потемкахъ занимались музыкою; тогда кто нибудь билъ въ барабанъ, такъ называемый—„Йараръ“, и пѣлъ при этомъ въ высшей степени грустную мелодію, или же переходилъ отъ едва уловимаго тона къ поступательному кресчендо, къ самымъ громкимъ и ужаснымъ воплямъ, которые только возможны для человѣка и которые при тупомъ звукѣ барабана казались ревомъ пойманнаго медвѣдя. Да и дѣйствительно, это былъ адскій гулъ, вліяніе котораго на нервы усугублялось еще темнотою. Въ теченіе всей пѣсни хозяинъ вскрикивалъ отъ времени до времени „Ай-хэкъ, ай-хэкъ!“— что должно было поощрять стараніе барабанщика. Самый барабанъ состоитъ изъ деревяннаго обруча, обтянутаго тонкою кожею сѣвернаго оленя; въ одномъ мѣстѣ, къ обручу придѣлана ручка, а бьютъ въ этотъ барабанъ палочкою изъ китоваго уса. Начиная отъ момента потушенія огня и вплоть до самаго окончанія концерта, что бываетъ иногда часа черезъ два съ половиною, музыка должна продолжаться непрерывно. Когда мы въ первый же вечеръ нашего пребыванія въ Йинретленѣ присутствовали на одномъ изъ подобныхъ концертовъ, я вдругъ услышалъ, что Константинъ началъ тяжело дышать и всхлипывать, а по временамъ, раздражался стонами и плачемъ. Даже пѣвецъ обратилъ вниманіе на своего растроганнаго слушателя, остановился на минуту и спросилъ плачущаго, не боленъ ли онъ. Онъ простоналъ жалобное „да“ и я подумалъ уже, что мнѣ придется пустить въ дѣло мой небольшой запасъ лѣкарствъ; но когда я, чтобы рѣшить, какое нужно примѣнить средство: внутреннее или наружное, началъ его спрашивать, то получилъ отвѣтъ, что онъ страдаетъ отъ „надломленнаго сердца“. Онъ перенесся въ Те-опъ-Кеинъ, въ селеніе, лежащее не подалеку отъ Идлиди, гдѣ жила старуха, по имени Аттунгау, въ которую влюбился 19-ти лѣтній парень, хотя у этой женщины было уже нѣсколько взрослыхъ дѣтей и внуковъ.

Впродолженіе всего нашего путешествія эта сцена повто-

рядась всякій разъ, какъ приносили йаранъ; едва только оканчивался концертъ, и ночники зажигались снова, Константинъ казался такимъ веселымъ и довольнымъ, какъ будто съ нимъ не случалось ничего непріятнаго. Я полагалъ сначала, что онъ просто труситъ, такъ какъ, между нами будь сказано, шумъ и грохотъ всегда былъ чудовищный и оглушительный, а нашъ влюбленный выказывалъ наибольшую чувствительность, какъ разъ въ этихъ громогласныхъ мѣстахъ. Во всякомъ случаѣ, музыкантъ могъ вполне удовлетвориться тѣми результатами, которые вызвало его искусство. Между членами семьи, такъ радушно пріютившей меня, находились также двѣ дѣвочки, лѣтъ по 15, изъ которыхъ одна была дочерью моего хозяина, а другая родственница ей.

Танцы, исполняемые обѣими дѣвочками по вечерамъ, а иногда и въ другое время дня, имѣли кое-что общее съ танцами индійцевъ Сѣверной Америки. Словно для исполненія какого нибудь па-де-дѣ становились онѣ обыкновенно другъ подлѣ друга и затѣмъ выполняли вмѣстѣ всевозможныя фантастическія тѣлодвиженія и позы, сопровождаемыя неописанно странными гортанными звуками; костюмъ ихъ состоялъ при этомъ изъ обычнаго здѣсь бальнаго туалета, а именно изъ нитки бусъ на шею и узенькаго передника изъ тюленьей шкуры. Какъ оказалось впоследствии, эти такъ называемые танцы, были въ употребленіи у всѣхъ дѣтей въ прибрежныхъ селеніяхъ, а потому и считались самымъ обыкновеннымъ удовольствіемъ семейной жизни чукчей.

Мы отправились въ слѣдующее по пути селеніе 13-го января и достигли его еще до полудня, такъ какъ тронулись въ путь часовъ около трехъ утра, при полнѣйшей еще темнотѣ. Случилось, что въ дорогѣ у насъ оказалось нѣсколько попутчиковъ, а именно, чукотская чета изъ Онмана, возвращавшаяся изъ поѣздки на двухъ саняхъ со своимъ уже взрослымъ сыномъ; этотъ сынъ, молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати двухъ, съ желѣзными волосами и свѣтло-кариими глазами, былъ первымъ бѣлокурымъ человѣкомъ, встрѣченнымъ мною среди чукчей; нѣсколько позднѣе, удалось мнѣ встрѣ-

тить бѣлокурую женщину въ Энмукки, но во всякомъ случаѣ оба субъекта составляли несомнѣнно рѣдкія исключенія. Прибывъ въ селеніе, старикъ отправился сначала въ одну юрту, но скоро снова вышелъ оттуда къ санямъ, перекинувшись нѣсколькими словами съ жителями, и сообщилъ мнѣ, что у мѣстныхъ чукчей нѣтъ корма для нашихъ собакъ и что будетъ гораздо лучше, если мы поѣдемъ прямо въ Онманъ. Насъ угостили кускомъ моржовины, а между тѣмъ, я порѣшилъ, не смотря на благой совѣтъ, остаться здѣсь, такъ какъ мнѣ казалось гораздо лучше дать голоднымъ собакамъ нѣкоторый отдыхъ, нежели гнать ихъ до самага Онмана безъ отдыха и безъ пиши; къ тому же, по словамъ моего спутника, до этого желаннаго мѣста мы могли доѣхать развѣ только на слѣдующее утро. Мнѣ думалось кромѣ того, что за хорошую плату я и здѣсь буду въ состояніи получить собачьяго корма, и, дѣйствительно, едва лишь наши спутники покинули насъ, какъ я увидѣлъ, что не ошибся въ моихъ расчетахъ—жалобы на недостатокъ корма были обычною у здѣшняго народа хитростью для того, чтобы развязаться съ непрошенными гостями. Повидимому, и семья изъ Онмана сдѣлала то же самое открытіе, такъ какъ и они возвратились обратно черезъ какіе-нибудь полчаса времени, полагая провести ночь вмѣстѣ съ нами. Что касается меня, то и здѣсь мнѣ пришлось пробыть четыре дня въ ожиданіи прибытія Ванкера. При оживленныхъ сношеніяхъ, существующихъ между прибрежными селеніями, всѣ ихъ юрты служатъ, собственно говоря, гостинницами для значительнаго числа туземцевъ, разъѣзжающихъ между Нижне-Колымскомъ и мысомъ Восточнымъ и не страшщихся длиннаго пути въ 2,000 слишкомъ верстъ, по берегу океана, только бы раздобыть себѣ кое-какіе товары изъ обѣихъ этихъ пунктовъ; у мыса Восточнаго они могутъ вымѣнивать свой пушной товаръ и продукты промысла на скорострѣльные ружья Генри и на бумажныя ткани, а въ Нижне-Колымскѣ они получаютъ дешевый и крѣпкій мало-россійскій табакъ, небольшія трубки, копья для охоты за медвѣдями и т. п. предметы.

Запасы товаровъ привозятся на мысъ Восточный американскими китоловами, имѣющими среди тамошнихъ туземцевъ своихъ агентовъ. Въ Нижне-Колымскѣ товары находятся въ рукахъ русскихъ купцовъ, которые имѣютъ обыкновеніе собираться ежегодно во второй половинѣ февраля, по близости города, на берегъ рѣки Ануя, и устраиваютъ въ этомъ мѣстѣ большую и сильно посѣщаемую ярмарку. Убѣжище и прокормъ путешествующимъ туземцамъ доставляется въ береговыхъ селеніяхъ бесплатно, но за то тѣмъ болѣе требовательными являются хозяева къ немногимъ бѣлымъ гостямъ, которыхъ судьба сюда закинетъ. Когда случится, что у проѣзжающаго чукчи найдется запасъ табаку или бусъ, то онъ по первой же просьбѣ подѣлится всѣмъ этимъ съ хозяиномъ, но такой подарокъ никогда не считается платою за кровь и пищу, раздаваемая всегда даромъ. Въ Пилканѣ, второмъ селеніи на берегу бухты того же имени, я встрѣтился со многими туземцами, возвращающимися изъ путешествія къ Восточному мысу, они встрѣтили на пути Ванкера и сообщили мнѣ, что едва ли онъ меня догонитъ, такъ какъ не успѣлъ еще покончить своихъ торговыхъ дѣлъ въ нѣкоторыхъ прибрежныхъ селеніяхъ; это извѣстіе было крайне неутѣшительно, но я не хотѣлъ болѣе терять драгоцѣннаго времени и рѣшилъ, во что бы то ни стало, при первой же возможности, продолжать путешествіе на свой собственный страхъ, по крайней мѣрѣ, до селенія Килючинскаго.

Глава XIV.

Дорогою.

Средне-Колымскъ, Сѣверная Сибирь,
9-го марта, 1882 года.

На моемъ пути встрѣчались такія мѣста, а именно, по ту сторону Ванкаремы или Ванкарамена, что необходимо было имѣть проводника; безъ этого послѣдняго намъ по неволѣ

приходилось ѣхать только втеченіе немногихъ часовъ дня, когда было достаточно свѣтло, чтобы ориентироваться по береговой линіи, вдоль которой проходила дорога. Что на всемъ пути вплоть до Ванкаремы, при оживленности сношеній между находящимися селеніями у насъ всегда будутъ попутчики— это я зналъ очень хорошо, но отъ Ванкаремы до перваго селенія у Иркайпійя (такъ называютъ туземцы Сѣверный мысъ) мы должны были ѣхать по мѣстамъ, совершенно пустыннымъ, гдѣ намъ предстояло провести двѣ, а, можетъ быть, и три ночи подъ открытымъ небомъ.

Я опасался уже, что мнѣ не удастся вовсе найти проводника для этого переѣзда, и потому несказанно обрадовался, когда какой-то старикъ изъ Ванкаремы, съ которымъ я встрѣтился въ Пилканѣ, обѣщаль меня проводить до Иркайпійя; я долженъ былъ дать ему за это нѣсколько сухарей, такъ какъ зубы его не годились уже для жеванья мерзлой моржовины.

Поѣзда черезъ устье Колючинской бухты до острова была продолжительна и затруднительна; собаки мои были непривычны къ подобнымъ усиленнымъ и тяжкимъ перегонамъ, а потому, застигнутые уже на половинѣ дороги темнотою, мы должны были остановиться и выстроить себѣ хоть какое нибудь убѣжище изъ снѣгу. Туземцы, тронувшіеся въ путь въ одно время съ нами, достигли селенія еще вечеромъ и не мало безпокоились нашимъ замедленіемъ въ пути, въ особености, когда мы не явились и втеченіе всей ночи; ихъ опасенія еще болѣе усилились, когда на слѣдующій день разыгралась буря съ мятелью, которая, по ихъ мнѣнію, судя по тому, что дѣлалось у нихъ на оотровѣ, должна была лишить насъ всякой возможности разобрать дорогу. Мы покинули свой ночлегъ, едва разсвѣло; я предлагалъ Константину строго придерживать оставленныхъ на снѣгу нашими предшественниками слѣдовъ, которые, однако, вслѣдствіе выпадашаго во множествѣ снѣга, съ трудомъ можно было различать; на это онъ отвѣчалъ мнѣ, что его водовая собака превосходна и съумѣетъ сама найти дорогу. Я, дѣйствительно,

впродолженіе нѣкотораго времени полагался на инстинктъ животнаго, а именно до тѣхъ поръ, пока вѣтеръ, дувшій намъ до того на встрѣчу, не подулъ вдругъ въ спину, тогда я нѣсколько усомнился въ непреложности указаній собачьяго инстинкта и спросилъ Константина, въ какой сторонѣ, по его мнѣнію, находится островъ Колючинъ. Какъ я того и ожидалъ, онъ показалъ прямо передъ собою; еще вечеромъ на ночлегѣ, я точно опредѣлилъ посредствомъ карманнаго компаса положеніе острова и, когда снова вынулъ теперь компасъ изъ кармана, то оказалось, что мы ѣдемъ почти по противоположному направленію.

Тогда я взялся самъ быть проводникомъ; не успѣли мы проѣхать полчасу времени, какъ уже слышался вой и лай привязанныхъ собакъ; ничего еще не было видно, но на мой не разъ повторенный зовъ къ намъ подѣхало двое саней, нарочно посланныхъ съ острова на поиски за нами. Эти люди были очень рады, что розыскали насъ и рассказали о своемъ безпокойствѣ, такъ какъ они боялись, что мы можемъ заблудиться на льду. Я постарался ихъ успокоить, сообщивъ, что у насъ было очень приличное помѣщеніе на ночь; затѣмъ убѣдилъ имъ тѣмъ, что теперь я знаю навѣрное, гдѣ находится Колючинъ и указалъ рукою его направленіе; затѣмъ я показалъ имъ еще мой компасъ и такъ какъ случайно мы находились какъ разъ на югъ отъ этого острова, то указывающая на сѣверъ стрѣлка показала имъ какимъ-то волшебствомъ; они были вполне убѣждены, что она всегда показываетъ настоящее направленіе, по которому слѣдуетъ итти.

Пока я отдыхалъ въ Колючинѣ, прибылъ, наконецъ, и Ванкеръ, какъ разъ черезъ одиннадцать дней послѣ обѣщаннаго срока; такъ какъ его прибытіе отчасти успокоивало меня, то я и принялъ его съ радостью. Теперь мы направились въ Ванкарему и продолжали нашъ путь гораздо скорѣе, нежели прежде; конечно, все еще не такъ скоро, какъ того-бы хотѣлось мнѣ, вполне зависящему отъ человѣка, котораго я, въ силу глубокаго убѣжденія, считалъ не только ненадежнымъ, но и дурнымъ. По всему пути туземцы предупреждали меня

противъ него и увѣряли, что онъ непременно замышляетъ что-нибудь дурное противъ моей личности; они совѣтовали мнѣ лучше вернуться поскорѣе въ Идлилю и предлагали даже отвезти меня туда. Но единственно, чего я опасался со стороны этого человѣка, это—чтобы онъ не удралъ отъ меня вмѣстѣ съ санями и упряжкой и не покинулъ меня одного на берегу моря. Мнѣ не оставалось иного средства, какъ наблюдать за нимъ зорко, не спуская съ него глазъ ни на минуту.

Днемъ, въ случаѣ его попытки бѣжать, я былъ бы непременно предупрежденъ объ этомъ туземцами; ночью же я спалъ всегда въ одномъ съ нимъ домѣ и скоро до такой степени привыкъ быть осторожнымъ, что просышался даже при малѣйшемъ шорохѣ. Втеченіе всего путешествія я ни разу не отдалялся отъ его саней дальше какъ на пистолетный выстрѣлъ и, повидимому, онъ самъ скоро замѣтилъ, что я его не спускаю съ глазъ ни на минуту. Сначала онъ пользовался моимъ незнаніемъ чукотскаго языка для того, чтобы къ вящему удовольствію туземцевъ острить на мой счетъ и подсмѣиваться надо мною и, наконецъ, однажды онъ сталъ даже кричать мнѣ самымъ невѣжливымъ образомъ; тогда я принялся отработывать его на хорошемъ англійскомъ языкѣ. Положимъ, что онъ ровно ничего не понялъ изъ того, что я говорилъ, но онъ зналъ очень хорошо, что я о немъ думалъ. Совершенно добродушно сталъ онъ меня увѣрять, что онъ хотѣлъ только, чтобы я подвязалъ у себя ремень на ногѣ, но съ этого дня въ обращеніи со мною онъ измѣнился къ лучшему, а главное сталъ поосторожнѣе. По пути отъ Ванкаремы до мыса Сѣвернаго насъ застала презлая холодная погода, и никто изъ нашей компаніи,—въ нашемъ поѣздѣ находилось нѣсколько туземцевъ съ тремя санями,—не избѣгъ того, чтобы что-нибудь не отморозить; къ счастью, всѣ эти бѣды были не велики и не опасны. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по берегу видѣли мы большія массы плавучаго лѣса и тогда здѣсь обыкновенно дѣлался привалъ, чтобы заварить чаю и сварить мяса. Эти случайныя остановки съ ѣдою, казалось, нѣсколько притупляли рѣжущій холодъ и дѣлали какъ пу-

тешествіе, такъ и въ особенности ночлеги болѣе удобопереносимыми. На перегонѣ между мысомъ Сѣвернымъ и Угаргиномъ расположены были нѣсколько селеній, но за то отъ Угаргина вплоть до Эрктреэна, туземнаго селенія на мысѣ Шелягскомъ, состоящаго изъ 19 юртъ, мы не встрѣтили ни одного человѣческаго сельбища и должны были провести три ночи на снѣгу и подъ открытымъ небомъ. Недалеко отъ Угаргина, въ селеніи Энмеатырь встрѣтили мы нѣсколькихъ туземцевъ, отправлявшихся также въ Нпжнеколымскъ; 8-го февраля, утромъ мы покинули селеніе въ числѣ 8 саней, везомыхъ, по крайней мѣрѣ, 90 собаками. Зрѣлище было блистательное, или, вѣрнѣе, могло-бы быть таковымъ, если-бы можно было что-нибудь видѣть; но мы пустились въ путь въ 4 часа утра, часа за три съ половиною до разсвѣта; надъ нѣкоторыми изъ саней протянуты были покрышки отъ дождя изъ яркопестраго коленкора, а у многихъ сбруя была убрана красными лентами; одинъ фронтъ нацѣпилъ даже на свою сбрую массу колокольчиковъ, и притомъ, видимо, только ради украшенія, такъ какъ ни одинъ изъ нихъ не издавалъ ни одного звука и всѣ были лишены язычковъ.

Погода въ этотъ день была сначала особенно хороша, но послѣ полудня поднялась мятель, несшаяся намъ какъ разъ навстрѣчу и разыгравшаяся вечеромъ, когда мы остановились на ночлегъ, въ настоящую пургу, продолжавшуюся всю ночь и весь слѣдующій день. Когда мы укладывались спать, я выискалъ себѣ ложе за санями, но скоро принужденъ былъ покинуть это защищенное отъ вѣтра мѣстечко, такъ какъ едва не задохнулся отъ той массы снѣга, которая завалила меня. Тутъ только замѣтилъ я, что туземцы улеглись умнѣе меня на самомъ гребнѣ холма, гдѣ снѣгъ постоянно сдувало вѣтромъ. На слѣдующій день, ѣзда наша представляла собою одни лишь безпрестанныя мученія, но такъ какъ лежать на мѣстѣ въ такую погоду было еще хуже, то мы и подвигались храбро впередъ. Къ ночи буря нѣсколько спала, такъ что мы могли, по крайней мѣрѣ, выспаться послѣ труднаго дня. Слѣдующая остановка была сдѣлана на утесистомъ бе-

регу, невдалекѣ отъ мыса Шелягскаго, гдѣ мы нашли естественную пещеру въ скалѣ, представлявшую очень живописный видъ, но очень мало защищавшую насъ отъ рѣзкаго вѣтра и непогоды. Только на слѣдующій день, часовъ около двухъ послѣ полудня, прибыли мы въ Эрктреэнъ и душевно порадовались, что можемъ, наконецъ, защититься отъ снѣга и бури, которая снова успѣла уже разыгратъ въ сильную пургу,—тѣмъ болѣе, что собаки рѣшительно отказывались бороться съ нею. Въ селеніи было много юртъ, но, къ сожалѣнію, мы попали сюда среди полного отсутствія у жителей сѣстныхъ припасовъ, такъ что намъ пришлось кормить семью нашего хозяина тѣмъ немногимъ, что было нами захвачено съ собою; на бѣду переѣздъ до слѣдующаго селенія былъ очень длиненъ, и намъ пришлось цѣлыхъ четыре ночи провести подъ открытымъ небомъ. Такъ какъ наше предположеніе застисъ провіантомъ въ Эрктреэнѣ, по случаю тамошняго голода, не осуществилось, то намъ оставалось теперь довольствоваться крайне ограниченными порціями; само собою, что такая ѣда впроголодь только усиливала нашу чувствительность къ холоду, который прежде переносился нами довольно сносно; давно уже замѣчено, что ничто не способствуетъ такъ къ борьбѣ съ ледянымъ, сѣвернымъ вѣтромъ, какъ сытый желудокъ. Къ счастью, рѣшительно всѣ туземцы относились ко мнѣ до чрезвычайности дружественно; они очень хорошо видѣли и сознавали, что со стороны Ванкера помощи мнѣ не было почти никакой, а потому и старались всѣ наперерывъ сдѣлать что-нибудь угодное или помочь чѣмъ-нибудь „Келлею“, какъ они меня почему-то называли; благодаря такому отношенію, я полагаю, что втеченіе этихъ немногихъ, къ счастью, дней, я ѣлъ лучше всѣхъ остальныхъ моихъ спутниковъ. На третій день пути мы достигли, наконецъ, чукотскаго селенія Раучуанъ, которое русскіе называютъ „Базарихой!“

Недалеко отъ этой послѣдней мѣстности привелось намъ проѣзжать мимо какой-то покинутой деревни, состоящей изъ пяти избъ; прежде здѣсь обитали русскіе пушные промыш-

ленники; въ одной изъ этихъ избъ, или, вѣрнѣе, срубовъ, мы нашли большой запасъ медвѣжьего мяса и сушеной рыбы для собакъ; оказалось, что все это было спрятано здѣсь моими спутниками, когда они пускались въ свой далекій путь. Конечно, мы захватили приличную порцію всего этого въ наши сани и вечеромъ справили такой пиръ, что совершенно уподобились дикарямъ, ухищряющимся до верху наколачивать свой желудокъ мясомъ; сытые, согрѣтые, мы проспали превосходно всю ночь. Поздно вечеромъ, на слѣдующій день, мы были уже въблизи чукотскаго селенія „Длардловранъ“, которое у русскихъ извѣстно подъ именемъ „Баранова“. Часть нашихъ спутниковъ предложила сдѣлать привалъ при наступленіи темноты и троимъ санямъ провести ночь на берегу, а мнѣ на моихъ саняхъ и другимъ двумъ санямъ продолжать путь, чтобы ѣхать напрямикомъ, а не по берегу въ селеніе; одинъ изъ туземцевъ въ нашей компаніи былъ самъ родомъ изъ Длардловрана и потому, послѣ полуторамѣсячнаго отсутствія изъ дому ощущалъ теперь весьма понятное желаніе увидать скорѣе семью и жилище свое. Но хотя мы и находились всего лишь въ какихъ нибудь пяти верстахъ отъ его родины, все-же оказалось, что онъ скоро заблудился въ этой снѣжной пустынѣ, гдѣ не было ни малѣйшаго признака для ориентировки и гдѣ все было ровно и однообразно; поневолѣ пришлось бросить ни къ чему не ведущіе поиски дороги, и подчиняясь грустной необходимости, улечься на снѣгу въ ожиданіи разсвѣта. Гораздо раньше того времени нежели мрачное небо засѣрѣло первыми проблесками свѣта, поднялась такая чудовищная пурга, какой мнѣ еще никогда не приходилось испытывать и, когда мы утромъ тронулись, наконецъ, въ путь, то оказалось, что теперь въ вихрящемся снѣгу видимъ еще менѣе, нежели вчера въ темнотѣ ночи. Съ трудомъ протащились мы не болѣе какъ съ версту противъ свирѣпствующей стихіи; вѣтеръ дулъ намъ прямо въ лицо и гналъ на насъ твердый, мерзлый снѣгъ съ такою силою, что мы лишь по временамъ отваживались открывать глаза, а большую часть времени держали ихъ закрытыми, чтобы не ослѣп-

нуть. Собаки въ концѣ-концовъ отказались итти впередъ и, не смотря на усиленное побужденіе со стороны возницъ, упали на снѣгъ; намъ не оставалось ничего иного, какъ самимъ итти впередъ и тащить собакъ за собою, ступая выше колѣнъ въ снѣгу. Скоро мы принужены были оставить на волю Божью однѣ сани, такъ что только Уэйлдоте, туземецъ изъ ближайшаго селенія, Ванкеръ, да я продолжали путь.

Наконецъ. мы добрались до вершины какого-то холма, съ котораго вѣтеръ сдулъ снѣгъ; тутъ мы нашли слѣды саней, признанные Уэйлдоте за направляющіеся въ селеніе. Намъ показалось уже, что мы выиграли, отправившись въ путь и потому мы весело двинулись впередъ, пока вѣтеръ не подхватилъ вдругъ нашихъ саней и не бросилъ ихъ съ кручи; я видѣлъ, какъ Уэйлдоте соскользнулъ со своею упряжью съ вершины холма и затѣмъ моментально скрылся въ облакѣ бушующаго снѣга; я знаю очень хорошо, что сейчасъ придетъ и нашъ чередъ. Мнѣ оставалось только закрыть глаза, да стиснуть поплотнѣе зубы, такъ какъ я тотчасъ-же почувствовалъ, что лечу по воздуху и куда-то падаю, но куда?— неизвѣстно. Къ счастью, мы свалились лишь съ высоты 20 фут. и притомъ въ глубокой снѣжный сугробъ, откуда уже собаки, сани и я очень осторожно и тихо скатились снова внизъ, тогда какъ Ванкеръ, ѣхавшій на задкѣ саней, повернувшись спиною къ бурѣ, а слѣдовательно и къ пропасти, пролетѣлъ надъ моею головою и прибылъ внизъ раньше меня. Я былъ совершенно увѣренъ въ томъ, что никто не пострадалъ серьезно, такъ какъ снѣгъ былъ мягокъ и пушистъ и человекъ проваливался въ него такъ глубоко, что потомъ съ трудомъ можно было встать на ноги; какъ же мнѣ было не посмѣяться отъ души надъ фигурой Ванкера, когда онъ, весь свернувшись въ комочекъ и крѣпко ухватившись за свою палку, перелеталъ черезъ мою голову, точно какая-нибудь вѣдьма, летящая на своемъ помелѣ на шабашъ! Сани Уэйлдоте были сломаны и упали ему на ногу, не причинивъ бѣдному малому никакого особеннаго вреда, кромѣ ушиба. Едва успѣвъ встать на ноги, мы принялись отыскивать выходъ изъ

той пропасти, въ которую попали такъ неожиданно и которая со всѣхъ сторонъ была окружена скалами и цѣлыми стѣнами снѣга; только въ одномъ мѣстѣ свѣтится узкій проходъ, который велъ опять-таки на вершину холма. Конечно, мы стали взбираться кое-какъ наверхъ, но такъ какъ намъ приходилось тащить насильно за собою собакъ, то дѣло не особенно спорилось. То и дѣло приходилось намъ ложиться на снѣгъ, чтобы послѣ 10—15 минутнаго отдыха набрать новыхъ силъ для тяжелой, едва выносимой работы. Черезъ нѣсколько часовъ насъ снова смело вѣтромъ съ холма, но на этотъ разъ въ какую-то долину, признанную ожившимъ надеждою Уэйлдоте за дорогу въ селеніе, отъ котораго, по его словамъ, мы находились теперь не болѣе, какъ въ $\frac{3}{4}$ версты.

Теперь дѣло шло гораздо скорѣе; скоро мы достигли берега и, повернувъ направо, черезъ нѣсколько минутъ наткнулись на юрты, которыхъ не замѣчали до тѣхъ поръ, пока не подошли къ нимъ вплотную. Мой лобъ, носъ, подбородокъ и щеки—все было страшно отморожено, да и сотоварищи мои пострадали отнюдь не меньше моего; удивляться было нечему, такъ лица наши втеченіе всего утра постоянно покрывались ледяною корою, которую мы снимали съ себя по временамъ подобно маскамъ. Три собаки Уэйлдоте погибли отъ непогоды. Когда я, войдя въ юрту, вынулъ свои часы, то къ великому моему изумленію я увидѣлъ, что мы провели въ пути цѣлыхъ семь часовъ. Вторыя сани прибыли только подъ вечеръ, тогда какъ остальные, покинутыя нами на берегу, догнали насъ только на другой день, послѣ нашего отъѣзда изъ Длардловрана. Въ этомъ селеніи мы застали четырехъ русскихъ изъ Нижнеколымска, которые съ большимъ интересомъ прослушали рассказъ о нашихъ походахъ во время послѣдней пурги. Трое изъ нихъ на другое-же утро отправились вмѣстѣ съ нами въ путь и Ванкеръ сумѣлъ такъ устроить, что одинъ изъ нихъ захватилъ меня въ свои сани. Собственно говоря, я былъ очень доволенъ этою перемѣною, такъ какъ теперь уже могъ быть вполне увѣреннымъ, что несомнѣнно достигну мѣста своего назначенія. Человѣкъ этотъ

казался честнымъ и развитымъ, хотя и не умѣлъ вовсе читать, въ чемъ и сознался тотчасъ-же совершенно откровенно. Вечеромъ мы остановились въ покинутой избѣ, занесенной и переполненной на половину снѣгомъ, но все-же представлявшей прекрасную защиту противъ пурги, которая снова разыгралась съ тою-же силою; дѣйствительно здѣсь спалось не только гораздо лучше, нежели подъ открытымъ небомъ, но въ маленькой горницѣ было даже какъ-то уютно и хорошо; большой огонь горѣлъ посрединѣ избы; надъ нимъ висѣлъ чайникъ, а подлѣ чайника въ большомъ котлѣ варился кусокъ оленины; мы-же въ ожиданіи прекраснаго ужина закусывали пока мороженою рыбою, которую мой проводникъ ухитрился раздобыть откуда-то изъ-подъ крыши; ради сокращенія времени мои новые русскіе друзья спѣли веселую русскую пѣсню, вызвавшую во мнѣ невѣдомое для меня чувство и скоро повергнувшее меня въ сладкій сонъ съ дорогими сновидѣніями объ отчизнѣ.

Итакъ, я достигъ, наконецъ, границъ цивилизаціи и мнѣ не нужно было болѣе влѣзть въ юрты дикарей.

На слѣдующій день, мы достигли довольно большого покинутаго селенія, гдѣ Ванкеръ объявилъ мнѣ, что имѣетъ намѣреніе сдѣлать продолжительную остановку въ своемъ домѣ, въ который мы должны прибыть на слѣдующій день; онъ желалъ дожидаться тамъ Константина, отставшаго отъ насъ на цѣлыхъ четыре дня пути. Во время пурги, застигшей насъ скоро по выѣздѣ изъ Эртреэна, сани Константина и еще одного изъ провожавшихъ насъ туземцевъ отстали и остались далеко позади насъ; мнѣ, собственно говоря, нечего было о немъ беспокоиться, такъ какъ я зналъ, что онъ находится въ обществѣ одного чукчи и одного русскаго, которые съумѣютъ и захотятъ позаботиться о немъ и, что они въ избыткѣ снабжены съѣстными припасами, которые и помѣшали имъ слѣдовать за нами съ одинаковою съ нами быстротою. Было бы совершенно излишне дожидаться его прибытія, а потому я и объявилъ Ванкеру, что мнѣ хочется скорѣе ѣхать въ Нижнеколымскъ для того, чтобы, до пріѣзда Константина, успѣть обдѣ-

латъ тамъ кое-какія изъ моихъ дѣлъ. Ванкеръ остался, однако, при своемъ прежнемъ мнѣніи и убѣждалъ меня погостить нѣсколько дней въ его домѣ. Я былъ противъ него совершенно безсиленъ и жаловался въ пути на свою долю моему русскому другу, который, хотя и ровно ничего не понялъ изъ того, что я говорилъ ему, все-же съумѣлъ понять основной смыслъ моихъ словъ, т. е., что я вовсе не желаю оставаться у Ванкера и гораздо охотнѣе отправился-бы прямо въ Нижнеколымскъ. Онъ сказалъ: „да, да“—и разговоръ нашъ на этомъ покончился. Въ тотъ-же вечеръ доставилъ онъ меня въ домъ Ванкера, а самъ рано утромъ отправился далѣе. Цѣлый день старался я, но тщетно, отклонить Ванкера отъ его рѣшенія и далъ себѣ слово остаться у него развѣ еще одинъ день, хотя онъ и утверждалъ, что единственные люди, умѣющіе читать въ Нижнеколымскѣ, теперь въ отъѣздѣ и возвратятся туда только недѣли черезъ двѣ. Все это могло быть и правдою и, быть можетъ, въ концѣ-концовъ я и повѣрилъ бы ему, еслибы на слѣдующее утро, мой добрый спутникъ не вернулся въ сопровожденіи какого-то незнакомца, при первомъ взглядѣ на котораго мнѣ показалось, что часъ моего освобожденія близокъ. И дѣйствительно, незнакомецъ прочелъ письмо консула и объявилъ мнѣ, что я тотчасъ же долженъ отправиться вмѣстѣ съ нимъ. Ванкеръ отъ злобы и неудачи сдѣлался пунцовымъ и съ видимымъ неудовольствіемъ согласился на то, что, какъ мнѣ было очень хорошо извѣстно, ему вовсе не нравилось; но я успѣлъ замѣтить, что незнакомецъ съ его непоколебимымъ спокойствіемъ обладалъ здѣсь нѣкоторою властью и, что противиться ему было трудно. Если я былъ сердечно радъ убраться отсюда, да еще подъ охраною такого дружественно расположеннаго и уважаемаго всѣми проводника, то каково же было мое изумленіе и восторгъ, когда я увидалъ передъ дверями нашего дома крытыя сани, стоящія здѣсь для того, чтобы доставить меня, какъ какого-нибудь принца крови, къ мѣсту моего назначенія. День былъ страшно холодный, такъ что я счелъ за великую милость со стороны моего спутника, когда мы остановились въ одномъ селеніи на полпути

къ городу, чтобы погрѣться горячимъ чаемъ, къ которому, какъ и всегда, подана была замороженная рыба.

Всѣ жители деревни вышли намъ на встрѣчу; мужчины стояли съ обнаженными головами, выстроившись въ одинъ длинный рядъ, и кланялись мнѣ, когда я проходилъ мимо нихъ по направленію къ дому. Такимъ образомъ, какъ и въ чукотскихъ деревняхъ, я былъ окруженъ здѣсь дружелюбно настроеннымъ, по отношенію ко мнѣ, народомъ, хотя эти люди и принадлежали къ одному со мною племени, все же я могъ говорить съ ними лишь на языкѣ дикарей, а при моихъ ограниченнѣхъ познаніяхъ въ чукотскомъ языкѣ мы недалеко заходили въ разговорѣ; сами они, казалось, всѣ прекрасно знали по-чукотски и говорили на немъ едвали менѣе бѣгло, нежели на своемъ родномъ языкѣ. Мой новый пріятель взялъ меня въ свой домъ и старался принять какъ можно любезнѣе и радушнѣе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и быть мнѣ какъ можно полезнѣе въ моихъ дѣлахъ. Тутъ я узналъ въ скоромъ времени, что онъ казакъ и исправляетъ въ данное время обязанности начальника, который находится въ Среднеколымскѣ. Намъ удалось кое-какъ понять другъ друга и онъ сообщилъ мнѣ, что дастъ мнѣ для путешествія въ Среднеколымскъ казака въ проводники и что, благодаря этому обстоятельству, я совершу путь, требующій для простаго смертнаго 8 — 10 дней, всего лишь въ три или четыре дня; по его словамъ, я долженъ непременно найти въ этомъ городѣ человѣка, умѣющаго говорить по-французски. Едва только явился Константинъ и я успѣлъ покончить всѣ свои дѣла въ Нижнеколымскѣ, какъ я пустился въ сопровожденіи моего казака въ путь, простясь сердечнымъ образомъ съ нѣкоторыми изъ моихъ новыхъ знакомыхъ, добрѣйшими изъ людей, съ которыми сталкивала меня когда-нибудь судьба. Всѣ только и старались, какъ бы еще что-нибудь для меня сдѣлать, а моему славному хозяину, спасшему меня изъ вавилонскаго плѣненія, такъ и вовсе трудно было, повидимому, прощаться со мною. Я прожилъ у него въ домѣ четыре дня и въ теченіе всего этого времени онъ рѣшительно отдалъ всего себя въ мое распоряженіе, вѣроятно,

для того, чтобы по возможности изгладить изъ моей памяти воспоминанія о своемъ соотечественникѣ, Ванкерѣ. Теперь только узналъ я, что этотъ хитрый малый увѣрялъ русскихъ, съ которыми мы встрѣтились въ Длардловранѣ, что онъ привезъ меня на Колыму только потому, что я великъ ростомъ и силенъ, что онъ продержитъ меня зиму у себя въ домѣ, а за то весною я ему буду прекраснымъ помощникомъ при рыбной ловлѣ. Право планъ былъ вовсе не дуренъ! Къ сожалѣнію, однако, другія мои обязанности не дозволили мнѣ ожидать наступленія сезона рыбной ловли.

Здѣсь только въ первый разъ я услышалъ о гибели отыскиваемой нами „Жаннетты“ и о спасеніи нѣсколькихъ чело-вѣкъ изъ ея экипажа. Но хотя мое незнакомство съ русскимъ языкомъ и не представляло мнѣ болѣе особенныхъ затрудне-ніи для веденія обыденныхъ сношеній, все-таки, подробности и частности, касающіяся участи „Жаннетты“ остались для меня совершенно непонятными; въ данномъ случаѣ, бѣда заключалась въ томъ, что и сами рассказчики получили лишь не точныя и смутныя свѣдѣнія о несчастномъ суднѣ и о его печальной судьбѣ.

Глава XV.

Среднеколымскъ.

Среднеколымскъ, Сѣверная Сибирь.

11-го марта, 1882 года.

Я пріѣхалъ въ Среднеколымскъ въ воскресенье, 5-го марта; на улицѣ меня встрѣтилъ какой-то очень важный, старый господинъ въ красивомъ мундирѣ; онъ привѣтствовалъ меня на французскомъ языкѣ и, отрекомендовавшись „мѣстнымъ полицейскимъ префектомъ“, пригласилъ меня къ себѣ въ домъ. Для меня было рѣшительно верхомъ наслажденія, наконецъ, услышать извѣстный мнѣ христіанскій языкъ и не быть принужденнымъ разговаривать съ цивилизованными

людьми на языкѣ дикарей. Въ домѣ этого чиновника я встрѣтилъ бывшаго до сей поры „исправникомъ“ Верхоянскаго уѣзда, г. Кочеровскаго, который недавно лишь прибылъ въ Среднеколымскъ съ тѣмъ, чтобы занять мѣсто г. Варова моего любезнаго хозяина. Этотъ послѣдній намѣревался уже до моего пріѣзда отправиться черезъ нѣсколько дней въ Якутскъ и теперь самымъ любезнымъ образомъ предложилъ мнѣ совершить путешествіе вмѣстѣ съ нимъ. Конечно, обрадованный до крайности, я поспѣшилъ согласиться на его предложеніе, такъ какъ зналъ очень хорошо, что въ его обществѣ я буду ѣхать гораздо скорѣе, нежели одинъ, а теперь, послѣ столько даромъ потраченнаго времени, мнѣ было крайне важно двигаться впередъ, по возможности, скорѣе. Что касается моихъ телеграммъ, то г. Варовъ предложилъ мнѣ отправить ихъ съ нарочнымъ въ Якутскъ: благодаря этому, онѣ могли бы быть на мѣстѣ пятью днями раньше, нежели, еслибы ихъ везли обыкновеннымъ путемъ. Само собою разумѣется, что я и это любезное предложеніе принялъ съ глубочайшею признательностью и тотчасъ же принялся за работу, такъ какъ приходилось многое приготовить для курьера. Оказалось, что и здѣсь относились ко мнѣ съ самымъ дружескимъ и трогательнымъ участіемъ; казалось, право, что всякій считаетъ своимъ долгомъ сдѣлать все, находящееся въ человѣческой власти для несчастныхъ моряковъ, мерзнущихъ теперь на негостепріимномъ берегу Ледовитаго океана.

Среднеколымскъ — небольшой русскій городъ съ пятьюстами жителей: русскихъ, якутовъ и нѣсколькихъ чукчей; всѣ дома здѣсь срублены изъ нетесанныхъ бревень, и притомъ всегда въ одинъ этажъ; окны состоятъ почти безъ исключеній изъ толстыхъ, но прозрачныхъ ледяныхъ плитъ; конечно, найдутся и такія, гдѣ красуются стекла, но эти послѣднія до такой степени разбиты и испещрены клейками, что своей внѣшней стороною напоминаютъ росписныя окна какой нибудь готической церкви.

Какъ и во всѣхъ маленькихъ русскихъ городахъ и здѣсь церковь есть лучшее зданіе; построенная въ очень строгомъ

восточномъ стилѣ, она возвышается къ небу своимъ тощимъ куполомъ, съ высокимъ, золотымъ крестомъ на самомъ верху. Возлѣ церкви и притомъ въ одной съ нею оградѣ высится небольшая, надстроенная надъ бревенчатымъ срубомъ, башня, воздвигнутая первыми насельниками Среднеколымска для защиты отъ палаченій дикихъ якутовъ и чукчей. Городъ выстроенъ очень неправильно и разползся на довольно значительное разстояніе, такъ что правительственныя постройки находятся верстахъ въ полтора отъ центра города; подъ правительственными постройками здѣсь разумѣется хлѣбныя и зерновые амбары, гдѣ сохраняются также и мѣха, поступающіе въ уплату податей; все это огромныя срубы, съ массивными, тяжелыми дверями и съ замками величиною съ добрый, дорожный чемоданъ; само собою разумѣется, что и ключи къ этимъ замкамъ обладаютъ соответствующими размѣрами и вѣсомъ; если судить по этимъ ключамъ, то „хранитель государственныхъ ключей“ въ Россіи, — если такой только постъ существовалъ-бы въ этой странѣ, — долженъ-бы былъ родиться атлетомъ и притомъ чуть не съ малолѣтства упражняться и подготовляться къ несенію своей поистинѣ „тяжелой“ обязанности. Одно можно сказать: когда здѣсь дверь заперта, то она дѣйствительно и вполнѣ заперта; сомнѣваться въ этомъ рѣшительно невысказано.

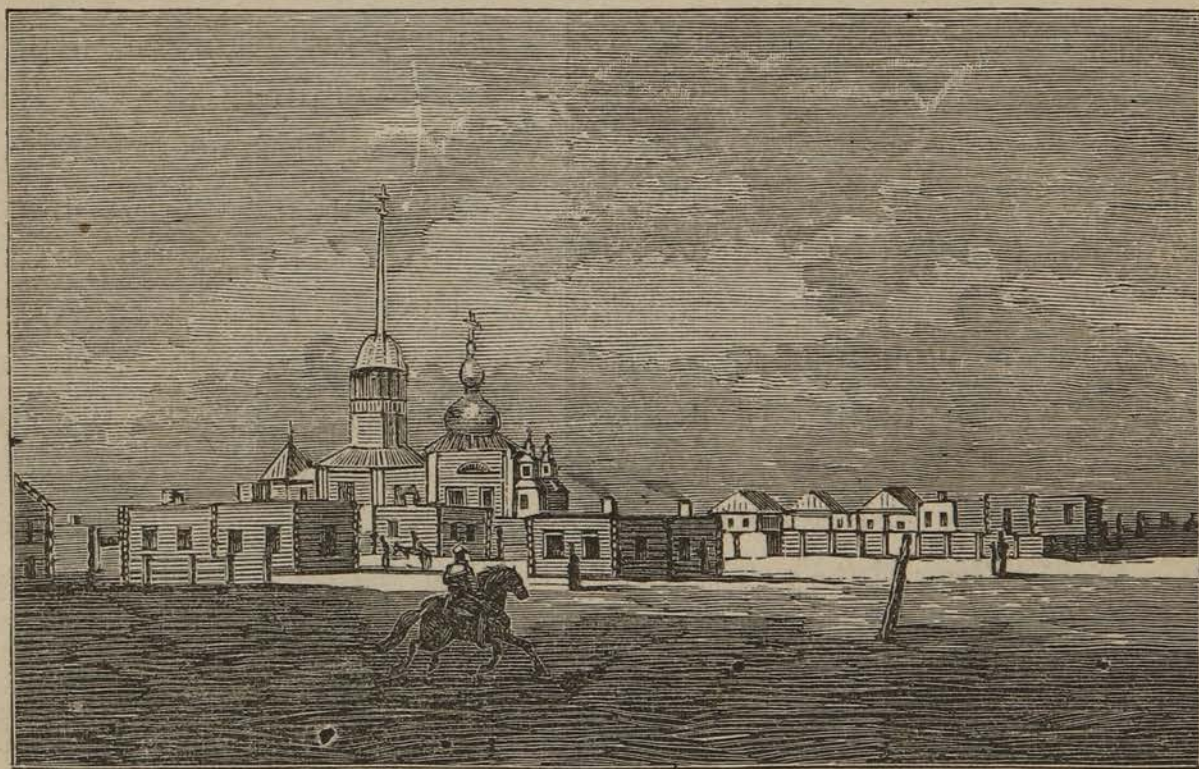
Во время моего пребыванія въ Среднеколымскѣ, я посѣтилъ разъ эти амбары и присутствовалъ при торжественной приемкѣ всего заключающаго въ нихъ добра новымъ исправникомъ; впрочемъ, процедура эта была въ высшей степени не интересна, да и погода была страшно холодна, такъ что я недолго оставался тамъ. Цѣлая толпа рабочихъ, да не такъ, какъ у насъ, съ засученными рукавами и въ блузахъ, а въ мѣховыхъ одеждахъ, бѣгали съ огромными тюками на плечахъ и бросали свой грузъ на одну изъ чашекъ огромныхъ вѣсовъ, самой простой и, какъ я полагаю до той поры, давно уже вышедшей изъ употребленія конструкціи; пока на одной чашкѣ громоздились исполинскіе тюки мѣховъ и сшитые изъ коровьихъ шкуръ мѣшки съ зерномъ, на другую накладывали

чуть не цѣлую гору желѣзныхъ гирь, пуда въ $2\frac{1}{2}$ вѣсомъ каждая. Особенной тонкости въ взвѣшиваніи, повидимому, не требовалось; едва только грузы на обѣихъ чашкахъ становились приблизительно равными, какъ взвѣшиваемое снимали и принимались считать гири. Если-бы нашимъ городскимъ вѣсовщикамъ въ Нью-Йоркѣ привелось работать съ подобнымъ матеріаломъ, то, право, служба ихъ отнюдь не могла-бы быть признана синекурою. Для взвѣшиванія болѣе мелкихъ предметовъ употребляли здѣсь другіе вѣсы, не менѣе странной конструкціи, называвшіеся „безмѣномъ“; до сихъ поръ я всегда видѣлъ, что передвигается только лишь грузъ, а потому это постоянное передвиганіе самаго рычага представляло для меня новое и въ то-же время до крайности курьезное зрѣлище.

Не менѣе, впрочемъ, странное зрѣлище представлялъ собою и одинокій казакъ, ходившій съ ружьемъ на плечѣ взадъ и впередъ передъ огромными вѣсами; съ виду онъ самъ походилъ на плотноувязанный, но вооруженный тюкъ мѣховъ. У вѣсовъ стоялъ новый исправникъ, такъ закутанный въ шубы, что, кромѣ глазъ, у него ничего не было видно; да и ничего страннаго въ этомъ кутаньѣ не было, такъ какъ никогда еще я такъ сильно не мерзъ, какъ въ первые три дня моего пребыванія въ Среднеколымскѣ.

Господинъ Варовъ сказалъ, что ему ни разу еще не приходилось испытывать подобнаго холода и мѣстные жители считаютъ температуру всей нынѣшней зимы, т. е. января и февраля мѣсяцевъ, выходящею изъ общаго ряда. Къ сожалѣнію, ни въ одномъ изъ городовъ, лежащихъ на сѣверо-востокѣ отъ Якутска, нѣтъ термометра, а между тѣмъ, здѣсь-то наблюденія надъ температурой и могли-бы представить особенный интересъ. Я убѣжденъ, что 5, 6, 7 и 8 февраля новаго стиля во всей сѣверо-восточной Сибири термометръ показывалъ необычайно низкую температуру; воздухъ былъ совершенно тихъ, небо безоблачно и, такимъ образомъ, всѣ условія для холодной погоды были на лицо; 9-го февраля, небо покрылось облаками и температура значительно повы-

силась; 10-го февраля, была сильная мятель. Какъ повсюду, въ этой части Сибири, такъ и здѣсь дома состоятъ изъ трехъ комнатъ, которыя отапливаются не печью, а открытымъ очагомъ; этотъ послѣдній строится изъ толстыхъ жердей, которыя проходятъ черезъ крышу и образуютъ надъ домомъ низенькую трубу; для защиты отъ пламени вся постройка покрывается толстымъ слоемъ глины. Огромныя полѣнья, которыми здѣсь обыкновенно топятъ, прислоняются своимъ верх-

Среднеколымскъ.

нимъ концомъ къ задней стѣнкѣ камина и, слѣдовательно, устанавливаются въ немъ стоймя. Страна обладаетъ почти неисчерпаемымъ богатствомъ лѣса, дающаго не только превосходное топливо, но и отличный, во всѣхъ отношеніяхъ строительный матеріалъ; лѣсъ этотъ легко пилится и колется и даетъ свѣтлое большое пламя и массу тлѣющихъ угольевъ. Такъ какъ каминъ представляетъ собою единственный очагъ

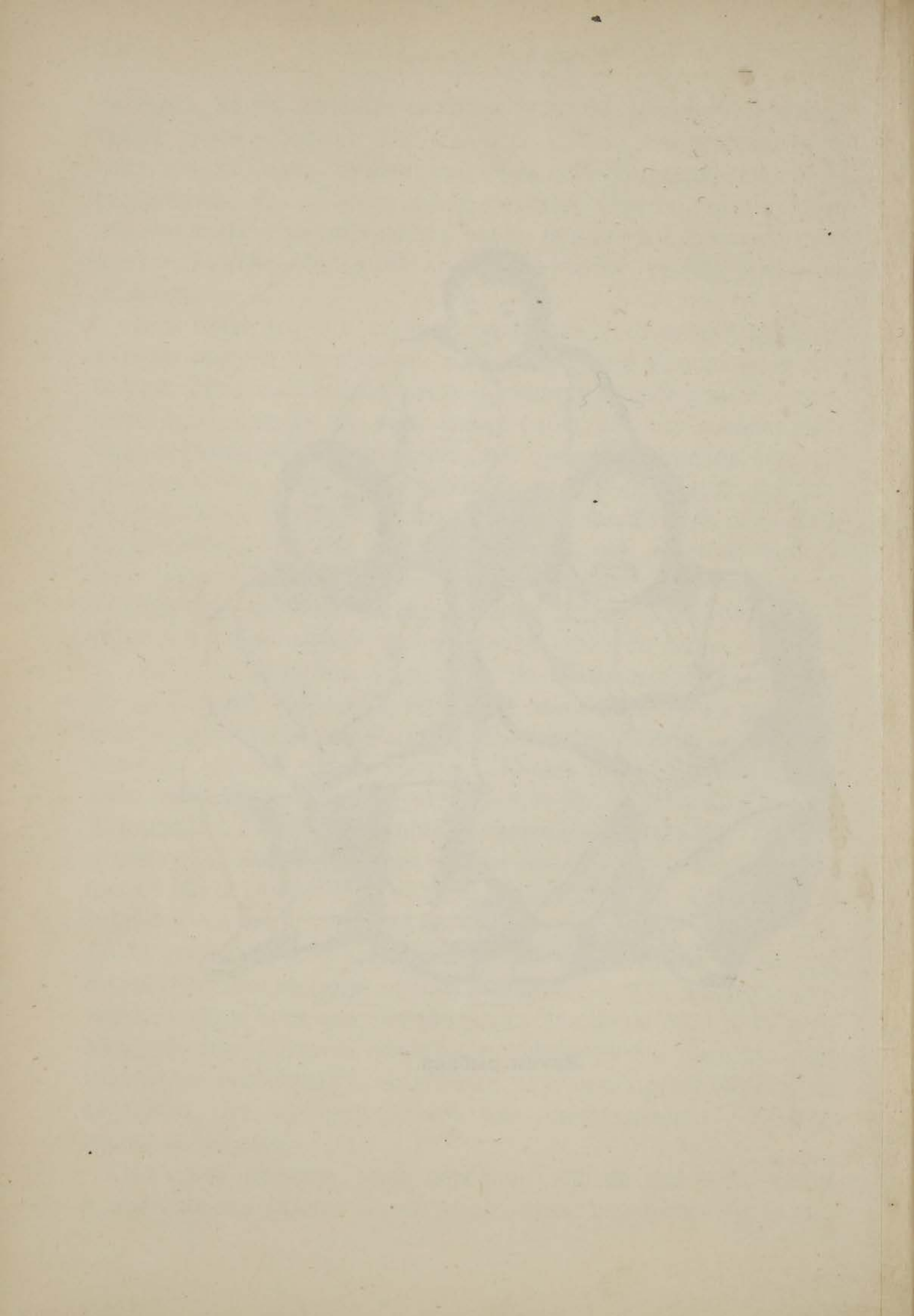
въ домѣ, то въ немъ-же варится и пища для всѣхъ обитателей дома, — работа выполняется здѣсь съ одинаковымъ искусствомъ, какъ мужчинами, такъ и женщинами, самособою разумѣется, что въ силу необходимости здѣшнія кулинарныя произведенія ограничиваются очень немногими блюдами, такъ какъ всѣ здѣсь большею частію питаются рыбой, хлѣбомъ и чаемъ.

Всѣ озера и рѣки страны содержатъ въ изобиліи превосходную рыбу и бѣднѣйшая часть населенія только ею и питается. Мои наблюденія надъ здѣшнимъ населеніемъ привели меня, однако, къ тому заключенію, что или вообще рыбная, исключительно, пища, или же, преимущественно, потребляемый здѣсь родъ рыбы особенно неблагоприятный для увеличенія вѣса и развитія мозга; тѣмъ не менѣе, на основаніи многократнаго опыта, я могу завѣрить, что восточно-сибирская рыба обладаетъ превосходнымъ вкусомъ, особенно, если ее подаютъ сырою или замороженною. Приготовленіе въ этомъ случаѣ необыкновенно просто. Когда кожа съ рыбы снята, то ее рѣжутъ длинными, узенькими полосами и затѣмъ, смотря по средствамъ человѣка, ѣдятъ съ солью или безъ соли. Русскіе называютъ это необыкновенно вкусное блюдо „струганиною“, а якуты—„тангъ-балыкъ“. Кромѣ этого довольно примитивнаго вида, фигурируетъ рыба и въ нѣкоторыхъ иныхъ блюдахъ за столомъ здѣшнихъ жителей: ее варятъ, жарятъ и пекутъ и въ особенности охотно запекаютъ въ пироги-рыбники. Могій вмѣстити, вслѣдъ за неизбѣжной рыбой, ѣсть также и оленину, или же, если онъ достаточно богатъ для такой роскоши, то и цѣнимую здѣсь чрезвычайно говядину; почему эту послѣднюю предпочитаютъ въ этихъ мѣстахъ оленинѣ, такъ и осталось непонятнымъ для меня, такъ какъ оленина гораздо мягче и нѣжнѣе и обладаетъ къ тому же еще какимъ-то особеннымъ пріятнымъ вкусомъ, превосходящимъ, вѣроятно, отъ ароматическаго мха, составляющаго главную пищу животнаго.

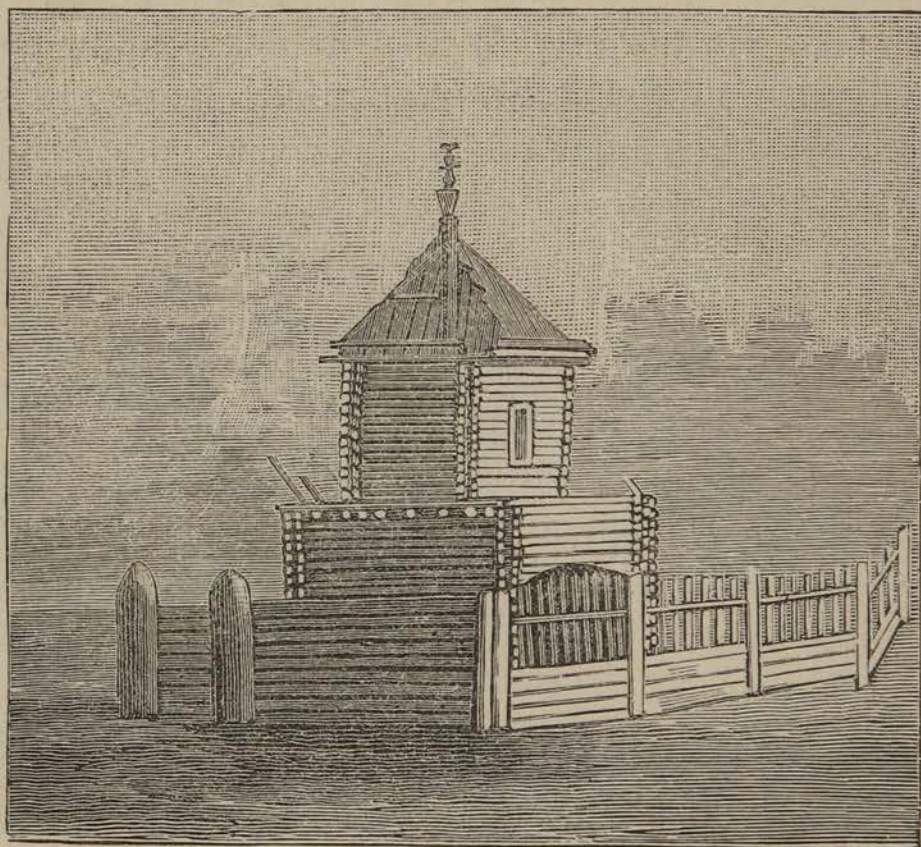
По цѣнѣ оленина тоже довольно дешева для того, чтобы удовлетворить самага бережливаго отца семейства: прекрас-

Якуты рыбаки.

ное, молодое животное стоитъ въ Нижнеколымскѣ только 3 рубля а въ Среднеколымскѣ—5 рублей; къ тому же оленина всегда превосходна, тогда какъ въ говядинѣ волокна очень грубы и самое мясо жестко. Въ обоихъ посѣщенныхъ мною до сихъ поръ городахъ, говядина гораздо дороже оленины, въ Верхоянскѣ цѣна одинакова, а въ Якутскѣ оленина стоитъ уже гораздо дороже и ниже по цѣнѣ только сравнительно съ ко-

Казацкій острожокъ.

ниною, роскошью, [которую могутъ себѣ позволить только лишь самые богатые люди и которая, кажется, въ особенности цѣнится якутами; впрочемъ, всякій, кому вздумается, можетъ получить конину въ любой гостинницѣ Якутска. Завтракъ состоитъ здѣсь обыкновенно изъ хлѣба и чая, къ которому подается также замороженная и сушеная рыба; позднѣе подается обѣдъ, состоящій изъ мяса, супа, чая и, на-

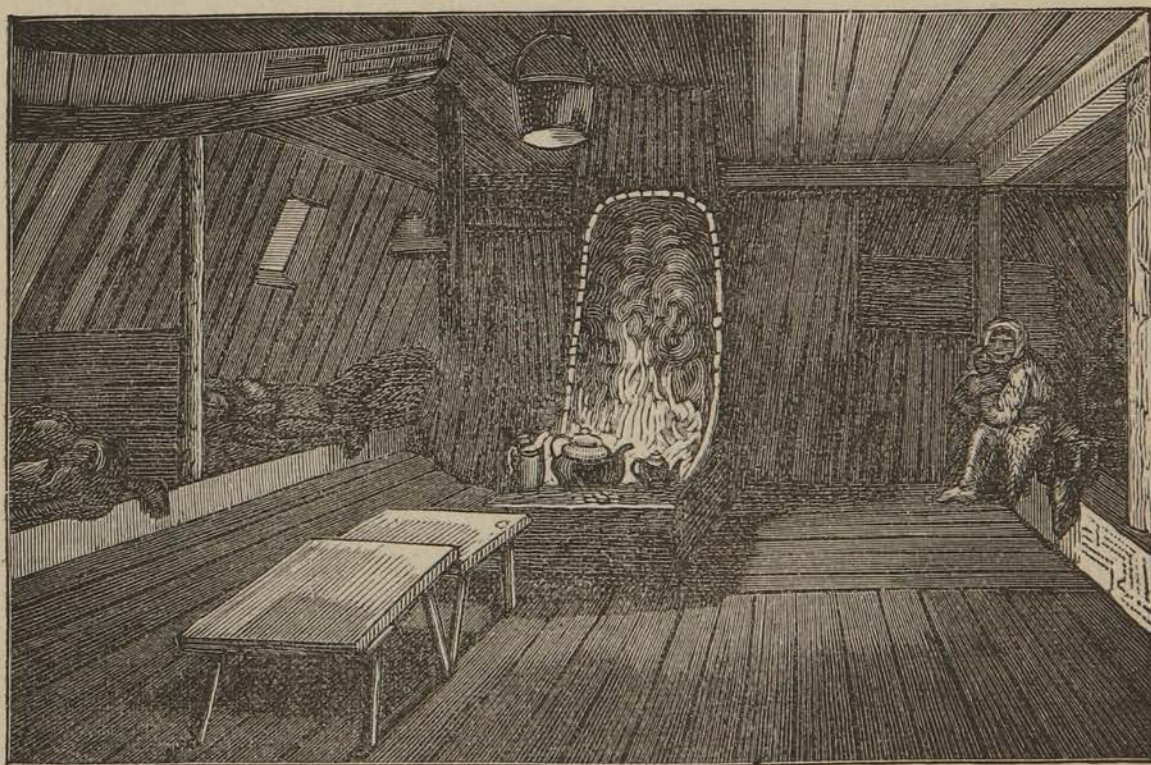
конецъ, ѣдятъ еще вечеромъ, за ужиномъ, когда подаютъ мясо, или рыбу и чай.

Представить себѣ невозможно, что бы стали здѣсь люди дѣлать безъ чаю! Это обще-употребительный напитокъ, который за каждую ѣдою пьютъ, то съ молокомъ, то съ сахаромъ, въ количествѣ никакъ не менѣе 4, а иногда и до 20 чашекъ; такъ какъ сахаръ здѣсь очень дорогъ, то съ нимъ обходятся чрезвычайно бережливо; его никогда не кладутъ въ чашку, а передъ каждою ѣдою выдаютъ по кусочку каждому изъ присутствующихъ, и съ этимъ-то кусочкомъ онъ долженъ выпить сколько угодно ему будетъ чашекъ, причемъ онъ откусываетъ самыя миниатюрныя крупинки драгоцѣннаго угощенія. На подносѣ, на которомъ подается обыкновенно чай, должны, въ силу разъ заведеннаго въ этой части Сибири обычая, стоять двѣ мелкія тарелки, на одной изъ которыхъ лежатъ драгоцѣнные кусочки сахара, а на другой кусочки же замороженныхъ сливокъ или молока. Сначала все это казалось мнѣ чрезвычайно страннымъ, но скоро я привыкъ и къ этому мѣстному обычаю, какъ и ко многимъ другимъ и между прочимъ къ обычаю упаковывать мой путевой провіантъ въ нѣсколько маленькихъ мѣшечковъ, такъ что я всегда съ собою имѣлъ мѣшечекъ съ чаемъ, другой съ сахаромъ, третій—съ молокомъ и т. п.

Съ того времени какъ я покинулъ сѣверный берегъ Сибири, чтобы проникнуть по Колымѣ внутрь страны, мѣстность, по которой пролегалъ мой путь, приняла совершенно иной видъ.

Уже на второй день ѣзды по рѣкѣ я замѣтилъ, приблизившись къ берегу, сначала болѣе высокую траву, нежели та, которую мнѣ до той поры приходилось видѣть, затѣмъ показался кустарникъ, перешедшій скоро въ ползучій лѣсокъ и, наконецъ, предстали предо мною два большія, одиноко стоящія другъ возлѣ друга, дерева. Проѣхавъ еще нѣсколько верстъ, я увидѣлъ, что деревья по берегамъ стали попадаться все чаще и чаще, а домъ Ванкера, до котораго мы доѣхали въ тотъ-же вечеръ, былъ уже окруженъ настоящимъ лѣсомъ, гдѣ деревья достигали высоты 30 и 40 футовъ. Никогда - бы

прежде я не повѣрилъ, чтобы въ теченіе одного только дня пути мѣстность могла до такой степени измѣниться, или, вѣрнѣе, чтобы до такой степени могли измѣниться климатическія условія! Еще не доѣзжая до дома Ванкера, мы остановились у одной избы напиться чаю; такъ какъ это былъ первый обитаемый домъ, встрѣченный мною на пути, то понятно, съ какимъ любопытствомъ я смотрѣлъ на него. Въ домѣ была всего лишь одна комната, въ углу которой помѣ-

Внутренность дома старосты.

щался каминъ; яркій огонь горѣлъ въ немъ и скоро, благодаря ему, мой отмороженный носъ покраснѣлъ отъ жару. Кипящій чайникъ стоялъ на угольяхъ, а при входѣ нашемъ въ горницу встала со своего мѣста хозяйка дома, у которой широкое, ничѣмъ не опоясанное платье ниспадало съ плечъ до половины ея высокихъ кожаныхъ сапогъ, и подошла къ тушамъ двухъ только что убитыхъ оленей, прислоненныхъ

къ стѣнѣ и еще не ободранныхъ, чтобы отрѣзать намъ нѣсколько кусковъ мяса.

Она положила затѣмъ эти куски въ котелокъ, стоявшій на тлѣющихъ угольяхъ, нарѣзала струганины и подала намъ все это вмѣстѣ съ чашкою сушеной рыбы и клюквеннаго варенья; въ заключеніе, здѣсь поданъ былъ горячій чай, превосходныя качества котораго, какъ оживляющаго и согревающаго напитка, послѣ долгой ѣзды по холоду, я не разъ имѣлъ случай оцѣнить во время моихъ долгихъ странствованій. Мы находились еще у нашихъ гостепріимныхъ русскихъ хозяевъ, когда передъ домомъ остановились трое чукотскихъ саней и новые гости были приняты съ тѣмъ-же радушіемъ и хлѣбосољствомъ, какія были оказаны намъ. Это частое угощеніе такого значительнаго числа гостей, изъ которыхъ ни одинъ не проѣдетъ мимо, не завернувъ подъ гостепріимную кровлю придорожнаго жителя и изъ которыхъ всякій преспокойно уѣзжаетъ, не заплативъ ни гроша, должно дѣйствительно лежать тяжелымъ бременемъ на обитателяхъ, выстроенныхъ на здѣшнихъ проѣзжихъ дорогахъ, домовъ. По исконному русскому благочестивому обычаю, всѣ гости, не исключая и чукчей, крестились при входѣ и выходѣ, а также и передъ ѣдою и послѣ нея; въ домѣ Ванкера всѣ члены семейства молились передъ образомъ, висѣвшимъ въ одномъ изъ угловъ горницы; даже самъ Ванкеръ исполнялъ этотъ благочестивый обычай, но все это, какъ мнѣ казалось, не достаточно еще часто, чтобы искупить всѣ грѣхи, совершенныя имъ по дорогѣ въ чукотскихъ юртахъ. Онъ такъ хорошо говорилъ по чукотски, что я его не безъ основанія считалъ за мериса, даже среди чукчей онъ считался великимъ шаманомъ и кудесникомъ, хотя и носилъ на шеѣ чукотскіе омулеты въ защиту отъ болѣзней; по части его умѣнья обращаться съ шаманскимъ барабаномъ врядъ-ли кто могъ съ нимъ поспорить, но, пріѣхавъ домой, онъ отложилъ въ сторону всѣ свои языческіе обычаи и искусства, выказавъ себя такимъ-же благочестивымъ христіаниномъ, какъ и всѣ остальные члены его семейства.

Въ теченіе всего моего пребыванія въ Среднеколымскѣ и въ Нижнеколымскѣ, меня постоянно приглашали къ себѣ въ гости разные любезные обыватели этихъ городовъ; при всѣхъ этихъ сборищахъ, казалось, что хозяинъ поставилъ себѣ правиломъ заставлятъ меня выпивать каждыя пять минутъ по рюмкѣ водки. Сначала я воображалъ, что мнѣ необходимо подчиняться этому мѣстному обычаю и потому шилъ все то, что мнѣ подносили и держался, насколько было возможно, прямо на ногахъ. Только въ послѣдствіи уже узналъ я, что не слѣдуетъ опоражнивать тотчасъ-же рюмку, и что достаточно только пригубить ее для того, чтобы облегчить желудку перевариваніе большого количества тяжелой пищи; такъ я и поступалъ съ того времени.

Глава XVI.

По дорогѣ къ Ленѣ.

Наступилъ „переломъ жестокой зимы“. Какъ часто и какъ охотно примѣняется это поэтическое сравненіе и все-же думается мнѣ, что тотъ, кто не имѣлъ несчастья путешествовать по сѣверной Сибири, раннею весною, не можетъ понять что такое этотъ „переломъ жестокой зимы“. По моему мнѣнію, я испыталъ достаточно этихъ жестокихъ зимъ, будучи въ Сѣверной Америкѣ, а также насмотрѣлся вдоволь и на многое множество ледоходовъ, но, всетаки, долженъ былъ сознаться, что все это было ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что мнѣ довелось здѣсь увидѣть. Кто хочетъ посмотрѣть на это грандіозное явленіе во всемъ его величіи и во всемъ его значеніи, тотъ долженъ отправиться во время весенняго половодья въ бассейнъ какой-бы то ни было изъ огромныхъ рѣкъ, омывающихъ сѣверную Сибирь; здѣсь увидить онъ цѣлыя уѣзды, покрытые водою, съ носящимися по ней ледяными глыбами; здѣсь кругомъ на десятки верстъ не замѣтитъ онъ земли и

только кое-гдѣ глазъ его различить верхушки лѣсовъ, торчащія изъ воды. Путникъ долженъ хорошо знать дорогу, изучить каждую ея неровность и тщательно держаться ея, такъ какъ сани его сотни сажень ѣдутъ по глубокой водѣ, а самъ онъ полустоитъ на своемъ сидѣннѣ и держится за края, пока вдругъ весь экипажъ не попадетъ въ какую-нибудь неожиданную яму. Большую часть пути онъ долженъ проѣхать верхомъ и познакомиться съ такими дорогами и такою породою лошадей, которыхъ онъ тщетно сталъ-бы искать гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. Такъ поставлено дѣло въ цивилизованной Сибири, т. е. въ той ея части, которая находится подъ управленіемъ чиновниковъ. На востокъ отъ Колымскаго округа, простирающагося немного далѣе 181° восточной долготы, и вверхъ по всему теченію рѣки Колымы начинается такъ называемая „Дикая Сибирь“, которая на самомъ дѣлѣ вовсе не находится подъ властью Россіи; собственно говоря, чукчи никогда покорены не были, такъ какъ хотя тамошніе казаки и одерживали надъ ними не разъ побѣды въ правильномъ бою, все-же побѣды эти вовсе не влекли за собою даже временнаго подчиненія этого народа побѣдителямъ. Такимъ образомъ и до сей поры Колымскій округъ составляетъ передовую форпостъ цивилизаціи для того, кто вѣзжаетъ въ него съ востока. Когда я достигъ Нижнеколымска, то уже перенесъ столько опасностей и трудностей всякаго рода, что, по прибытіи къ мѣсту назначенія, мнѣ казалось, что я поборолъ самое худшее и что остальную часть пути по русскимъ почтовымъ дорогамъ я совершу сравнительно легко и удобно. Пожалуй, впрочемъ, что такъ было и въ дѣйствительности, но все-же и теперь приходилось мнѣ испытывать разныя неудачи и трудности, по крайней мѣрѣ, равняющіяся тому, что мнѣ пришлось пережить въ „Дикой Сибири“. Главное удобство дальнѣйшаго моего странствованія состояло въ томъ, что ѣхать вообще можно было скорѣе; объ особенныхъ удобствахъ путешествія по Сибири не можетъ быть и рѣчи, развѣ только зимою, да и то лишь въ западныхъ частяхъ этой страны.

Для меня было очень пріятно, что весь путь до Верхо-

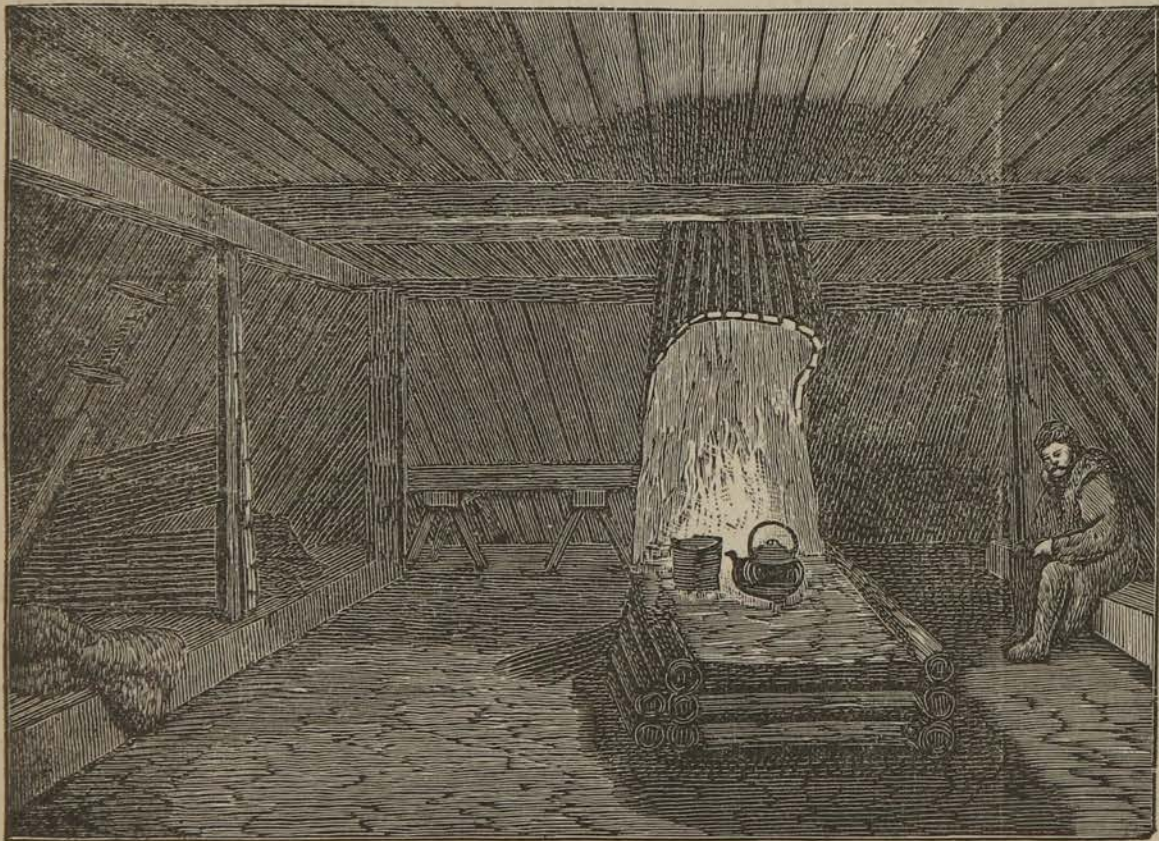
янска я могъ совершать въ сопровожденіи г. Варова, бывшаго до той поры исправникомъ Колымскаго округа. Вмѣстѣ съ нами ѣхала его маленькая дочь и казакъ, которому поручено было наблюденіе за нашими вещами, но который въ то-же время приносилъ намъ немалую пользу, въ качествѣ фурьера и нашего квартирмейстера; когда мы останавливались дорогою поѣсть или выпить чаю, онъ устраивалъ все это, какъ только могъ лучше, и вообще заботился всячески о нашихъ удобствахъ.

Только теперь, во время этого путешествія, узналъ я, что такое настоящая почтовая дорога и, только благодаря моему чиновному спутнику, наше движеніе по ней совершалось такъ благополучно, какъ того можно было ожидать. Станціи, гдѣ мы мѣняли упряжки, отстояли одна отъ другой на 60—250 верстъ; но тамъ, гдѣ разстояніе между ними было слишкомъ велико, устроены были полустанки, или такъ называемыя „поварни“; зачастую эти поварни представляютъ собою жилища избы, но иногда и необитаемыя постройки, гдѣ, однако, путникъ всегда найдетъ достаточный запасъ топлива для того, чтобы сварить мяса или чай, такъ какъ по всей Сибири, за исключеніемъ, конечно, земли чукчей, чай составляетъ любимый и единственный дорожный напитокъ для представителей всѣхъ слоевъ общества; для меня обычай этотъ былъ совершенною новостью, но скоро и я позналъ всю его цѣну и всегда считалъ употребленіе спиртныхъ напитковъ во время арктическихъ путешествій для согрѣванія тѣла и возбужденія совершенно недопускаемыхъ и въ силу этого, пилъ всегда во время моихъ странствованій по Сѣверной Америкѣ только слабый мясной наваръ, который можно найти у всякаго эскимоса, тѣмъ болѣе, что иные способы приготовленія мяса, кромѣ варки, имъ неизвѣстны.

Вслѣдствіе долговременнаго путешествія по Сибири, я убѣдился на практикѣ, что чай можетъ, при дальнихъ поѣздкахъ по холоду, сослужить не меньшую службу, и даже гораздо большую, нежели мясной наваръ; дѣло въ томъ, что пока оттаивается кусокъ мяса, можно успѣть поставить коте-

локъ съ водою, вскипятить эту послѣднюю, приготовить чай, напиться его и снова пуститься въ дорогу.

Когда полустанокъ или поварня обитаемы, то терять время на кипяченіе воды не приходится, такъ какъ на ярко горящемъ огнѣ, всегда поддерживаемомъ жителями, путникъ непременно найдетъ большой котелъ или чайникъ съ горячею водою. Но и въ необитаемыхъ поварняхъ чай готовится очень скоро; растущій здѣсь въ изобилии лѣсъ обладаетъ

Внутренность поварни.

превосходными качествами: онъ легко, хорошо горитъ, даетъ яркое пламя и много тепла, но въ то же время требуетъ постоянного подкладыванія новыхъ полѣньевъ. Изъ широкой, густомазанной глиною трубы дымъ выходитъ черезъ нѣсколько отверстій, продѣланныхъ въ крышѣ; дрова, наколотыя въ длинныя, тонкія полѣнья, приставляются стоймя къ зад-

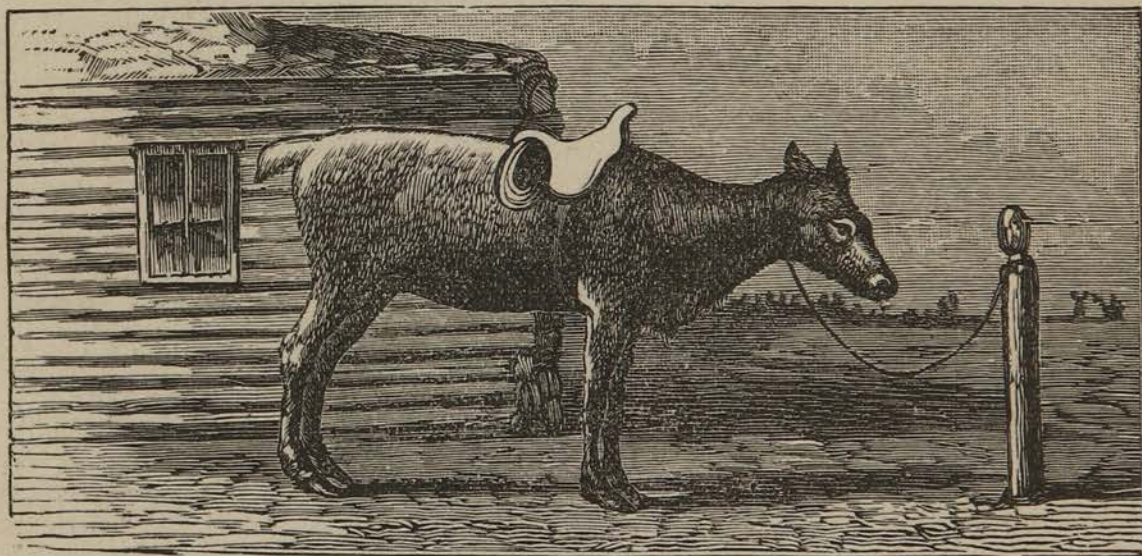
ней стѣнѣ камина и скоро разгораются яркимъ пламенемъ, благодаря сильной тягѣ черезъ дымогарную трубу вверхъ. Обыкновенно поварни отстоятъ другъ отъ друга на 30—40 верстъ; само собою разумѣется, что всякій путникъ съ радостью подъѣзжаетъ къ ней. Жители этихъ пріютовъ за пріемъ путешественниковъ не получаюсъ никакого вознагражденія, но для нихъ прибытіе новаго человѣка составляетъ истинное удовольствіе и они считаютъ себя вполне вознагражденными за свои труды, связанные съ обязательнымъ пріемомъ постояльцевъ тѣмъ, что видятъ новыхъ людей и слышатъ отъ нихъ кое-какія новости. Скоро я замѣтилъ, что якуты, исполняющіе обязанности станціонныхъ смотрителей на станціяхъ, расположенныхъ на сѣверъ отъ Якутска, далеко не отличаются избыткомъ дѣятельности и предприимчивости; надо было уже искуиться въ сношеніяхъ съ ними для того, что бы получить отъ нихъ необходимую для насъ упряжку. Въ душѣ всѣ они трусы порядочные, но получить отъ нихъ требуемое можно лишь при помощи долгой брани и застрачиванія; кто относится къ нимъ дружественно, можетъ быть увѣренъ, что подвергнется неминуемо съ ихъ стороны обману; напротивъ, тотъ, кто съ ними обращается презрительно и грубо, пользуются полнымъ ихъ уваженіемъ. Къ моему великому удовольствію, мой новый другъ — исправникъ взялъ на себя неизбѣжную и непрерывную ругань и брань и выполнялъ это дѣло съ такимъ успѣхомъ, что лишь очень рѣдко приходилось намъ ждать на нѣкоторыхъ станціяхъ. И тутъ, какъ и во время дальнѣйшихъ моихъ странствованій по Сибири, никогда и рѣчи не было о ночевкѣ; все время мы ѣхали день и ночь, а потому и проѣхали 1,500 верстное разстояніе до Верхоянска лишь всего въ 18 дней.

На пятый день послѣ нашего отъѣзда изъ Среднеколымска, перевалили мы черезъ водораздѣлъ между Колымой и Индигиркою; возлѣ самой дороги возвышается здѣсь на вершинѣ холма большой деревянный крестъ, обозначающій границу между Колымскимъ и Верхоянскимъ округами. Здѣсь пришлось намъ остановиться на нѣсколько минутъ и вылѣзти

изъ саней, такъ какъ мой старикъ и его маленькая дочь пожелали еще разъ формально и притомъ самымъ благочестивымъ образомъ проститься съ только что оставленнымъ округомъ. И вотъ они, стоя другъ возлѣ друга у подножія креста, обративши взоры свои на востокъ (а старикъ, не смотря на вѣтеръ и метель, съ шапкой въ рукахъ), шептали про себя общую молитву и крестились, пока остальные смотрѣли на нихъ внимательно и почтительно молчали. Сани стояли между тѣмъ на дорогѣ, а лошади, воспользовавшись краткой остановкою, разрывали копытами снѣгъ и пощипывали находившуюся подъ нимъ мерзлую траву. Крестъ былъ увѣшанъ всевозможными маленькими тряпками, лентами и пучками конскихъ волосъ, а въ многочисленныхъ щеляхъ стараго, во многихъ мѣстахъ растрескавшагося дерева виднѣлось много мѣдныхъ монетъ; все это были жертвоприношенія прежнихъ путешественниковъ, положенныя ими сюда въ отвращеніе всякихъ бѣдствій, могущихъ съ ними приключиться по ту сторону границы. И наша путешествующая компанія принесла свою ленту въ это своеобразное собраніе: старикъ положилъ туда листъ табаку, а дѣвочка—ленточку изъ своихъ темныхъ кудрей; что касается меня, то я вырвалъ по одному волосу изъ хвостовъ нашихъ лошадей, и взялъ ихъ въ пучекъ и привязалъ этотъ послѣдній къ одному изъ торчавшихъ подлѣ креста шестовъ, на которыхъ развѣвалось много уже подобныхъ жертвъ.

Нѣсколько дней спустя, мы прибыли въ селеніе Абуи, гдѣ и остановились въ домѣ головы, или старосты, рослаго сѣдовласаго якута, пріятной наружности, отличавшагося спокойнымъ, но полнымъ сознанія своего достоинства обращеніемъ, производившимъ на меня глубокое впечатленіе; онъ принялъ насъ въ свой домъ, который былъ гораздо больше и содержался гораздо чище остальныхъ якутскихъ домовъ, видѣнныхъ мною до той поры; пріемъ былъ крайне радушный и сопровождался роскошнымъ угощеніемъ изъ мерзлой рыбы и замороженныхъ сливокъ. Двое женатыхъ сыновей жили вмѣстѣ съ нимъ въ томъ же домѣ. Когда наши олени

были снова запряжены, я, къ немалому моему изуленію, увидалъ, что нашъ почтенный и именитый хозяинъ натягиваетъ на себя свою шубу, чтобы ѣхать съ нами за ямщика; онъ оказался превосходнымъ возницею и могъ минута въ минуту опредѣлить, когда встрѣтится намъ на пути поварня и когда мы доѣдемъ до слѣдующей станціи. Не смотря, однако, на его располагающую къ доврѣію наружность, скоро я замѣтилъ, что и славный Николай Чагра—бывалый, старый плуть; когда мы прибыли на слѣдующую станцію, я увидалъ, на примѣръ, какъ онъ, среди самой благочестивой молитвы предъ вися-

Сѣверный олень.

щимъ въ углу избы образомъ, дѣлалъ одному изъ другихъ ямщиковъ знаки, которые отнюдь не касались молитвы и совершенно не подходили къ его настроенію въ ту минуту; лицо его сохраняло при этомъ выраженіе глубокой вдумчивости и въ то же время печтенности, и я признаюсь, былъ не мало удивленъ, сдѣлавъ такое неожиданное открытіе.

Послѣ нѣсколькихъ дней пути, достигли мы такой станціи, гдѣ начинается самый длинный перегонъ въ 250 верстъ до слѣдующей перемѣны оленей; по пріятной случайности, какъ

разъ тутъ мы и не могли найти достаточнаго числа упряжныхъ оленей, такъ что намъ предстояла далеко не радостная перспектива застрянуть въ трудныхъ горныхъ перевалахъ этого перегона. Какъ бы то ни было, но мы, все таки, двинулись въ путь и къ утру слѣдующаго дня достигли первой поварни, гдѣ въ величайшему моему удовольствію, застали нѣсколькихъ якутовъ съ 60 прекрасными и сильными оленями, возвращавшихся домой изъ поѣздки на Колыму, куда они доставили для одного изъ мѣстныхъ торговцевъ большой транспортъ товаровъ. Такъ какъ они ѣхали по одному съ нами направленію, то мнѣ казалось совершенно простымъ нанять ихъ до слѣдующаго селенія; къ сожалѣнію, скоро я долженъ былъ разочароваться, такъ какъ не принялъ въ расчетъ якутскаго упрямства; не смотря на предложенную имъ г. Варовымъ богатую плату, къ которой я съ своей стороны счелъ долгомъ прибавить особое вознагражденіе, они стояли на своемъ, что будутъ дѣлать по 50 верстъ въ день и проводить ночи въ поварняхъ, такъ что намъ потребовалось бы при такой ѣздѣ четыре дня на перегонъ, который можно было бы сдѣлать въ какихъ нибудь полтора дня.

Такъ какъ ни обѣщаніе награды, ни угрозы не могли подействовать на этихъ людей, то мой спутникъ объявилъ мнѣ, что онъ и безъ согласія возьметъ у нихъ до слѣдующей станціи 12 лучшихъ оленей и оставитъ послѣднихъ тамъ у старшины селенія вмѣстѣ съ приличнымъ вознагражденіемъ за сослуженную ими намъ службу. Само собою разумѣется, что хозяева оленей и не думали раздѣлять этого намѣренія, и потому тотчасъ-же поднялся громкій и оживленный разговоръ, изъ котораго, къ сожалѣнію, я не понялъ ни одного слова, но такъ какъ я увидалъ, что старый исправникъ сталъ вдругъ подбивать одного изъ якутовъ кулаками, а нашъ казакъ въ то же время набросилъ на другого, пытавшагося было бѣжать, свой арканъ, то я счелъ долгомъ справиться у г. Варова, не время-ли и мнѣ начать дѣйствовать и что именно предстоитъ мнѣ дѣлать. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что теперь болѣе ничего не нужно, такъ какъ все благополучно устроилось, и люди стали

вполнѣ послушны и добродушны; при этомъ онъ еще разъ повторилъ мнѣ то, что я отъ него не разъ слышалъ, а именно, что изъ якутовъ, только при помощи ударовъ, можно сдѣлать себѣ друзей; и дѣйствительно, уже черезъ нѣсколько минутъ они явились всѣ, снявъ почтительно шапки, чтобы просить исправника сдѣлать имъ милость и взять у нихъ ка-

Домъ Николая Чагры.

кихъ угодно оленей; затѣмъ, думая, что и этого мало, они запрягли сами намъ оленей и починили однѣ изъ нашихъ саней, сломавшіяся въ пути.

Въ Верхоянскѣ услышалъ я впервые подробныя свѣдѣнія о высадившихся прошлою осенью въ устьяхъ Лены офицерахъ и матросахъ „Жаннетты“, старшемъ инженерѣ Мельвиллѣ, лейтенантѣ Данненхауэрѣ, профессорѣ Ньюкомбѣ и восьми матросахъ. Вотъ что могли мнѣ сообщить со словъ спасенныхъ о судьбѣ погибшаго судна.

Послѣ того, какъ „Жаннетта“ втеченіе почти двухъ лѣтъ носилась по океану, затертая льдами, 12-го іюня 1881 года, вслѣдствіе сильнаго напора сплошного льда, она пошла, наконецъ, ко дну и скрылась подъ водою утромъ 13-го іюня на 77° сѣверной широты и 155° восточной долготы. Экипажъ, спасшійся на ледъ съ лодками, санями и припасами, тотчасъ же двинулся по льду на югъ и до 12-го сентября не расходился врознь; въ этотъ день, послѣ долгихъ и ужасныхъ блужданій, они достигли Семеновскаго острова, самаго западнаго изъ архипелага Новой Сибири, а затѣмъ снова двинулись въ путь, по направленію къ устью Лены, которое находится всего лишь въ 75 — 80 верстахъ отъ этого острова. Для переѣзда черезъ эту часть моря, совершенно свободную отъ льда, капитанъ Делонгъ размѣстилъ всѣхъ своихъ людей въ три лодки, изъ которыхъ въ первой, кромѣ д-ра Амблера и корреспондента Коллинса, находилось еще 11 матросовъ; этою лодкою командовалъ онъ самъ; начальство надъ второю лодкою съ лоцманомъ Денбаромъ и шестью матросами получилъ лейтенантъ Чипшъ, тогда какъ третья лодка съ 11 же матросами находилась подъ командою инженера Мельвилля, такъ какъ лейтенантъ Данненхауэръ, дѣйствительный начальникъ этого отряда, страдалъ слѣпотою отъ снѣга. Плаваніе шло сначала вполне благополучно, но уже вечеромъ 12-го сентября поднялась страшная буря съ сѣвера, разогнавшая лодки на большое, другъ отъ друга, разстояніе и такимъ образомъ, сдѣлала дальнѣйшую судьбу товарищей, по несчастью, различною.

Мельвиллю съ его отрядомъ одному улыбнулось счастье, хотя о счастьѣ и не могло бы быть рѣчи, если только принять въ соображеніе тѣ долги недѣли, которыя они пережили; 14-го сентября, достигъ онъ восточной части дельты рѣки Лены, а 16-го вѣхалъ въ одинъ изъ рукавовъ этой рѣки и остановился со всѣми своими измученными людьми въ покинутой хижинѣ. Большинство изъ нихъ были больны и страдали отъ отмороженныхъ членовъ, одинъ матросъ сошелъ съ ума. Черезъ нѣсколько дней, счастливый случай свелъ ихъ съ туземцами, которые и поспѣшили подать имъ, какую мог-

ли, помощь. Тихо подвигались они затѣмъ вверхъ Лены, переноса всяческія трудности и лишенія; только 2-го ноября, Мельвилль, нарочно выѣхавшій для того, чтобы быть въ состояніи скорѣе облегчить страданія своихъ товарищей, прибылъ въ Булунь, отстоящій верстъ на 250 отъ устья Лены. Здѣсь нашель онъ двухъ матросовъ (Ниндерманна съ острова Рюгена и Нороса) съ лодки Делонга въ состояніи полного истощенія. Какъ самые здоровые изъ всѣхъ людей Делонга, они были посланы имъ 9-го октября за помощью близкимъ къ голодной смерти товарищемъ. Тѣ ужасы, которые, по ихъ рассказамъ, перенесли они съ 16-го сентября, когда лодка ихъ достигла западнаго рукава Лены, да и самый способъ ихъ сказа, слабымъ прерывающимся отъ рыданій голосомъ, заставили Мельвилля тотчасъ же покинуть мысль о предполагававшемся прежде путешествіи въ Иркутскъ.

Онъ позаботился, на сколько было возможно, о дальнѣйшемъ слѣдованіи этихъ двухъ людей и своей команды, а самъ собралъ нѣсколько туземцевъ съ санями и собаками, нагрузилъ на сани припасовъ и отправился снова на сѣверъ, внизъ по Ленѣ. По словамъ обоихъ матросовъ, Делонгъ находился 9-го октября, когда они его покинули, на сѣверномъ берегу большаго западнаго рукава Лены, но теперь, хотя Мельвилль послѣ долгихъ и тщательныхъ розысковъ въ западной части Дельты и нашель многочисленныя слѣды его отряда, мѣста ихъ стоянокъ и различныя записки, все же онъ не могъ ничего узнать положительнаго о самихъ людяхъ, къ великому его сожалѣнію; наступленіе зимнихъ мятелей помѣшало дальнѣйшему движенію его впередъ, да къ тому-же всѣ его припасы пришли къ концу, а туземцы отказывались сопровождать его далѣе. Такимъ образомъ, 27-го ноября, онъ возвратился въ Булунь, откуда отправился въ Иркутскъ вмѣстѣ съ 13 спасенными людьми съ „Жаннетты“.

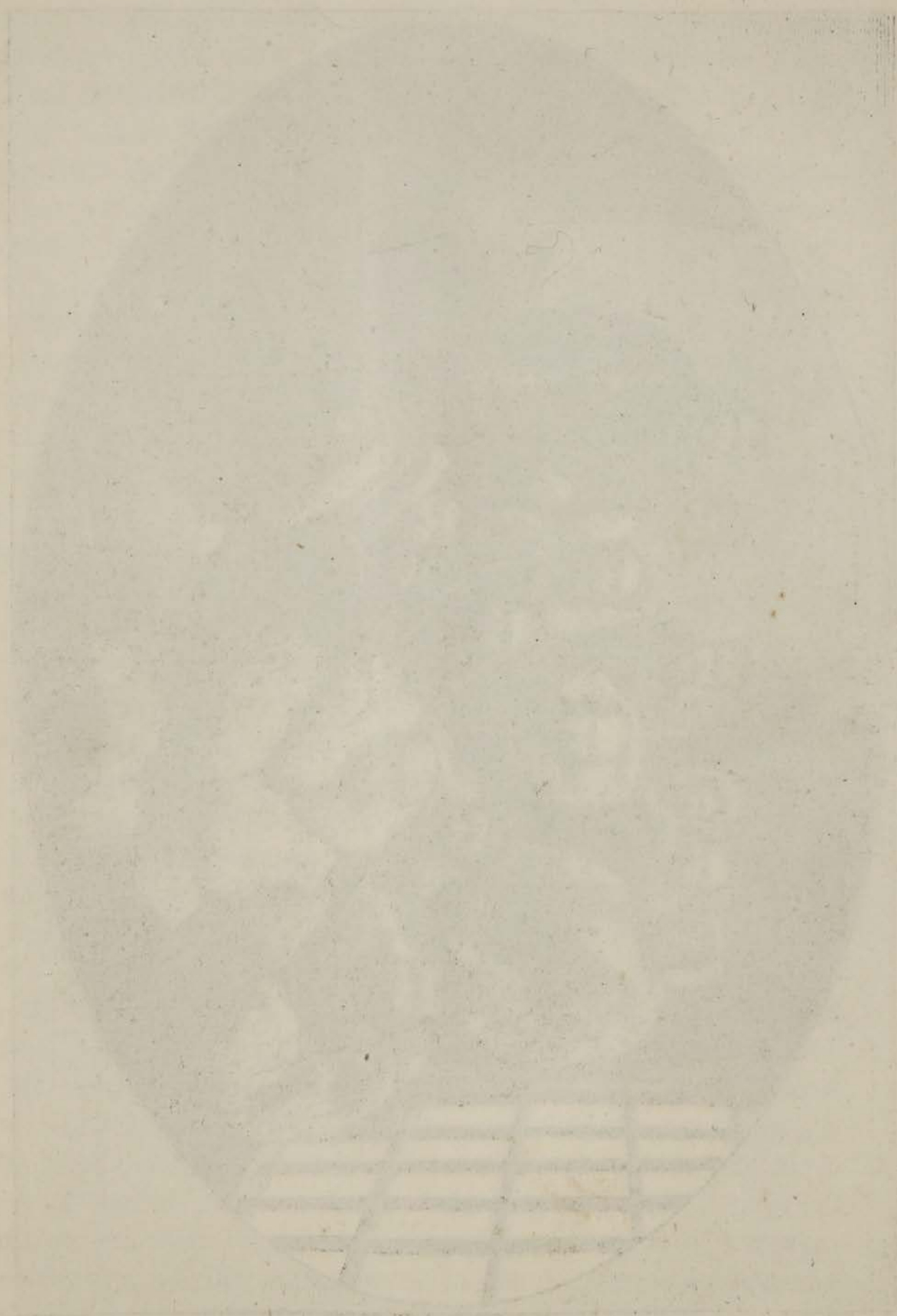
Таковы были событія лѣта и осени, о которыхъ мнѣ могли сообщить въ Верхоянскѣ. Между тѣмъ, Данненхауэръ успѣлъ уже отправиться вмѣстѣ съ 9 людьми изъ экипажа въ Европу, а Мельвилль, оставшійся съ двумя здоровыми въ Сибири,

уже въ послѣднихъ дняхъ января двинулся во главѣ прекрасно снаряженной экспедиціи къ устью Лены, чтобы снова предпринять рядъ поисковъ за Делонгомъ и его отрядомъ. Объ отрядѣ лейтенанта Чиппа до сихъ поръ не было ни слуху, ни духу и, хотя спасенные предполагали, что маленькая, плохо построенная лодка Чиппа не выдержала страшной сентябрьской бури и пошла ко дну, все-же Мельвилль не хотѣлъ оставаться въ неизвѣстности относительно судьбы этихъ несчастныхъ и рѣшилъ сдѣлать все возможное для полученія о нихъ болѣе достовѣрныхъ и положительныхъ свѣдѣній. Русскія власти съ живѣйшимъ интересомъ относились къ участи погибшихъ; онѣ помогали чѣмъ только могли снаряженію экспедиціи, вооруженію и найму людей, а также успѣшили предупредить береговыхъ туземцевъ, чтобы они принялись, съ своей стороны, за поиски. Можно было впередъ предвидѣть, что всѣ эти соединенныя усилія не останутся безплодными, а потому теперь всѣ ожидали съ нетерпѣніемъ въ Верхоянскѣ извѣстій съ устьевъ Лены.

Мнѣ казалось рѣшительно невозможнымъ покинуть страну до тѣхъ поръ, пока мнѣ не удастся узнать подробностей предпріятія инженера Мельвилля. Мѣстность, въ которой онъ теперь находился, отстояла отъ Верхоянска всего лишь на 7—8 дней пути; я тотчасъ-же рѣшился сдѣлать маленькое отступление отъ моего прямого пути для того, чтобы самому узнать все на мѣстѣ и лично собрать всѣ необходимыя для меня свѣдѣнія. Сердечно простился я съ моимъ прежнимъ спутникомъ и его маленькою дочерью, и въ полночь пустился въ путь, по направленію къ морю, отстоявшему на 1200 верстъ отъ города. Верхоянскій исправникъ далъ мнѣ казака, который долженъ былъ сопровождать меня, частью въ качествѣ слуги, частью въ качествѣ охранителя, а болѣе всего въ качествѣ довѣреннаго чиновника особыхъ порученій; ему поручено было наблюдать за моими вещами, требовать, чтобы на станціяхъ мы скоро получали потребную для насъ упряжку и кромѣ того, вообще ухаживать за мною. Хотя я все еще очень плохо понималъ русскій языкъ, но, къ счастью, казакъ

Спасенные изъ экипажа „Жаннетты“ въ Якутскѣ.
Проф. Ньюкомбъ. Норось. Вильсонъ. Джонъ-Сингъ. Инигинъ. Личъ.
Гл. инж. Мельвиль. Лейт. Данненхауэръ.
Лаутербахъ. Барлеттъ. Коль. Ниндерманнъ. Мансенъ.

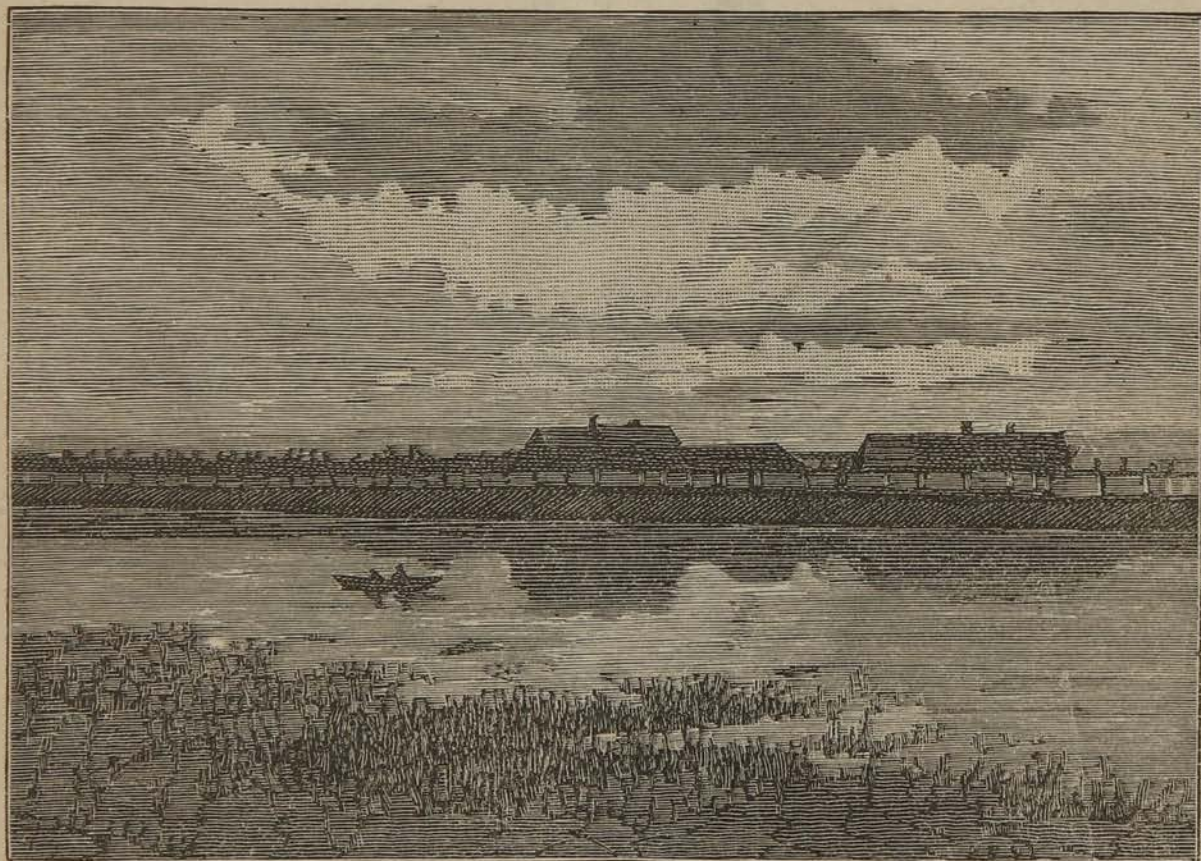
мой оказался довольно интеллигентнымъ и грамотнымъ, такъ что мы достигали взаимнаго пониманія при помощи моего словаря и международного языка знаковъ. Я никогда не оставлялъ моего словаря, который всегда лежалъ въ саняхъ, подъ

Николай Чагра.

моей подушкой, а при остановкахъ въ поварняхъ и на станціяхъ онъ неизмѣнно вносился вслѣдъ за мною вмѣстѣ съ посудой; здѣсь усаживались мы другъ подлѣ друга и при-

лежно учились по книгѣ до той минуты, когда кушанье было готово; я отыскивалъ зачастую съ большимъ трудомъ подходящее для меня слово и показывалъ затѣмъ Михайлѣ соответствующее ему слово русское, такъ какъ прочесть его самъ я былъ не въ состояніи; онъ тотчасъ-же самымъ тщательнымъ образомъ подчеркивалъ слово ногтемъ большого пальца и бралъ книгу поближе къ огню, „чтобы лучше разглядѣть

Верхоянскъ.

буквы“; иногда любезный якутъ становился подлѣ пасъ съ лучиною въ рукахъ и свѣтилъ намъ во время нашихъ занятій. Положимъ, что такой методъ преподаванія былъ довольно скученъ; но все-же, когда я черезъ два съ половиною мѣсяца, разстался со своимъ спутникомъ, мнѣ удалось зайти такъ далеко, что я могъ разговаривать съ нимъ довольно сносно. Мнѣ рекомендовали Михайлу, въ качествѣ особенно энергич-

наго и расторопнаго малаго, который прекрасно сумѣетъ подгонять якутовъ и справить все необходимое; слѣдуетъ сознаться, что рекомендація эта была вполне заслуженною, такъ какъ часто приходилось мнѣ удивляться тому, какъ онъ вторгался въ дома якутовъ и тираннически тамъ распоряжался; онъ влеталъ грозою, бросалъ по угламъ утварь и снаряды и отдавалъ приказанія такимъ тономъ, какъ будто-бы онъ былъ здѣсь владыкою; когда кто-либо осмѣливался подходить къ тому углу горницы, гдѣ сидѣлъ я, онъ немедленно отгонялъ дерзновеннаго; чтобы ни дѣлали якуты, онъ никогда не былъ доволенъ. Слѣдствіемъ такого поведенія его было то, что всѣ молились на него и были готовы цѣловать слѣды его ногъ; онъ обладалъ именно подходящимъ обращеніемъ для того, чтобы завоевывать сердца якутовъ, не умѣющихъ цѣнить доброту и благодушіе и понимающихъ только одно дурное съ ними обращеніе. Я рѣшительно не могъ понять ихъ характера и знаю только одно, что трусость является отличительною и главною его чертою. Весьма понятно, что съ такимъ проводникомъ, какъ Михайло, я быстро подвигался впередъ, на сколько позволяло состояніе дорогъ; на станціяхъ конечно, не было никакихъ задержекъ.

Глава XVII.

Записная книжка Делонга.

Устье Лены, 10 апрѣля, 1882 года.

Второго апрѣля я находился въ 300 верстахъ отъ Верхоянска и въ 9 часовъ вечера пріѣхалъ на станцію Йоаяска, куда только что передо мною прибылъ курьеръ съ устья Лены, который привезъ письма и депеши въ Иркутскъ. Я позвалъ казака и онъ передалъ мнѣ тотчасъ-же всю почтовую сумку, гдѣ я нашелъ слѣдующія письма:

Устье Лены, 24 марта, 1882 года.

„Его Превосходительству морскому секретарю,

Вашингтонъ.

„Сэръ! имѣю честь сообщить вамъ о послѣдствіяхъ моихъ розысковъ слѣдовъ отряда лейтенанта Делонга. Послѣ долгихъ бесполезныхъ стараній отыскать какія-бы то ни было слѣды Делонга на ходу его съ сѣвера, я попробовалъ изслѣдовать путь, пройденный Ниндерманномъ, въ обратномъ направленіи, т. е. съ юга на сѣверъ. Прежде всего я посѣтилъ всѣ мысы Ленской дельты, находящіеся въ западной части той огромной низменности, которая образуется безчисленными развѣтвленіями этой рѣки. Затѣмъ я направилъ свой путь съ запада на востокъ до той косы, которая выдается у Матвѣева и съ одной стороны омывается рѣчкой Кугоазастачемъ; по этой рѣкѣ я поднялся вверхъ до крайней оконечности вышеупомянутой косы. Какъ разъ на этомъ пути, не далеко отъ берега, я увидалъ такое мѣсто, гдѣ, очевидно, былъ разложенъ большой огонь и Ниндерманнъ тотчасъ-же призналъ рѣку за ту самую, по которой онъ спускался вмѣстѣ съ Норосомъ. Тогда я обошелъ весь мысъ, чтобы съ другой стороны его пройти на сѣверъ, но не успѣлъ сдѣлать и одной версты, какъ замѣтилъ 4 связанные вмѣстѣ кола, торчащіе изъ-подъ снѣга фута на два въ вышину. Я соскочилъ съ саней и поспѣшилъ къ кольямъ; подходя ближе, я примѣтилъ стволъ ремингтоновской винтовки, торчащій не болѣе, какъ на четверть изъ-подъ снѣга; ремнемъ этой винтовки и были завязаны кольца. Немедленно приказалъ я туземцамъ приступить къ раскопкѣ снѣга, а самъ, пока они копали, занялся вмѣстѣ съ Ниндерманномъ тщательнымъ изслѣдованіемъ всего берега и окрестной мѣстности; Ниндерманнъ пошелъ на сѣверъ, а я направился къ югу, и не успѣлъ пройти полуверсты, какъ увидалъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня, торчащій изъ-подъ снѣга походный котелъ, а возлѣ него три трупа, до половины занесенные снѣгомъ: то были Делонгъ, докторъ Амблеръ и поваръ Ахъ-Самъ.

„Записная книжка Делонга, копію съ которой я при семъ прилагаю, лежала подлѣ тѣла; замѣтки начинались съ 1-го октября, т. е. съ того дня, когда его отрядъ находился при Устьѣрдѣ, и доведены были до конца мѣсяца.—Подъ кольями мы нашли книги и, наконецъ, еще два трупа. Остальные покойники лежали всѣ вмѣстѣ между тѣмъ мѣстомъ, гдѣ мы нашли Делонга, и изгибомъ берега, въ полуверстѣ разстоянія, гдѣ находились обломки плоскодонной лодки. Тотъ сугробъ, который я приказалъ раскопать, имѣетъ футовъ 20 въ вышину, а въ основаніи до 30 футовъ.

„Коса, по которой лежатъ покойники, хотя и достаточно возвышается надъ уровнемъ моря, но все-же покрыта массаами плавучаго лѣса, а изъ этого можно заключить, что она въ разныя времена года заливаема водою; на этомъ основаніи, я думаю перевезти трупы въ болѣе удобное мѣсто на берегу Лены и тамъ предать землѣ. Между тѣмъ, я стану продолжать самыя тщательныя розыски экипажа второго куттера, если только дозволитъ погода. До сихъ поръ погода до такой степени не благопріятствовала намъ, что изъ четырехъ дней три мы принуждены были лежать безъ всякаго дѣла, теперь же я надѣюсь, что приближающаяся весна принесетъ намъ болѣе благопріятную погоду.

Съ чувствомъ истиннаго почтенія

Вашего превосходительства преданнѣйшій

Г. У. Мельвилль,

Помощникъ инженера флота Соединенныхъ Штатовъ“.

Къ этому письму приложено было еще и другое:

Устьѣ Лены, 25 марта 1882 года.

„Его превосходительству морскому секретарю,

„Вашингтонъ.

„Сэръ! при семъ прилагаю списокъ найденныхъ до сей минуты труповъ:

„Лейтенантъ Джоржъ У. Делонгъ, флота Соединенныхъ Штатовъ.

„Помощникъ врача Джемсъ М. Амблеръ, флота Соединенныхъ Штатовъ.

„Джеромъ I. Коллинсъ.

„Нильсъ Иверсонъ.

„Карль Августъ Герцъ, матросъ.

„Адольфъ Дресслеръ, матросъ.

„Джорджъ Вашингтонъ Бойдъ, машинистъ 2-го класса.

„Ахъ-Самъ, поваръ.

Мельвилль“.

Окончивъ чтеніе этихъ писемъ, я перешелъ къ другимъ документамъ и прежде всего къ дневнику, который велся Делонгомъ съ 1-го по 30-е октября и который изображалъ ужаснѣйшую картину мучительной, и медленной голодной смерти. Я прочелъ слѣдующее:

„Суббота, 1-е октября, 111 день и начало новаго мѣсяца.

„Всѣхъ призвали, когда поваръ подаль чай; въ 6 ч. 45 м. мы сѣли за завтракъ, за которымъ намъ подали полфунта солонины и чай. Я послалъ Ниндерманна и Алексѣя впередъ изслѣдовать главный рукавъ рѣки, пока остальные люди пошли собирать дрова. Докторъ опять былъ принужденъ отнять несчастному Эриксену нѣсколько суставовъ; если смерть не застигнетъ скоро или если мы не доберемся въ скоромъ времени до какого-нибудь селенія, то придется поневолѣ продолжать ампутаціи, пока не отнимутъ ногъ. У него остался всего лишь одинъ палецъ на ногахъ. Погода ясная; легкіе сѣверо-восточные вѣтры. Барометръ въ 6 ч. 5 м. на 30.15, температура въ 7 ч. 30 м. мороза 6° R. Видѣлъ, что Алексѣй и Ниндерманнъ счастливо перебрались черезъ рѣку; поэтому послалъ тотчасъ-же людей перенести наши вещи. Оставилъ здѣсь слѣдующее донесеніе:

„Суббота, 1-го октября, 1881 года. Четырнадцать человѣкъ изъ офицеровъ и экипажа съ полярнаго парового судна Соединенныхъ Штатовъ „Жаннетты“ прибыли въ среду, 28 сентября, къ этой хижинѣ; должны были до сегодняшняго утра ждать замерзанія рѣки, а теперь перейдемъ къ западному

берегу ея съ тѣмъ, чтобы продолжать нашъ путь до перваго поселенія человѣческаго на берегу Лены. Провіанта у насъ на два дня, а такъ какъ до сихъ поръ мы были достаточно счастливы и добывали, при нуждѣ, достаточно дичины, то и не заботимся о будущемъ.

„За исключеніемъ одного человѣка, Эриксена, у котораго вслѣдствіе отмороженія отняты почти всѣ суставы пальцевъ ногъ, всѣ остальные члены экспедиціи здоровы. Во многихъ избахъ на восточномъ берегу рѣки, въ которыхъ мы останавливались на пути нашемъ съ сѣвера, я оставилъ другія донесенія.

„Джоржъ У. Делонгъ

„Лейтенантъ флота Соединенныхъ Штатовъ,
начальникъ экспедиціи.

„Къ этому донесенію я приложилъ списокъ членовъ нашей экспедиціи.

„Въ 8 ч. 30 м. перешли мы въ послѣдній разъ рѣку и счастливо перенесли нашего больного на противоположную сторону. Съ тѣхъ поръ мы шли до 11 ч. 20 м., везя за собою на саняхъ нашего больного. Для обѣда остановились мы на привалѣ и съѣли по $\frac{1}{2}$ ф. мяса и выпили чаю. Снова тронулись въ путь въ 1 ч. и шли до 5 ч. 5 м., но въ дѣйствительности шли только 4 часа 55 м. во весь день. Въ 8 час. подлѣзли мы подъ свои одѣяла.

„Воскресенье, 2-е октября. Кажется, до полуночи мы всѣ спали хорошо, но въ полночь стало такъ холодно, что о снѣ нельзя было и думать. Въ 4 ч. 30 м. всѣ мы были уже на ногахъ и сидѣли у костра; только что начинало свѣтать. Эриксенъ всю ночь пробредилъ и бредомъ своимъ будилъ тѣхъ, кто не былъ разбуженъ невыносимымъ холодомъ. Завтракъ въ 5 ч. утра— $\frac{1}{2}$ ф. мяса и чай. Ясное, безоблачное утро. Барометръ въ 5 ч. 32 м.—30,30; температура въ 6 ч.—1° тепла. Въ 7 часовъ, тронулись снова въ путь и шли по берегу замерзшей воды, гдѣ только могли по ней ориентироваться. Въ 9 ч. 20 м., я убѣдился, что часть перехода мы сдѣлали по

главному рукаву. Полагаю, что мы дѣлали по меньшей мѣрѣ, 3 версты въ часъ и находились въ пути 2 ч. 40 м. Всего въ этотъ день шли 5 ч. 15 м., такъ что, считая по 3 версты въ часъ, мы должны были сдѣлать отъ 15 до 18 верстъ; но гдѣ мы? Я думаю, однако, что это, наконецъ, начало рѣки Лены. Сагастырѣ такъ и остался для насъ миѳомъ. Въ нѣкоторомъ отдаленіи мы нидѣли, правда, двѣ хижины, но вотъ и все; рѣшиться на точнѣйшее изслѣдованіе мѣстности мы не могли, такъ какъ эти хижины находились довольно далеко въ сторонѣ отъ нашего пути, а привалѣ дѣлать было еще слишкомъ рано.

„Всю дорогу оставались на льду и потому думаемъ, что подо-льдомъ должна быть вода; рѣка была, однако, такъ узка и извилиста, что судоходнымъ рукавомъ этотъ рукавъ признать невозможно. Карта моя рѣшительно никуда не годится. Я долженъ на авось продолжать путь на югъ и предоставить Богу довести насъ до какого-нибудь поселенія человѣческаго, такъ какъ я давно уже убѣдился, что сами себѣ мы помочь не въ состояніи.

„Ясный, тихій, чудный день развеселилъ насъ солнечнымъ свѣтомъ. Дорога идетъ по льду; раціоновъ хватитъ всего лишь на одинъ день. Нигдѣ нѣтъ и слѣдовъ жилья; поэтому мы останавливаемся на высокоомъ, крутомъ берегу, чтобы провести здѣсь холодную, тяжелую ночь. На ужинъ $\frac{1}{2}$ ф. мяса и чай. Разложили огромный костеръ и выстроили себѣ ложе изъ плавучаго лѣса. Поставилъ часового со смѣною черезъ каждые два часа, съ цѣлью постоянно поддерживать огонь, а потомъ поужинали. Приготовились провести вторую холодную и печальную ночь. Вѣтеръ былъ такъ силенъ, что мы принуждены были устроить себѣ кое-какую защиту изъ палаточныхъ половинокъ и просидѣть, такимъ образомъ, всю ночь, дрожа отъ холода, несмотря на наши одѣяла.

„Понедѣльникъ, 3 октября, 1881 года, 113 день. Было такъ холодно, что я всѣмъ людямъ далъ чаю; затѣмъ съ трудомъ прошли мы нѣсколько впередъ до 5 ч. утра; тутъ мы съѣли послѣдній раціонъ мяса и пили чай; теперь у насъ остается

Находка покойниковъ.

по $\frac{3}{14}$ пеммикана на человѣка и полуголодная собака. Да поможетъ намъ Богъ. Сколько придется намъ еще итти до тѣхъ поръ, пока мы не достигнемъ жилья или какого-либо убѣжища—про то знаетъ лишь Онъ одинъ. Кажется, Эриксону приходитъ конецъ. Онъ слабъ и истощенъ и, едва закрываетъ глаза, какъ тотчасъ же начинаетъ бредить вслухъ, большею частію, по датски, по нѣмецки и по англійски. Бредъ этотъ не даетъ покоя и тѣмъ, кто, несмотря на нашу грустную, ужасную обстановку, могъ бы уснуть. Часы мои, почему-то, остановились вчера вечеромъ на 10 ч 45 м., когда они были одѣты на часовомъ. Я поставилъ ихъ по возможности точно, и теперь придется довольствоваться приблизительнымъ опредѣленіемъ времени до той поры, когда возможно будетъ ихъ вывѣрить. Всего шли 2 ч. 35 м. и сдѣлали слѣдовательно около 7 верстъ. Должны были возвратиться назадъ. Потомъ обѣдъ. Потеряли нѣсколько времени, переходя на другой берегъ рѣки, гдѣ видѣли много лисьихъ капкановъ. Здѣсь же на снѣгу замѣтили и слѣды человѣка; они вели на югъ, и мы шли по нимъ, пока они не привели насъ снова къ берегу и не направились на другой берегъ. Снова пришлось намъ вернуться, такъ какъ рѣка была мѣстами свободна отъ льда, такъ что идти далѣе не представлялось болѣе возможности. Одна изъ большихъ песчаныхъ отмелей, которыми рѣка вообще богата, скоро заставила насъ сдѣлать новый обходъ по направленію къ востоку; мы спѣшили снова перебраться на западный берегъ и въ 11 ч. 50 м., наконецъ достигли его; тутъ пообѣдали и съѣли остатки пеммикана. Въ 1 ч. 40 м., тронулись снова въ путь и храбро двигались впередъ до 2 ч. 20 м. Еще на томъ берегу рѣки Алексѣю показалось, что онъ видитъ хижину; теперь за обѣдомъ онъ утверждалъ, что видитъ и другую. Теперь я только того и хотѣлъ, чтобы скорѣе добраться до хижины.

„По указаніямъ Алексѣя, хижины лежали на лѣвомъ берегу рѣки, тогда какъ мы находились на правомъ ея берегу, если стать спиною къ сѣверу; намъ оставалось, однако, версты три пути по песчаной отмели до того мѣста, гдѣ мы могли,

свернувъ налѣво, прямо перейти рѣку. Въ 2 ч. 20 м., мы сдѣлали здѣсь привалъ, и Алексѣй взобрался на высокій берегъ, чтобы осмотрѣться еще разъ. Онъ явился съ извѣстіемъ, что теперь онъ видѣлъ еще и другую хижину, стоящую всего версты на двѣ отъ берега внутрь страны; другая, видѣнная имъ ранѣе, возвышалась почти въ такомъ же разстояніи на югъ, на крутомъ берегу рѣки. Принимая во вниманіе трудность перевозки на саняхъ по неровной дорогѣ нашего больнаго, я избралъ хижину на берегу, которой мы могли достигъ въ три раза скорѣе. Ниндерманнъ, поднявшійся тоже на вершину холма, призналъ въ предметѣ, находившемся внутри страны, съ полною увѣренностью хижину, тогда какъ не былъ увѣренъ въ томъ, что предметъ на берегу тоже хижина; Алексѣй же твердо стоялъ на своемъ, а такъ какъ самъ я не могъ хорошо видѣть, то я, къ сожалѣнію, и призналъ его глаза лучшими и приказалъ итти по берегу рѣки на югъ. Такъ двинулись мы въ путь подъ руководствомъ Ниндерманна и Алексѣя и прошли уже версты полторы, когда внезапно ледъ подо мною подломился, и я успѣлъ окунуться по самыя плечи, пока мой ранецъ не поднялъ меня снова на поверхность воды. Пока я барахтался, провалился саженья въ 25 отъ меня Герцъ, а за нимъ и докторъ Коллинсъ ушелъ въ воду по поясъ. Скверное предзнаменованіе! Въ ту минуту, какъ мы вылѣзли изъ воды, мы были уже покрыты ледяною корою, и опасность замерзнуть висѣла надъ нашими головами. Все-таки, мы пошли впередъ и въ 3 ч. 45 м. достигли того мѣста, гдѣ должна была стоять хижина. Ниндерманнъ взобрался на высокій берегъ, докторъ послѣдовалъ за нимъ. Сначала крикнули они: „вѣрно, всходите!“ — но едва лишь достигли мы вершины, какъ Ниндерманнъ закричалъ: „никакой хижины тутъ нѣтъ!“ Къ моему величайшему ужасу, я увидѣлъ только лишь большой земляной курганъ, который, судя по чрезвычайно правильнымъ очертаніямъ своимъ, а также по своему положенію на яру, былъ, вѣроятно, насыпанъ искусственно и служилъ указателемъ пути. Ниндерманнъ до такой степени былъ убѣжденъ, что видитъ предъ собою хижину, что, ища двери, хо-

диль вокругъ кургана и, наконецъ, думая найти дымовую дыру, взошелъ на его вершину. Ни того ни другого онъ не нашель—то былъ простой курганъ. Съ тяжестью на сердцѣ я отдалъ приказъ устроить бивуакъ въ пещерѣ, въ береговой стѣнѣ, и скоро мы сидѣли вокругъ пылающаго костра и сушили наши платья въ то время, какъ рѣжущій вѣтеръ дулъ намъ въ спину.

„На ужинъ ничего другаго не оставалось, кромѣ собаки. Я приказалъ Иверсону убить ее и приготовить; затѣмъ, тѣ части, которыя неудобно было захватить съ собою, были сварены, и всѣ ѣли это блюдо съ жадностью, кромѣ меня и доктора; для насъ обоихъ оно было слишкомъ отвратительно и... но зачѣмъ останавливаться долѣе на такомъ непріятномъ предметѣ? Я приказалъ свѣсить остальное и удостовѣрился, что у насъ было 27 фунтовъ мяса. Животное было жирно, и такъ какъ его кормили все время пеммиканомъ, то, вѣроятно, и чисто. Тотчасъ послѣ того, какъ мы сдѣлали приваль, Алексѣй былъ посланъ съ ружьемъ внутрь страны для того, чтобы, наконецъ, убѣдиться, существуетъ ли въ дѣйствительности другая хижина, или же и она составляетъ такой же плодъ фантазіи, какъ та, въ которой мы теперь находились. Онъ возвратился въ сумерки совершенно увѣренный, что то была большая хижина, такъ какъ онъ самъ входилъ въ нее и нашель въ ней нѣсколько кусочковъ оленины и кости. Съ минуту я думалъ было тотчасъ же отправиться туда со всѣми людьми, но Алексѣй не былъ увѣренъ въ томъ, что розыщетъ хижину въ темнотѣ, а еслибы мы заблудились, то намъ пришлось бы хуже чѣмъ теперь. Поэтому-то мы и устроились здѣсь на ночь, какъ только представлялось возможнымъ. Мы трое, промокшіе до костей, пеклись передъ огнемъ, такъ что платье наше дымилось. Коллинсъ и Герцъ выпили немного спирта, я уже не выносилъ его. При холодной погодѣ и рѣзкомъ сѣверо-западномъ вѣтрѣ, отъ котораго намъ не было защиты, будущность наша показалась мнѣ мрачною и печальною, какъ темная ночь. Эриксенъ скоро началъ фантазировать, и его сумасшедшія рѣчи служили ужаснымъ аккомпаниментомъ

къ страданіямъ и ужасамъ, которые грозили намъ. Мы не согрѣлись, да и высушиться хорошенько не представлялось никакой возможности. Мнѣ представилось, что всѣ мы обезумѣли отъ отчаянія, и поневолѣ приходилось бояться, что нѣкоторые изъ насъ умрутъ въ эту же ночь. Насколько силенъ былъ холодъ — я не знаю, такъ какъ послѣдній мой термометръ сломался при частыхъ паденіяхъ моихъ на-ходу; но я думаю, что во всякомъ случаѣ, было болѣе 10° мороза. Снова поставили мы часоваго, чтобы поддерживать огонь, а сами сбились вокругъ подлѣ самаго костра; такъ и провели мы ночь безъ сна. Еслибы Алексѣй не завернулъ меня въ свою тюленью одежду и не подсѣлъ поближе ко мнѣ, чтобы согрѣвать меня теплотою своего тѣла, то полагаю, что я несомнѣнно замерзъ бы ночью. Теперь же отъ моей одежды валилъ паръ, а самъ я дрожалъ, словно меня трясла лихорадка. Стоны и безумная рѣчь Эриксена неустанно звучали въ ужасной тишинѣ — дай Богъ, чтобы мнѣ никогда болѣе не привелось проводить еще разъ такую ужасную и горькую ночь.

„Вторникъ, 4-го октября, 114 день. Едва лишь начало свѣтать, какъ всѣ мы поднялись на ноги, чтобы согрѣться въ движеніи, а поваръ тотчасъ же принялся за приготовленіе чая. Теперь только докторъ замѣтилъ, что ночью Эриксенъ сорвалъ съ рукъ перчатки и отморозилъ себѣ руки. Немедленно нѣсколько человѣкъ были приставлены къ нему, чтобы тереть его посмѣнно, и къ 9 часамъ кровообращеніе у больного настолько возстановилось, что мы осмѣлились его везти. Наскоро всѣ проглотили по кружкѣ чая и подвязали затѣмъ свою ношу. Эриксенъ находился въ совершенно безсознательномъ состояніи, такъ что мы принуждены были привязать его къ санямъ ремнями. Дулъ рѣзкій юго-западный вѣтеръ; холодъ былъ при этомъ очень силенъ. Мы тронулись въ путь въ 6 ч., сдѣлали усиленный переходъ и горячо благодарили Бога, когда уже въ 8 ч. мы очутились съ нашимъ больнымъ подъ гостепріимною кровлею хижины, которая была достаточно велика для того, чтобы пріютить насъ всѣхъ. Тотчасъ же разведенъ былъ огонь, у котораго мы впервые и согрѣлись.

„Докторъ изслѣдовалъ Эриксена и нашель, что силы его значительно ослабѣли. Пульсъ его былъ очень слабъ; онъ былъ въ совершенномъ безпамятствѣ и шелъ, благодаря вчерашней простудѣ, безповоротно къ концу. Врачъ боялся, что Эриксену осталось прожить лишь немного часовъ, а потому я и потребовалъ, чтобы до отдохновенія всѣ люди помолились со мною объ исцѣленіи страждущаго; требованіе мое было исполненно спокойно и благоговѣйно, хотя и немногое могли они понять изъ моихъ отрывочныхъ словъ. Къ костру мы поставили часоваго, и тогда всѣ, за исключеніемъ Алексѣя, улеглись на покой. Въ 10 ч., Алексѣй отправился на охоту, но около полудня возвратился весь мокрый назадъ безъ всякой добычи; онъ провалился и ушалъ въ воду. Въ 6 ч. вечера, мы поднялись снова, и мнѣ приходилось подумать о томъ, чтобы накормить людей; каждый получилъ по полфунту собачьяго мяса и чашку чая: такова была дневная порція; но мы были до такой степени благодарны, что имѣемъ, наконецъ, убѣжище отъ немилосердной юго-западной бури, воющей за стѣною, что мало заботились о незначительности порціи.

„Среда, 5-го октября, 115 день. Въ 7 ч. 30 м., поваръ начинаетъ день приготовленіемъ чая изъ употребленныхъ уже разъ чайныхъ листьевъ; этимъ мы должны довольствоваться вплоть до вечера. До той минуты, когда къ намъ явится откуда-нибудь помощь, у насъ приходится по полфунту собачьяго мяса въ день на человѣка. Въ 9 ч., Алексѣй снова отправляется на охоту, а остальныхъ людей я посылаю набрать тонкаго лѣса, которымъ-бы можно было покрыть полъ нашей избы, такъ какъ замерзшій земляной полъ оттаиваетъ подъ нами, едва мы на немъ ложимся, промачиваетъ насъ и простужаетъ, а слѣдовательно, и не даетъ окончательно спать. Юго-западная буря все еще продолжается. Барометръ въ 2 ч. 40 м. показываетъ 30,12. На ногѣ Эриксена показывается антоновъ огонь; ему приходитъ конецъ; рѣзать ногу теперь было-бы совершенно излишне, такъ какъ онъ, вѣроятно, умретъ во время операціи. По временамъ онъ приходитъ въ себя. Въ 12 ч., Алексѣй возвратился, не выдавъ ровно ничего; на этотъ

разъ онъ ходилъ за рѣку, но принужденъ былъ вернуться, такъ какъ былъ не въ состояніи дальше бороться съ ледянымъ вѣтромъ. По моему мнѣнію, мы находимся на восточной сторонѣ острова Титары, верстахъ въ 35-ти отъ Кумака-Сурка, которая, по всѣмъ вѣроятіямъ, представляетъ собою поселеніе человѣческое; такова наша послѣдняя надежда, съ той поры, какъ намъ не приходится болѣе надѣяться на Сагастыръ. Хижина, гдѣ мы находимся, совершенно новая и, новидимому, не есть обозначенная на моей картѣ астрономическая станція; она даже и не совсѣмъ еще готова, такъ какъ не имѣетъ дверей. Быть можетъ, она предназначена для лѣта, хотя многочисленные лисьи капканы, разставленные повсюду кругомъ, заставляютъ предполагать, что иногда ее посѣщаютъ и въ другое время года. Только отъ этой возможности, да отъ чуда можемъ мы ждать спасенія—болѣе никакого исхода я не вижу. Едва утихнетъ буря, я пошлю Нидерманана съ кѣмъ-нибудь другимъ въ Кумака-Сурка для того, чтобы, если возможно, доставить намъ скорѣе помощь. Въ 6 ч. вечера, каждый получилъ по полфунту собачины и порцію чая второго настоя, а затѣмъ всѣ улеглись спать.

„Четвергъ, 6-го октября, 116 день. Въ 7 часовъ 30 минутъ всѣ встали. Получили по кружкѣ чая третьяго настоя, смѣшаннаго съ 10 грам. спирта. Всѣ очень слабы. Буря немного утихаетъ. Около полудня должны Нидерманнъ и Норосъ двинуться въ путь въ Кумака-Сурка. Въ 8 часовъ 46 минутъ, нашъ товарищъ Эриксенъ приказалъ долго жить. Я обратился съ нѣсколькими утѣшительными и воодушевляющими словами къ людямъ. Алексѣй вернулся съ пустыми руками—мятель слишкомъ сильна. Боже мой! что съ нами будетъ? У насъ еще 14 фунтовъ собачьяго мяса, мы въ 35 верстахъ отъ перваго возможнаго поселенія человѣческаго.—Что касается до погребенія Эриксена, то гроба сдѣлать мы не можемъ; почва сильно замерзла, и у насъ нѣтъ рѣшительно ничего такого, чѣмъ бы можно было выкопать могилу. Намъ ничего другого не остается, какъ похоронить его въ рѣкѣ. Мы зашили его въ полости палатки и покрыли моимъ флагомъ. Я приказалъ лю-

дямъ приготовиться; каждый получаетъ по 10 грам. спирта; затѣмъ, мы попробуемъ выйти и похоронить его; но всѣ мы такъ слабы, что я рѣшительно не знаю, какъ мы справимся. Въ 12 часовъ 40 минутъ, я прочелъ погребальныя молитвы, а затѣмъ, мы снесли своего усопшаго товарища къ рѣкѣ и, прорубивъ дыру во льду, спустили въ нее тѣло, при троекратномъ салютѣ изъ ремингтоновой винтовки. На берегу рѣки, надъ его могилой, мы поставимъ доску, вырѣзавъ на ней слѣдующую надпись: «Въ память Г. Г. Эриксона, 6-го октября 1881 года. Пароходъ Соединенныхъ Штатовъ „Жаннетта“». Платье его я раздѣлилъ между его товарищами. Иверсонъ взялъ его библию и прядь его волосъ. Ужинъ въ 5 часовъ вечера, полфунта мяса и чай.

„Пятница, 7-го октября, 117 день. Завтракъ, состоящій изъ послѣдняго полфунта мяса и чая. Послѣдняя горсточка чая опущена сегодня въ котелъ и теперь намъ предстоитъ переходъ въ 35 верстъ, на который мы имѣемъ немного уже спитаго чая и 2 полштофа спирта. Я надѣюсь, однако, на Бога и думаю, что Онъ, соблюдшій насъ до сихъ поръ, не дастъ намъ умереть съ голоду. Начали готовиться къ походу въ 7 часовъ 10 мин. Одна изъ винчестерскихъ винтовокъ сломалась, а потому мы оставляемъ ее съ 161 патрономъ и беремъ съ собою только оба ремингтоновскія ружья съ 243 патронами. Въ хижинѣ я оставилъ слѣдующій отчетъ:

„Пятница, 7-го октября, 1881 года. Нижепоименованные офицеры и матросы погибшаго парохода Соединенныхъ Штатовъ „Жаннетта“, оставляютъ сегодня утромъ эту хижину, чтобы предпринять походъ въ Кумакъ-Сурка или иное какое-либо поселеніе на Ленѣ. Мы пришли во вторникъ, 4-го октября, съ больнымъ товарищемъ, матросомъ Эриксономъ; послѣдній умеръ вчера утромъ и въ полдень погребенъ въ рѣкѣ.

„Онъ умеръ отъ злокачественнаго отмораживанія и полного истощенія силъ, вслѣдствіе перевозки при вѣтрѣ и непогодѣ.

„Всѣ остальные участники нашего отряда здоровы, но не имѣютъ болѣе провіанта, такъ какъ сегодня утромъ мы съѣли послѣднюю провизию“.

„Въ 8 ч. 30 м., мы тронулись въ путь, шли до 11 ч. 20 м. и сдѣлали въ этотъ промежутокъ времени верстъ пять. Тогда силы наши окончательно истощились, и мы шли, покачиваясь, сами не давая себѣ отчета, куда идемъ. Мѣсто возлѣ массы лѣса, нанесеннаго сюда потокомъ, показалось мнѣ удобнымъ для кипяченія нашей воды, а потому я приказалъ остановиться здѣсь для обѣда—20 граммъ спирта въ горшкѣ чая. Затѣмъ, мы пошли дальше и скоро подошли къ замерзшей рѣкѣ, которую мы снова приняли за главное русло. Здѣсь четверо изъ насъ провалились подъ ледъ, пробуя перейти на другую сторону. Опасаясь новыхъ отмораживаній, я приказалъ развести огонь, у котораго мы обсушились. Между тѣмъ, я послалъ Алексѣя раздобыть намъ, по возможности, что-нибудь съѣдобнаго; я посоветовалъ ему не уходить далеко и не долго ходить, но въ 1 ч. 30 м. онъ все не вернулся и его не было видно. Легкій юго-западный вѣтеръ, туманъ. На южномъ горизонтѣ виднѣются горы. Въ 3 ч. 30 м., Алексѣй вернулся съ куропаткою; мы сварили изъ нея супъ, который и составилъ нашъ ужинъ вмѣстѣ съ 10 грам. спирта. Подлѣзли спать подъ одѣяла. Легкій западный вѣтеръ, полнолуние, звѣздное небо, не очень холодно. Алексѣй видѣлъ, что рѣка версты на полторы совершенно свободна отъ льда.

„Суббота, 8-го октября, 118 день. Въ 5 ч. 30 м., всѣ на ногахъ. Завтракъ: 20 граммъ спирта въ полшинтѣ горячей воды.

„Примѣчаніе доктора. Спиртъ приносить большую пользу. Онъ умѣряетъ ощущение голода и предупреждаетъ желудочныя боли; въ томъ количествѣ, которое мы раздаемъ людямъ (по приблизительному измѣренію доктора Амблера, около 60 грам. въ день на человѣка) онъ поддерживаетъ силы.

„Шли до 10 ч. 30 м.—20 гр. спирта. Сдѣлали 7 верстъ. Пришли въ 11 ч. 30 м. къ большой рѣкѣ. Опять шли впередъ. Большіе сугробы снѣга. Приходимъ къ рѣчкѣ; принуждены опять вернуться. Въ 5 ч., дѣлаемъ приваль; подвинулись впередъ всего лишь версты на полторы. Неудача. Снѣгъ. Вѣтеръ съ юго-востока. Холодъ. Бивуакъ. Мало дровъ. 10 гр. спирта.

„Воскресенье, 6-го октября, 119 день. Всѣ поднялись въ 4 ч. 30 м.—20 гр. спирта. Отслужили церковную службу. Посылаю Ниндерманна и Нороса впередъ за помощью. Они берутъ свои одѣяла, винтовку, 40 патроновъ и 40 гр. спирта. Должны оставаться на западномъ берегу рѣки, пока не придутъ къ какому-нибудь поселенію. Тронулись въ путь въ 7 ч., сопровождаемые нашими „ура“. Сами двинулись въ 8 ч. Перешли черезъ рѣку. Провалились подъ ледъ. По колѣна всѣ мокры. Остановились и развели огонь. Высушили свое платье. Въ 10 ч. 30 м. снова въ путь. Ли проваливается. Въ часъ на берегу рѣки. Обѣдъ 20 гр. спирта. Алексѣй убиваетъ трехъ куропаatokъ. Варимъ супъ. Идемъ по слѣдамъ Ниндерманна; его уже давно не видно. Въ 3 ч. 30 м., снова въ путь. Высокій, крутой берегъ. Ледъ быстро несется по рѣкѣ на сѣверъ. Приходимъ въ 4 ч. 40 м. къ массамъ плавучаго лѣса; тутъ и останавливаемся. Находимъ плоскодонную лодку, кладемъ въ нее головы и такъ спимъ. 10 гр. спирта и ужинъ.

„Понедѣльникъ, 10-го октября, 120 день. Послѣдніе 10 гр спирта, въ 5 ч. 30 м. Посылаю въ 6 ч. 30 м. Алексѣя искать куропаatokъ. Съѣдаемъ куски оленьей кожи. Легкій юго-восточный вѣтеръ. Воздухъ не очень холодный. Въ путь въ 8 ч. При переходѣ черезъ какой-то ручей трое изъ насъ проваливаются. Развели огонь и обсушились. Идемъ впередъ до 11 часовъ; истощены окончательно. Варимъ напитокъ изъ чайныхъ листьевъ, находящихся въ бутылкѣ изъ-подъ спирта. Въ полдень снова впередъ. Свѣжій вѣтеръ съ юго-запада. Мятель. Очень трудный переходъ. Ли проситъ, чтобы мы его покинули. Небольшой клочекъ плоскаго берега, а затѣмъ длинный переходъ по крутому берегу. Многочисленные слѣды куропаatokъ. Идемъ по слѣдамъ Ниндерманна. Въ 3 часа, остановились, совершенно истощенные. Залѣзаемъ въ береговую пещеру. Собираемъ дрова и разводимъ огонь. Алексѣй отправляется на поиски за дичью. На ужинъ только ложечка глицерину. Всѣ слабы, истощены, но веселы. Помогите намъ Боже!

„Вторникъ, 11-го октября, 221 день. Буря со снѣгомъ съ юго-запада. Къ дальнѣйшему движенію неспособны. Дичи

нѣтъ. вмѣсто пищи ложка глицерину и горячая вода. Болѣе нѣтъ вблизи лѣса.

„Среда, 12-го октября, 122 день. Завтракъ: послѣдняя ложка глицерина и горячая вода. На обѣдъ сварили двѣ пригоршни полярныхъ растеній въ горшкѣ воды; наваръ выпили. Всѣ мы дѣлаемся слабѣе и слабѣе. Силъ хватаетъ только на то, чтобы принести дровъ. Юго-западная буря съ снѣгомъ.

„Четвергъ, 13-го октября, 123 день. Чай изъ травы. Сильные юго-западные вѣтры. Нѣтъ вѣстей отъ Ниндерманна. Всѣ мы въ руцѣ Божіей; если Онъ не смилуется надъ нами—мы пропали. Итти противъ вѣтра мы не можемъ, а оставаться здѣсь, значитъ умереть съ голода. Послѣ обѣда прошли съ полторы версты впередъ и перешли черезъ новую рѣку, или черезъ рукавъ главной рѣки. Когда мы перешли на другой берегъ, то потеряли Ли. Вошли на пещеру въ берегу и тамъ расположились бивуакомъ. Послалъ искать Ли. Онъ легъ на землю и ожидалъ смерти. Всѣ вмѣстѣ прочитали „Отче нашъ“ и „Символь вѣры“. Послѣ ужина сильная буря. Ужасная ночь.

Пятница, 14-го октября, 124 день. Завтракъ: чай изъ травы. За обѣдомъ полъ-ложки глицерина и чай изъ травы. Алексѣй убилъ куропатку. Сварили супъ. Юго-западный вѣтеръ стихаетъ.

„Суббота, 15-го октября, 125 день. Завтракъ: травяной настой и два старые сапога. Рѣшились съ восходомъ солнца итти впередъ. Алексѣй обезсилѣлъ, Ли тоже. Пришли къ пустой лодкѣ. Остановка и бивуакъ. При разсвѣтѣ на южномъ горизонтѣ видѣли дымъ.

„Воскресенье, 16-го октября, 126 день. Алексѣй совершенно обезсилѣлъ. Служба.

„Понедѣльникъ, 17-го октября, 127 день. Алексѣй умираетъ. Докторъ окрестилъ его. Прочли молитву о страждущемъ. День рожденія г. Коллинса, 40 лѣтъ. При закатѣ Алексѣй скончался. Обезсиленіе отъ голода. Покрыли флагомъ, положили его въ челнъ.

Вторникъ, 18-го октября, 128 день. Тихій, теплый воздухъ.

Снѣгъ. Послѣ полудня погребли Алексѣя. Положили его на ледъ и прикрыли ледяными торосами.

„Среда, 19-го октября, 129 день. Разрѣзали палатку, сдѣлали изъ нея обувь. Докторъ вышелъ впередъ отыскать новое мѣсто для привала. Перешли въ сумерки туда.

Открытіе трупа Делонга.

„Четвергъ, 20-го октября, 130 день. Ясно и солнце, но холодно очень, Ли и Каачъ совершенно истощены.

„Пятница, 21 го октября, 131 день. Около полуночи мы нашли съ докторомъ Каача мертвымъ, онъ лежалъ между нами.

Ли умеръ въ полдень. Пока онъ лежалъ въ агоніи, мы читали молитвы о страждущихъ.

„Суббота, 22-го октября, 132 день. Слишкомъ слабы для того, чтобы снести на ледъ тѣла Ли и Каача. Докторъ, Коллинсъ и я отнесли ихъ только на край холма, чтобы не видѣть ихъ. Затѣмъ глаза мои сомкнулись.

„Воскресенье, 23-го октября, 133 день. Всѣ достаточно слабы. Сегодня хоть спали и отходили, принесли передъ сумерками необходимый для костра лѣсъ. Прочиталъ отрывокъ изъ воскресныхъ молитвъ. Всѣ страдаютъ ногами. Нѣтъ обуви.

„Понедѣльникъ, 24-го октября, 134 день. Страшная ночь.

„Вторникъ, 25-го октября, 135 день.

„Среда, 26-го октября, 136 день.

„Четвергъ, 27-го октября, 137 день. Иверсонъ совершенно обезсилѣлъ.

„Пятница, 28-го октября, 138 день. Рано утромъ Иверсонъ умеръ.

„Суббота, 29-го октября, 139 день. Сегодня ночью умеръ Дресслеръ.

„Воскресенье, 30-го октября 140 день. Бойдъ и Гёрцъ умерли ночью. Коллинсъ умираетъ.

На этомъ оканчивается дневникъ. Когда я прочиталъ его, то мнѣ захотѣлось сообщить казаку его содержаніе — я не могъ говорить. Въ первый разъ въ моей жизни, я былъ не въ состояніи удержать слезъ при постороннемъ человѣкѣ — я заплакалъ какъ ребенокъ.

Глава XVIII.

Розыски труповъ.

Быково, устье Лены, 24-го апрѣля, 1882 г.

Я всячески старался разузнать дальнѣйшія подробности объ этой ужасной трагедіи. Послѣ того, какъ главный инженеръ Мельвилль сдѣлалъ во время зимы всѣ необходимыя

приготовленія, 16-го марта, онъ покинулъ со своими людьми временную станцію Касъ-Харта для того, чтобы предпринять въ широкихъ размѣрахъ самые обстоятельные поиски за капитаномъ Делонгомъ и его несчастными товарищами. Членами этой новой, руководимой Мельвиллемъ, экспедиціи были: Джемсъ Х. Бартлеттъ, младшій инженеръ „Жаннетты“, Вильгельмъ Ниндерманнъ, одинъ изъ двухъ матросовъ, высланныхъ Делонгомъ впередъ за помощью и тѣмъ самымъ спасеннымъ отъ ужасной участи оставшихся, оба переводчика Гринбекъ и Бобуковъ, казакъ Колѣнкинъ и одинъ русскій ссыльный Ефимъ Капелловъ, употреблявшійся на всевозможныя должности, и въ особенности въ качествѣ надсмотрщика за якутскими рабочими и возницами. Эти послѣдніе были: Томать Константинъ, Георгій Николай, капитанъ Иннокентій Шимуловъ, Сторы Николай, Василій Кулгаркъ, Симеонъ Иллакъ и, наконецъ поваръ Иванъ Портнягинъ, сопровождаемый своею женою для помощи.

Начато было отъ Устерды; пошли по слѣдамъ Делонга до Матвѣя, но на всемъ этомъ пространствѣ не нашли никакихъ признаковъ, изъ которыхъ можно было бы заключить о пребываніи здѣсь погибшихъ. Тогда г. Мельвилль рѣшился снова отправиться на путь Ниндерманна; 23-го марта, двинулись они изъ Матвѣя и скоро нашли остатки плоскодонной лодки, признанной всѣми за самое вѣрное указаніе правильности избраннаго ими направленія, такъ какъ именно здѣсь проходилъ Ниндерманнъ въ первый же день своего путешествія съ Норосомъ на югъ; Ниндерманнъ зналъ слишкомъ хорошо, въ какомъ печальномъ положеніи находились оставленные товарищи, понималъ, что для дальнѣйшаго путешествія у нихъ не хватило бы силъ, и потому былъ совершенно увѣренъ, что они не могли далеко отойти отъ этого мѣста. Предположенія его совершенно оправдались. Идя по берегу, ищущіе успѣли отойти отъ лодки всего лишь на 250 — 300 сажень, когда глазамъ ихъ предсталъ огромный снѣжный сугробъ, изъ котораго торчали четыре связанные кола и стволъ ружья, ремень котораго былъ привязанъ къ кольямъ. Здѣсь долженъ

былъ находиться бивуакъ погибшихъ; на кольяхъ лежалъ еще конецъ срединнаго шеста палатки, тогда какъ другой его конецъ лежалъ на выступѣ берега.

Тотчасъ же были приставлены двое якутскихъ рабочихъ къ раскопкѣ снѣга, нанесеннаго къ кольямъ футовъ на 8 въ вышину; прошло не много времени, когда отыскали два трупа, лежавшіе одинъ возлѣ другого. То были Бойдъ и Гёрцъ.

Мельвилль приказалъ людямъ продолжать раскопку всего сугроба для того, чтобы открыть все мѣсто, занятое бивуакомъ, а самъ взошелъ на береговую возвышенность, думая достигъ высокаго мѣста, находившагося футовъ на 20 надъ льдомъ, и принялся тамъ за компасныя наблюденія. Тихо двигался онъ въ западномъ направленіи впередъ, когда вниманіе его было внезапно привлечено какимъ-то темнымъ предметомъ, рѣзко выдѣлявшимся на однообразной бѣлой площади. Около версты отъ бивуака торчалъ изъ подъ снѣга походный котелокъ, да и не одинъ онъ! Быстро подошелъ сюда Мельвилль и наткнулся ногою на что-то твердое; онъ наклонился и увидалъ, что это голая, окоченѣлая рука, выходившая изъ-подъ бѣлой пелены снѣга. На скоро разгребли здѣсь снѣгъ, имѣвшій всего одинъ футъ глубины, и Мельвилль увидалъ передъ собою несчастнаго начальника экспедиціи, капитана Делонга; фута на три отъ него лежалъ д-ръ Амблеръ, а въ ногахъ ихъ вытянулся Ахъ-Самъ, китайскій поваръ. Полъ палатки, которую они принесли сюда съ собою съ бивуака, гдѣ она не была болѣе нужна ихъ товарищамъ, покрывала ихъ ноги; лоскутья большаго шерстянаго одѣяла тоже служили имъ, повидимому, для согрѣванія. Невдалекѣ отъ того мѣста, гдѣ они лежали, найдены были остатки костра, а въ походномъ котлѣ оставалось еще нѣсколько былинокъ полярной травы, служившей имъ вмѣсто чаю.

Возлѣ самого трупа Делонга лежала его записная книжка, выдержки изъ которой я сообщилъ выше. Безъ всякаго сомнѣнія докторъ, Делонгъ и Самъ умерли въ тотъ самый день, которымъ заканчивается дневникъ, и, по всѣмъ вѣроятіямъ, записавъ послѣднюю замѣтку, Делонгъ былъ уже не

въ состояніи спрятать книжку снова въ карманъ, такъ какъ подлѣ книжки лежалъ на землѣ и карандашъ. Во время своего обратнаго похода онъ велъ свой дневникъ, какъ прежде съ величайшею, педантичною точностью и, если не было ничего серьезнаго для внесенія въ записную книжку, то онъ отмѣчалъ хоть число и счетъ дней со времени гибели судна,

Могильный утесъ.

Прежде чѣмъ онъ и послѣдніе его два товарища оставили палатку, чтобы на усталыхъ и почти босыхъ ногахъ дотронуться до мѣста своего послѣдняго успокоенія, они прикрыли благоговѣйно лицо своего умершаго товарища Коллинса платкомъ.

Палатка была раскинута на выступѣ берега; въ переднемъ его углу найдены были два ящика съ корабельными книгами, а не много дальше на востокъ—ящикъ съ медикаментами и корабельный флагъ, прикрѣпленный еще къ своему штангу.

Тѣла Иверсона и Дресслера лежали внѣ пространства, защищеннаго палаткою, а Коллинскъ, напротивъ того, подъ палаткою и ближе къ краю холма. Долго искали Ли и Каача, пока взглядъ, брошенный въ дневникъ Делонга, не навелъ на вѣрный слѣдъ. Подъ 22-мъ октября, въ дневникѣ было отмѣчено, что трое офицеровъ, оставшіеся тогда вмѣстѣ съ поваромъ въ живыхъ, отнесли тѣла „только на край холма, чтобы не видѣть ихъ“, такъ какъ всѣ были слишкомъ слабы для того, чтобы снести ихъ на рѣку. Подробное изслѣдованіе снѣга, предпринятое по приказанію Мельвилля въ западномъ направленіи, привело къ отысканію обоихъ труповъ, которые лежали глубоко въ снѣгу, въ трещинѣ береговаго уступа. Ноги всѣхъ найденныхъ до сей минуты были увязаны и укутаны въ тряпье, представлявшее слишкомъ малую защиту отъ сырости и холода. Никто изъ нихъ не имѣлъ сапоговъ, а въ карманахъ ихъ платья найдены были куски полусожженной кожи, обрывки мѣховыхъ сапоговъ, доказывавшіе, какъ далеко зашелъ голодъ, мучившій несчастныхъ. Руки, а также и одежда ихъ, были отчасти обожжены, а отчасти обгорѣли; казалось, что въ послѣднемъ, отчаянномъ усиліи для того, чтобы согрѣться, они залѣзали въ самый огонь. Бойдъ, дѣйствительно, лежалъ посреди остатковъ костра; платье его совершенно обгорѣло, но тѣло не было обожжено. Сначала Мельвилль предполагалъ погребсти трупы тутъ же на берегу, гдѣ они были найдены, но планъ пришлось скоро оставить, когда туземцы сообщили ему, что въ половодье весной заливаются всю дельту, по крайней мѣрѣ, на четыре фута надъ водою и что разливомъ непременно снесетъ устроенную здѣсь могилу. Тогда онъ приказалъ перевести всѣ трупы на утесъ, находившійся верстахъ въ 40 на юго-западъ отъ мѣста ихъ смерти и возвышающійся футовъ на триста надъ поверхностью

рѣки; памятникъ былъ построенъ изъ лѣса плоскодонной лодки, близъ которой найдены были погибшіе.

Большой крестъ, срубленный изъ огромнаго ствола плавучаго лѣса, поставленъ былъ на вершинѣ утеса, а вокругъ креста помѣщенъ былъ прочный ящикъ въ 22 ф. длины, 6 ф. ширины и 2 ф. вышины; ящикъ въ длину приходился, какъ разъ, по направленію магнитнаго меридіана. Уложивъ всѣ тѣла въ этотъ общій гробъ, послѣдній закрыли крышкою изъ крѣпкихъ досокъ, надъ которою устроили кровлеобразную постройку изъ поставленныхъ наискось бревенъ; связующее верхнее бревно въ 16 ф. длины было прикрѣплено къ кресту большими цапфами и положено на вбитыхъ въ землю съ двухъ сторонъ столбахъ.

Наконецъ вся постройка была засыпана толстымъ слоемъ песку и обложена каменьями, такъ что представляла изъ себя очень приличную могилу, вполне соответствующую исполинскому, въ 22 ф. вышиною кресту. Надпись на крестѣ вырѣзана въ часы вечерняго досуга Мельвиллемъ и его людьми въ хижинѣ.

Будущею весною могила будетъ обложена дерномъ; на случай, если бы самъ Мельвилль успѣлъ окончить свои изслѣдованія еще до наступленія половодья и былъ принужденъ покинуть дельту, онъ поручилъ старшинѣ Булунскому выполнить эту работу подъ своимъ личнымъ наблюдениемъ. Какъ бы то ни было, но принимая во вниманіе разныя обстоятельства также и матеріаль, изъ котораго сдѣланъ памятникъ, видимый за 20 верстъ съ рѣки, онъ долженъ быть признанъ вполне соответствующимъ своему назначенію.

Корабельныя бумаги и книги тотчасъ же послѣ находки ихъ были спрятаны, и никому не дозволялось взглянуть на нихъ; Мельвилль сдѣлалъ исключеніе только для записной книжки Делонга, да и то лишь для того ея отдѣла, который касался октября мѣсяца. т. е. послѣднихъ дней, такъ какъ здѣсь находились драгоцѣнныя подробности для розысканія труповъ. Что касается до разныхъ предметовъ, которые могли имѣть значеніе для друзей умершихъ, то всѣ они были уло-

жены въ ящикъ и посланы съ переводчикомъ Бобуковымъ и казакомъ вмѣстѣ съ корабельными книгами и флагомъ въ Якутскъ, гдѣ все должно было оставаться на сохраненіи у тамошняго губернатора, пока послѣдуетъ какое-либо распоряженіе на этотъ счетъ морского департамента, или самъ Мельвилль возьметъ вещи на родину. Втеченіе всего времени, пока ставили памятникъ, продолжались поиски тѣла Алексѣя; по дневнику капитана, гдѣ подъ 18-мъ октября есть замѣтка, что тѣло Алексѣя было отнесено за плоскодонную лодку и тамъ покрыто ледяными торосами, нельзя было сомнѣваться въ томъ мѣстѣ, гдѣ его слѣдуетъ искать, но до сихъ поръ, однако, оно еще не найдено.

10 апрѣля, тотчасъ послѣ окончанія работы надъ памятникомъ, Мельвилль отправился со своими людьми снова въ путь, чтобы въ самой дельтѣ или по ближайшему берегу поискать слѣдовъ высадки лейтенанта Чиппа. Такъ какъ вся дельта представляетъ собою огромную песчаную отмель и перерѣзывается во всѣхъ направленіяхъ тысячами большихъ и малыхъ рукавовъ, отчасти судоходныхъ, отчасти же мѣняющихся ежегодно направленіе, дѣйствительно, серьезная рекогноспировка была теперь дѣломъ рѣшительно невозможнымъ. Такой незначительный отрядъ, какой былъ у Мельвилля, долженъ былъ удовольствоваться тѣмъ, что ему удалось въ короткое и притомъ въ такое время, когда здѣсь и не помышляютъ о санной ѣздѣ, обследовать, по крайней мѣрѣ, берегъ; приближеніе весеннихъ отмелей, которыя сдѣлаютъ невозможною ѣзду на саняхъ, должны повлечь за собою половодье, а тогда будутъ смыты и уничтожены всякіе слѣды безвозвратно. Для того, чтобы воспользоваться ограниченнымъ временемъ, бывшимъ въ его распоряженіи, Мельвилль рѣшился раздѣлить свой отрядъ для этого послѣдняго похода. Самъ онъ хотѣлъ итти на западъ до рѣки Оленека и возвратиться къ сѣверо-восточному берегу, въ Кас-хартя, тогда какъ Бартлеттъ и Ниндерманнъ должны были отправиться изъ Кас-харта и итти въ сѣверо-восточномъ направленіи до мыса Баркина и тутъ только избрать два пути; Бартлеттъ долженъ

былъ изслѣдовать восточный берегъ и отправиться затѣмъ въ Ермолаево, а Ниндерманну поручено было итти по сѣверному берегу и возвратиться потомъ въ Кас-харта.

Ни Бартлеттъ, ни Ниндерманнъ не нашли на своемъ пути никакихъ слѣдовъ погибшихъ, а Мельвилль, въ ту минуту, какъ я пишу эти строки, еще не возвратился изъ своего путешествія. Отъѣздъ его былъ задержанъ разными препятствіями и случайностями, которыхъ онъ никакъ не могъ предвидѣть, на нѣсколько дней, и онъ потерялъ много драгоценнаго времени. Тотчасъ же по возвращеніи своемъ въ Кас-харта онъ хочетъ отправиться съ остальными людьми въ Ермолаево, гдѣ въ настоящую минуту находится Бартлеттъ, для того, чтобы продолжать свои изслѣдованія по берегу Борщовой бухты до мыса того же имени. Если и эти послѣднія попытки останутся безъ всякаго результата, то придется примириться съ грустнымъ фактомъ, что лодка лейтенанта Чиппа еще во время бури 12 сентября пошла ко дну со всѣми находившимися на ней людьми.

Глава XIX.

Плаваніе „Жаннетты“.

Я воспользовался дневникомъ Делонга для послѣдующаго разсказа, такъ какъ другія свѣдѣнія изъ различныхъ источниковъ противорѣчатъ одно другому. Я изучилъ основательно этотъ дневникъ во время моего путешествія по Ленѣ, а также и указаніями, сдѣланными мнѣ Ниндерманномъ и Норо-сомъ, обоими людьми изъ капитанской лодки, оставшимися въ живыхъ. При выходѣ въ Ледовятый океанъ на „Жаннеттъ“ было всего 33 человекъ экипажа. 8 іюля 1879 года, она оставила Санъ-Франциско, а 13 іюля 1881 года она погибла. Уже черезъ два мѣсяца послѣ своего отъѣзда, она попала

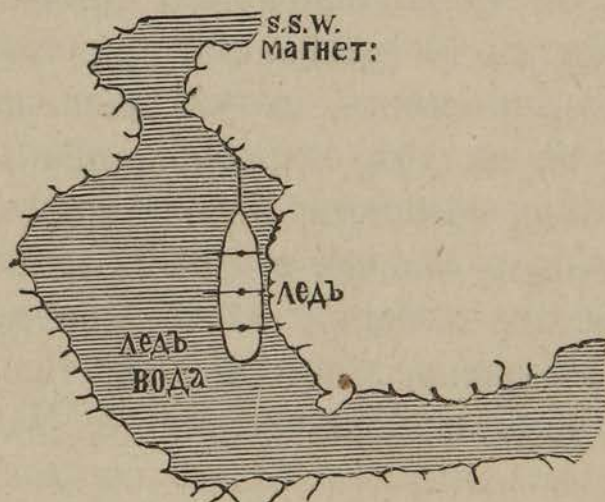
въ сплошной ледъ; еще ранѣе конца ноября она окончательно замерзла и болѣе не выбиралась на свободу. Окруженная со всѣхъ сторонъ льдами, шла она вмѣстѣ съ этимъ послѣднимъ то скорѣе, то тише къ сѣверо-западу, безпомощная, и не разъ подвергалась опасности быть раздавленной сильнымъ нажимомъ лопающихся, громоздящихся и снова замерзающихъ сплошныхъ ледяныхъ полей. Санитарное состояніе экипажа было во все время пути очень хорошо; случаевъ скорбута не было. Употребляли дистиллированную воду, а два раза въ недѣлю выдавалось медвѣжье и тюленье мясо; рома не выдавалось вовсе. Всѣ ходили, по возможности, часто на охоту, хотя добыча и попадалась лишь очень рѣдко. Большую часть времени, вслѣдствіе сильнаго напора льда, судно оставалось на боку, такъ что постоянныя опасенія за его судьбу производили удручающее впечатлѣніе на расположеніе духа экипажа. Тѣмъ не менѣе, ежедневно производились всевозможныя научныя наблюденія.

Отчетъ объ этомъ долгомъ плѣненіи во льду естественно однообразенъ. Только весной 1881 года, незадолго до гибели „Жаннетты“ рассказъ дѣлается интереснымъ и увлекательнымъ.

17 мая 1881 года, увидѣли землю, первую по оставленіи Врангелевой земли. То былъ небольшой утесистый островокъ, названный открывшими его, островомъ „Жаннетты“. Положеніе его опредѣляется $79^{\circ}47'$ сѣвер. шир. и $158^{\circ}59'$ восточной долготы отъ Гринвича. Попытки высадиться на него сдѣлано не было.

Судно быстро гнало на сѣверо-западъ, и 24 мая они увидели другой островъ, куда отрядъ изъ 5 человѣкъ высадился 3 іюня, послѣ многодневнаго и труднаго перехода по сплошному льду. Поднять былъ американскій флагъ, и островъ былъ занятъ именемъ Соединенныхъ Штатовъ, при чемъ ему дали имя острова Генріэтты. Островъ этотъ находится на $77^{\circ}8'$ сѣв. шир. и $157^{\circ}43'$ вост. долготы отъ Гринвича; онъ имѣетъ продолговатую форму, высокъ, гористъ, вѣроятно, вулканическаго происхожденія и вѣчно покрытъ пеленою снѣга и льда. Животной жизни нѣтъ и слѣда. 6 іюня отрядъ возвратился на

судно, которое, какъ разъ въ этотъ день очутилось въ особенной опасности. Ледяное поле находилось въ быстромъ движеніи и ледяныя глыбы громоздились вокругъ въ самыхъ хаотическихъ массахъ и формахъ. Втеченіе нѣсколькихъ дней, однако, гнало и судно и ледъ попережнему на западъ и сѣверо-западъ, тогда какъ вокругъ ледъ лопался и трескался по всѣмъ направленіямъ. Ночью 10 іюня, „Жаннетта“ получила нѣсколько сильныхъ ударовъ, отъ которыхъ она поднялась на нѣсколько дюймовъ изъ своего бывшего ложа. Признаки скорого взлома ледянаго поля умножились, и судно

Положеніе „Жанетты“ во время катастрофы.

должно было лишиться своей защиты; въ 10 м. до полуночи 11 іюня, ледъ вдругъ треснулъ около судна, такъ что оно снова совершенно освободилось и стало въ первый разъ послѣ столькихъ мѣсяцевъ совершенно прямо. Ледъ оставался въ движеніи, но не приносилъ еще судну никакого существеннаго вреда. Только утромъ 12 іюня суждено было случиться катастрофѣ. Вотъ, что говоритъ объ этомъ дневникъ капитана Делонга:

„Суббота, 11 іюня (число выставлено по корабельному счету, 12 іюня, воскресенье, по обычному счету). Въ 7¹/₂ часовъ

утра, ледъ началъ подвигаться со стороны бакборта, но, придвинувшись фута на два, снова пришелъ въ спокойное состояніе. Втеченіе цѣлой вахты мы старались забросать кусками льда небольшой каналъ, образовавшійся вправо, для того, чтобы этотъ ледъ могъ хотя отчасти смягчить напоръ всей ледяной массы. Въ 10 час. утра, ледъ на столько придвинулся къ бакборту, что только-что набросанный ледъ встрѣтилъ первый толчекъ; затѣмъ снова все затихло. Изъ помѣщаемаго здѣсь наброска положеніе судна среди ледяныхъ полей и небольшого воднаго пространства наполненнаго льдинами, совершенно ясно.

Въ 4 часа пополудни, ледъ вдругъ приподнялъ бакбортъ съ такою силою, что судно накренило прямо штирбортомъ на ледъ, подъ угломъ въ 16 градусовъ; при этомъ оно трещало и скрипѣло въ скрѣпленіяхъ, палуба на штирбортѣ дала трещину и повсюду на палубѣ открылись щели дюйма въ полтора шириною; стало слишкомъ вѣроятнымъ, что судно потерпѣло значительную аварію, а потому я и отдалъ тотчасъ же приказаніе отвести шлюпки лѣваго борта подальше отъ „Жаннетты“, въ безопасное мѣсто на ледъ. Все это было исполнено спокойно и безъ всякой путаницы. Надвигающійся съ праваго борта ледъ напиралъ также съ особенною силою и на заднюю часть судна, а потому не только бушпритъ поднялся высоко вверхъ, но и задняя часть опустилась при этомъ очень глубоко, при чемъ все судно было такъ плотно охвачено льдомъ, что оставалось безъ всякаго движенія и даже страшнымъ напоромъ льда не могло быть приподнято изъ охватившихъ его со всѣхъ сторонъ тисковъ. Г. Мельвилль, находившійся въ это время въ машинномъ отдѣленіи, видѣлъ, какъ вдругъ за котлами и механизмомъ образовалась въ суднѣ трещина, задняя часть была такъ плотно стиснута льдомъ, что напоръ его на носовую часть не могъ высвободить судна, которое вслѣдствіе этого и сломалось. Лѣвое отдѣленіе тоже, вѣроятно, очень значительно пострадало, такъ какъ вода стремительно ринулась въ находившіяся здѣсь угольные ямы. Тогда-то было отдано приказаніе перевести на берегъ, т. е.

вѣрнѣе на ледъ, половину всего запаса пеммикана и весь хлѣбъ, находившійся на палубѣ, а также и доставить въ безопасное мѣсто собакъ и сани. Въ 4 часа 90 м., напоръ льда вдругъ ослабѣлъ, и мы стали уже было льстить себя надеждою, что ледъ слегся подъ судномъ и не будетъ намъ болѣе вредить; „Жаннетта“ лежала теперь на боку подъ угломъ 22° и съ носу приподнята была на 4 ф. 6 д. надъ горизонтомъ.

„Въ 5 ч. пополудни, натискъ льда возобновился, и теперь уже съ такою силою, что судно трещало во всѣхъ своихъ частяхъ. Верхняя палуба начала замѣтно изгибаться сводомъ, и казалось, что штирбортъ тотчасъ весь разсядется. Вслѣдствіе этого я отдалъ приказаніе вынуть провіантъ, одежду, постели, корабельныя книги и бумаги и перевезти все это вмѣстѣ съ больными въ безопасное мѣсто, куда-нибудь на ледъ. Пока люди были заняты этимъ, судно получило новый ужасный ударъ, и въ 6 час. вечера мы замѣтили, что внутренность его быстро наполняется водою. Съэтой минуты, мы направили наши усилія къ тому, чтобы перевезти припасы и т. п. на ледъ и оставили эту работу лишь тогда, когда вода достигла уже верхней палубы, и судно накренилось штирбортомъ на сторону подъ угломъ 30°. Вся лѣвая сторона палубы была уже подъ водою, которая достигла люковъ. Ледъ, видимо, пробилъ штирбортъ; судно быстро пошло ко дну. Нашъ флагъ былъ уже поднять на бизань-мачтѣ, и были вообще приняты всѣ мѣры къ спасенію, такъ что, когда, наконецъ, въ 8 часовъ вечера, отданъ былъ приказъ покинуть судно, то исполненіе послѣдовало безъ всякаго замедленія. Мы собрались на льду, придвинули наши лодки и припасы подальше отъ опасныхъ трещинъ и раскинули лагерь. Припасовъ было достаточно, и мы составили всему подробный инвентарь.

„Воскресенье, 12-го іюня (понедѣльникъ, 13-го іюня). Въ 1-мъ часу пополудни, мы были неожиданно изгнаны съ мѣста нашего расположенія, такъ какъ ледъ какъ разъ подъ нашимъ бивуакомъ сталъ разсѣдаться. Быстро перенесли мы наши припасы и все наше достояніе въ безопасное мѣсто и

тамъ въ два часа утра расположились на ночлегъ, выставивъ, на всякій случай, часоваго. Въ часъ утра свалилась бизань и судно такъ накренилось на бокъ, что нижняя часть реи лежала совершенно на льду. Въ 3 часа утра, судно погрузилось въ воду до такой степени, что труба лежала совсѣмъ на водѣ. Въ 4 часа утра, „Жаннетта“ пошла ко дну; снова ставъ на нѣкоторое время прямо, она тихо потонула. Гротъ брамстенга перевалилась черезъ бортъ, за нею послѣдовала фор-стенга, а наконецъ и гротъ-мачта; при окончательной гибели судна, на немъ оставалась лишь фокъ-мачта. Въ 9 часовъ утра, сдѣлана перекличка и завтракъ; затѣмъ, мы собрали весь свой запасъ одежды и привели въ порядокъ для того, чтобы потомъ раздѣлить между собою вещи. Раздѣливъ все, сообразно съ потребностями людей, оказалось, что у насъ было всего больше, нежели было нужно... Всѣ мужественно и весело настроены; у насъ и пищи и одежды избытокъ. Даже музыка не забыта. Лаутербахъ сыгралъ намъ сегодня вечеромъ серенаду на губной гармоникѣ. Я приказалъ себѣ разбить рабочую палатку, на верху которой развѣвается нашъ шелковый флагъ. Температура въ теченіе всего дня держится на 4° мороза. Нѣкоторые изъ людей ходили на мѣсто крушенія; они нашли на льду еще стулъ, нѣсколько весель и балокъ. Чиппу лучше. Данненхауэръ весель. Въ 9 час. 45 м. я справилъ церковную службу.

„Понедѣльникъ. 13-го іюня. Въ 7 часовъ утра—общая перекличка; въ 8 часовъ—завтракъ. Въ 9 часовъ, пошли на работу и поставили первый и второй куттеръ и китоловныя лодки на полозья. Я рѣшился оставаться здѣсь спокойно до тѣхъ поръ, пока мы не успѣемъ сдѣлать всѣхъ необходимыхъ приготовленій, и тогда уже начать обратный путь. У насъ много провіанта, которымъ мы можемъ жить нѣкоторое время, не касаясь запаса, отложеннаго нами на обратный путь, рассчитанный мною на 60 дней. Больные наши поправляются, такъ что и имъ этотъ роздыхъ принесетъ пользу. Суитманъ былъ сегодня на томъ мѣстѣ, гдѣ судно пошло ко дну, но не увидалъ болѣе ничего, кромѣ ящика съ сигналами, пла-

вавшаго вверхъ дномъ на водѣ. По всѣмъ сторонамъ виднѣются въ изобиліи полыньи; воздухъ очень сырой и холодный. Прошлою ночью всѣ мы спали отлично, такъ какъ, было тепло и уютно въ палаткахъ. Послѣ полудня лодки были поставлены на полозья и изготовлены къ тягѣ. Между тѣмъ мы перенесли лагерь далѣе на западъ, такъ, какъ до сихъ поръ, находились слишкомъ близко отъ края, въ случаѣ какой либо перемѣны въ состояніи ледяныхъ массъ. Палатка Чиппа была теперь продвинута назадъ и поставлена за вѣтромъ, чтобы храпящіе опять, какъ и прошлую ночью, не мѣшали ему спать. Затѣмъ мы поставили наши лодки передъ палатками, передъ этими послѣдними сложили весь провіантъ, а затѣмъ поужинали уже въ новомъ лагерѣ. Мы взяли съ корабля всю прѣсную воду, которая еще оставалась, и она тянулась до вечера воскресенья, а теперь намъ приходится довольствоваться льдомъ; мы выбираемъ самыя старыя и высокія льдины и отцарапываемъ съ нихъ поломанные кристаллы тамъ, гдѣ можно ихъ найти; само собой разумѣется, что солнце не обладаетъ еще достаточною силою для того, чтобы растаивать для насъ значительное количество льда. Снѣговая, или, вѣрнѣе, ледяная вода на вкусъ сладка, но докторъ, изслѣдовавшій ее, заявилъ, что она содержитъ очень много свинца. Но въ виду того, что другой у насъ не имѣется, и мы ничего не можемъ сдѣлать иного, то намъ приходится отвращать угрожающую опасность приѣмами лимоннаго сока.

Въ настоящее время живемъ по княжески, питаюсь только хорошими припасами, не принуждены производить слишкомъ тяжкія работы, и находимся всѣ въ вождельнномъ здравіи, едва вспоминая о легкой отравѣ свинцомъ. Температура въ 8 часовъ вечера 6° мороза; очень сыро.

„Вторникъ, 14-го іюня. Въ 7 часовъ — общая перекличка, завтракъ, а въ 9 пошли на работу. Изъ каждой палатки выбрано по два человѣка, которые подъ руководствомъ Мельвилля, занялись сборомъ провіанта, рассчитаннаго на 60 дней пути. Докторъ, съ своей стороны, при помощи одного матроса, перелилъ весь лимонный сокъ въ три бочки и, по возмож-

ности, концентрировалъ его. Денбаръ взялся съ тремя людьми за подробный осмотръ мак-клинтоковскихъ саней, чтобы привести ихъ въ полную готовность къ нагрузкѣ и походу. Остальные люди занимались болѣе шитьемъ мѣховыхъ сапоговъ, уменьшеніемъ размѣровъ спальныхъ мѣшковъ и другими подобными подѣлками, клонившимися къ большому нашему удобству во время пути.

Къ сожалѣнію, списокъ нашихъ больныхъ со дня на день увеличивается. Алексѣй всю ночь промучился отъ болей въ желудкѣ; онъ стоналъ непрерывно и вынесъ нѣсколько припадковъ сильной рвоты. Кюне тоже боленъ; онъ и Алексѣй лежатъ плотно завернутые въ свои спальные мѣшки. Чипшъ, кажется, нѣсколько повеселѣлъ. Погода ясная, свѣтлая и пріятная. Температура въ 10 ч. утра 10° мороза въ тѣни; минимумъ ночью— 9° . Небольшія массы тумана, нанесенныя вѣтромъ, даютъ намъ возможность увидать на югѣ большія полыни. Состояніе барометра—30,37, но мнѣ приходится бояться, что мой карманный барометръ не находится въ полномъ порядкѣ. Въ 2 часа, начали мы нагружать нашъ провіантъ на санки; 3,960 фунтовъ пеммикана и 200 галлоновъ спирта грузятся на каждыя сани, причемъ провизія раскладывается въ мѣшки, соотвѣтствующіе недѣльной порціи. Дневная порція чая достигаетъ 15 гр., кофе—30 гр. на человѣка. На основаніи точнаго наблюденія, сдѣланнаго мною въ 6 ч. вечера, оказалось, что мы находимся на $153^{\circ} 58' 45''$ вост. долготы; до сихъ поръ все идетъ хорошо и сообразно съ нашими желаніями. Люди всѣ веселы и одушевлены мужествомъ, и лагерь нашъ производитъ впечатлѣніе большаго оживленія.

„Послѣ ужина болѣе не работали; подыскали только для каждой палатки по ящику, т. е. всего 10 штукъ, которые мы должны были захватить въ лодки.

„Среда, 15 іюня. Сначала погода стояла неблагопріятная, пасмурная и туманная, но вскорѣ послѣ 10 ч. небо прояснилось и день сдѣлался свѣтлымъ и солнечнымъ. Ночь была холодная (—10 R.). Я спалъ плохо, такъ какъ не могъ достать свой спальный мѣшокъ до плечъ; остальные же, по-

видимому, чувствуютъ себя очень хорошо и спали прекрасно. Чиппу лучше, по его словамъ, онъ проспалъ ночь хорошо и чувствуетъ себя теперь свѣжимъ и бодрымъ; Данненхауэръ ходитъ съ завязаннымъ глазомъ, но все же работаетъ наравнѣ съ другими. Алексѣй провелъ дурную ночь и утромъ былъ совершенно боленъ и слабъ. Кюне не можетъ еще покинуть палатку. До полудня мы тщательно занялись съ упаковкою чаю, кофе и сахара въ мѣшки и распредѣленіемъ груза по лодкамъ; къ 11 ч. все было готово, и мы могли приняться за накладку и увязку саней. На льду лежатъ еще 30 ф. жаренаго кофе, 30 ф. молотаго и мѣшокъ хлѣба, которые надо еще уложить въ лодки. Изъ провіанта на 90 путевыхъ дней еще не уложены: 315 ф. пеммикана, 43 ф. чая, 55 ф. сахара и 37 ф. кофе. Само собою разумѣется, что намъ придется оставить здѣсь многое изъ нашихъ припасовъ, а также и оба челнока и сани, захваченные нами изъ форта св. Михаила, но такъ какъ мы можемъ подвигаться впередъ лишь чрезвычайно медленно, то я полагаю, что въ первый день нашего хода мы все время будемъ достаточно близки отъ нашей теперешней стоянкѣ, чтобы послать туда санки за провизіею на слѣдующіе 24 часа; такимъ образомъ, быть можетъ, въ первые дни нашего путешествія намъ вовсе не придется распаковывать нашихъ саней съ провіантомъ. Пообѣдали въ часъ пополудни, а въ 2 ч. снова принялись за работу. Всѣ сани увязаны; оказывается, что сани № 2 (Чиппа, уже выкинули флагъ, съ надписью „Лиззи“, я замѣчаю Ниндерманну, что у насъ нѣтъ еще таковаго, а онъ сообщаетъ мнѣ, что нашъ тоже уже въ работѣ, и что онъ охотно надписалъ бы на немъ „Сильвія“; конечно, я ничего противъ этого не имѣю. Сегодняшнія мои астрономическія наблюденія дали $77^{\circ}17'$ сѣв. шир. и $153^{\circ}42'30''$ вост. долготы; со вчерашняго дня уклоненіе на $3\frac{3}{4}$ мили; температура въ 6 ч. вечера — 6° мороза; вѣтеръ отъ сѣверо-востока, сила вѣтра 2.

„Вечеромъ отдалъ я слѣдующій приказъ:

„Куттеръ Соед. Шт. „Жаннетта“. Во льдахъ $77^{\circ}17'$ с. ш. и $153^{\circ}42'$ в. д. Ледовитый океанъ, 15-го іюня, 1881 года.

„Приказъ“.

„При выступленіи въ походъ на югъ офицеры и матросы не имѣютъ права брать съ собою изъ платья болѣе того, что въ данную минуту надѣто на нихъ, и что уложено въ ихъ ранцахъ. Всякому предоставляется на выборъ взять мѣховое или суконное платье, но, разъ выбравъ, мѣнять избранное запрещается. Излишнее верхнее платье (за исключеніемъ моккасиновъ) брать съ собою воспрещается. Въ каждый ранецъ должны быть уложены: 2 пары штановъ, 2 пары чулокъ, 1 п. моккасиновъ, 1 шапка, 2 пары рукавицъ, 1 нижняя рубаха, 1 п. нижнихъ штановъ, 1 башлыкъ, 1 пледъ, 1 п. снѣговыхъ очковъ, пачка табаку, трубка, 2 пакета патроновъ и 24 восковые спички; мыло, платокъ, нитокъ и шелку, лишнюю пару моккасиновъ съ лишнею парю штановъ можно еще захватить въ спальный мѣшокъ; ничего иного укладывать туда нельзя. Каждый офицеръ обязывается наблюдать, чтобы число забираемыхъ съ собою вещей отнюдь не превышало дозволеннаго количества. Дальнѣйшія приказанія и разъясненія будутъ отданы въ случаѣ необходимости впослѣдствіи.

Дж. Делонгъ,

Лейтенантъ флота Соед. Штатовъ,
Начальникъ Арктической Экспедиціи“.

Почти совершенно безоблачное небо, а вслѣдствіе этого и почти жгучее солнце, глядящіяся въ ледяное поле, дѣлаютъ жизнь нашу въ данный моментъ особенно невыносимую; всѣ мы обожжены солнцемъ, и наши носы, губы и щеки начинаютъ трескаться и болѣть. До сихъ поръ, однако, глаза наши еще совершенно здоровы.

Въ четвергъ, 16-го іюня Делонгъ свидѣтельствуемъ о большихъ полыньяхъ, видимыхъ на югѣ и на юго-западѣ. Онъ даетъ людямъ разрѣшеніе прибавить къ общему грузу по полуодѣялу на человѣка, на случай холода. Въ 4¹/₂ ч., онъ высылаетъ Денбара впередъ въ южномъ направленіи для отысканія хорошей дороги и, наконецъ, издаетъ окончательный приказъ, касающійся распредѣленія людей и ихъ работъ во

время похода; тутъ же было обозначено подробное распредѣленіе дня и количество пищи во время завтрака, обѣда и ужина, а также и нѣкоторыя незначительныя частности.

Затѣмъ приказъ этотъ былъ прочитанъ людямъ. „Я полагаю, — пишетъ Делонгъ далѣе, — что теперь мы совершенно готовы и завтра въ 6 ч. вечера можемъ выступить въ путь“. Все утро слѣдующаго дня было употреблено на составленіе донесенія, заключавшаго въ себѣ точныя свѣдѣнія о плаваніи „Жаннетты и Генріэтты“, о ея гибели и т. д. Этотъ документъ былъ тщательно зашитъ въ кусокъ каучуковой матеріи и положенъ въ пустой боченокъ, который и былъ положенъ на ледъ, весьма понятно, что это было сдѣлано съ тою надеждою, что этотъ боченокъ съ драгоценнымъ документомъ попадетъ къ кому-нибудь въ руки.

Глава XX.

Обратный путь.

По выступленіи на слѣдующій день дневникъ Делонга сообщаетъ:

„Въ 5 час. вечера, всѣмъ сдѣлана перекличка, а затѣмъ ужинъ, или, какъ мы можемъ его теперь съ большимъ основаніемъ назвать, завтракъ былъ поданъ и съѣденъ, по возможности, на-скоро. Въ 5 ч. 50 м., мы начали сниматься съ лагеря и, хотя мы намѣревались начать походъ ровно въ 6 ч., все же мы могли выступить только въ 9 ч. 20 м. Всѣ люди впряглись въ первый куттеръ, тогда какъ собаки, управляемыя Анеквиномъ, старались сдвинуть съ мѣста сани № 1; куттеръ пошелъ довольно легко, но сани рѣшительно не удавалось сдвинуть съ мѣста нашимъ собакамъ; сначала мы постоянно останавливались, чтобы вытаскивать сани то изъ какого-нибудь ухаба, то изъ трещины; въ концѣ концовъ оказалось, однако, что тяговая сила нашихъ собакъ вполне недостаточна. Вслѣдствіе этого я отрядилъ 6 человекъ отъ кут-

тера и возвратился вмѣстѣ съ ними назадъ для того, чтобы помочь какъ-нибудь значительно отставшимъ отъ насъ санямъ. Это-то неожиданное разъединеніе и было причиною всѣхъ послѣдующихъ неудачъ сегодняшняго дня. Я вчера еще послалъ впередъ Денбара съ цѣлью изслѣдовать предстоящую намъ на сегодня дорогу и обозначить ее вѣхами. Когда онъ возвратился, я могъ видѣть лишь три изъ поставленныхъ имъ вѣхъ и потому, вслѣдствіе недоразумѣнія, подумалъ, что ему только и удалось поставить три вѣхи. Мельвилль ошибался точно такимъ же образомъ и потому приказалъ выгрузить захваченный на сегодня провіантъ, какъ разъ у третьяго флага, какъ у конечной цѣли нашего дневнаго хода; только уже когда куттеръ прибылъ къ третьему флагу и Мельвилль хотѣлъ отдать приказъ остановиться, узналъ онъ отъ Денбара, что здѣсь еще дневной переходъ не оканчивается, и что дальше онъ поставилъ еще четвертую вѣху. Само собою разумѣется, что я не могъ быть повсюду, а такъ какъ Мельвилль не зналъ моихъ желаній, то онъ и далъ себя уговорить Денбару идти съ куттеромъ дальше, вмѣсто того, чтобы оставить его тамъ, гдѣ сложенъ былъ провіантъ на слѣдующія сутки. Между тѣмъ я достигъ первыхъ саней со своими 6 матросами и протащилъ ихъ послѣ нечеловѣческихъ усилій съ $\frac{1}{4}$ мили впередъ; затѣмъ мы снова вернулись назадъ и протащили къ мѣсту стоянки первыхъ саней второй куттеръ и китоловную лодку. Мы находились еще здѣсь и никакъ не могли понять, что могло задержать такъ долго Мельвилля и остальныхъ людей, когда я замѣтилъ, что Чиппъ, бывший немного впереди насъ, вдругъ остановился со своимъ транспортомъ и не могъ идти далѣе. Быстро побѣжалъ я къ нимъ и, къ ужасу моему, увидалъ, что здѣсь образовалась во льду широкая трещина и, что намъ ничего иного не оставалось, какъ сгрузить все находившееся у насъ добро и отправиться къ нему на помощь на лодкѣ. Задержка была крайне печальная. Я тотчасъ же послалъ людей къ нашему первому бивуаку за легкою лодкою Динги и, когда они прибыли счастливо, перевезъ Чиппа и сани съ больными на другую сторону. Тогда я снова по-

слалъ Чиппа впередъ для того, чтобы вернуть къ намъ какъ можно скорѣе весь отрядъ куттера. Изъ-за этого мы потеряли много драгоцѣннаго времени, такъ какъ все, что втеченіе этого времени я могъ сдѣлать съ моими шестью людьми, это—догнать второй куттеръ, китоловную лодку и двое саней до мѣста переправы. Около 10 ч. вечера, прибылъ къ намъ снова отрядъ перваго куттера, мы тотчасъ спустили на воду обѣ лодки, перетасили ихъ черезъ трещину и снова вытащили на ледъ. Чтобы избѣжать разгрузки саней, мы тщательно принялись разыскивать другую дорогу и, къ счастью, скоро нашли такое мѣсто, гдѣ постоянно расширяющаяся трещина была еще достаточно узка; мы тотчасъ же накидали въ нее нѣсколько большихъ льдинъ и установили, такимъ образомъ, хотя и не совсѣмъ безопасное, но все же довольно сносное сообщеніе. Во время переправы полозья однѣхъ саней попали между двумя льдинами, такъ что намъ пришлось опять останавливаться и осторожно высвободить сани, которыя, однако, все же потерпѣли нѣкоторую аварію; то же случилось и съ двумя другими санями, гдѣ полозья тоже сломались. Такимъ образомъ, переправившись, наконецъ, счастливо на другую сторону трещины (а это случилось въ 12 ч. 10 м. дня, въ субботу, 18-го іюня), мы оказались далеко не въ завидномъ положеніи: у насъ было трое сломанныхъ саней, всѣ мы были страшно голодны, такъ какъ, по предположенію, мы должны были обѣдать въ 11 ч., но не обѣдали, и къ довершенію всѣхъ бѣдъ всѣ припасы находились отъ насъ еще въ полумилѣ, тогда какъ кухонная и иная посуда, палатка и спальныя мѣшки находились еще на полчаса хода впереди. Дѣлать было, однако, нечего, и пришлось поневолѣ покориться судьбѣ; мы впряглись въ остальные двѣ лодки и отправились въ дальнѣйшій путь. Въ 1 ч. 30 м., мы достигли, наконецъ, чернаго флага и нашего провіанта, гдѣ узнали, что на походѣ у Лаутербаха случились желудочныя судороги и, что Ли тоже не разъ падалъ на ледъ, страдая симптомами той же болѣзни; докторъ заявилъ, что иной причины, какъ отравы свинцомъ, онъ придумать не можетъ. Въ 7 ч. утра, мы поужинали, а

въ 8 выставили часоваго и легли спать, измученные и обезсиленные до крайности.

На слѣдующій день Делонгъ пишетъ:

„Всѣ бодры и веселы; странно, что никто не пострадалъ отъ такихъ непосильныхъ трудовъ вчерашняго дня. Что касается нашихъ больныхъ, то у Чиппа оказывается значительная слабость въ ногахъ, тогда какъ Алексѣй, Стюартъ и Кюне чувствуютъ себя много лучше. Все, что мы до сихъ поръ сдѣлали, не возбуждаетъ мужества: дорога такъ отвратительна, снѣгъ такъ мягокъ и глубокъ и трещины во льду такъ многочисленны, что затрудненія, къ которымъ мы были приготовлены, оказались ничѣмъ въ сравненіи съ тѣмъ, что мы испытали въ дѣйствительности. Принужденные обстоятельствами, мы должны были слишкомъ нагрузить свои сани; по гладкому льду онѣ могли бы, всетаки, двигаться безпрепятственно, но въ мягкомъ и глубокомъ снѣгу онѣ постоянно застряваютъ. 28 людей и 23 собаки, таща изо всѣхъ силъ, могли всякій разъ продвинуть сани съ грузомъ въ 40 пудовъ только на нѣсколько шаговъ впередъ; когда они спускались съ горки, то сани врѣзывались въ сугробъ, и стоило большихъ и долгихъ трудовъ снова вытащить ихъ оттуда. Хотя все время было отъ 3 до 5° мороза, все же мы работали въ однѣхъ рубахахъ и потѣли, какъ въ теплый лѣтній день. Теперь я вижу ясно, что далѣе такъ идти не можемъ, мы должны подвигаться впередъ съ меньшимъ грузомъ, перевозить его общими усиліями и снова возвращаться назадъ для доставленія слѣдующаго транспорта; до сихъ поръ я думалъ, что будетъ возможно перевозить наши лодки и провіантъ тремя транспортами, теперь же я былъ бы совершенно доволенъ, еслибы это удалось намъ и въ шесть транспортовъ.

Въ воскресенье, 19-го іюня, привезена была большая часть провіанта, оставшагося еще на бивуакѣ, и все распредѣлено по отдѣльнымъ санямъ; понедѣльникъ прошелъ въ доставкѣ остальныхъ припасовъ, а во вторникъ Делонгъ отмѣчаетъ въ своей записной книжкѣ, что въ двое сутокъ они успѣли отойти отъ своего бивуака всего лишь на 2 версты; во вторникъ

ночью шелъ такой сильный дождь, что нечего было и думать о дальнѣйшемъ слѣдованіи. Делонгъ пишетъ:

„Ни въ какое иное время года, путешествіе здѣсь не представляетъ такихъ затрудненій, какъ теперь. Зимой и весной, конечно, холодно и въ высшей степени неудобно, но все же, по крайней мѣрѣ сухо; въ особенности удобны осень и позднее лѣто, такъ какъ тогда снѣгъ сходитъ со льда и идти приходится по совершенно почти гладкой поверхности. Теперь же снѣгъ до такой степени мягокъ, что въ немъ тонешь какъ въ водѣ, а если къ этой бѣдѣ прибавить еще дождь, то мученія наши переходятъ всякія границы. Даже собаки жмутся другъ къ другу, словно куры, спрятавшимъ подъ защиту лодокъ или же съ визгомъ просятъ въ двери палатокъ; на сушѣ, конечно, быть можетъ, и пріятно слушать изъ уютнаго домика, когда дождь барабанитъ по крышѣ, но здѣсь на льду подъ нашими палатками это вовсе не такъ пріятно, нигдѣ нѣтъ огня, кромѣ того, что разводится для варки пищи, нигдѣ нѣтъ мѣстечка, гдѣ бы можно было обсушиться, и, напротивъ того, повсюду маленькіе ручейки, протекающіе сверху черезъ вентиляціонныя отдушины и дѣлающіе уже и безъ того промокшихъ путниковъ еще болѣе мокрыми. При частыхъ и продолжительныхъ сегодняшнихъ остановкахъ я наблюдалъ, что многіе изъ нашей партіи захватили съ собою гораздо болѣе вещей чѣмъ я могъ дозволить; право удивительно, сколько „мелочей, которыя и вѣса никакого не имѣютъ“, попало незамѣтнымъ образомъ въ багажъ, но не менѣе удивительно, какъ всѣ эти мелочи, вмѣстѣ взятыя, тяжелы; прежде, чѣмъ мы покинемъ это мѣсто, я сдѣлаю подробный осмотръ и долженъ буду предпринять значительную выборку и очистку багажа.

„Вторникъ, 21-го іюня. Въ половинѣ третьяго, дождь пересталъ, и я послалъ впередъ г. Денбара, чтобы проложить, гдѣ окажется необходимымъ, дорогу и увѣшать ее флагами. Въ половинѣ четвертаго, я приказалъ запретъ 9 собакъ въ сани и отправился съ Каачемъ въ путь, имѣя въ виду доставить на слѣдующій привалъ 450 ф. пеммикана и 50 фун.

мясного экстракта. Оказалось, что г. Денбаръ положилъ двѣ дороги—одну между нагроможденными другъ на друга льдинами, а другу черезъ гряду ледяныхъ холмовъ; при этомъ по дорогѣ приходится переѣзжать отвратительное мѣсто, гдѣ ледъ уже треснулъ и разошелся на цѣлый футъ, причемъ трещина продолжаетъ увеличиваться, такъ что придется или устраивать черезъ нее переходъ, или переѣзжать ее, т. е. снова у насъ будутъ полны руки дѣла. Въ 6 ч. вечера общая перекличка; въ 7 ч. 30 м. выступленіе. Я послалъ Мельвилля съ двумя санями, тащимыми людьми, и съ двумя же на собакахъ; Эриксенъ и Личъ съ другими нартами (санями) отправлены были на прежнюю стоянку за остальными припасами. На случай, если бы мы были принуждены вернуться сюда для обѣда, мы не сняли бы лагеря и оставили тамъ же всѣ спальныя и кухонныя принадлежности; само собой разумѣется, что и докторъ съ больными остался при палаткахъ. Въ 8 ч. 30 м. вечера прибыли въ лагерь Мельвилль и его отрядъ вмѣстѣ съ обоими посланными впередъ санями на собакахъ; они оставили свой первый грузъ у трещины во льду, которую видѣлъ сегодня Денбаръ и которая, какъ я опасался, дѣйствительно успѣла значительно расшириться. Въ 9 ч. былъ отосланъ второй транспортъ, а въ 9 ч. 30 м. снялись съ лагеря и двинулись съ лодкою и двумя собачьими санями въ путь. Денбаръ съ двумя людьми остался у трещины, чтобы попробовать, нельзя ли будетъ перейти черезъ нее, заваливъ ее большою льдиною. На случай, если бы это удалось имъ, я уже далъ Мельвиллю приказаніе тотчасъ-же перевезти всѣ наши вещи, а такъ какъ онъ теперь болѣе не возвращался, то я и заключилъ, что въ настоящее время онъ именно этимъ и занятъ. Въ нетерпѣніи самому увидать въ какомъ положеніи находятся дѣла, я отправилъ назадъ Эриксена и Лича съ тремя собаками за лодкою Динги, забралъ на свои сани всѣ кухонныя принадлежности съ большихъ саней и поѣхалъ на трехъ собакахъ впередъ. А между тѣмъ наступила—

„Среда, 22-го іюня. Не успѣлъ я проѣхать и 200 сажень,

какъ наткнулся на трещину во льду и, какъ ни старался, но удержать собакъ не могъ; въ одинъ прыжокъ очутились онѣ на нѣсколькихъ льдинахъ, перевернули при этомъ сани, втащили и меня туда же и разбросали по сторонамъ всю кухонную утварь; продѣлавъ все это, онѣ выбрались на другой берегъ, усѣлись на краю и взвыли съ радости. Осторожно и съ большимъ трудомъ пробиваясь по льдинамъ, я собралъ свои разбросанныя вещи, достигъ противоположнаго берега, высвободилъ застрявшія между двумя льдинами сани и тогда уже вытащилъ на ледъ. Едва только почувствовали собаки, что ихъ ничто болѣе не удерживаетъ, какъ снова помчались весело впередъ. Когда нѣсколько времени спустя мнѣ удалось прибыть, наконецъ, къ большой трещинѣ, я нашелъ здѣсь Мельвилля со всѣми лодками и санями, плавающего на большомъ ледяномъ островѣ; такимъ образомъ, оказалось, что до сихъ поръ еще ничего не перевезено. Я крикнулъ ему, чтобы онъ занялся теперь приготовленіемъ обѣда, да и что я послѣдую за нимъ, какъ только придутъ люди съ челнокомъ, но онъ пригналъ ко мнѣ плававшую возлѣ его острова льдину, и я тотчасъ же переѣхалъ къ нему съ моею упряжкою и кухонными принадлежностями. Тогда мы принялись общими силами строить изъ льдинъ мостъ и раньше еще, чѣмъ мы сѣли за обѣдъ, мы успѣли уже переправить двое саней и нѣсколько собачьихъ саней разнаго груза. Въ 1 ч. 30 м. мы пообѣдали, а въ 2 ч. пріѣхали съ челнокомъ Эриксенъ и Личъ. Въ 2 ч. 20 м. утра, мы принялись за работу и перетаскивали черезъ трещину китоловную лодку и второй куттеръ; затѣмъ я послалъ Мельвилля съ его людьми за первымъ куттеромъ, а самъ съ Эриксеномъ и Личемъ перевезъ къ слѣдующему флагу двое собачьихъ саней, нагруженныхъ теммиканомъ и хлѣбомъ; возвратившись снова къ трещинѣ, мы застали уже здѣсь доктора, перевозящаго на большой льдинѣ больныхъ, а между тѣмъ во время нашего отсутствія ледъ успѣлъ разойтись еще болѣе, и переправа наша совершенно разстроилась. Пришлось снова втаскивать на трещину льдины и устроить, какъ можно скорѣе, переправу, по кото-

рой больные могли бы переправиться на другую сторону пѣшкомъ; затѣмъ мы принесли лекарства и, провозившись до 6 ч. утра, успѣли переправить все свое имущество вмѣстѣ съ первымъ куттеромъ. Мельвиллю пришлось спустить куттеръ на воду и вести его нѣкоторое разстояніе на веслахъ. Въ 7 час. 20 мин. мы поужинали и, казалось, рѣдко столь голодное и измученное общество садилось за ѣду; съ неутѣшительнымъ сознаніемъ, что послѣ нашихъ десяти-часовыхъ тяжелыхъ трудовъ мы прошли всего лишь сажень 300 или 400, мы приготовили все къ отходу ко сну, а въ 9 ч. утра дали свистокъ ложиться спать. Спали до 6 ч. вечера. Съ больными дѣло идетъ не особенно ладно; Чипшъ провелъ скверную ночь и очень ослабъ, вслѣдствіе трудностей послѣдняго перехода; съ Алексѣемъ постоянно дѣлаются припадки желудочныхъ болей, доводящіе его до изнеможенія, такъ что онъ ни за что взяться не можетъ; Лаутербахъ расхаживаетъ съ фізіономіей покойника; само собой разумѣется, что Данненхауеръ все еще страдаетъ слѣпотою. Денбаръ тоже начинаетъ снова расхвирываться, и я далъ ему уже совѣтъ побережься въ теченіе нѣсколькихъ дней и не истощать окончательно своихъ силъ. За пять минутъ до полуночи сани прибыли къ мѣсту назначенія, такъ что въ первый еще разъ мы прошли въ полдня именно столько, сколько было задумано, пообѣдали во время и послѣ обѣда могли продолжать путь; все это произошло вслѣдствіе того, что теперь мы шли, наконецъ, по сплошному льду, и трещинъ на нашемъ пути болѣе не попадалось.

„Четвергъ. 23-го іюня. Въ 12 ч. 15 м. утра мы поужинали, а въ 1 ч. 15 м. утра уже выступили въ путь. Въ 2 ч. 30 м. небо совершенно прояснилось, солнце встало въ полномъ блескѣ и туманъ пропалъ какъ бы отъ прикосновенія волшебнаго жезла. Въ 7 ч. разбили лагерь. Наконецъ-то мы прошли цѣлый день безпрепятственно и все же, я полагаю, не смотя на непомѣрныя усилія, прошли не болѣе двухъ верстъ; къ югу ледъ лежитъ въ беспорядочно нагроможденныхъ массахъ, такъ что кажется, что по этому направленію идти нѣтъ ни-

какой возможности. Конечно, здѣсь никогда не знаешь, какая переменна въ положеніи льда можетъ произойти въ какіе нибудь шесть часовъ времени, а потому, быть можетъ, при пробужденіи мы и увидимъ какой-нибудь проходъ. Мы находимся въ пастоящую минуту почти на 152° восточ. долготы. Въ 8 ч. 30 м. свистокъ ко сну, въ 6 ч. общая переключка и завтракъ; въ 7 ч. я послалъ г. Денбара впередъ для отысканія дороги среди ледяныхъ глыбъ. Въ 8 ч. принялись за обыкновенную работу, о которой я разъ навсегда, во избѣжаніе дальнѣйшихъ повтореній, и скажу здѣсь нѣсколько словъ. Отъ предписаннаго мною 16-го іюня распредѣленія дня и походнаго порядка пришлось поневолѣ сдѣлать нѣсколько отступленій и притомъ, главнѣйшимъ образомъ, потому, что ежеминутныя переменны въ положеніи льда дѣлали совершенно невыполнимымъ выполнение впередъ задуманныхъ плановъ, а также и въ силу того обстоятельства, что ни одинъ человѣкъ не могъ бы выдержать десяти-часовыхъ чрезвычайныхъ трудовъ и нечеловѣческихъ усилій. Со временемъ, когда тащимый нами съ собою грузъ поубавится, мы будемъ, быть можетъ, въ состояніи выполнять предположенное мною, но теперь это является совершенно невыполнимымъ.

„Послѣ привала и передъ выступленіемъ въ путь г. Денбаръ обозначилъ дорогу нѣсколькими черными флагами; въ 8 ч. онъ снова поѣхалъ впередъ, чтобы убѣдиться въ цѣлости льда и въ случаѣ необходимости принять мѣры къ устройству переправы. За нимъ слѣдовалъ Мельвилль съ тяжелыми санями, въ которыя впряглись почти всѣ наши люди; сани № 1 (которыя успѣли уже получить кличку „Моржъ“) тащилъ отрядъ Мельвилля, причемъ тутъ же вмѣстѣ тащили и другія двое саней. Эриксенъ и Ли цѣлый день разъѣзжали взадъ и впередъ на двухъ собачьихъ саняхъ, я нагрузилъ эти послѣднія на мѣстѣ послѣдней стоянки и зачастую самъ предпринималъ поѣздки для того, чтобы ознакомиться съ положеніемъ дѣлъ въ разныхъ пунктахъ перехода и кстати указать дальнѣйшій путь. Доставивъ тяжелыя сани на первую станцію, отрядъ Мельвилля возвратился назадъ за лодками;

тогда я отправилъ въ дорогу доктора съ больными, которые и дошли до того мѣста, гдѣ остановились сани. Затѣмъ я взялъ сани съ лекарствами и доставилъ ихъ туда-же. Между тѣмъ, прибыли и лодки; повара принялись за приготовленіе обѣда, а пока они были заняты этимъ дѣломъ, Мельвилль съ остальными людьми дотаскивалъ тяжелонагруженные сани до слѣдующаго привала. Въ полночь они снова возвратились и всѣ обѣдали. Въ часъ мы снова принялись за работу и перетаскивали лодки до того пункта, гдѣ стояли уже сани; за лодками вслѣдъ явился докторъ со своими больными; затѣмъ; сани снова отправились впередъ, а тамъ лодки, собачьи сани, и, наконецъ, около 5 ч. 30 м. или въ 6 ч. утра прибыли на мѣсто, точно также какъ и я съ остальными вещами; сварили ужинъ, разбили палатки, а между тѣмъ прибыли и собачьи сани. Въ 7 ч. утра мы ужинали, въ 8 ч. раздался свистокъ ко сну, а въ 6 ч. вечера всѣ встали и снова принялись за работу. Такимъ образомъ, мы работали 9 ч. въ сутки, спали 10 ч. и на ѣду уходило 3 часа; 2 часа приходилось на разбивку палатокъ, приготовленіе и раздачу пищи, съемку съ якоря и развѣшеніе пути. Трудно представить себѣ работу болѣе тяжелую нежели наше путешествіе, а такъ какъ оба мои помощника не сходили со скорбнаго листа, то тяжесть, лежащая на моихъ плечахъ, по истинѣ далеко не мала. Къ счастью, въ Мельвиллѣ я имѣю не только сильную поддержку, но онъ прекрасно замѣняетъ мнѣ обоихъ больныхъ; пока онъ здоровъ и силенъ, какъ теперь, все будетъ идти хорошо. И докторъ очень хорошій человѣкъ и всегда готовъ помочь людямъ въ работѣ, но я думаю, что онъ гораздо нужнѣе для больныхъ, и потому распорядился, чтобы онъ, оставался съ ними и сопровождалъ ихъ.

Сегодняшними результатами мы можемъ быть довольны; по приблизительному расчету, мы прошли добрыя двѣ версты, хотя ледъ и разошелся по нашему пути въ двухъ мѣстахъ, такъ что и намъ, и собакамъ было трудовъ не мало. Къ счастью; грузныя сани уже прошли впередъ, когда открылись трещины. Однѣ собачьи сани такъ и провалились; мы

принуждены были перерѣзать упряжь, чтобы спасти собакъ отъ гибели; а сани были вытащены двоими изъ насъ на край льда. Виды на слѣдующіи переходъ хороши; мы находимся теперь на ледяной равнинѣ, которая, по видимому, тянется еще на нѣсколько верстъ дальше. Сегодня переходъ былъ особенно непріятенъ вслѣдствіе воды, стоявшей на льду; люди часто проваливались и попадали тогда въ воду по колѣна; само собою разумѣется, какою трудною казалась намъ наша работа при подобныхъ обстоятельствахъ. Вода, собравшаяся здѣсь во многихъ мѣстахъ на льду, ночью всегда замерзаетъ, отъ лучей солнечныхъ, ледокъ снова, однако, таетъ, и не успѣешь остеречься, какъ попадаешь въ воду, по которой и приходится брести поневолѣ. Мы все еще не знаемъ ничего опредѣленнаго о своемъ положеніи. Чиппъ очень слабъ и въ состояніи двигаться лишь очень медленно и притомъ съ частыми передышками и остановками. Я дѣйствительно очень озабоченъ состояніемъ его здоровья. Лаутербахъ вчера снова могъ вступить въ исправленіе своихъ обязанностей; Алексѣй все еще боленъ и не въ состояніи работать.

Утро субботы, 25 іюня, застало насъ въ приготовленіяхъ къ обѣду, который мы съѣли въ часъ. Въ полночь я взялъ меридіональную высоту, которая къ великому моему изумленію, оказалась $77^{\circ} 46^1$ сѣв. ш. Я зналъ, что при моихъ наблюденіяхъ я не ошибся; снова и снова провѣрялъ я свои выкладки, усиливаясь открыть ошибку, но всякій разъ я получалъ одинъ и тотъ же результатъ. Я сталъ осматривать свой секстанъ, но нашелъ его въ совершенномъ порядкѣ... Удивленіе мое росло съ минуты на минуту. Отправиться въ путь съ $77^{\circ} 18^1$ сѣв. шир., цѣлую недѣлю идти на югъ и въ концѣ недѣли, все таки, очутиться 49 верстами сѣвернѣе точки отправленія—достаточно для того, чтобы всякаго заставить задуматься и обезпокоиться. Долго еще сомнѣвался я и готовъ уже былъ приписать этотъ изумительный результатъ какой нибудь необыкновенной рефракціи, но когда я посмотрѣлъ на свое наблюденіе по способу Сомнера, отъ 23 іюня, отвергнутое мною сначала, то, къ великому моему безо-

койству, я и тутъ получилъ среднюю величину въ $77^{\circ} 46'$ сѣв. шир.

Въ $4\frac{1}{2}$ и въ $7\frac{3}{2}$ часовъ утра я снова получилъ точное наблюдение по способу Сомнера, давшее широту $77^{\circ} 43'$; все это были лишь очень не точныя цифры для нанесенія на карту.

Въ сильномъ волненіи и безпокойствѣ я рѣшился дожидаться полудня и не составлять никакихъ плановъ будущаго и дальнѣйшаго нашего пути, пока мнѣ не удастся получить высоту солнца въ верхней кульминаціи. Въ полдень я снова получилъ точное наблюдение, результатъ котораго $77^{\circ} 42'$; не могъ уже подлежать ни малѣйшему сомнѣнію; теперь невозможно уже болѣе сомнѣваться, и сегодняшнее мое сомнеровское наблюдение оказалось вполне вѣрнымъ, тогда какъ ошибка въ полуночномъ наблюденіи произошла, по всѣмъ вѣроятіямъ, вслѣдствіе значительной рефракціи, объясняемой малою высотой. Такимъ образомъ, я принужденъ признать наше положеніе вполне вѣрнымъ и сообразно съ этимъ измѣнить нашъ маршрутъ; вмѣсто того, чтобы идти, какъ это было до сихъ поръ, на югъ, я направлю людей на юго-западъ; такъ какъ отклоненіе наше направляется на сѣверо-западъ, то курсъ на юго-западъ скорѣе можетъ побороть это отклоненіе; нежели курсъ на югъ, и мы скорѣе попадемъ на край ледяныхъ полей.

Такая неровная и трудная дорога, какая лежитъ теперь передъ нами, требуетъ само собой, разумѣется, тщательной рекогносцировки, нежели обыкновенная дорога; быстро идти впередъ и производить по пути наблюдение уже не приходится, а потому я только что послалъ г. Денбара впередъ отыскать намъ дорогу, пока онъ вернется, я оставляю лагерь не снятымъ и даю людямъ покой. Послѣ вчерашнихъ трудовъ этотъ болѣе продолжительный отдыхъ является для всѣхъ одинаково желательнымъ и благодѣтельнымъ, а если Денбаръ найдетъ хорошую дорогу, то сегодня послѣ обѣда мы будемъ въ состояніи сдѣлать болѣе длинный переходъ.

Воскресенье, 26 іюня, 1 ч. 15 м. утра. Когда Денбаръ вернулся со своими рабочими и двумя собачьими санями, мы отпра-

вились въ путь. Тотчасъ же приключилось маленькое несчастье съ Мельвиллемъ: онъ упалъ въ воду и промокъ до пояса; утромъ провалился и „Моржъ“, но счастливо былъ вытащенъ, хотя и врѣзался глубоко своимъ носомъ подъ ледъ. Вообще дорога была нѣсколько лучше вчерашней, хотя намъ и пришлось строить не менѣе пяти переправъ; благодаря этимъ частымъ и продолжительнымъ задержкамъ, остановившись на привалѣ въ 6^{1/2} часовъ утра и разбивши палатки, мы отошли въ юго-юго-западномъ направленіи всего сажень 400. Съ полуночи было страшно жарко, хотя термометръ и показывалъ на солнцѣ всего лишь 4° мороза; небо было безоблачно, и хотя съ юго-юго-запада тянулъ легенькій вѣтерокъ, все же мы сильно страдали отъ жары. У всѣхъ у насъ лица и руки покрылись пузырями; въ особенности мои руки находятся въ очень скверномъ положеніи и болятъ ужасно. Въ 7^{1/2} ч. утра мы поужинали, въ 8^{1/2} ч. я справилъ божественную службу, а въ 9 часовъ дали свистокъ ко сну.

Понедѣльникъ. 27 іюня, 1 ч. утра. Въ ч. 5 м. утра мы тронулись въ дальнѣйшій путь и до 7 ч. мучились за такую тяжкою работою, какой до сихъ поръ еще не испытывали. Мы прошли всего лишь сажень 400 на юго-юго-западъ, а въ 11 часовъ самаго труднаго хода прошли около 900 сажень. Едва только мы покинули нашу стоянку, какъ подошли къ трещинѣ въ 20 фута шириною: съ большимъ трудомъ втянули мы туда еще три громадныя льдины и изъ нихъ соорудили нѣчто въ родѣ моста, послѣ чего мы употребили всѣ наши силы на то, чтобы какимъ нибудь образомъ переправить на ту сторону наши лодки и сани; оба куттера пришлось спустить на воду и такимъ образомъ перевести черезъ трещину. Не успѣли мы отойти и 300 сажень отъ этой трудной переправы, какъ передъ нами очутилась новая трещина, на этотъ разъ футовъ 60 ширины; здѣсь мы уже принуждены были употребить въ дѣло цѣлый ледяной островъ футовъ въ 30 толщины, но едва мы подтащили его и укрѣпили, какъ и здѣсь ледъ разошелся, и намъ снова пришлось отыскивать и подтаскивать льдины, чтобы ими заполнить промежутки. Кажется, теперь на-

ступило полное таяніе льда, и онъ начинаетъ расходиться; замѣтно становится и теченіе. До сихъ поръ мы не встрѣчали еще полыней значительной длины; видно, не настало еще подходящее для этого время года, но, къ сожалѣнію, нѣтъ недостатка въ трещинахъ и дырахъ, которыя доставляютъ намъ не мало трудовъ и задержекъ. 10—11 часовъ работаешь какъ лошадь и въ концѣ концовъ продвинешься впередъ на 1¹/₂ версты—есть отъ чего прійдти въ отчаяніе; а если принять еще въ соображеніе, что на каждую милю, сдѣланную нами на юго-востокъ, насъ, относить, быть можетъ, мили на три на сѣверо-западъ, то и вовсе придется задуматься. Мельвилль и докторъ—единственные люди изъ нашего отряда, которымъ я рассказалъ о нашемъ географическомъ положеніи, и они одни будутъ знать это; если непріятная вещь узнается нашими людьми, то, если они и не лишатся совершенно энергіи, то во всякомъ случаѣ лишатся въ значительной степени мужества. Поэтому-то я, чтобы избѣжать неудобныхъ разспросовъ, постоянно стараюсь избѣгать встрѣчи съ Чипомъ, Данненхауэромъ и Денбаромъ. До сихъ поръ люди полны мужества и вѣры въ свои силы; рѣдко прекращается веселая пѣсня. Надо надѣяться, что мы будемъ долго еще пользоваться здоровьемъ и хорошимъ расположеніемъ духа. Чипшъ поправляется.

Среда, 29-го іюня. Когда я отправился на собачьихъ саняхъ впередъ вмѣстѣ съ Денбаромъ, мы вдругъ натолкнулись на воду, которая, благодаря окружавшему насъ туману, казалась большою тянущеюся на юго-западъ трещиною, тотчасъ же я отправился назадъ, чтобы изготовить челнокъ къ рекогносцировкѣ, но, къ сожалѣнію, все это оказалось обманомъ зрѣнія. Удобный водный путь, который мы нашли, былъ опять таки простою полыньею въ 75 ф. ширины, и снова принялись устраивать переправу. Къ счастью нашему, мы нашли, по крайней мѣрѣ, тутъ же подъ рукой большую льдину, которую Генбаръ, Шаруэль и я соединенными усиліями могли втащить въ трещину; не менѣе удачно вышло и то, что, какъ разъ въ это время, трещина съузилась на нѣсколько

футовъ и стиснула нашу льдину, образовавъ неподвижный мостъ, удобный для переправы. Къ сожалѣнiю, однако, въ то же время образовались новыя полыньи и трещины, такъ что устраивать переправы пришлось въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Неудачи и несчастья рѣшительно насъ преслѣдовали. Едва успѣли мы переправить счастливо свой передовой отрядъ черезъ одну трещину, какъ позади его образуется новая трещина, куда мы должны возвращаться для устройства переправы и черезъ нее; мы возимся за этою новою работою, а между тѣмъ приходитъ вѣсть объ образованiи цѣлаго ряда новыхъ щелей, трещинъ и полыней, только что появившихся во льду; все это мѣшаетъ нашему движенiю впередъ и рѣшительно лишаетъ насъ столь драгоцѣнныхъ для насъ силъ. Эти трещины тянутся всегда съ востока на западъ; такихъ же, которыя тянулись бы съ юга на сѣверъ и которыми мы могли бы воспользоваться для дальнѣйшаго слѣдованiя, кажется, совсѣмъ не имѣется. И всѣ эти тянущiяся съ востока на западъ трещины теряются въ видѣ узкихъ, извилистыхъ полосокъ воды среди нагроможденныхъ ледяныхъ глыбъ, гдѣ нельзя ни проложить ходовую дорогу, ни пробраться на лодкѣ. Нерѣдко случается намъ на какихъ нибудь 100 саженьяхъ устраивать четыре переправы и когда припомнишь, что Мельвилль со своими людьми принужденъ бываетъ прсйти назадъ и впередъ разъ по шести, а часто и по семи, то по неволѣ придется признать такое напряженiе силъ страшнымъ и жестокимъ. Если прибавить еще къ этому безчисленныя поѣздки на собакахъ для перевозки грузовъ, нагрузку и разгрузку этихъ послѣднихъ и медленную перевозку больныхъ вслѣдствiе поджиданiя удобнаго для этого момента, то ничего не окажется удивительнаго въ страхѣ, который мы ощущаемъ при видѣ каждой той трещины, усиливающей наши труды и работу. Старый и крѣпкiй ледъ, встрѣчающiйся намъ здѣсь несомнѣнно давняго происхожденiя. Одна льдина, которую я измѣрилъ, имѣла 32 фута 9 дюйм. въ толщину; ледъ имѣетъ форму круглыхъ холмовъ, которые, если только не покрыты иломъ, кажутся сдѣланными изъ алебастра. Перетаскиванiе

грузовъ и лодокъ шло тутъ сравнительно легко и хорошо хотя мы и „шли по скаламъ въ Дублинъ“, какъ говорили, матросы. Одинъ кусокъ льда, футовъ въ 16 толщины, встрѣченный мною здѣсь, между прочимъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, образовался сразу; онъ состоитъ изъ совершенно сплошной и однородной массы, причемъ нигдѣ рѣшительно не замѣтно было ни слоевъ, ни спаекъ, которые указывали бы на постепенное нарастаніе.

„Данненхауеръ пришелъ сегодня ко мнѣ съ убѣдительною просьбою дать ему какую-нибудь работу; онъ полагалъ, что въ состояніи помогать въ работахъ своимъ людямъ, но, такъ какъ я лично считаю его еще неспособнымъ къ какой-либо тяжелой работѣ и вполне убѣжденъ, что единственный глазъ его будетъ ему только помѣхою во всемъ, что онъ предприметъ, то я наотрѣвъ отказалъ ему въ его просьбѣ—приставить его къ какому-нибудь дѣлу, до тѣхъ поръ, пока докторъ не объявитъ его совершенно здоровымъ. Силы Чиппа замѣтно растутъ. Температура сегодня весь день держалась на 1° мороза, но намъ она, все-таки, кажется значительно болѣе холодною. У насъ съ раннего уже утра ноги мокрыя, и это доставляетъ намъ непріятное чувство, продолжающееся до той минуты, пока мы не придемъ на стоянку и не разобьемъ лагерь. Густой туманъ, втеченіе цѣлаго дня лежащій вокругъ насъ, помогаетъ намъ къ тому-же промокать до костей.

„Четвергъ, 30-го іюня. За нѣсколько времени передъ полночью мы замѣчаемъ низко на западномъ горизонтѣ темноватую ленту облаковъ, тянущуюся съ юго-запада и предвѣщающую намъ снова туманный день. Когда мы остановились на привалѣ, облака разошлись, по обыкновенію, на сѣверъ и югъ, и къ 1 ч. 30 м. все небо было покрыто облаками, а густой, мокрый туманъ, производящій впечатлѣніе частаго мелкаго дождя, скрылъ все вокругъ насъ. Ежедневное повтореніе этого явленія заставляетъ меня предполагать, что мы приближаемся къ открытому морю, такъ какъ я рѣшительно не могу повѣрить, чтобы подобный туманъ могъ подниматься единственно изъ ледяныхъ трещинъ. Совершенно правильно

въ полночь сила солнечныхъ лучей умалается и поднимающійся отъ воды паръ, гонимый вѣтромъ надъ холоднымъ льдомъ, сгущается или падаетъ въ видѣ дождя, или опускается внизъ въ видѣ тумана; вѣтеръ гонитъ этотъ туманъ все дальше и дальше. Вообще, какъ при отправленіи въ путь въ 6 ч. вечера, такъ и при отдыхѣ ко сну въ 9 ч. утра, у насъ всегда блеститъ солнце; съ полуночи-же и до разбивки лагеря, по большей части, бываетъ туманно. Послѣ обѣда, въ 1 ч. 50 м. утра, мы тронулись далѣе. Идя впередъ съ г. Денбаромъ, я нашель, на разстояніи двухъ верстъ, хорошую дорогу, оканчивающуюся на твердомъ и ровномъ ледяномъ полѣ. Конечно, и здѣсь было необходимо переправляться черезъ нѣсколько трещинъ, сшивать въ нѣсколькихъ мѣстахъ дороги большія ледяныя глыбы и сдѣлать объѣздъ; все-же мы прибыли на бивуакъ безъ значительныхъ неудачъ, кромѣ развѣ той, что сани изъ форта св. Михаила сломались, да выскочила одна связь у полозьевъ другихъ саней. На самыхъ высокихъ мѣстахъ, на старомъ льду намъ попадалось много углубленій съ водою, по всѣмъ направленіямъ, такого-же происхожденія, какъ и описанныя капитаномъ Нересомъ, изъ которыхъ экипажъ „Алертъ“ бралъ прѣсную воду. Сегодня нѣкоторыя изъ этихъ лужъ замерзли при 0°; мнѣ пришло въ голову, не заключаютъ-ли и онѣ прѣсную воду; докторъ, изслѣдовавъ, нашель, однако, эту воду изобилующею солью.

„Пятница, 1-го іюля. Хорошая дорога по льду, но къ сожалѣнію, въ 6 ч. 30 м. пошелъ дождь. Все время, пока мы спали, лилъ проливной дождь, а когда мы встали, то капли все еще барабанили по крышамъ палатокъ. Само собою разумѣется, что наши спальные мѣшки сдѣлались снова сырые а нѣкоторые, напр. мѣшокъ Эриксена и мой, словно лежали въ водѣ. Эриксенъ, Бойдъ и Каачъ легли спать съ сухими сапогами и чулками, а вытащили свои ноги изъ мѣшковъ промокшими по колѣна. Я такъ изогнулся, что ноги мои пришились въ сухомъ мѣстечкѣ и проспалъ довольно удобно нѣсколько часовъ кряду, пока у меня не разболѣлись сильно кости, вслѣдствіе долгаго лежанія на страшно твердомъ льду.

Само собою разумѣется, что ложе изъ снѣга было-бы мягче, но стало-бы очень скоро таять вслѣдствіе теплоты нашихъ тѣлъ и скоро мы очутились-бы лежащими въ водѣ. Вездѣ на льду такъ много воды, что очень трудно бываетъ розыскать сухое мѣсто, гдѣ-бы наши непромокаемыя одежды могли-бы намъ доставить достаточную защиту отъ мокроты. Время обѣда для насъ есть самая непріятная часть дня. Чулки наши и сапоги промокаютъ совершенно уже въ первые полчаса нашего хода; пока мы идемъ, мы неособенно еще объ этомъ заботимся, но когда дѣлаемъ остановку для обѣда, то ноги наши дѣлаются холодными, какъ ледъ и остаются въ такомъ положеніи до тѣхъ поръ, пока мы не разобьемъ лагерь и не перемѣнимъ обуви.

„Воскресенье, 3-го іюля. Къ 12 ч. 30 м. мы перетасили счастливо всѣ наши сани и лодки вплоть до гладкаго льда, т. е. такого, который покрытъ фута на два талымъ снѣгомъ и водою и, кромѣ того, изобилуетъ ухабами, въ которые путникъ неожиданно проваливается по колѣна; здѣсь мы расположились на обѣдъ. Нѣкоторое время казалось, что сокрытое до той поры солнце хочетъ пробиться лучами черезъ облака и туманъ, и всѣмъ намъ показалось вмѣстѣ съ тѣмъ, что вдругъ стало гораздо холоднѣе. Для того, чтобы хотя нѣкоторымъ образомъ защититься отъ сильнаго вѣтра, я приказалъ перевернуть палатки, куда мы и забились и наскоро пообѣдали. Въ 9 ч. утра я прочелъ военный уставъ, а затѣмъ справилъ божественную службу; въ 6 ч. 30 м. просвистали ко сну. Всѣ наши люди веселы и мужественны и всѣ, за исключеніемъ Чиппа и Данненгауэра, смотрятъ совершенно здоровыми. Пища у насъ роскошная, аппетитъ превосходный, сонъ отличный—и понятно, что Коль былъ совершенно правъ, говоря сегодня про себя, „что онъ чувствуетъ, какъ со дня на день становится все эластичнѣе и сильнѣе“. По моимъ астрономическимъ наблюденіямъ, мы находимся подъ $77^{\circ}31'$ сѣв. широты и $151^{\circ}41'$ восточной долготы, такъ что измѣнили свое положеніе сравнительно съ 25 іюня на 13 миль на югъ подъ угломъ $30^{\circ}3$; такъ какъ по нашему расчету, мы подвинулись

съ той поры впередъ на 12 миль, то могло бы показаться, что мы не имѣли противъ себя теченія. Я не могу принять этого съ увѣренностью, такъ какъ весьма возможно, что, только благодаря сѣвернымъ вѣтрамъ трехъ послѣднихъ дней, мы были отнесены такъ далеко; основываясь на этомъ, я принимаю результатъ моихъ наблюденій просто лишь какъ указаніе нашего настоящаго положенія и продолжаю нашъ походъ по направленію къ краю ледяныхъ полей.

„Понедѣльникъ, 4-го іюля. Въ 1 ч. 45 м. остановились для обѣда, а въ 3 ч. со свѣжими силами тронулись снова въ путь. Несмотря на маленькій беспорядокъ, происшедшій вслѣдствіе того, что „Моржъ“ пошелъ не по настоящему пути, мы, все-таки, счастливо избѣжали долгихъ задержекъ и къ 6 ч. 20 м. перетасили всѣ наши грузы на добрыя полторы версты впередъ. Ничего подобнаго до сихъ еще намъ не удавалось. Въ 8 ч. 20 м. мы прошли $3\frac{1}{2}$ версты. Подъ конецъ мы шли вдоль узкой трещины по прекрасному крѣпкому льду, такъ что могли тащить сразу сначала двое саней, а затѣмъ второй куттеръ и китоловную лодку; первый куттеръ тащили, все-таки, всѣ, но за то количество переходовъ назадъ и впередъ сведено было съ семи до четырехъ; такимъ образомъ мы получили значительное сбереженіе во времени, которое возможно, однако, лишь на небольшихъ переходахъ, такъ какъ сильное напряженіе можетъ гибельно отозваться на людяхъ. Втеченіе 16 дней нашего путешествія количество нагруженныхъ на собачьи сани припасовъ замѣтно уменьшилось, а вслѣдствіе этого наши сани прибываютъ теперь нѣсколько раньше лодокъ и остальныхъ саней. Я сдѣлалъ на этомъ основаніи новое распредѣленіе грузовъ... Положеніе наше хорошее. До сихъ поръ мы никогда еще не съѣдали цѣликомъ нашей двойной порціи пеммикана (по фунту на человѣка) и даже собаки зачастую не пожираютъ до конца своей порціи. Такъ какъ мы теперь ѣдимъ пеммиканъ безъ приготовленія и холоднымъ, онъ всѣмъ очень нравится, но, повидимому, намъ было бы совершенно достаточно и меньшаго количества. Величайшимъ, однако, наслажденіемъ является для насъ утромъ и вечеромъ пить бульонъ изъ ли-

биховскаго экстракта; такъ какъ ежедневно полагается на человѣка 60 граммовъ мясного экстракта, то мы можемъ приготовить себѣ 2 литра горячаго напитка, по моему мнѣнію, самаго освѣщающаго и благодѣтельнаго изъ всѣхъ, которые можно имѣть. Въ нѣкоторыхъ палаткахъ берутъ всѣ 60 граммовъ на обѣдъ, мы же предпочитаемъ выпивать эту порцію въ два пріема—при вставаніи и на сонъ грядущій. Въ честь торжества республики развѣваются сегодня всѣ наши флаги; меня день этотъ наводитъ на грустныя мысли. За три года передъ этимъ крѣщена была „Жаннетта“, сколько было надеждъ и плановъ, которые всѣ канули вмѣстѣ съ судномъ на дно моря! Тогда я не думалъ еще, что ровно черезъ три года, не сдѣлавъ рѣшительно ничего, мы будемъ блуждать по льдамъ и, что намъ придется посылать нашимъ любезнымъ покровителямъ на родину, вмѣсто донесенія о счастливо оконченномъ предпріятіи, лишь исторію гибели корабля. Я считаю своимъ прямымъ долгомъ по отношенію къ тѣмъ, которые до сихъ поръ слѣдовали за мною, доставить ихъ назадъ на родину и направить къ достиженію этой цѣли всѣ мои помыслы и всѣ мои силы; долгъ мой по отношенію къ оставленнымъ на родинѣ милымъ, судьба которыхъ вполнѣ зависитъ отъ меня, приказываетъ мнѣ желать тоже скорѣйшаго возвращенія домой. Еслибы не было передо мною этихъ двухъ обязательствъ, то не было бы большой бѣды, какъ мнѣ кажется, погибнуть вмѣстѣ съ „Жаннеттой“; но такъ какъ все что случается, случается къ лучшему, то я и долженъ стараться смотрѣть моему несчастью мужественно въ глаза и ждать, каково будетъ то добро, которое окажется въ результатѣ всего, что случилось. Конечно, тяжело будетъ прослыть человѣкомъ, который предпринялъ полярную экспедицію и утопилъ свое судно подъ 77° сѣверной широты.

„Въ 9 часовъ утра былъ данъ свистокъ ложиться спать, а въ 6 часовъ вечера всѣ были снова на ногахъ. Завтракъ—въ 7 часовъ. Выступленіе—въ 8 часовъ. Въ полтора саженяхъ отъ нашей стоянки мы подошли къ трещинѣ въ 150 футовъ ширины, которая преградила намъ дорогу. Такъ какъ мы работаемъ теперь съ двойною скоростью, т. е. тащимъ сразу двое саней, то трещина такихъ размѣровъ представляла для

насъ значительную помѣху; небольшой, крѣпкій ледяной островокъ плавалъ въ ней и я рѣшился употребить его, не теряя времени, въ качествѣ перевозочнаго средства. Я приказалъ привезти сюда скорѣе челнокъ, переправился на веслахъ на льдину и былъ достаточно счастливъ, чтобы изготовить ее къ переправѣ, не окунувшись ни разу, и притомъ какъ разъ къ тому времени, когда прибыли остальные лодки. Тогда переправили сначала въ полномъ порядкѣ оба куттера и двое саней, а затѣмъ и все остальное. Скоро намъ пришлось устраивать другую переправу, а тамъ и еще нѣсколько мостовъ, пока мы не достигли твердаго льда, посѣщеннаго мною и Денбаромъ еще раньше нашей послѣдней остановки. Ледъ, видѣнный нами крѣпкимъ и цѣльнымъ, теперь во многихъ мѣстахъ разсѣлся и пришелъ въ движеніе, и было уже 1 ч утра вторника, 6-го іюля, когда мы успѣли перетащить всѣ наши вещи въ настолько безопасное мѣсто, что могли усѣсться спокойно за обѣдъ. Снѣгъ падалъ большими хлопьями, и мы устроили себѣ импровизированныя убѣжища изъ нашихъ непромокаемыхъ плащей, растянутыхъ между лодками; нѣкоторые изъ нашихъ людей увѣряли, что, благодаря этому, нашъ обѣденный столъ имѣлъ видъ деревенской ярмарки, и тутъ-то мнѣ вспомнились всѣ счастливые люди тамъ, дома, которые сегодня сидятъ палатками, чтобы отпраздновать этотъ день пикниками и другими чисто сельскими удовольствіями и которые отчасти рады были-бы тому холоду, который мы испытывали; но такъ какъ я замѣтилъ, что это воспоминаніе наводитъ на нѣкоторыхъ изъ команды тоску по родинѣ, то и прекратилъ разговоръ объ этомъ предметѣ.

Глава XXI.

Островъ Бенеттъ.

Далѣе капитанъ Делонгъ продолжалъ: „Въ 2 часа утра, мы снова тронулись въ путь. Снова попадались намъ на дорогѣ трещины, которыя приходилось задѣлывать: пока мы

занимались этимъ, казалось все ледяное поле вокругъ насъ оживилось; начались толчки и надвиги, утихавшіе всего минутъ на пятнадцать, а намъ смотрѣть на это было крайне не утѣшительно. Огромныя глыбы, лежавшія до сихъ поръ совершенно спокойно, вдругъ высвободились изъ-подъ другихъ, быстро выплыли наверхъ носились и кружились, подобно огромнымъ китамъ. Когда льдины сталкивались другъ съ другомъ, огромныя куски ихъ отламывались и вставали вертикально, вздымаясь футовъ на 25—30 вверхъ. Цѣлыя массы ледяныхъ осколковъ, скопившіеся и бурлящіе съ необычайною силою подъ большими глыбами, поднимали эти послѣднія вверхъ до тѣхъ поръ, пока онѣ дѣлались похожими на какіе-то величественныя памятники въ 30 футовъ высоты. И снова потомъ толпились длинныя, острые ледяныя куски, подобно щетинѣ какихъ-то морскихъ чудовищъ, среди повсемѣстной сумятицы, напирали какъ громадныя ледяныя плуги на плоскія льдины, врѣзались въ нихъ и производили повсюду шуршащій и трещащій звукъ, сопровождавшій постоянно грохотъ и гулъ сталкивающихся другъ съ другомъ массъ. Когда длинныя и узкія льдины поднимавшіяся зачастую въ высоту на 20—30 футовъ, вслѣдствіе новаго толчка опрокидывались, то онѣ распадались съ грохотомъ на большіе куски, разлетавшіеся во всѣ стороны. И все же таки, кажется, здѣсь мы уже болѣе не на стародавнемъ льду; уже вчера, да и сегодня путь нашъ шель по льду, который похожъ на тотъ, что мы встрѣтили у острова Гаральда; онъ наслоился, по всей вѣроятности, и за немногими лишь исключеніями, въ одну зиму и имѣетъ среднюю толщину въ 7—10 футовъ.

Если только это предположеніе вѣрно, то мы, быть можетъ, находимся уже внѣ границъ вѣчныхъ ледяныхъ полей, и притомъ въ сплошномъ льду, окружающемъ ляховскія острова, а въ такомъ случаѣ мы имѣемъ право надѣяться достигъ, въ скоромъ времени, полыни, гдѣ мы будемъ въ состояніи спустить на воду наши лодки. Чишпъ вовсе не такъ еще крѣпокъ, какъ бы ему хотѣлось увѣрить насъ, докторъ запретилъ ему вчера виски, получавшуюся имъ до сихъ поръ еже-

дневно, для того, чтобы посмотрѣть, какія будутъ оттого послѣдствія.

Вечеромъ онъ уже лишился аппетита, а ночью (т. е. въ то время, когда мы спали) онъ не могъ уснуть и бросался туда и сюда, стоная безпрестанно; мы узнали все это только отъ Денбара, такъ какъ самъ Чиппъ увѣряетъ, что чувствуетъ себя превосходно, „какъ встрепаный“; онъ даже просилъ Денбара сказать это доктору, когда этотъ послѣдній будетъ о немъ спрашивать. Глупо, что онъ желаетъ снова приняться за службу, а потому самъ себя обманываетъ, что можетъ что-нибудь сдѣлать.

Пятница, 8-го іюля. Только сегодня утромъ прошли мы остатокъ той версты, которую начали вчера при самыхъ тяжелыхъ и доводящихъ до отчаянія обстоятельствахъ, какіе когда-нибудь сопровождали наше путешествіе. Свѣжій сѣверо-западный вѣтеръ понадѣлалъ во льду трещины по всѣмъ направленіямъ, кромѣ одного, которое и было собственно для насъ желательно, такъ что мы то и дѣло были принуждены строить мосты и устраивать переправы. Продуваемые насквозь рѣзкимъ вѣтромъ, дождались мы, наконецъ, и нашего обычнаго тумана и мглы, которые промочили насъ насквозь и застудили. Такъ какъ на проходъ послѣднихъ 350 сажень мы должны были употребить шесть часовъ, то мы могли сѣсть за обѣдъ только въ 2 часа утра. Въ 3 часа мы снова двинулись въ путь, а въ 7 часовъ разбили лагерь. Ужинъ въ 7¹/₂ часовъ. Барометръ—29 58 при 36°, Температура—¹/₂° тепла. Въ 9 часовъ утра дали свистокъ ко сну. Въ 6 часовъ вечера всѣ на ногахъ. Свѣжій вѣтеръ съ сѣверо-запада. Между 3 и 5 часами немного голубого неба и солнце. Въ 7¹/₄ мятель. Въ 8 часовъ вечера снова въ путь.

Суббота, 9-го іюля. Въ полночь мы протащили всѣ наши вещи на цѣлыхъ 2 версты и остановились пообѣдать. Сегодняшній переходъ нашъ долженъ вознаградить насъ за вчерашнія неудачи и дать намъ возможность нагнать потерянное время. Когда ледъ держится, мы идемъ совершенно благополучно двигаясь впередъ, и только ужасныя трещины на-

рушаютъ обычный порядокъ. Каждая пройденная нами миля равняется, по трудности пути, обыкновеннымъ семи милямъ; переходы то туда, то сюда, рекогносцировка пути и обратный путь по ея окончаніи, для того, чтобы присутствовать лично при выступленіи, — дѣлаютъ то, что я самъ прохожу всякую милю пути три раза и могу, слѣдовательно, по личному опыту, судить съ какимъ наслажденіемъ Мельвилль и его люди привѣтствуютъ моментъ остановки на ночлегъ. Пока мы обѣдали, сѣверо-западный вѣтеръ дулъ все съ тою же силою и, хотя мы прятались за лодки, все же намъ было и холодно и плохо. Къ этому еще присоединился нашъ обычный туманъ, который сдѣлалъ положеніе наше еще болѣе печальнымъ, такъ что, я полагаю, всѣ были очень рады, когда въ 1 часъ 10 минутъ утра я отдалъ приказъ тронуться въ путь.

Воскресенье, 10-го іюля. Сегодня встрѣчали мы нѣсколько разъ „ледяные иглы“, какъ называетъ ихъ Пэрри, причемъ предполагаетъ, что онѣ образуются вслѣдствіе паденія дождевыхъ капель на ледъ; по нашему мнѣнію, это странное явленіе происходитъ вслѣдствіе того, что вода въ нѣкоторыхъ мѣстахъ стекаетъ скорѣе и образуетъ такимъ образомъ цѣлые ряды и снопы ледяныхъ иглъ. Если разрѣзать медовые соты вкось, то глазамъ представится нѣчто подобное по формѣ и образованію. Сегодня утромъ я получилъ хорошее наблюденіе, на основаніи котораго вычислилъ наше положеніе въ $77^{\circ} 8'30''$ сѣверной широты и $151^{\circ} 38''$ восточной долготы, такъ что оказалось, что съ 30-го іюля мы перемѣстились почти на 40 верстъ при восточномъ отклоненіи въ 30° ; сосчитавъ наши переходы, я вывелъ, что мы прошли на юго-западъ всего 24 версты, а это послѣднее обстоятельство еще разъ доказываетъ, какъ мало можно отвѣчать здѣсь за точное выполненіе разъ предначертаннаго плана. Единственно, что мы можемъ сдѣлать,—это идти и идти все впередъ, и если только долгота наша вѣрна, то походъ на юго-западъ скорѣе всего выведетъ насъ, по моему убѣжденію, на окраину ледяныхъ полей. Ужинъ—въ $7\frac{1}{2}$ часовъ; въ 8 ч. 15 минутъ—божественная служба, а въ 9 часовъ—свистокъ на сонъ гря-

душій. Послѣ ужина послышался неожиданный крикъ: „земля въ виду“! Это привело всѣхъ въ смущеніе; на юго-западномъ горизонтѣ дѣйствительно показалось что-то похожее на землю, но туманъ принимаетъ здѣсь такія обманчивая очертанія, что рѣшительно нельзя было съ увѣренностью сказать, что именно мы видимъ. Ближайшій изъ сибирскихъ острововъ находится еще въ 180 верстахъ отсюда, и если только намъ не суждено открыть какіе нибудь новые острова, я не могу повѣрить, что бы мы видѣли сегодня землю. По моему расчету, сегодня въ 9¹/₂ часовъ времени мы прошли версть 5; въ 8¹/₄ часовъ отпавились передовые, а въ 9 двинулся и я аррьергардомъ; тутъ по пути я встрѣтилъ Анеквина, который поспѣшно бѣжалъ назадъ за ружьемъ, такъ какъ Денбаръ, по его словамъ, видѣлъ медвѣдя. Ускоривъ шагъ, я скоро нагналъ Денбара, имѣвшаго дѣйствительно встрѣчу съ мишенькою; но, такъ какъ у него не было никакого иного оружія, кромѣ палки съ желѣзнымъ наконечникомъ, то онъ и поспѣшилъ дать тягу.

Выйдя изъ-за угла одной ледяной горы, онъ увидалъ саженьяхъ въ 15 отъ себя медвѣдя, который попробовалъ немного его преслѣдовать, когда онъ обратился въ поспѣшное бѣгство; скоро однако, преслѣдованіе это прекратилось, медвѣдь сѣлъ и сталъ смотрѣть на Денбара, тоже остановившагося въ ожиданіи ружья: такъ просидѣлъ онъ нѣкоторое время въ очень удобномъ для выстрѣла положеніи, но когда Анеквинъ появился съ оружіемъ, медвѣдь такъ быстро ретировался, что намъ осталось лишь пріятное воспоминаніе о неожиданной встрѣчѣ. По дорогѣ я наблюдалъ на юго-западѣ такіе облака, которыя указывали на существованіе въ этомъ направленіи открытаго моря; когда я обратилъ вниманіе Денбара на это обстоятельство, то и онъ объявилъ что, на сколько ему извѣстно, „такихъ облаковъ надо льдомъ ему видѣть никогда не приходилось“. Я взобрался на вершину одного изъ ледяныхъ холмовъ, поднимавшагося футовъ на 20 надъ поверхностью, посмотрѣлъ въ подзорную трубу съ особенною тщательностью и замѣтилъ неоспоримо и землю, и воду, вѣ-

роятно, ту самую землю, которую мы видѣли вчера. Во всякомъ случаѣ, передъ нами находится навѣрно земля, и не только земля, но и вода. Что это за земля, однако, никто до сихъ поръ еще не знаетъ. Ужъ не ошибочны-ли наши вычисленія долготы и не часть ли это, быть можетъ, Сибири, или же дѣйствительно это вновь открытый островъ? Врядъ-ли это одинъ изъ Ляховскихъ острововъ.

Какъ-бы то ни было, но, къ счастью нашему, нашъ путь лежитъ какъ разъ на ту землю; какъ полезно было для насъ, что я прежнее южное направленіе измѣнилъ на юго-западное; быть можетъ, это обстоятельство поведетъ къ нашему скорѣйшему освобожденію. Повидимому, до земли остается еще 15—20 верстъ, а такъ какъ я видѣлъ большія пространства открытой воды съ плавучимъ льдомъ на нихъ, то легко можетъ быть, что, дойдя счастливо до окраины ледяныхъ полей, мы будемъ имѣть передъ собою вплоть до сибирскаго берега открытое море; тогда пожалуй, подтвердятся и нѣкоторыя мнѣнія русскихъ изслѣдователей. Но мы успѣли уже опровергнуть столько теорій прежнихъ путешественниковъ, что трудно намъ будетъ убѣдиться въ переходѣ за границу вѣчныхъ льдовъ раньше полярнаго круга. Мѣсяць тому назадъ погибла „Жаннетта“: до сихъ поръ, какъ я вижу, тяжелая работа изо дня въ день еще никому изъ насъ не повредила. Что работа эта неимоვნю тяжела, всѣ мы въ этомъ согласны; даже и самые привычные изъ нашихъ людей соглашаются, что никогда еще не приводилось имъ напрягать до такой степени свои силы. Тяжкое постоянное напряженіе при тягѣ, вытаскиваніе и отгребаніе изъ сугробовъ, необходимость таскать грузы и сдвигать съ мѣста, чтобы снова тащить ихъ изо всѣхъ силъ, а въ особенности вредное и болѣзненное дѣйствіе лямки на грудь—все это страшно дѣйствуетъ на силы людей, а если прибавить сюда работу по нѣсколько часовъ багромъ среди плавучаго льда, то въ концѣ концовъ чувствуешь невыносимую боль во всѣхъ костяхъ...

„Вторникъ, 12-го іюля... Земли и воды, видѣвшихъ нами вчера, сегодня нѣтъ и слѣда, такъ какъ весь юго-западъ по-

крыть густымъ туманомъ. Показалось, однако, много лысухъ, нѣсколько чаекъ и, странное дѣло.—живая бабочка, пойманная тотчасъ же докторомъ и сохраненная мною. Вѣроятно, сильный юго-западный вѣтеръ, дувшій вчера утромъ и потомъ сегодня ночью, принесъ ее съ берега...“ Въ слѣдующихъ затѣмъ замѣткахъ онъ рассказываетъ о дальнѣйшемъ трудномъ походѣ по льду, о трудностяхъ при устройствѣ переправъ и мостовъ. Между тѣмъ, на юго-западномъ горизонтѣ показалось нѣчто темное, похожее на землю, и нѣкоторые изъ экипажа объявили, что они совершенно явственно различаютъ очертанія земли.

„Четвергъ, 14-го іюня. При переходахъ по острому льду обувь людей чрезвычайно быстро снашивается, такъ что нашъ запасъ матеріала для починки уже весь истощился. Вчера далъ я поэтому разрѣшеніе снять кожанную обшивку съ челночныхъ веселъ, а сегодня сняли ее и съ рулевого весла одного куттера; все это пошло на пригонку подметокъ и на заплаты; весь этодъ новый матеріаль продержится дольше шкуръ, которыя мы до сихъ поръ употребляли для этой цѣли, но, къ счастью, я предвижу, что не далеко то время, когда я освобожусь хотя отъ этой заботы и отъ этого страха...

„Пятница 15-го іюля. Слѣдуя все по тому же направленію сегодня мы снова увидели землю; когда я принимаю въ соображеніе наблюденія, сдѣланныя мною за послѣдніе дни, а также и всѣ окружающія насъ обстоятельства, то я самъ считаю возможнымъ думать, что мы находимся вблизи открытой воды и земли. Во время обѣда (отъ 1 ч. 40 м. до 2 ч. 20 м утра) на небѣ показалась луна, въ первый разъ, втеченіе 2-хъ мѣсяцевъ. Еще болѣе порадовало насъ то, что въ ближайшей полыньѣ мы замѣтили тюленя; Коллинсу посчастливилось уложить его, а намъ съ помощью челнока удалось овладѣть рѣдкою добычею раньше, нежели она опустилась на дно. Курсъ—западъ къ югу. Тюлень пришелся какъ нельзя болѣе кстати. Въ 7 часовъ 15 м. утра усѣлись мы въ палаткѣ за роскошный пиръ; послѣ вѣчнаго однообразія пеммикана уже переменна составляла для насъ высокое наслажденіе. По суще-

ствовавшимъ у насъ на кораблѣ гастрономическимъ правиламъ, всякое убитое животное должно полежать денька 2 или, по крайней мѣрѣ, повисѣть на вольномъ воздухѣ столько, сколько нужно для полнаго охлажденія его мяса; теперь мы смотрѣли на эти правила какъ на нѣчто излишнее; въ 1 30 м. тюлень былъ убитъ въ 4 его освѣживали, а въ 7 ч. мы его съѣли и при этомъ такъ наслаждались, какъ будто поѣли въ лучшемъ ресторанѣ Нью-Йорка. $\frac{7}{33}$ частей изъ 20 ф. тюленьяго мяса, пришедшихся на нашу палатку, были разрѣзаны на маленькіе кусочки, сварены въ водѣ и смѣшаны съ 100 гр. либиховскаго экстракта и съ литромъ измельченныхъ сухарей; приготовленное такимъ образомъ, мясо это дало чудесное блюдо, о которомъ я буду вспоминать еще долго; матросы одной палатки изжарилм свои $\frac{6}{33}$ частей въ печиркѣ, и такъ удачно, что Мельвилль, поѣвши этого блюда, утверждаетъ, что оно вкусомъ совершенно сходно съ жареными устрицами.

„Суббота 16-го іюля. Ясная, пріятная погода. Островъ видѣнь еще яснѣе, чѣмъ вчера; открытой воды, однако, не видно. Аоллинсъ опять уложилъ тюленя, котораго мы вытащили на ледъ при помощи челнока; такимъ образомъ намъ предстоитъ снова лукулловскій пиръ. Сегодня утромъ, раньше чѣмъ я окончилъ мои астрономическія наблюденія, со мною случилась слѣдующая небольшая, но все же непріятная бѣда. Для того, чтобы бросить взглядъ на землю, я отправился съ Денбаромъ на высокій ледяной холмъ, котораго, мы, наконецъ, достигли послѣ долгаго, труднаго и изобиловавшего трещинами пути; туда мы прибыли совершенно благополучно, но при возвращеніи, при прыжкѣ черезъ трещину фута въ 4 шириною, я провалился и по горло окунулся въ воду. Къ счастью, платье мое удержало меня на минуту на поверхности воды, такъ что Денбаръ могъ захватить меня, какъ онъ полагалъ, за воротъ, а на самомъ дѣлѣ за бакенбарду и вытащить изъ воды, причемъ мнѣ казалось, что мнѣ отрываютъ голову; ранецъ мой остался гдѣ-то далеко въ пути, на рукахъ у задняго отряда, и мнѣ пришлось, добравшись до челнока, посылать за своими вещами Джонсона, который вскорѣ доста-

вилъ мнѣ сухое платье, а мокрое скоро высохло, благодаря теплымъ солнечнымъ лучамъ. Вслѣдствіе того, что у насъ опрокинулись сани, мы лишились, къ сожалѣнію, 7 пудовъ пеммикана. Главнымъ, однако, происшествіемъ дня была добыча тюленя, который былъ особенно хорошъ, великъ и жиренъ, и далъ намъ, кромѣ превосходнаго мяса, еще и добрый запасъ мази для обуви. Врядъ ли маловажнѣе было появленіе моржа, перваго, увидѣннаго нами послѣ долгаго времени, хотя Коллинсъ и Ниндерманнъ и выстрѣлили въ него тотчасъ же и притомъ не дали промаха, все же животное пошло ко дну или уплыло подъ водою. Землю сегодня видно еще яснѣе, но и намека нѣтъ на открытое море. Наблюденія мои показали сегодня положеніе $76^{\circ}44'$ с. ш. и $153^{\circ}25'$ в. д., что дало въ результатѣ 51 версту юго-западнаго перемѣщенія съ 10-го іюля. Такъ какъ земля, видимая нами, тянется на западъ и юго-западъ, то едва-ли это одинъ изъ Ляховскихъ острововъ, даже если наши астрономическія наблюденія совершенно невѣрны. Въ 10 час. 15 мин. мы поужинали. Тюленье мясо было превосходно...

„Чиппа, наконецъ, сняли со скорбнаго листа и онъ вступилъ въ отправленіе своихъ обязанностей, такъ что теперь Мельвилль освободился и можетъ заступитъ мѣсто доктора въ качествѣ наблюдающаго за устройствомъ дороги и переправъ, тогда какъ докторъ переходитъ въ резервъ. Въ 9 ч. вечера островъ вырѣзался на горизонтѣ яснѣе, нежели прежде. Я опять предаюсь надеждѣ, что мы откроемъ новую землю и хочу повторить свои вычисленія, чтобы провѣрить наше положеніе. Я вижу, что мы находимся на $76^{\circ}41'$ сѣв. шир. и $153^{\circ}30'$ вост. долг., т. е. сдѣлали съ 10-го іюля 64 версты на югъ. Лотъ указываетъ на 23 сажени глубины.

Воскресенье, 17-го іюля. Денбаръ полагаетъ, что черезъ 2 дня мы достигнемъ открытаго моря; земля, однако, все такъ же далека, какъ и прежде...

Я провалился сегодня на тонкомъ льду и такимъ образомъ открылъ тюлений ходъ, доказывавшій особенную хитрость этого животнаго. Двѣ дыры во льду были связаны меж-

ду собою и съ моремъ ходомъ, покрытымъ тонкимъ ледянымъ слоемъ; если-бы медвѣдь отрѣзалъ животному путь черезъ одну дыру, то оно могло воспользоваться этимъ ходомъ и, всетаки, спастись отъ бѣды; у одной изъ дыръ мы нашли углубленіе, гдѣ, видимо, отлеживался тюлень и гдѣ онъ выскребъ о ледъ свою старую шерсть“...

Съ воскресенья 17-го до вторника 26-го іюля, замѣтки Делонга описываютъ подробности дальнѣйшаго слѣдованія по льдамъ, которое мало-по-малу приближаетъ ихъ къ землѣ, а также все болѣе и болѣе шаткое и непроходимое состояніе льда, по которому имъ приходилось пробираться. Въ качествѣ особенно счастливыхъ случайностей въ эти дни онъ упоминаетъ о добычѣ тюленя, медвѣдя и моржа; затѣмъ говоритъ о какой-то темной возвышенности, похожей на землю и замѣченной Чиппомъ и Коллинсомъ на сѣверномъ горизонтѣ; но при этомъ они такъ мало были увѣрены въ дѣйствительномъ существованіи видѣннаго, что рѣшено было не мѣнять принятаго курса.

Ночью на 26-ое іюля, Коллинсъ пришелъ сообщить мнѣ, что мы находимся теперь передъ самою низменною частью острова и что онъ видѣлъ открытое море, простирающееся между тѣмъ мѣстомъ, гдѣ мы находились и прибрежнымъ тонкимъ льдомъ. Такимъ образомъ, наше положеніе представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Я надѣюсь, что мы находимся достаточно далеко отъ пункта 0 и ото льда, несущагося мимо острова и именно въ пунктѣ 0; ледъ этотъ захватитъ насъ не можетъ, но легко можетъ случиться, что мы попали въ образовавшееся здѣсь противное теченіе, которое и гонитъ насъ къ землѣ. Такъ какъ до сихъ поръ ничего еще нельзя ясно видѣть, было-бы глупостью рисковать итти впередъ, и потому мы рѣшились выждать спокойно, пока можно будетъ составить какой-нибудь опредѣленный планъ дальнѣйшихъ дѣйствій.

„Всю жизнь свою не забуду я вчерашняго дня! Такое безпрестанное сцѣпленіе бѣдъ и трудностей можно испытать только здѣсь. Безпрестанный напоръ льдинъ и постоянное

образованіе новыхъ трещинъ не дали намъ въ теченіе цѣлаго дня ни одной минуты покоя. Едва только начали мы перевозить наши вещи по дорогѣ, казавшейся сначала хорошою, какъ эта дорога въ нѣсколькихъ мѣстахъ уже разверзлась подъ нашими ногами и не было между нами ни одного челоука, который-бы не промокъ по колѣна; ноги наши окончѣли, а судорожныя подергиванія въ нихъ мучили насъ, къ тому же даже и тогда, когда мы лежали въ своихъ спальныхъ мѣшкахъ, усталые до такой степени, что не было никакой возможности уснуть, хотя всѣмъ намъ сонъ и былъ нуженъ до крайности. Тѣмъ не менѣе, сегодня утромъ мы всѣ были совершенно свѣжи; вчерашній ужасный день не принесъ, повидимому, никому вреда. Нѣтъ возможности сомнѣваться въ томъ, что онъ принесъ намъ пользу; если-бы мы не употребили всѣхъ 24 часовъ на работу, такъ вчера вечеромъ мы были-бы еще на высокомъ плавучемъ льду и ночью разыгравшаяся буря унесла бы насъ далеко отъ земли. Около полудня туманъ поднялся, и земля снова появилась передъ нами на нѣсколько мгновеній. Положеніе наше было именно такое, какимъ я его представлялъ себѣ. Напоръ льда, который несется мимо восточной оконечности острова, вдвинулъ насъ въ бухту и между ледянымъ полемъ, гдѣ мы теперь находимся и землю, открылось теперь совершенно свободное отъ льда пространство воды, шириною почти въ 3 версты. Множество большихъ глыбъ и цѣлыхъ ледяныхъ холмовъ, которые, какъ я полагаю, соприкасаются съ нашимъ ледянымъ полемъ, представляютъ значительныя препятствія къ тому, чтобы спустить лодки на воду. Море съ необычайною силою разбиваетъ свои волны о края этихъ глыбъ. Въ настоящую минуту и вѣтеръ реветъ и бушуетъ надъ льдами, такъ что одну изъ нашихъ палатокъ срывало уже 2 раза. Намъ приходится спокойно ожидать полудня и тогда уже сообразоваться съ состояніемъ льда и погоды. Въ 12 ч. 30 м. пополудни, мы роскошно пообѣдали медвѣжьимъ мясомъ; въ 1 ч. 30 м. землю снова сокрылъ отъ нашихъ глазъ густой туманъ, а остальное находилось все въ томъ же положеніи. Я ничего не желалъ

такъ сильно, какъ двинуться тотчасъ-же впередъ, и ослушался велѣній разума, который совѣтовалъ мнѣ подождать еще нѣсколько времени, пока не улучшится погода. А между тѣмъ, барометръ все падаетъ, дождь по временамъ льетъ ливнемъ и густой туманъ мѣшаетъ видѣть хоть что-нибудь. Едва только погода исправится, я попробую отправиться на куттерѣ и свезти на землю кое-что изъ провіанта. Логъ показываетъ глубину 13 сажень; на приливъ нѣтъ никакихъ намековъ. По всему замѣтно, что наше ледяное поле срослось хорошо и держится крѣпко, тогда какъ ледяные холмы, напирающіе въ настоящую минуту на насъ, вѣроятно, распадутся при первой возможности и тогда врядъ-ли намъ останется мѣсто, куда-бы можно было опустить наши лодки, — развѣ только всю нашу огромную льдину прибьетъ къ землѣ! Начиная съ полудня, внѣшній видъ льда измѣнялся безпрестанно. Была минута, когда казалось, что онъ тянется въ видѣ моста до самой земли, но тотчасъ-же снова появлялись на немъ широкія трещины, а разъ наша глыба вдругъ очутилась среди открытой воды, подобно острову, такъ что, пожалуй, представлялась даже возможность достигъ берега въ лодкѣ. Долженъ признаться, что мнѣ ужасно хотѣлось попробовать это, но, такъ какъ мы не могли теперь сильно нагрузить нашу китоловную лодку, требовавшую значительной починки, то пришлось-бы разъ шесть или семь проѣхать взадъ и впередъ, чтобы перевезти на берегъ всѣ наши вещи. Мнѣ не пришлось, впрочемъ, долго горевать объ отмѣнѣ приказанія, такъ какъ еще прежде, чѣмъ мы были въ состояніи спустить лодку на воду, ледъ продвинулся въ пространство, лежавшее между нами и берегомъ, и отдѣлялъ насъ отъ него все такъ-же безнадежно, какъ и прежде. Казалось даже, что само Провидѣніе оберегало насъ: льдина, на которой вчера мы разбили свой лагерь, сегодня осталась одна нераздробленною на мелкіе куски, повсюду кругомъ, на сколько хватаетъ зрѣнія, видно только какая-то двигающаяся въ беспорядкѣ и громоздящаяся масса льда. Кто знаетъ, гдѣ-бы мы находились сегодня, если-бы вчера вечеромъ пошли-бы дальше или стали

лагеремъ раньше! Теперь мы тихо двигались въ $1\frac{1}{2}$ —2 верстахъ отъ берега все впередъ на западъ; въ настоящую минуту (7 час. веч.), мы находимся какъ разъ противъ глетчера, круги котораго высокою футовъ въ 20, прекрасно видны намъ въ подзорную трубу. Я сегодня цѣлый день высматривалъ удобное мѣсто для высадки, но всѣ старанія мои остались тщетными; берегъ представляетъ собою или вертикальные утесы или глетчеры, такъ что ни тутъ, ни тамъ, удобствъ для высадки не представляется. Барометръ стоитъ на 29,63 при 38° , и хотя все еще по временамъ идетъ дождь и небо, гдѣ только его можно увидать сквозь туманъ, является мрачнымъ и грознымъ, все же я надѣюсь, что ночью погода измѣнится къ лучшему. Ужинъ—въ 6 час вечера. Въ 9 час.—свистокъ ко сну.

„Среда, 27-го іюля. Въ 6 часовъ общая перекличка. Въ 7 ч. завтракъ. Вѣтеръ повернулъ на востокъ и значительно ослабѣлъ. Терпѣливо и исполненный надежды, поджидалъ все утро окончательнаго проясненія погоды, но и теперь еще (1 часъ по полудни) непроницаемый туманъ окутываетъ все кругомъ насъ. Барометръ стоитъ на 29,72 при 38° ; температура 1° тепла. Лотъ даетъ глубину въ 16 сажень и я начинаю опасаться, что теченіе, направляющееся на западъ, вынесетъ насъ изъ бухты, гдѣ мы вчера, къ великой радости своей нашли глубину въ 13 сажень, и что теперь мы находимся уже противъ западной оконечности острова; въ такомъ случаѣ, мы достигаемъ теперь западнаго берега и ни подъ какимъ видомъ не найдемъ здѣсь открытаго моря. А все же мы имѣемъ полное основаніе благодарить судьбу за то, что, не смотря на нечеловѣческое напряженіе силъ, всѣ мы здоровы и бодры. Appetitъ, которымъ насъ снабдила природа, по истинѣ изумителенъ и нашъ крѣпкій и невозмутимый сонъ не оставляетъ желать ничего лучшаго. Сорокадневный походъ по замерзшему морю никому изъ насъ еще не повредилъ. Медвѣдя нашего мы на столько успѣли съѣсть, что сегодня за ужиномъ пришлось выдать всего лишь половину обычной порціи (въ пять присѣстовъ мы съѣли около 250 фунт. медвѣжатины, а

въ животномъ было до 450 фунт.). Единственнымъ неприятнымъ послѣдствіемъ похода является образование небольшихъ ранъ на ногахъ, которыя, надо думать, скорѣе дѣлаются вслѣдствіе постоянной сырости, нежели вслѣдствіе трудности ходьбы. Если бы даже мы могли мѣнять нашу обувь ежечасно, все же ноги наши тотчасъ же промокали бы, такъ какъ то и дѣло намъ приходится итти по водѣ. Въ 6 час. вечера мы поужинали, а въ 6³/₄ часовъ туманъ немного разъяснился и далъ намъ возможность увидѣть землю, отстоявшую отъ насъ въ какихъ нибудь 350—400 сажень. Со вчерашняго вечера, насъ несетъ все время вдоль берега; глетчеръ, противъ котораго мы находились, давно остался вправо отъ насъ, но прямо противъ насъ, отдѣленная лишь нѣсколькими незначительными трещинами, вырѣзалась теперь огромная, голубая ледяная глыба, тянущаяся, повидимому, вплоть до берега. Такого удобнаго случая пропускать не слѣдовало. Всѣ тотчасъ же должны были приняты за работу, и уже въ 7¹/₄ часовъ, всѣ мы тронулись съ нашими четырьмя санями сразу впередъ (офицеры, всѣ безъ исключенія, помогали при тягѣ); затѣмъ, мы продвинули наши лодки и черезъ часъ уже обрѣтались вполне счастливые на крѣпкой глыбѣ. Теперь оказалось, что глыба эта имѣла версты 2 въ ширину и отдѣлялась еще отъ берега пространствомъ въ 300 сажень, переполненнымъ поломаннымъ льдомъ и узкими каналами воды. Какъ ни мало утѣшительно было наше новое мѣстопробываніе, все же я рѣшился отложить переходъ до слѣдующаго дня, чтобы имѣть для него въ распоряженіи цѣлый день, если будетъ необходимость. Вѣтеръ, повернувшій между тѣмъ на востоко-юго-востокъ дулъ довольно сильно, начиналъ накрапывать дождь, такъ что, когда въ 10¹/₄ часовъ вечера я отдалъ приказаніе разбить лагерь на краю голубой глыбы, я сознавалъ, что поступилъ очень разумно и осторожно.

„Четвергъ, 28 іюля. Въ 7 ч.—общая перекличка, а въ 8 ч.—завтракъ. Погода стоитъ вѣтренная (востоко-юго-востокъ), туманная и сырая. Отъ времени до времени виднѣлась земля. Мы подвинулись на нашей глыбѣ нѣсколько дальше на за-

падъ. Барометръ 29,79 при 36°; температура—1⁰¹/₂ тепла. Въ 8 ч. 10 м. мы тронулись въ путь; я послалъ впередъ Денбара, и въ скоромъ времени намъ удалось перебраться черезъ мелкій ледъ, мѣшавшій еще вчера нашему поступательному движенію; теперь мы находились на небольшомъ ледяномъ полѣ, по которому быстро подвигались впередъ, пока туманъ вдругъ не спустился и не лишилъ насъ возможности видѣть хотя что либо вокругъ. Я уже начиналъ опасаться, что мы опять попадемъ въ неприятное положеніе, когда Денбаръ вернулся съ вѣстью, что по ту сторону этого ледянаго поля мы встрѣтимъ снова большія глыбы, тянущіяся вплоть до самаго берегового льда и отдѣленные другъ отъ друга трещинами, шириною, самое большое, въ 20 футь; онъ самъ перебрался на береговой ледъ и прошелъ по немъ сажень 50 по направленію къ землѣ. Само собой разумѣется, что намъ не приходилось пропускать такого случая, а потому мы и двинулись храбро впередъ; какъ мы, однако, ни спѣшили и какъ ни быстро очутились на краю ледянаго поля, все же мы нашли здѣсь все развороченнымъ, а передъ нами проносилось такое количество воды и быстро гонимаго льда, что отваживаться на переправу было бы слишкомъ рискованно. Многіе проплывавшія здѣсь мимо насъ льдины имѣли видъ глыбъ, оторвавшихся отъ какого нибудь ледника, а ихъ закругленная верхняя поверхность и острые, прямые бока и въ самомъ дѣлѣ, давали возможность предполагать, что это дѣйствительно ледяныя горы. Въ половинѣ перваго по полудни, намъ удалось перевезти все счастливо на край и заняться обѣдомъ; съ минуту казалось, что солнце хочетъ прорѣзать лучами своими туманъ, и я сталъ уже надѣяться, что погода совершенно прояснится, но въ половинѣ второго, когда мы снова принялись за работу, туманъ сдѣлался опять еще гуще прежняго. Положеніе наше, между тѣмъ, нѣсколько улучшилось; теченіемъ принесло другую огромную льдину, которая была теперь недалеко отъ насъ, и устроить переходъ на нее при помощи нѣсколькихъ льдинъ, не представляло большой трудности. Быстро шла работа, но, къ сожалѣнію, глыба

оказалась слишкомъ мала, и мы скоро достигли ея края; новая остановка, пока, наконецъ, мы не увидали передъ собою большой глыбы, плившей отъ насъ, хотя и въ нѣкоторомъ отдаленіи, но все же достижимой. Поспѣшно перетасили мы всѣ тяжести на льдину, которая должна была намъ служить въ качествѣ плота, затѣмъ завезли на большую льдину канатъ, хорошенько укрѣпили его тамъ и около 4 ч. по полудни стали съ большимъ трудомъ переправляться. Все шло прекрасно, какъ вдругъ раздался всеобщій радостный крикъ: „смотрите!“ Какъ рзаъ возлѣ насъ, почти надъ нашими головами возвышался, тысячи на двѣ футовъ, надъ поверхностью моря, высокій берегъ, мимо котораго мы теперь быстро проносились. Тотчасъ же бросили лотъ, показавшій глубину въ $18\frac{1}{2}$ сажень. Скоро добрались мы до нашей большой глыбы и перетасили наши сани и лодки на такое мѣсто, гдѣ двѣ близко другъ отъ друга находившіяся льдины давали, по крайней мѣрѣ, въ данную минуту, возможность перехода на берегъ. Съ особенною поспѣшностью толкали и тащили мы впередъ наши вещи, пока не достигли со всѣмъ своимъ скарбомъ нижняго края береговаго льда; только съ большимъ трудомъ избѣжали мы снова гибели; такъ какъ люди, несшіе палатки и прочій провіантъ, едва успѣли добѣжать во время на послѣднюю льдину, какъ разъ въ ту минуту, когда только что покинутыя ими льдины были унесены въ море. И теперь даже, когда мы всѣ стояли уже на послѣдней льдинѣ, положеніе наше было по истинѣ критическое. Трещина въ 10 фут. шириною, вся наполненная цѣлою массою маленькихъ льдинъ, отдѣляла еще насъ отъ береговаго льда, мимо котораго насъ несло со скоростью пяти верстъ въ часъ; наша льдина вовсе не была особенно крѣпкою и надежною, и потому у насъ передъ глазами стояла опасность быть раздавленными среди крутящихся и громоздящихся другъ на друга массъ льда. Признаюсь, эти минуты были страшны. Мы находились всего лишь саженьхъ въ 300 отъ юго-западнаго конца острова, гдѣ намъ представлялась теперь единственная возможность высадиться, но на самомъ дѣлѣ, рѣшительно казалось, что всѣ

наши старанія достигъ острова ничѣмъ не кончатся и всѣ 16 дней труднаго пути и непосильныхъ трудовъ окажутся потерянымъ временемъ. Тогда-то я вдругъ замѣтилъ, что наша льдина начинаетъ кружиться и попала въ теченіе, которое уноситъ ее въ небольшую бухточку, образовавшуюся въ береговомъ льду; если бы она только остановилась тутъ на нѣкоторое время, то намъ, быть можетъ, и удалось бы высадиться. „Не зѣвай!“—и съ лямками въ рукахъ мы стояли и ждали рѣшительной минуты. Насъ подхватило теченіемъ, льдину принесло въ бухточку и — она остановилась. „Впередъ Чиппъ!“—воскликнулъ я, и пошла работа. Первые сани счастливо перебрались на неровную поверхность берегового льда; вторыя чуть-чуть не опрокинулись, а третьи и дѣйствительно упали въ воду, таща съ собою Коля; для четвертыхъ намъ пришлось съ большимъ трудомъ устраивать мостъ изъ льдинъ; теперь пришла очередь челнока изъ св. Михаила, подвигавшагося очень медленно впередъ.

Я поглядѣлъ со вниманіемъ на нашу льдину и замѣтилъ, что она успѣла нѣсколько отойти отъ берегового льда и черезъ нѣсколько времени совсѣмъ выйдетъ изъ бухты.

„Впередъ съ лодками!“—крикнулъ я; но Ниндерманнъ возразилъ, что онъ можетъ теперь спустить лодки на воду и перетащить на ту сторону. Сказано—сдѣлано.

Быстро спустили ихъ на воду, люди съ саней прыгнули на нихъ, и въ тотъ моментъ, когда нашъ первый куттеръ тронулся въ путь, я увидѣлъ что наша глыба, на которой находились я, Мельвилль, Иверсонъ, Анеквинъ и 6 штукъ собакъ, вдругъ оторвалась и отплыла далеко въ сторону. Вильсонъ успѣлъ уже перевезти часть собакъ въ челнокъ на твердую землю, но не возвратился еще за другими. Я зналъ, что лодки достигли цѣли и что Чиппъ, уже находившійся на береговомъ льду, углядитъ за всѣмъ, а кромѣ того, я былъ уже спокоенъ тѣмъ, что все наше добро находилось въ безопасности; что касается насъ, находившихся теперь на плавающей льдинѣ, то наше положеніе нѣсколько озабочивало меня, но, къ счастью, одинъ конецъ нашей льдины попалъ скоро

къ другой толстой и крѣпкой льдинѣ, съ которой мы и совершили вполнѣ счастливо порядочный прыжокъ на твердую землю.

Наконецъ-то! Но и тутъ еще мы, все таки, были не на землѣ; ледъ, окружавшій берегъ, былъ шириною въ нѣсколько сажень и состоялъ изъ беспорядочно нагроможденныхъ другъ на друга массъ, протаявшихъ, растрескавшихся и разсѣвшихся ледяныхъ холмовъ, гдѣ и думать нельзя было найти удобную для саней дорогу. Все же я былъ радъ ступить, наконецъ, на твердую почву, а потому и отдалъ приказъ, перевести всѣ наши вещи какъ можно ближе къ землѣ, разбить палатки въ половинѣ седьмого вечера.

„Въ 5 часовъ, прибыли на береговой ледъ наши первыя сани; съ высоты отвѣсной скалы прямо противъ насъ отъ времени до времени скатывались внизъ большіе камни, которые и падали затѣмъ въ трещину, образовавшуюся у подошвы утеса вслѣдствіе стока талой воды. Вся передняя часть утеса была усѣяна гнѣздящимися здѣсь во множествѣ морскими птицами. Въ 7 ч. 30 м. мы поужинали, въ 8 ч. 30 м. я устроилъ всѣмъ нашимъ людямъ ученье; я принялъ начальство, и началось лазанье, прыганье и примѣрныя переправы черезъ ледяныя массы, пока мы не очутились на обвалѣ утеса, гдѣ я, собравъ вокругъ себя всѣхъ нашихъ людей и, развернувъ наше знамя, произнесъ слѣдующую рѣчь:

Симъ заявляю вамъ, что этотъ островъ, наконецъ, достигнутый нами послѣ двухнедѣльныхъ усиленныхъ трудовъ, представляетъ собою вновь открытую землю. Именемъ президента Соединенныхъ Штатовъ я вступаю, поэтому, во владѣніе этимъ островомъ и называю его именемъ Беннета. Теперь же требую, чтобы вы заключили этотъ торжественный актъ вашимъ мощнымъ троекратнымъ „ура!“

Рѣдко кому случалось слышать такіе радостные и одушевленные крики, какіе раздавались теперь здѣсь, на этомъ пустынномъ островѣ, среди полярныхъ льдовъ. Три здравицы за меня, такъ пріятно звучавшія для моего слуха, присоединились къ этимъ крикамъ. Теперь, переправивъ число по об-

щепринятому счету, я замѣчаю, что присоединилъ островъ Беннетъ къ американской территоріи въ пятницу, 29 іюля, въ 8^{1/2} часовъ вечера. Мысокъ, гдѣ мы высадились, я назвалъ мысомъ Эммы. Въ 6 часовъ раздался свистокъ къ отходу ко сну. Дулъ свѣжій восточный вѣтеръ, стоялъ густой туманъ; ледъ быстро проносился на западъ. Цѣлую ночь слышны были громкіе крики и щебетанье птицъ, но это насъ не беспокоило; мы проспали крѣпкимъ и спокойнымъ сномъ вплоть до утра.

Глава XXII.

Ниндерманнъ и Норосъ.

Дальнѣйшія приключенія съ потерпѣвшими кораблекрушеніе при слѣдованіи ихъ съ острова Беннета до Семеновскаго острова, представляли собою лишь повтореніе всего того, что они пережили со времени гибели „Жаннетты“; поэтому я и пропускаю здѣсь описаніе ихъ трудовъ, усилій, препятствій и разочарованій, которыми изобилувана и эта часть ихъ пути, и перехожу прямо къ 12-му сентября, къ тому злосчастному дню, когда три лодки покинули Семеновскій островъ, чтобы направиться къ устьямъ Лены; въ рассказѣ своемъ я буду пользоваться свѣдѣніями, сообщенными Ниндерманномъ и Норосомъ, единственными людьми, спасшимися изъ отряда Делонга.

„12-го сентября,—говоритъ Ниндерманнъ,—мы отправились на югъ, подгоняемые свѣжимъ сѣверо-восточнымъ вѣтромъ; скоро, однако, вѣтеръ усилился и поднялось большое волненіе. Около полудня, мы замѣтили, что на китоловной лодкѣ что-то не совсѣмъ ладно, и дѣйствительно, скоро г. Мельвилль закричалъ капитану, что въ его лодкѣ открылась сильная течь. Всѣ три лодки были тотчасъ-же вытаснены на ледъ, гдѣ мы сварили обѣдъ и починили китоловную лодку, а по-

ѣвши, снова спустили лодки на воду и взяли тогда курсъ на юго-западъ. Вѣтеръ все крѣпчалъ и море становилось все бурливѣе; подъ вечеръ разыгралась уже настоящая буря, такъ что мы были принуждены убрать одинъ парусъ на первомъ куттерѣ; море постоянно хлестало черезъ лодку и мы съ большимъ трудомъ успѣвали откачивать воду. Обѣ другія лодки находились въ нѣкоторомъ отъ насъ разстояніи; китоловная лодка — съ навѣтряной, а второй куттеръ съ подвѣтряной стороны. Капитанъ Делонгъ подалъ имъ сигналъ подойти ближе и оставаться, по возможности, вблизи; но море такъ бушевало, что китоловная лодка не могла справиться съ волнами и сойтись съ нами бортъ съ бортомъ. Мы убрали второй парусъ, но вскорѣ принуждены были снова его поднять. Начинало темнѣть и китоловная лодка, нашъ лучший ходокъ, уже скрылась изъ виду; нѣкоторое время мы еще видѣли второй куттеръ позади насъ, но скоро потеряли и его изъ виду. Вѣтеръ и волненіе все усиливались и волны врывались въ нашу лодку и съ боковъ и съ носа. Эриксенъ былъ у руля, но вѣтеръ былъ такъ силенъ и непостояненъ, что паруса раза два или три бессильно шлепали по мачтѣ, такъ что лодка едва не погибла.

„Наконецъ, снова заколыхался парусъ и былъ унесенъ за бортъ вмѣстѣ съ мачтою; масса воды ринулась въ лодку и только съ большимъ трудомъ удалось намъ вычерпать воду, успѣвшую уже подняться до скамеекъ. Не дай Богъ — вторая волна... и мы-бы погибли. Въ ту-же самую минуту, какъ упала мачта, лодку повернуло и понесло по волѣ вѣтра и волнъ; капитанъ отдалъ приказаніе сдѣлать волоковой якорь, воспользовавшись парусомъ и багромъ и спустить его съ кормы въ воду; съ минуту лодка держалась прямо, но затѣмъ и этотъ импровизированный якорь былъ сорванъ и мы принуждены были дѣлать новый. Теперь мы уже взяли мачту и весло, связали ихъ крестъ на крестъ другъ съ другомъ, а сверху прикрѣпили ломъ. Около полуночи, намъ показалось, что мы боремся съ волненіемъ, направляющимся съ двухъ различныхъ сторонъ; было очень неспокойно, волны безоста-

новочно били въ борты лодки и люди ни на минуту не могли прекратить откачиваніе воды. На слѣдующій день, вплоть до самаго вечера, продолжался сильный вѣтеръ и не менѣе сильное волненіе, а затѣмъ, мало-по-малу море стало успокаиваться, и на ночь мы должны были стать на якорь. На слѣдующее утро, капитанъ спросилъ у меня, нѣтъ-ли у насъ на лодкѣ чего-нибудь, изъ чего можно сдѣлать парусъ, на что я отвѣчалъ, что у насъ есть еще висячая койка и старая покрывка отъ саней, изъ которыхъ можно кое-какъ смастерить по нуждѣ парусъ; тотчасъ-же усадили Каача и Герца за работу и они стали сшивать койку и покрывку; когда все было сдѣлано, мы поставили мачту, подняли парусъ и направились на юго-западъ. Около полудня, волненіе значительно стихло и вѣтеръ повернулъ на западъ, мы держались все того-же курса. Вечеромъ, не только ноги, но и руки капитана начали такъ сильно пухнуть, что скоро онъ былъ уже не въ состояніи писать замѣтки въ своей записной книжкѣ. Онъ запряталъ ноги въ спальный мѣшокъ и просидѣлъ такимъ образомъ въ лодкѣ всю ночь. Когда стемнѣло, вѣтеръ снова уже повернулъ болѣе на югъ, такъ что мы не могли держаться прямо своего курса и принуждены были лавировать. Капитанъ приказалъ мнѣ постоянно оставаться по 4 часа въ одномъ направленіи и тогда уже дѣлать поворотъ, причемъ я долженъ былъ будить его, едва намъ что-нибудь встрѣтится на пути. Всю ночь мы продолжали лавировать. На слѣдующее утро, вѣтеръ повернулъ на сѣверо-востокъ, такъ что мы снова могли безпрепятственно держаться своего направленія. Я попробовалъ лотомъ глубину и нашелъ 8 сажень; около 10 ч. я взобрался на скамейку и примѣтилъ отсюда нѣсколько темноватыхъ пятенъ на горизонтѣ, которыя имѣли подобіе земли; это было утромъ 15-го октября. Я сообщилъ объ этомъ капитану, но, такъ какъ этотъ послѣдній сидѣлъ въ лодкѣ, то онъ и не могъ ничего видѣть и потому сначала подумалъ, что вѣроятно, я ошибся. Между тѣмъ, не успѣли мы проѣхать еще нѣсколько времени, какъ всѣ мы уже сидя, могли различить землю; на востокъ и западъ про-

стирался новый ледъ, который отдѣлялъ насъ, между прочимъ, и отъ видимой нами земли. Никакихъ слѣдовъ проливчика, который могъ-бы довести насъ до берега, не было замѣтно, такъ что мы шли впередъ полнымъ ходомъ до тѣхъ поръ, пока не врѣзались въ ледъ и не остановились; тогда взяли мы за весла, которыми мы разбивали впереди себя ледъ и проталкивали мало-по-малу лодку. Такимъ образомъ, пробивали мы себѣ дорогу до тѣхъ поръ, пока до устья рѣки не осталось 4—5 верстъ; тутъ уже было всего лишь два фута глубины; а затѣмъ скоро лодка наша и вовсе сѣла на мель.

„Цѣлый день мы провели въ томъ, что старались отыскать болѣе глубокое мѣсто; нѣсколько разъ всѣ отправлялись въ воду, усиливаясь стащить нашу лодку съ мели; все это время мы сильно страдали отъ холода, сырости и непомѣрныхъ трудовъ. Когда наконецъ, къ вечеру рѣшительно всѣ выбились изъ силъ, капитанъ рѣшился провести ночь на льду; послѣ ужина принесли мы наши спальные мѣшки, но всѣ они были настолько промочены, что пользоваться ими не было никакой возможности; такъ мы и провели ночь, какъ попало, причемъ всѣ очень страдали отъ сильнаго холода. На слѣдующее утро, удалось таки сдвинуть лодку съ мѣста; до 10 ч. мы всячески старались продвинуться впередъ въ западномъ направленіи и, когда это рѣшительно не удалось, капитанъ приказалъ направиться на сѣверо-востокъ; все-таки, было очень мелко, и мы постоянно останавливались въ тинѣ. Когда люди забирали веслами впередъ, то и лодка подвигалась впередъ на одинъ или на два фута, но едва лишь они снова поднимали весла изъ воды, какъ лодка снова приходила почти въ то-же положеніе, какъ и прежде. Вскорѣ послѣ полудня, вѣтеръ посвѣжѣлъ и вода пришла въ сильное волненіе; часто заливала она въ лодку и промачивала насъ то и дѣло до костей. Мы успѣли уже отѣхать теперь версты на двѣ отъ новаго льда, но, такъ какъ капитанъ видѣлъ совершенно ясно, что итти дальше въ этомъ направленіи невозможно, то онъ и отдалъ приказаніе держать снова на ледъ. Такимъ

образомъ, мы потеряли цѣлыхъ два дня въ тщетныхъ уси-
лiяхъ достигъ берега и все это время не имѣли никакой
другой воды, кромѣ той, которую мы получали, растаивая
снѣгъ. Послѣ обѣда капитанъ сказалъ, что онъ больше ни-

Ниндерманнъ и Норось.

чего не можетъ сдѣлать и что теперь намъ остается лишь
тащить лодку на берегъ; вслѣдствiе этого я сдѣлалъ изъ
саней плотъ, на который мы и сложили часть груза, ради
облегченiя лодки. Около 3 ч. пополудни, капитанъ отдалъ

приказаніе тащить лодку, но мы не протащили ее и 10 сажень, какъ она снова сѣла на мель; тогда капитанъ, не видя иного исхода, приказалъ всѣмъ снять платье и войти въ воду, — только онъ, д-ръ Амблеръ, Эриксенъ и Бойдъ остались сидѣть въ лодкѣ, распустили парусъ, люди вошли въ воду и взялись за ляжки, чтобы тащить лодку. Не прошли мы и 25 сажень, какъ лодка снова сѣла на мель, и на этотъ разъ капитанъ приказалъ каждому взять часть груза и стараться добратся въ бродъ до берега. Всякій захватилъ сколько ему впору было снести и всѣ тронулись въ путь; во многихъ мѣстахъ вода доходила намъ только до колѣнъ, а коегдѣ достигала поясицы; зачастую то тотъ, то другой падалъ въ какую-нибудь яму и съ трудомъ былъ оттуда вытаскиваемъ.

Версты за полторы до берега дошли мы до новаго льда, черезъ который намъ пришлось пробивать себѣ дорогу. Наконецъ, намъ удалось разгрузить лодку на столько, что она сошла съ мели; еще разъ захватили мы съ собою часть груза на берегъ, а затѣмъ вернулись къ лодкѣ, чтобы тащить и ее туда-же; черезъ нѣсколько времени она снова уже сидѣла на мели и снова пришлось намъ облегчать ее и относить часть груза на берегъ. Такимъ-то образомъ, то понемногу облегчая лодку, то таща ее на себѣ, мы достигли, наконецъ, новаго льда, но тутъ уже оказалось, что доставить нашу лодку еще ближе къ берегу представляется совершенно невыполнимымъ. Пришлось и больнымъ сойти въ воду и итти вбродъ подобно прочимъ, такъ какъ, хотя-бы мы и хотѣли попробовать нести ихъ черезъ ледъ, но о подобной попыткѣ не могло быть и вопроса при опасности провалиться ежеминутно на этомъ опасномъ пути. Наконецъ; я сходилъ еще одинъ разъ, въ сопровожденіи матроса, на лодку посмотрѣть, не осталось-ли тамъ чего-нибудь, а когда мы пустились съ нимъ въ обратный путь, то успѣло уже на столько стемнѣть, что намъ было уже не видно берега и пришлось пробираться черезъ ледъ чуть не ощупью. Достигнувъ берега, мы нашли здѣсь большой костеръ, вокругъ котораго всѣ сидѣли и старались высушить свое платье“.

Опуская затѣмъ подробности, сообщаемыя выше въ дневникѣ Делонга, Ниндерманнъ продолжалъ:

„6-го октября положеніе Эриксена до такой степени ухудшилось, что не осталось рѣшительно никакой надежды на улучшение; казалось невозможнымъ переносить больного дальше. Я находился съ нимъ одинъ въ избушкѣ, когда капитанъ вошелъ туда и спросилъ меня, чувствую-ли я себя достаточно сильнымъ, чтобы дойти до Кумакъ-Сурка, отстоящаго отсюда, по его словамъ, всего лишь на 35 верстъ. Онъ полагалъ, что я, въ сопровожденіи кого-нибудь изъ товарищей, могу сдѣлать это путешествіе и возвратиться къ нимъ черезъ 4 дня; онъ сказалъ также, что, если мы не застанемъ людей въ Кумакъ-Сурка, то должны итти дальше въ мѣсто, называемое Аякытъ и отстоящее отъ Кумакъ-Сурка на 70 верстъ на югъ. „Но едва лишь вы найдете людей“, — продолжалъ онъ, — „возвращайтесь какъ можно скорѣе и принесите намъ столько мяса, чтобы мы могли не голодать болѣе“. Капитанъ спросилъ меня также, кого бы я желалъ взять съ собою, на что я отвѣчалъ: Нороса. Онъ съ своей стороны полагалъ, что мнѣ лучше взять съ собою Иверсона, но я рѣшительно не могъ согласиться на это, такъ какъ зналъ очень хорошо, что Иверсонъ уже нѣсколько дней жалуется на боль въ ногахъ. Наконецъ, капитанъ согласился съ моимъ выборомъ и сказалъ мнѣ только: „Вы знаете, Ниндерманнъ, что намъ нечего ѣсть и что я не могу ничего дать вамъ на дорогу; само собою разумѣется, что вы получите вашу порцію собачьяго мяса“. Пока мы разговаривали такимъ образомъ, вошелъ докторъ, посмотрѣлъ на Эриксена и воскликнулъ: „онъ умеръ“. Всѣ мы испугались. Черезъ минуту капитанъ сказалъ: „Теперь, Ниндерманнъ, мы всѣ вмѣстѣ пойдемъ на югъ“. Было около 9 часовъ, когда умеръ Эриксенъ. Капитанъ спросилъ меня еще, не знаю-ли я такого мѣста, гдѣ-бы мы могли погребсти его, на что я отвѣчалъ, что земля здѣсь вездѣ кругомъ такъ сильно замерзла, что выкопать могилу безъ орудій мы не можемъ; единственное, что мы могли-бы еще сдѣлать, это—прорубить во льду дыру и опустить туда его тѣло.

Капитанъ согласился со мною и отдалъ приказаніе Каачу и Норосу завернуть и зашить тѣло въ парусину. Къ обѣду все было покончено; мы прикрыли его флагомъ и тогда получили свой обѣдъ, состоявшій изъ горячей воды съ небольшимъ количествомъ алкоголя. Когда мы выпили это, капитанъ сказалъ: „Теперь погребемъ нашего товарища!“ Всѣ мы были очень молчаливы, а капитанъ сказалъ намъ еще нѣсколько словъ, и когда онъ окончилъ свою рѣчь, мы подняли съ земли своего товарища, снесли его на рѣку, гдѣ и начали прорубать топоромъ дыру во льду. Капитанъ прочелъ заупокойную молитву; а затѣмъ, мы спустили въ рѣку тѣло Эриксена, которое тотчасъ-же скрылось у насъ изъ глазъ, унесенное быстрымъ теченіемъ. Въ честь покойнаго были сдѣланы три выстрѣла, а затѣмъ мы безмолвно возвратились въ нашу избу. Погода была очень плоха: сильный вѣтеръ и страшная мятель. Говорить намъ другъ съ другомъ было нечего. Черезъ нѣсколько часовъ времени капитанъ приказалъ мнѣ выйти и посмотреть, не исправилась ли погода на столько, чтобы мы могли продолжать путь. Я вышелъ, но погода была такъ плоха и мятель такъ сильна, что я едва могъ осмотрѣться вокругъ; я вернулся, совѣтуя лучше обождать прекращенія бури, такъ какъ все равно мы теперь ничего передъ собою не увидимъ и не будемъ знать, куда мы идемъ. Я постоянно помнилъ, что день былъ точь въ-точь такой, какъ тотъ, когда мы похоронили капитана Юлля. Тогда капитанъ сказалъ: „Ну, такъ пождемъ до завтра“. Вечеромъ мы съѣли свою порцію собачины и капитанъ сказалъ при этомъ: „Это послѣдній кусокъ мяса; но я надѣюсь, что скоро мы снова получимъ его“. Затѣмъ всѣ легли спать.

„7-го октября, когда мы встали, вѣтеръ все еще былъ достаточно силенъ и мятель все еще продолжалась. Мы собрались, однако, въ путь. Въ избѣ, кромѣ записки капитана, оставлено было мозаичное ружье и немного зарядовъ, такъ что мы взяли съ собою только корабельныя бумаги и журналы, записную книжку капитана, два ружья и то платье, которое было на насъ. Я предложилъ оставить всѣ бумаги и

книги въ избѣ и обѣщаль, едва только мы встрѣтимъ людей, вернуться сюда и захватить все съ собою, но капитанъ возразилъ: „Ниндерманнъ! пока я живъ, бумаги будутъ со мною“. Затѣмъ, мы оставили избушку и направились на югъ, пока не дошли до большой рѣки, которую тогда всѣ мы приняли за настоящую Лену, но которая, какъ я узналъ теперь, составляетъ лишь рукавъ ея, называемый Дуропьяною. Я и забылъ сказать, что оставивъ избу, мы шли сначала почти въ юго-восточномъ направленіи черезъ песчаную низменность до какой-то рѣки, по берегу которой мы прошли нѣкоторое время на югъ, пока она не сдѣлала изгиба, заставившаго насъ снова повернуть болѣе на востокъ. Мы подошли тутъ еще къ меньшей рѣчкѣ, на ту пору почти лишенной воды и снова продвинулись нѣсколько на югъ, а тамъ опять на востокъ и такимъ образомъ уже достигли большой рѣки, принятой капитаномъ за Лену. Это и былъ тотъ именно рукавъ, на берегу котораго мы нашли его мертвымъ. Капитанъ спросилъ меня: „Какъ вы думаете, Ниндерманнъ? достаточно-ли крѣпокъ ледъ, чтобы сдержать насъ“. Я отвѣчалъ: „я попробую“. Тотчасъ-же я спустился на ледъ и прошелъ по нему немного, пока не провалился, но, къ счастью, не промокъ особенно сильно. Оглянувшись, я увидалъ, какъ разъ за собою капитана, который тоже провалился и упалъ въ воду по самыя плечи; я помогъ ему выбраться, а затѣмъ, мы вернулись на берегъ, развели огонь и высушили свои вещи. Наступило какъ разъ время обѣда, а потому мы и приготовили тутъ же свой напитокъ, состоящій изъ горячей воды и нѣсколькихъ капель алкоголя“.

„Въ воскресенье, 9-го октября, послѣ молебна, капитанъ“ Делонгъ отправилъ Ниндерманна и Нороса впередъ на югъ, давши первому тѣ-же приказанія, которыя онъ сообщалъ ему въ день смерти Эриксена. Ниндерманнъ рассказываетъ: „Капитанъ далъ мнѣ копію со своей маленькой карты устья въ Лены и сказалъ: „Вотъ и все, что я могу дать вамъ на дорожку; дать какое-бы то ни было указаніе о странѣ или о рѣчкѣ я не къ состояніи, такъ какъ вы сами знаете столько-же,

сколько и я; но ступайте съ Норосомъ, котораго я ставлю подъ ваше начальство, все прямо на югъ, вплоть до Кумакъ-Сурка, а если и тутъ вы никаго не найдете, то отпраляйтесь дальше, въ Аякытъ, лежащій въ 70 верстахъ еще южнѣе; если-же и тутъ вы не найдете души человѣческой, то продолжайте свой путь вплоть до Булуна, лежащаго въ 35 верстахъ отъ Аякыта; во всякомъ случаѣ, идите на югъ до тѣхъ поръ, пока не найдете гдѣ-нибудь людей. Я увѣренъ, что вамъ удастся это уже въ Кумакъ-Сурка. Если вамъ посчастливится уже на первый или на второй день убить оленя, то возвращайтесь скорѣе сообщить намъ объ этомъ“. Затѣмъ онъ мнѣ сказалъ еще, что бы мы ни въ какомъ случаѣ не покидали западнаго берега рѣки, такъ какъ и на восточномъ берегу мы не встрѣтимъ ни жителей, ни плавучаго лѣса; онъ сказалъ также, что не даетъ мнѣ письменной инструкціи и рекомендацій, такъ какъ мѣстные жители здѣсь, все равно, не будутъ въ состояніи прочесть ихъ; мнѣ предоставлялось дѣлать, что я могу и поступать, какъ мнѣ заблагоразсудится. Посовѣтовавъ намъ еще разъ не переходить рѣки вбродъ, онъ простился съ нами и обѣщалъ слѣдовать за нами такъ скоро, какъ только будетъ возможно. Мы отправились въ путь, сопровождаемые троекратными заздравными возгласами остающихся; всѣ они неуклонно надѣялись, что мы скоро и поможемъ имъ. Я хорошо зналъ, что въ такое позднее время года едва-ли мы встрѣтимъ людей въ селеніяхъ; по всѣмъ вѣроятіямъ они давно уже успѣли отправиться на югъ“.

Когда Ниндерманнъ дошелъ до этого мѣста своего разсказа. Норосъ принялся разсказывать и сообщилъ слѣдующее: „Мы не стали слѣдовать за всѣми изгибами рѣки, а пошли напрямикъ. Горы были передъ нами и мы знали, что рѣка протекаетъ въ небольшомъ разстояніи вдоль ихъ. Мы находились теперь на островѣ, съ одной стороны котораго протекала Дуропьяна. Мы пришли къ рѣкѣ и прошли 7—9 верстъ по ея берегу; передъ самымъ полуднемъ мы сдѣлали привалъ и выпили немного алкоголя, а затѣмъ, снова пошли впередъ, пока не пришли въ высокому берегу, гдѣ лежала

небольшая лодка; на лодкѣ сидѣла, видная издали еще куропатка; Ниндерманнъ приложился, выстрѣлилъ, выбилъ у птицы нѣсколько перьевъ изъ хвоста, но такъ слабо ранилъ ее, что она поспѣшно улетѣла. Снова спустились мы къ самому краю, гдѣ легче было идти, нежели по высокому берегу. Не успѣли мы пройти и двухъ верстъ, какъ пришлось снова взбираться наверхъ для того, чтобы оглядѣться и поискать гдѣ-нибудь дичи. Ниндерманнъ, взобравшійся наверхъ раньше меня, закричалъ: „Тамъ олени! подай-ка ружье!“ Мы ихъ очень ясно видѣли всего саженьхъ въ 300 отъ насъ, но вся бѣда въ томъ, что не съ подвѣтренной стороны. Ниндерманнъ снялъ тогда свое тяжелое платье, чтобы двигаться съ большей свободою и полѣзъ къ животнымъ по снѣгу. Я отдалъ ему патроны и сказалъ: „смотри, не опусти добычу, этимъ ты можешь еще спасти всѣхъ насъ“. А онъ отвѣчалъ: „Сдѣлаю, что могу“. У меня тогда глаза были очень воспалены и видѣлъ я плохо; все-же я слѣдилъ за всѣми его движеніями съ напряженнымъ вниманіемъ. Я видѣлъ, какъ онъ подвигался мало по-малу впередъ и тихо полѣзъ по снѣгу. Передъ нами было небольшое стадо оленей, головъ въ 12, быть можетъ; одни отрывали траву, другіе стояли на часахъ, а многіе отдыхали, лежа на землѣ. Ниндерманнъ приблизился уже къ нимъ на 100 или 150 сажень, когда вдругъ одно изъ животныхъ замѣтило его, закричало и тѣмъ смутило всѣхъ остальныхъ: я видѣлъ, какъ Ниндерманнъ вскочилъ на ноги и послалъ вслѣдъ убѣгающимъ животнымъ три пули, въ надеждѣ, что шальная пуля, быть можетъ, и повалитъ одного изъ нихъ. Но это не удалось ему. Всѣ олени убѣжали. Смущенный и опечаленный, вернулся онъ ко мнѣ.—„Видно, не судьба“,—сказалъ онъ,—я все сдѣлалъ, что могъ“. Такъ намъ и пришлось потерпѣть неудачу. Тогда снова пустились мы въ путь и прошли много, пока совершенно истощенные, не стали искать убѣжища на ночь. Лучшее мѣсто, которое можно было найти, находилось подъ высокимъ берегомъ, гдѣ земля обвалилась и образовалось нѣчто вродѣ крышки; здѣсь сложили мы небольшой костеръ, зажгли его, выпили алкоголя

и тогда уже легли спать. Немного, однако, удалось намъ поспать, такъ какъ было слишкомъ холодно и намъ пришлось всю ночь почти поддерживать огонь, чтобы не замерзнуть“. (Этотъ бивуакъ отстоялъ очень не далеко отъ того мѣста, гдѣ впоследствии капитанъ Делонгъ зажегъ свой послѣдній сигнальный огонь—всего въ 700—800 саженьяхъ отъ остатковъ плоскодонной лодки.

„Намъ поневолѣ приходилось идти, куда подуетъ вѣтеръ; такимъ-то образомъ, сами не зная, какъ пришли мы куда-то на сѣверо-западъ. Во всякомъ случаѣ, этотъ переходъ отклонилъ насъ отъ нашего прямого пути на столько, что намъ понадобилось цѣлыхъ два дня для того, чтобы добраться до мысочка, находившагося напротивъ того мѣста, гдѣ мы находились въ началѣ бури. Мы продолжали идти впередъ; не смотря на бурю и на сильную мятель съ пескомъ; на слѣдующую ночь мы не нашли на берегу никакого защищеннаго мѣста, такъ что намъ пришлось выкопать себѣ логовище въ снѣжномъ сугробѣ. Работать пришлось надъ этимъ три или четыре часа, такъ какъ копали только руками и карманными ножами; въ концѣ концовъ, однако, намъ удалось выкопать яму, куда мы оба могли свободно залѣзть. Едва только успѣли мы туда спрятаться, какъ вѣтеръ погналъ снѣгъ и скоро такъ занесъ наше логовище, что намъ пришлось долго проработать, чтобы какъ-нибудь вылѣзть изъ своей опочивальни. Тотчасъ же мы отправились въ путь, успѣли только проглотить нѣсколько капель алкоголя; приходилось беречь его, елико возможно“.

Послѣ крайне труднаго перехода втеченіе цѣлаго дня по сильной мятели путники были порадованы, вечеромъ 11-го октября, зрѣлищемъ избушки, находившейся въ юго-восточномъ отъ нихъ направленіи (Матвѣй). Они рѣшились провести здѣсь ночь. То былъ обыкновенный срубъ съ очагомъ по срединѣ, гдѣ они развели тотчасъ же огонь, который поддерживали кольями и досками отъ скамеекъ, устроенныхъ вокругъ всей избы.

„Трудно было намъ оставить на слѣдующее утро это первое пристанище, встрѣченное нами на нашемъ пути“,—продолжалъ

Норосъ, — мы снова спустились къ рѣкѣ и принуждены были бороться съ сильнымъ противнымъ вѣтромъ, такъ что едва могли подвигаться впередъ; не успѣемъ мы сдѣлать и двухъ шаговъ, какъ останавливались, запыхавшись и не будучи въ состояннн пошевелинуть ни однимъ членомъ. Мы готовы уже были предаться полному отчаянню и, вернувшись въ хижину, ожидать, пока смерть не избавитъ насъ отъ всѣхъ нашихъ страданнй.

Однако, они мужественно шли впередъ, съ трудомъ передвигая ноги, мучимые голодомъ и не зная даже, когда утолятъ его. Послѣ полудня, они увидали передъ собою какія то горы и думали, что видятъ у подошвы ихъ какую-то избу, но быть можетъ, то была лишь игра разстроеннаго воображення; довольно широкой протокъ отдѣлялъ ихъ отъ горъ, но они перешли его вбродъ, довольные тѣмъ, что вода доходила имъ только по колѣно. Счастливо перебравшись на другую сторону, они дѣйствительно нашли тамъ убѣжище, нѣчто вродѣ „палатки“, или круглой шатрообразной избушки, выстроенной изъ жердей и смазанной снаружи глиной, во избѣжанн вѣтра и непогоды. Они вошли во внутрь, но скоро увидали, что здѣсь будетъ имъ недостаточно защиты, такъ какъ маленькое жильѣ находилось въ самомъ плачевномъ состояннн. И снова они мужественно пошли дальше и пришли, наконецъ, версты черезъ 2, ко второй небольшой избушѣ, возлѣ которой торчали изъ снѣга два деревянные креста, повидимому, обозначавшн мѣста послѣдняго успокоення туземцевъ.

Здѣсь они пробыли 1^{1/2} дня, пока не истребили то небольшое изъ съѣстнаго, которое они нашли здѣсь; съѣдено было все до рыбнхъ головы и внутренностей, пища эта была ужасна! а все-же несчастные подкрѣпились немного. Они оба были увѣрены, что находятся уже въ Кумакъ-Сурка, а вмѣстѣ съ тѣмъ воображали, что они очень мало уклонились отъ пути, указаннаго имъ на маленькой картѣ капитаномъ Делонгомъ; но такъ какъ они не нашли здѣсь живой души человѣческой, то и пришлось рѣшиться продолжать путь до Аякыта и Булуна. 14-го октября, они снова продолжали свое утомительное путе-

шествіе; вѣтеръ сильно дулъ съ юго-востока и несъ имъ прямо въ лицо и снѣгъ, и песокъ съ такою силою, что глаза едва могли выдерживать. Вслѣдствіе этого имъ удалось въ этотъ день пройти очень мало и они были очень рады и благодарны судьбѣ, когда къ вечеру они нашли, наконецъ, убѣжище, въ которомъ могли пріютиться на ночь отъ вѣтра и снѣга. То была престранная трещина въ скалистомъ берегу, въ $2\frac{1}{2}$ фута въ ширину, 6 ф. высоты и 16 ф. глубины; нѣчто въ родѣ пещеры, имѣвшей второй выходъ на самой вершинѣ берегового угла. На слѣдующій день, 16-го октября, на завтракъ они имѣли только настой какой-то травы и нѣсколько кусочковъ тюленьей шкуры, отрѣзанныхъ ими отъ своихъ штановъ; не смотря на страшно холодный, рѣжущій лицо юго-восточной вѣтеръ, они все-таки, снова пустились въ дорогу. Они переходили множество песчаныхъ отмелей и небольшихъ замерзшихъ протоковъ, и только вечеромъ достигли настоящей Лены, недалеко отъ высокихъ горъ, поднимающихся на западномъ берегу рѣки; на одной изъ этихъ горъ находится теперь могила всего отряда Делонга. Въ надеждѣ, что на холмистомъ западномъ берегу они скорѣе встрѣтятъ дичь, они перешли черезъ рѣку; но тотчасъ-же имъ пришлось разочароваться въ своихъ ожиданіяхъ, такъ что на слѣдующее же утро, проведя самую ужасную, полную страданій, ночь въ какой-то щели, они снова перебрались на другую сторону Лены. Для нихъ было истиннымъ счастьемъ, что теперь, по крайней мѣрѣ, всѣ протоки и рѣки были замерзшіе, такъ что они могли переходить ихъ, не замочивши ногъ. Подъ защитою высокаго берега провели они слѣдующую, ночь, которая была не менѣе мучительна, нежели предыдущія, такъ какъ у нихъ не было дровъ для костра. После завтрака, состоявшаго опять изъ травяного настоя и нѣсколькихъ кусочковъ тюленьей кожи, 19-го октября, они снова пустились въ путь; но тутъ они были уже до такой степени слабы, что прошли впередъ въ этотъ день очень немного. „Каждая 2 минуты,—говоритъ Ниндерманнъ,—намъ приходилось ложиться на снѣгъ, чтобы одохнуть немного, такъ, что мы едва подвигались впередъ“. Ноги ихъ совершенно отказыва-

лись служить имъ, но они все еще не сдавались: чтобы ни случилось, они хотѣли сдержать свое обѣщаніе, — „когда они не будутъ болѣе въ состояніи итти, ползти ползкомъ, пока не настигнетъ ихъ смерть“. Къ счастью, помощь была близка, а они этого и не ожидали. Пора была ей явиться, такъ какъ тотъ фактъ, что при такомъ невыносимомъ холодѣ они могли совершенно голодные пройти такое большое разстояніе, — можетъ быть признанъ сверхъестѣственнымъ. Разстояніе отъ того мѣста, гдѣ они оставили Делонга, до остатковъ плоскодонной лодки составляетъ 22 версты: оттуда до Матвѣя по прямому пути отъ 25 до 27 верстъ, но здѣсь они сдѣлали крюкъ почти въ 50 верстъ; разстояніе отъ Матвѣя до Булкура опредѣляется оффиціально въ 110 верстъ, такъ что всего они сдѣлали около 200 верстъ! Да какъ еще сдѣлали! Никакое описаніе не въ состояніи передать тѣ трудности и страданія, которыя сопровождали каждый ихъ шагъ на этомъ пути! Отъ Булкура до Кумакъ-Сурка, извѣстнаго всеѣмъ поселенія, куда они должны были отправиться, въ силу приказа капитана, оставалось имъ сдѣлать еще цѣлыхъ 50 верстъ.

Когда они вечеромъ, 19 октября тихо подвигались по берегу рѣки, Норось отошелъ немного впередъ отъ своего спутника и вдругъ замѣтилъ на мысочкѣ, образуемомъ однимъ изъ изгибовъ рѣки, квадратную избушку, которая помѣщалась въ промежуткѣ между двумя высокими горами на западномъ берегу рѣки; подойдя поближе, онъ увидалъ еще двѣ постройки на подобіе палатокъ, обмазанныхъ снаружи глиною. Это-то и было поселеніе Булкуръ.

Собравъ свои послѣднія силы, оба путника поспѣшили къ хижинамъ, радостные и благодарные за то, что нашли, наконецъ, хоть и не Богъ знаетъ что, а все-же убѣжище на ночь. Но въ томъ-то и дѣло, что тутъ было нѣчто бѣльшее, такъ какъ въ одной изъ хижинъ, служившей чѣмъ-то вродѣ кладовой, они нашли отъ 10 до 15 ф. сушеной рыбы. Что за бѣда, что вся эта рыба была покрыта плѣсенью? Они могли, по крайней мѣрѣ, утолить свой голодь. Цѣлыхъ три дня пробыли путники въ этомъ мѣстѣ, принятомъ ими за Аякыть. Утромъ,

22 октября, они собрались было снова въ путь, чтобы направиться въ Булунъ; но, когда они начали приготовляться къ дальнѣйшему походу, вдругъ почувствовали себя до такой степени слабыми, что поневолѣ пришлось отложить всякое попеченіе о дальнѣйшемъ путешествіи. Сидя и лежа, они не ощущали этой слабости и замѣтили, что не могутъ передвигать ноги только тогда, когда поднялись на ноги и прошли нѣсколько шаговъ. Вслѣдствіе этого рѣшено было пробыть здѣсь еще одинъ день; это-то и было для нихъ счастьемъ. Когда, около полудня, они занимались варкою себѣ обѣда, вдругъ до ушей ихъ донесся какой-то шумъ извнѣ, который, по ихъ словамъ, „походилъ на шумъ, производимый крыльями цѣлаго стада гусей“. Ниндерманнъ, сидѣвшій такъ, что могъ видѣть въ дверную щель, сказалъ: „это олени“. Съ этими словами онъ схватилъ ружье и осторожно подкрался къ двери, какъ вдругъ эта послѣдняя распахнулась настежь и на порогѣ ея появился тунгусъ; при видѣ ружья, находившагося въ рукахъ у Ниндерманна, онъ въ испугѣ упалъ на колѣна, поднялъ вверхъ руки, и видимо, молилъ пощадить его жизнь. Оба они старались жестами успокоить его, а Ниндерманнъ, для того, чтобы доказать, что онъ не желаетъ нанести ему вреда, бросилъ ружье въ уголь; долго, однако, бѣдняга не могъ отдѣлаться отъ обуявшаго его страха. Наконецъ, онъ рѣшился, впрочемъ, привязать своихъ оленей у хижины и войти въ нее; Норосъ рассказывалъ далѣе: онъ началъ говорить намъ что-то, но мы не понимали ровно ничего изъ того, что онъ говорилъ, и старались лишь дать ему какъ-нибудь понять, что мы желаемъ попасть въ Булунъ; мы до такой степени были рады, увидавъ его, что охотно-бы прижали его къ сердцу и расцѣловали, такъ какъ мы понимали и знали, что самая ужасная часть пути оставлена нами позади. Мы старались выяснитъ ему, что у насъ было еще нѣсколько товарищей, оставшихся тамъ, далеко на сѣверѣ, но онъ не понималъ ни слова. Онъ осматривалъ и ощупывалъ одежду Ниндерманна, а затѣмъ, вышелъ вонъ, но тотчасъ-же вернулся и подаль ему оленью шкуру и пару сапогъ изъ оленьей-же шкуры; при этомъ онъ дѣ-

лалъ всевозможные знаки, которые должны были выражать, что теперь онъ сейчасъ насъ оставить, но скоро возвратится снова къ намъ. Онъ держалъ все три пальца надъ головою, и мы полагали, что онъ желаетъ выразить этимъ три дня“.

Ниндерманнъ не хотѣлъ отпускать этого человѣка, тогда какъ Норосъ совѣтовалъ дать ему полный просторъ дѣйствовать, какъ онъ хочетъ,—тѣмъ болѣе, что онъ успѣлъ уже высказать имъ несомнѣнныя доказательства своего благорасположенія, и что, если онъ ихъ обманетъ, то стоитъ лишь идти по его слѣду и затѣмъ розыскать его. Такимъ образомъ, проводили они его и смотрѣли, какъ онъ запрягалъ своихъ четырехъ оленей; только потомъ они узнали, что двухъ оленей онъ пригналъ сюда, чтобы захватить отсюда сани, оставленные имъ здѣсь нѣсколько дней тому назадъ и употребленные пришельцами въ качествѣ топлива по невѣдѣнію.

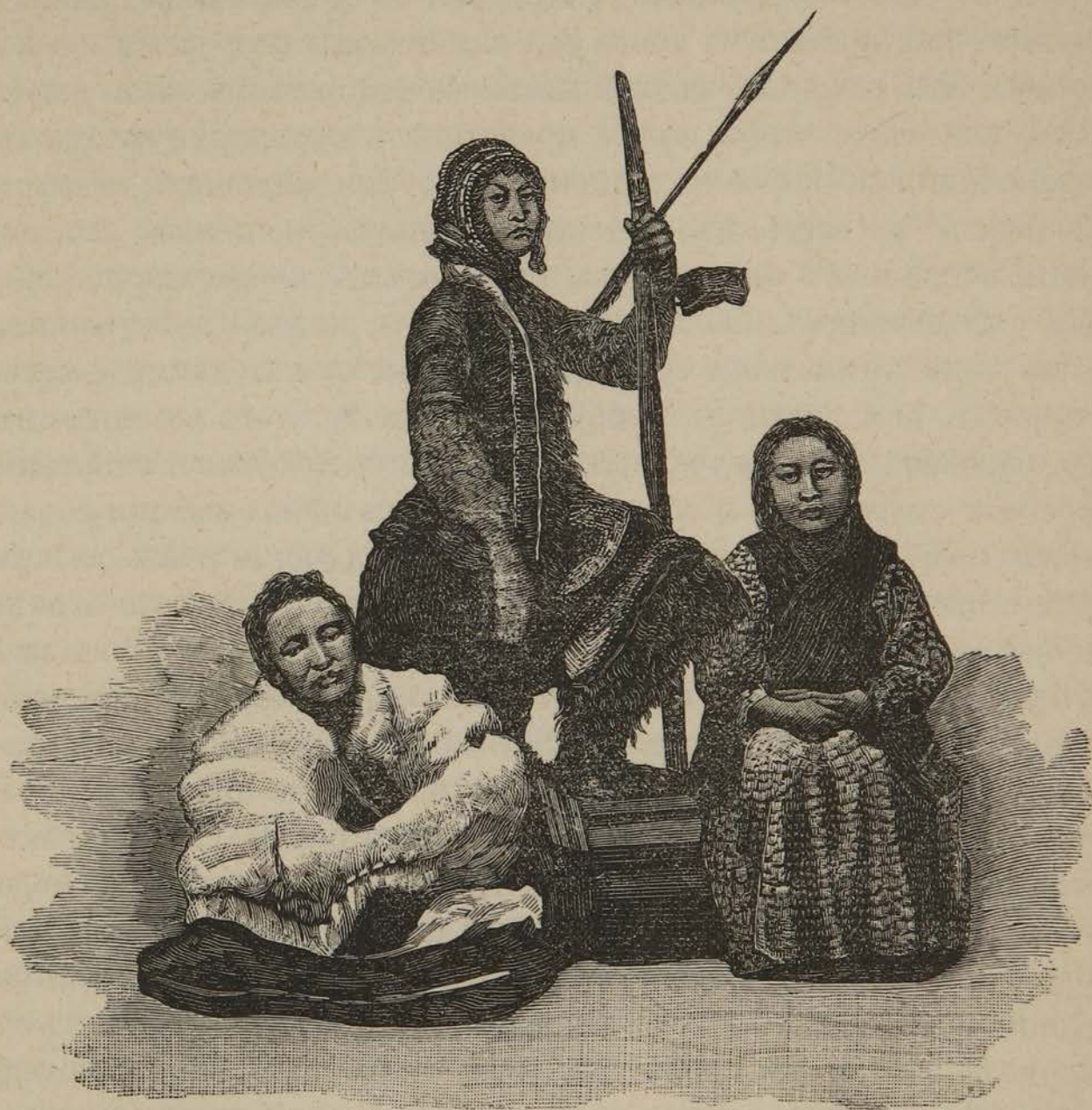
Остановившись въ дверяхъ избы, смотрѣли они нѣкоторое время вслѣдъ тунгусу, мчавшемуся, сломя голову, по снѣжнымъ сугробамъ, а затѣмъ, снова вошли въ избу ожидать, что пошлетъ имъ судьба; такъ терпѣливо ожидали они до наступленія темноты, но затѣмъ стали беспокоиться и сомнѣваться въ возвращеніи тунгуса. „Какъ глупо было отпускать его“,—повторялъ Ниндерманнъ.

„Наступила ночь, и мы начали уже ѣсть нашу рыбную похлебку“, — рассказывалъ Норосъ,—„когда мы услышали, что нѣсколько саней поднимаются къ намъ наверхъ, и мы выскочивъ изъ избы, увидели нашего тунгуса, остановившагося вмѣстѣ съ двумя другими туземцами и пятью оленьими упряжками у избы. Нагруженный одеждою и сапогами изъ оленьихъ шкуръ, а главное значительнымъ количествомъ мерзлой рыбы, явился къ намъ нашъ новый другъ; мы поздоровались съ нимъ съ радостью и тотчасъ-же принялись уничтожать принесенную имъ рыбу, а онъ, между тѣмъ, бралъ всѣ наши вещи и укладывалъ ихъ на свои сани; наконецъ, мы надѣли дахи и сапоги и отправились въ путь, когда было около полуночи. Проѣхавъ верстъ 20, мы подѣхали къ двумъ юртамъ, возлѣ которыхъ стояло очень много саней, но нигдѣ не

было видно оленей. Туземцы тотчасъ-же занялись нами, вымыли намъ лица и руки и, благодаря этому, мы снова стали походить на людей. Большой котелъ съ олениной стоялъ на огнѣ и скоро намъ было предложено, при помощи самыхъ дружественныхъ жестовъ и знаковъ, принять участіе въ общей трапезѣ. Утоливъ свой голодъ, мы должны были попробовать и чаю; затѣмъ, на полъ разостлали нѣсколько оленьихъ шкуръ и всѣ улеглись спать. То была первая покойная ночь, проведенная нами со времени оставленія нами капитана“. Туземецъ привезъ ихъ въ ставку путешествующихъ тунгусовъ, направлявшихся въ Кумакъ-Сурка изъ лѣтняго мѣстопробыванія своего, расположеннаго нѣсколько далѣе на сѣверъ; караванъ состоялъ изъ семи мужчинъ и трехъ женщинъ, ѣхавшихъ на 30 саняхъ и 75 оленяхъ. Около двухъ дней ѣхали Ниндерманнъ и Норось съ этими людьми, и только 25-го октября, около 4 часовъ пополудни, прибыли они въ Кумакъ-Сурка, гдѣ ихъ приняли чрезвычайно радушно и заботливо. Дорогою, скоро послѣ оставленія ставки, одинъ изъ туземцевъ, котораго остальные называли Алексѣемъ, свелъ Ниндерманна на холмъ и, указывая на горы острова Столбового, спросилъ, не тамъ-ли остались его товарищи; Ниндерманнъ отвѣчалъ „да“ и старался, какъ только могъ, убѣдительно втолковать этому человѣку, чтобы всѣ они ѣхали тотчасъ-же туда и свезли голодающимъ съѣстныхъ припасовъ. Не смотря на его усилія, тунгусъ ничего, однако, не понялъ; онъ спокойно продолжалъ путь вмѣстѣ съ остальными. Вечеромъ, въ день прибытія въ Кумакъ-Сурка, приготовленіе пищи для такого значительнаго числа людей, а также устройство наръ заняло столько времени, что Ниндерманну рѣшительно не представилось ни одной удобной минуты для того, чтобы навести снова ихъ мысли на заботившій его самого вопросъ, лежавшій у него тяжелымъ камнемъ на сердцѣ.

Когда на утро слѣдующаго дня всѣ отдохнули и затѣмъ плотно позавтракали, онъ счелъ эту минуту совершенно подходящею для разговора. Одинъ изъ туземцевъ принесъ ему небольшую модель якутской лодки, которую они называли испор-

ченнымъ русскимъ словомъ „парахуть“, и все спрашивалъ, похожъ-ли ихъ „парахуть“ на этотъ; при помощи нѣсколькихъ палочекъ, изображавшихъ на этотъ разъ мачты, Ниндерманнъ

Тунгусы.

пояснилъ внимательно слушавшимъ его туземцамъ, что его судно было бригомъ и обладало паровымъ винтомъ; повидимому, они прекрасно все это поняли и затѣмъ стали справляться, какъ и гдѣ погибло судно.

Указывая на сѣверъ, Ниндерманнъ сначала пояснилъ имъ, что это случилось далеко, далеко въ этомъ направленіи, затѣмъ взялъ два куска льду, поставилъ маленькую лодку между ними и показалъ имъ, какъ корабль былъ затертъ, раздавленъ и пошелъ ко дну; ободренный участіемъ и сочувствіемъ своихъ слушателей, а также и тѣмъ вниманіемъ и интересомъ, съ которымъ они слѣдили за каждымъ его движеніемъ, онъ вырѣзаль для того, чтобы яснѣе представить злополучную судьбу потерпѣвшихъ кораблекрушеніе, еще три маленькія лодки и насажалъ въ нихъ, въ качествѣ экипажа, щепочекъ; при помощи всего этого онъ началъ, какъ умѣлъ, представлять своимъ слушателямъ, какъ они прошли огромныя пространства то по льду, то по водѣ съ санями, собаками и лодками и какъ, наконецъ, они достигли материка; дойдя до этого момента своего разсказа, онъ нарисоваль на лоскуткѣ бумаги очертанія берега и свою лодку и объяснилъ, какимъ образомъ, они совершили свою высадку; нарисовавъ затѣмъ теченіе рѣки со всѣми ея безчисленными рукавами, онъ показалъ имъ путь отряда по восточному ея берегу на югъ и обозначилъ при этомъ всѣ пункты, гдѣ имъ попадались хижины и гдѣ они останавливались лагеремъ; количество ночлеговъ онъ показываль на пальцахъ, а число дневныхъ переходовъ тѣмъ, что преклонялъ голову и закрываль глаза, дѣлая видъ, что спитъ. Съ невѣроятными усиліями пытался разъяснить имъ, что капитанъ послаль его за пищею, платьемъ и оленями и затѣмъ, чтобы какъ-нибудь перевезти его и весь отрядъ въ какое-нибудь ближайшее селеніе, такъ какъ всѣ они въ настоящую минуту умирають съ голода и слишкомъ слабы для того, чтобы итти пѣшкомъ; онъ сообщилъ имъ, что съ той поры, какъ онъ оставилъ своихъ товарищей, прошло уже 16 дней и что еще за два дня до его ухода у нихъ нечего было ѣсть.

Но, всѣ его старанія объясниться съ добродушными дикарями и такимъ путемъ добыть откуда-нибудь помощь капитану и его отряду, остались совершенно тщетными, такъ какъ, хотя иногда ему и казалось, что они его, наконецъ, вполне поняли, въ слѣдующую-же минуту ему становилось яснымъ, что

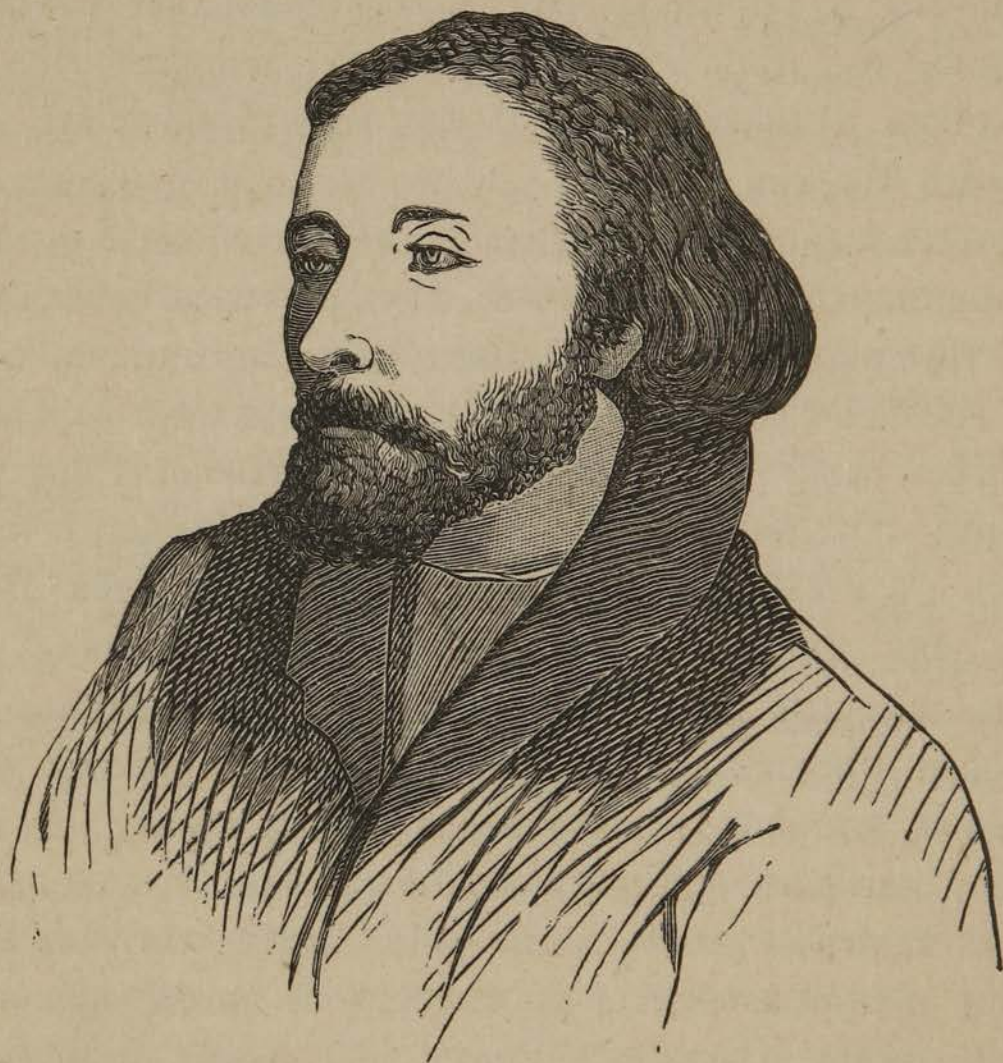
они не поняли ни одного слова изъ всего, что онъ имъ разсказывалъ. Тѣмъ не менѣе, онъ не терялъ надежды и цѣлый день только и дѣлалъ, что знаками и жестами, а то и при помощи рисунковъ, старался объяснить имъ печальное положеніе потерпѣвшихъ кораблекрушеніе товарищей, но и это не повело ни къ чему. На слѣдующій день, онъ принялся опять за то-же и придумывалъ все новыя средства для того, чтобы дать имъ хотя какое нибудь понятіе о томъ, что было до такой степени необходимо и чего онъ не могъ предпринять безъ посторонней помощи. Ему какъ-то не пришло въ голову послать ихъ однихъ навстрѣчу капитану, такъ какъ ему все хотѣлось, чтобы они привезли съ собою спасеніе для несчастныхъ, причемъ онъ хотѣлъ самъ подумать обо всемъ и пуститься вмѣстѣ съ ними въ путь, хотя въ настоящемъ своемъ положеніи изнуренный долгимъ голодомъ, непосильными трудами и неотвязною диссентеріею, я не былъ особенно способенъ идти на новыя лишенія, труды и опасности. И на слѣдующій день достигъ онъ все того-же результата, что и раньше: снова разъ ему показалось, что его, наконецъ, поняли, но черезъ минуту уже пришлось ему снова притти къ заключенію, что слушатели ровно ничего не поняли изъ его разсказовъ; они вздыхали и глядѣли на него съ сожалѣніемъ и полнымъ сочувствіемъ къ его горю, когда онъ передавалъ имъ о страданіяхъ и о печальномъ положеніи оставшихся въ устьяхъ Лены людей; но лишь только онъ переходилъ къ тому, что надо тотчасъ-же спѣшить на помощь къ этимъ несчастнымъ, они снова глядѣли на него съ полнымъ равнодушіемъ. Представленіе о товарищахъ, которые быть можетъ, уже умерли и во всякомъ случаѣ уже близки къ голодной смерти, не давало ему ни минуты покоя и щемило ему сердце; онъ постоянно думалъ о томъ, какъ нетерпѣливо ждуть его возвращенія, какъ единственной возможности спастись, и эта мысль и сознаніе своего полного безсилія, при всей кажущейся возможности это сдѣлать, такъ сильно вліяли на него, что его изнуренное и изможденное тѣло въ концѣ концовъ было сломлено и здоровье расшаталось. Сильный, мужественный человѣкъ, всегда безъ содра-

ганія глядѣвшій смерти въ глаза и перенесшій столь многое, упалъ гдѣ-то въ углу хижины и зарыдалъ, какъ дитя; его рыданія возбудили сожалѣніе въ старой тунгузкѣ, женѣ хозяина она оживленно говорила что-то своему мужу и скоро между присутствовавшими въ избѣ туземцами завязался очень живой разговоръ, по окончаніи котораго одинъ изъ туземцевъ подошелъ къ Ниндерманну, дружественно положилъ ему руку на плечо и обѣщаль отвезти его на утро въ Булунъ. Въ надеждѣ найти кого-нибудь въ Булонѣ, съ которымъ онъ будетъ въ состояніи объясниться, Ниндерманнъ выразилъ желаніе отправиться туда еще днемъ раньше, и вотъ теперь они вообразили, что онъ плачетъ и горюетъ именно изъ-за желанія скорѣе попасть въ это поселеніе.

Когда на другое утро онъ снова сталъ просить ихъ свезти его къ „начальнику“ въ Булунъ, они заявили ему, что послали уже къ „начальнику“ и теперь ожидаютъ его прибытія. Прошелъ день; вечеромъ вошелъ въ избу русскій ссыльный, по имени Кузьма, который, какъ показалось Ниндерманну, на вопросъ, не онъ-ли начальникъ, отвѣчалъ „да“.

Кузьма спросилъ: «пароходъ „Жаннетта“?» и Ниндерманнъ съ своей стороны отвѣтилъ ему утвердительно. Изъ этого вопроса предполагаемаго начальника онъ заключилъ ни больше, ни меньше, какъ что правительство русское предупредило послѣдняго о возможности прибытія „Жаннетты“ къ сибирскому берегу и поручило ему вмѣстѣ съ тѣмъ позаботиться объ ея экипажѣ. Вслѣдствіе этого, онъ еще разъ старательно повторилъ свой рассказъ о гибели корабля, о странствованіи по льдамъ и по морю экипажа, поясняя свои слова указаніями на маленькой картѣ и всевозможными знаками, но въ концѣ концовъ, снова долженъ былъ разочароваться, такъ какъ Кузьма видимо не понялъ ни слова изъ его рассказа и ни одного знака на его картѣ. Сначала, когда онъ ему рассказывалъ о смерти одного изъ товарищей и о томъ, что теперь ихъ осталось всего лишь одиннадцать, Кузьма кивалъ утвердительно головою и, казалось, понимаетъ все прекрасно, но впослѣдствіи оказалось, что онъ все время думалъ о при-

бывшемъ въ Булушь отрядѣ Мельвилля, состоявшемъ даже изъ 11 человѣкъ. Вотъ почему онъ и повторялъ теперь часто: „Капитанъ, да. Два капитана, первый капитанъ, второй капитанъ“, намекая на инженера Мельвилля и на лейтенанта

Кузьма, ссыльный.

Данненгауэра, тогда какъ Ниндерманнъ воображалъ, что онъ заявляетъ о томъ, что не можетъ ничего сдѣлать, пока одинъ изъ офицеровъ или изъ матросовъ „Жаннетты“ не телеграфируетъ въ Петербургъ и ему не пришлютъ дальнѣйшихъ

приказаній, что ему дѣлать. Вслѣдствіе этого Ниндерманнъ написалъ на имя посланника Сѣверо-Американскихъ Штатовъ въ Петербургѣ телеграмму, гдѣ онъ представилъ положеніе дѣлъ и присовокупилъ, что отрядъ капитана нуждается въ немедленной помощи съѣстными припасами и одеждою. Не успѣлъ онъ еще окончить своего писанья, какъ Кузьма схватилъ его и спряталъ за пазуху, собираясь тотчасъ-же отправиться въ путь. Ниндерманнъ не ожидалъ отъ всего этого ничего путнаго; онъ воображалъ, что говорилъ съ начальникомъ Булуна, а тотъ, по его мнѣнію, долженъ знать, что надо дѣлать съ телеграммой, но ровно черезъ два дня Кузьма явился въ Ермолаевѣ къ Мельвиллю и передалъ ему депешу Ниндерманна. Изъ Кумскъ-Сурка путниковъ препроводили, согласно обѣщанію, въ Булунъ, лежащій верстахъ въ 100 южнѣе; сюда они прибыли 29-го октября. Едва только начальникъ поселенія узналъ о ихъ прибытіи, какъ пригласилъ ихъ къ себѣ и оставилъ ихъ ночевать у себя. На слѣдующій день ихъ перевели, однако, въ домъ дьячка, такого человѣка, который, повидимому, никогда и не слыхивалъ объ обязанности приходить на помощь пострадавшимъ; черезъ два дня онъ отправилъ обоихъ спасшихся въ хижину одного туземца, у котораго они одинаково были приняты не особенно радушно. Такимъ-то образомъ они узнали жителей Булуна съ самой непривлекательной стороны, и пребываніе ихъ въ этомъ поселеніи сдѣлалось болѣе сноснымъ лишь со 2-го ноября, когда туда прибылъ Мельвилль и заставилъ этихъ людей лучше относиться къ спасшимся и главное — давать имъ лучшую пищу. Черезъ нѣсколько дней прибылъ и лейтенантъ Данненхауэръ съ остальными людьми изъ отряда Мельвилля, а этотъ послѣдній, едва только узналъ о прибытіи Нороса и Ниндерманна, тотчасъ-же отправился въ путь; но было уже поздно итти на помощь Делонгу и его людямъ.

Глава XXIII.

У ЯКУТОВЪ.

Иркутскъ, 29-го іюля 1882 года.

Теперь я опять могу продолжать разсказъ о моемъ собственномъ путешествіи. Вслѣдствіе общераспространеннаго убѣжденія; что лѣто наступитъ особенно рано, я долженъ былъ сократить свое пребываніе въ устьяхъ Лены, хотя мнѣ и хотѣлось остаться тамъ нѣсколько подольше; раздумывать было некогда, такъ какъ мнѣ, во что-бы то ни стало, надо было скорѣе пробраться въ Якутскъ, пока многочисленныя рѣки и рѣченки, впадающія въ Лену, а слѣдовательно и встрѣчающіяся на моемъ пути, не успѣли еще тронуться и сдѣлать всякое сообщеніе невозможнымъ. Я успокоился, когда верхоянскій исправникъ, встрѣченный мною на дорогѣ въ Вулунъ увѣрилъ меня, что, если я покину Верхоянскъ 6-го мая, то весь путь успѣю сдѣлать на саняхъ въ 7—9 дней.

Уже во время перваго моего пребыванія въ Верхоянскѣ, я познакомился съ г. Л., политическимъ ссыльнымъ, который владѣя въ совершенствѣ англійскимъ языкомъ, служилъ переводчикомъ при сношеніяхъ старшаго инженера Мельвилля съ русскими чиновниками и оказалъ, въ качествѣ переводчика, обѣимъ сторонамъ неоцѣненныя услуги. Онъ зналъ мельчайшія подробности о плаваніи „Жаннетты“, объ обратномъ пути экипажа и о печальной судьбѣ тѣхъ, которые, высадившись совершенно счастливо въ устьяхъ Лены, не имѣли силъ добраться до человѣческихъ поселеній; отъ него именно узналъ я подробности о стараніяхъ Мельвилля отыскать погибшихъ, отъ него-же получилъ я и карту устьевъ Лены, которая оказалась для меня чрезвычайно полезнаю и которая хотя и обладаетъ нѣкоторыми недостатками, все-же представляетъ достаточную для того времени вѣрность. Когда я теперь снова возвратился въ Верхоянскъ, онъ посоветовалъ

мнѣ, хотя и противъ моего желанія, но на благо мнѣ, двинуться въ путь, не теряя ни минуты времени, такъ какъ тогдашнее состояніе дорогъ уже заставляло его опасаться, что я только съ большими препятствіями и трудностями достигну цѣли моего путешествія. Нельзя, однако, было обойтись безъ нѣкотораго промедленія; когда сообразишь, что большинство станцій въ Сибири представляютъ собою необитаемая избы, то ясно поймешь, что всякому путнику покидающему такой городъ, каковъ Верхоянскъ, приходится позаботиться о съѣстныхъ припасахъ на всю дорогу.

Хотя, вообще, въ такихъ маленькихъ городахъ склады разныхъ товаровъ крайне ограничены, но въ моментъ моего приѣзда въ Верхоянскъ съѣстныхъ припасовъ было особенно какъ-то мало, да и это малое продавалось по страшно высокимъ цѣнамъ, какъ вслѣдствіе поздняго времени года, такъ и вслѣдствіе того, что Мельвилль успѣлъ уже значительно опустошить всѣ городскія лавки, снаряжая свою экспедицію. Припасы, которыми всенепремѣнно долженъ заpastись каждый путешественникъ, состоятъ прежде всего изъ съѣстнаго, чая, сахара, свѣжаго и сушеннаго хлѣба, свѣжаго мяса и рыбы; затѣмъ слѣдуетъ разная кухонная посуда, а именно: мѣдный котелъ, чайникъ изъ фарфора или изъ металла, жаровня и мѣдный горшокъ для варки мяса; очень пригодно также возить съ собою чашки и блюдечки, а также столовые и чайныя ложки, желѣзныя эмалированныя тарелки, ножи и вилки. Конечно, многія изъ этихъ вещей составляютъ, собственно говоря, предметы роскоши и могутъ быть сокращены, если перевозка ихъ представляетъ затрудненія; такъ, напр., можно обойтись безъ ножей и вилокъ, такъ какъ путникъ, при нуждѣ; можетъ удовольствоваться своими собственными пальцами, что касается до чашекъ и тарелокъ, то вѣдь и деревянная подставка прекрасно можетъ выполнить ихъ службу; ложки и вовсе уже составляютъ излишнюю роскошь, такъ какъ чаще всего у путника нѣтъ сахара, а потому ему и мѣшать въ чашкѣ не приходится; похлебку-же онъ можетъ хлебать изъ ковша или-же прямо изъ котелка, какъ это дѣлаютъ ту-

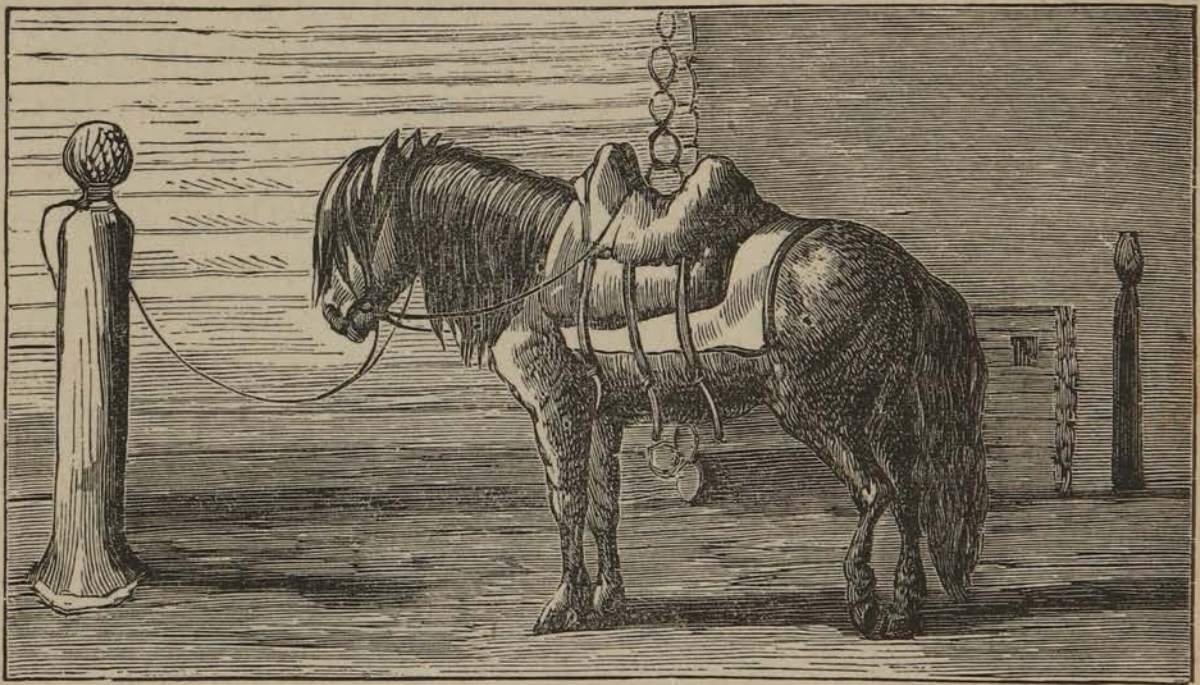
земцы. Какъ-бы то ни было, но благо тому, кто запасается всѣми этими предметами, даже подъ опасеніемъ выбросить ихъ въ дорогѣ, при невозможности тащить ихъ съ собою, такъ какъ врядъ-ли можетъ случиться, чтобы въ этой странѣ путешественникъ оказался черезъ мѣру обремененнымъ предметами роскоши, и потому онъ смѣло можетъ запастись всѣми выше поименованными „неизбѣжными спутниками цивилизованной жизни“. При закупкѣ провіанта пусть онъ не забываетъ, что ямщики всегда ожидаютъ полученія нѣкотораго вознагражденія въ видѣ цивилизованныхъ кушаньевъ и хотя въ условіи, заключаемомъ съ ними, ни слова не говорится о подобномъ вознагражденіи, все-же приходится путнику выказать страшное жестокосердіе, если онъ не смягчится при видѣ тѣхъ внимательныхъ и жадныхъ взглядовъ, которыми ямщики сопровождаютъ каждый кусокъ, отправляемый путникомъ себѣ въ ротъ. Тотъ, кто, запасаясь провизіей, упуститъ изъ виду это обстоятельство, гораздо раньше прибытія своего къ мѣсту назначенія окажется на пищѣ св. Антонія.

Слѣдующая желанная и драгоцѣнная вещь—хорошія сани. Если это сани подъ собачью упряжку, то онѣ должны быть легки и гораздо поворотливѣе оленьихъ, тогда какъ сани подъ конскую упряжку должны быть тяжелѣе и крѣпче обонихъ первыхъ. Кто путешествуетъ и день, и ночь непрерывно, тотъ для большаго удобства долженъ позаботиться объ устройствѣ надъ санями какой-нибудь защиты отъ вѣтра и снѣга, дающей ему, вмѣстѣ съ тѣмъ, хотя нѣкоторую возможность уснуть. Само собою разумѣется, что при ѣздѣ на собакахъ только изрѣдка является возможность ѣхать день и ночь, такъ какъ на станціяхъ собакъ, обыкновенно, не держатъ, а ѣхать всю дорогу, не давая собакамъ передышки, невозможно, и притомъ не потому, чтобы собаки были недостаточно сильны, такъ какъ обыкновенная собачья упряжка тащить столько-же груза, сколько могутъ свезти 6 упряжекъ оленей, т. е. собака по силѣ равняется почти одному оленю. Тяжело нагруженные собаки бѣгутъ, однако, очень тихо, тогда какъ олени постоянно бѣгутъ равномерною рысью. Якутскія лошади, развѣ толь-

ко за исключеніемъ воловъ, являются самыми неповоротливыми на бѣгу упряжными животными, тогда какъ лошади, нанимаемыя путешественникомъ на дорогахъ, лежащихъ на западъ отъ Якутска, рѣшительно ничѣмъ не отличаются отъ почтовыхъ лошадей другихъ странъ. Я отправился въ дальнѣйшій путь изъ Верхоянска въ тѣхъ же самыхъ саняхъ, въ которыхъ я ѣздилъ изъ Среднеколымска на Лену и рѣшился ѣхать въ нихъ до тѣхъ поръ, пока можно ѣхать на собакахъ; сани эти были очень легки на ходу и имѣли кибитку изъ оленьихъ шкуръ, которая должна защищать меня отъ вѣтра. Этотъ маленькій экипажъ приходилось постоянно чинить, а въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ я останавливался на болѣе продолжительное время, подвергать самому подробному и тщательному осмотру, такъ что, пожалуй, я даже очень сильно ошибаюсь, говоря, что я изъ Верхоянска выѣхалъ на тѣхъ саняхъ, на которыхъ предпринималъ уже поѣздку изъ Среднеколымска; по всѣмъ вѣротіямъ, онѣ успѣли уже сдѣлаться иными, совершенно новыми, такъ какъ, кромѣ разныхъ прежнихъ „поправочекъ“, теперь я приказалъ сдѣлать на нихъ новую кибитку изъ очень тонкихъ оленьихъ шкуръ. Къ великому моему, счастью я могъ ѣхать въ этихъ саняхъ вплоть до третьей станціи отъ Верхоянска, гдѣ, однако, намъ пришлось уже чуть не весь перегонъ ѣхать по голому песку. Начиная оттуда вплоть до Якутска, я продолжалъ путь уже на лошадяхъ и тутъ-то мнѣ привелось познакомиться со всѣми неудобствами и непріятностями, связанными съ этимъ способомъ передвиженія.

Якутскія лошади едва-ли заслуживаютъ названіе лошадей, такъ какъ онѣ представляютъ собою на половину только прирученныхъ животныхъ. Онѣ низкорослы, обросли отвратительною шерстью, неповоротливы, жесткошерстны и снабжены длинною, тяжелою гривой и такимъ-же точно хвостомъ; чолка зачастую закрываетъ имъ глаза и всю переднюю часть головы. Одна изъ главныхъ ихъ особенностей состоитъ въ томъ, что онѣ спотыкаются и падаютъ на самомъ неожиданномъ и на самомъ ровномъ мѣстѣ; но если онѣ разлягутся, то уже не

подумають потрудиться снова встать на ноги; онѣ просто лишь выпячиваютъ тогда голову какъ разъ настолько, насколько это необходимо для того, чтобы щипать тутъ-же по счастью находящіяся былинки сухой и мерзлой травы и небольшія вѣточки, и занимаются совершенно спокойно этимъ дѣломъ до тѣхъ поръ, пока ихъ не побудятъ къ самопомощи толчками, ударами и криками. Бѣгутъ онѣ всегда гуськомъ, одна за другою и до такой степени привыкли къ этому, что почти невозможно за-

Якутская лошадь.

пречь якутскую лошадь возлѣ другой—она непременно или отправится впередъ, или будетъ оставаться позади; привычка эта явилась потому, что ихъ употребляютъ, по большей части, въ качествѣ вьючныхъ животныхъ и тогда гонять гуськомъ, причемъ задняя лошадь привязывается къ хвосту передней. Также точно впрягаются онѣ и въ сани; единственная постромка служитъ для всей упряжки и привязывается къ хвосту передней лошади съ тою цѣлью, чтобы она не попадала лошадямъ подъ ноги; само собою разумѣется, что передняя лошадь

тащить всю долю груза отнюдь не съ помощью одного лишь хвоста; постромка прикрѣпляется сначала къ сѣдлу и затѣмъ уже оборачивается вокругъ хвоста, чтобы она не шаталась между ногъ и не тащилась по землѣ. Сѣдло, которое якуты имѣютъ привычку класть всегда посрединѣ спины лошади, сдѣлано изъ дерева; высокая четверугольная лука часто убрана серебряными и золотыми украшеніями, приготовляемыми изъ мѣстнаго металла и по превосходной работѣ дѣлающими честь искусству туземныхъ мастеровъ. Сѣдло лежитъ обыкновенно, на высокой соломенной подушкѣ, что придаетъ осѣланной якутской лошади значительное сходство съ верблюдомъ; туземцы подкладываютъ еще подъ сѣдло одну или двѣ одежды и при ѣздѣ находятся поэтому почти на недосыгаемой высотѣ и притомъ въ такомъ положеніи, которое каждому цивилизованному всаднику показалось-бы самымъ неудобнымъ и безпомощнымъ.

Надо, кромѣ того, обладать особенною ловкостью, чтобы взобраться на это балансирующее на спинѣ животнаго сѣдло, гдѣ стремя приходится какъ разъ подъ лукою; только что вложишь лѣвую ногу въ стремя и занесешь правую горизонтально надъ спиною лошади, глядь - изъ десяти разъ девять и сядешь какъ разъ на шею лошади, а такъ какъ, затѣмъ уже, невозможно попасть назадъ черезъ луку высотой въ 8—10 дюймовъ, то и не остается ничего иного, какъ самымъ постыднымъ образомъ съѣхать черезъ голову лошади на землю и испробовать счастье еще разъ. Якутскія лошади могутъ вывести изъ себя своимъ благонаравіемъ и податливостью; у нихъ рѣшительно не хватаетъ того огонька, который дѣлаетъ лошадь упрямою; примѣсь крови мустанга и брончо была-бы для нихъ очень желательна. Охотнѣе всего онѣ идутъ тихимъ, задумчивымъ шагомъ, который представляетъ истинное испытаніе для терпѣнія, непривычнаго къ этой побѣжкѣ всадника и скоро доводитъ его до рѣшенія во что-бы то ни стало побудить ихъ къ болѣе быстрой ѣздѣ; тогда-то ужъ онѣ можетъ качаться и двигаться сколько угодно, такъ какъ рысь якутской лошади нельзя сравнить ни съ чѣмъ въ мірѣ; онѣ высоко поднимаютъ

переднія ноги, вытягиваютъ ихъ, сколько могутъ и затѣмъ снова падаютъ на нихъ какъ-то вдругъ, такъ что всадникъ, подскочивъ высоко вверхъ отъ неожиданнаго толчка, только тогда попадаетъ въ сѣдло, когда послѣднее поднимается при слѣдующемъ шагѣ лошади; точно васъ постоянно качаютъ на качеляхъ и скоро у васъ начинается болѣть грудь и всѣ члены, и вы стараетесь удержать подольше дыханіе, чтобы не задохнуться окончательно на одномъ изъ толчковъ. Нечего и

Б у р я т ы.

думать объ удовольствіи и наслажденіи при ѣздѣ на подобныхъ лошадяхъ. Ни якуты, ни близкіе ихъ сосѣди-буряты, обитающіе въ южной части Иркутской губерніи, не могутъ быть названы хорошими ѣздоками, и это тѣмъ болѣе странно, что они растутъ буквально среди лошадей, питаются ихъ мясомъ и живутъ только ими. Ни одинъ изъ нихъ не умѣетъ порядочно сидѣть на лошади или обходиться съ нею какъ слѣ-

дуетъ. Позднѣе, на моемъ дальнѣйшемъ пути приходилось мнѣ сталкиваться съ татарами, которые, какъ извѣстно, владѣютъ также большимъ количествомъ лошадей, но зато и могутъ быть признаны такими превосходными ѣздоками, что видѣть ихъ въ сѣдлѣ доставляетъ истинное удовольствіе; право подумаешь, что они только на то и созданы, чтобы сидѣть въ сѣдлѣ на спинѣ этихъ животныхъ.

Говорили мнѣ также, что они умѣютъ превосходно ѣздить и на чужихъ лошадяхъ, и дѣйствительно большинство видѣнныхъ мною здѣсь татаръ были присланы сюда въ ссылку за конокрадство. По ту сторону Якутска, т. е. на югъ отъ этого города, можно уже найти лошадей, значительно исправленныхъ постоянными скрещиваніями съ европейскою породою; по дорогамъ вездѣ лошадей много, стоятъ онѣ недолго и прекрасно выполняютъ ту трудную работу, которую съ нихъ требуютъ.

Когда я говорю, что здѣсь много лошадей на трактѣ, то вовсе не желаю утверждать, что путникъ всегда при прибытіи своемъ на станцію найдетъ ихъ тамъ и отправится далѣе; обыкновенно на вопросъ его о лошадяхъ онъ получаетъ отъ станціоннаго смотрителя лаконическій отвѣтъ: „лошадей здѣсь нѣтъ“, и долженъ ожидать при благопріятныхъ обстоятельствахъ минутъ 30—40, а при неблагопріятныхъ—нѣсколько часовъ, пока не представится ему возможность продолжать путь. Еще хуже обставлено дѣло между Верхоянскомъ и Якутскомъ; здѣсь, въ то время года, когда мнѣ пришлось путешествовать, зачастую случается, что на станціяхъ не только не найдешь лошадей, но не видно даже ни станціоннаго смотрителя, ни одной человѣческой души—ничего, кромѣ совершенно пустой избы. Сколько разъ приходилось мнѣ помогать загонять лошадей, пасшихся близъ дороги, и прибывши на слѣдующую станцію, запрягать ихъ. Такимъ образомъ, послѣ многихъ затрудненій и неудовольствій, прибылъ я, наконецъ, на станцію Кингіорахъ, расположенную у подошвы Ворхоянскихъ горъ. Здѣсь уже не было ни лошадей, ни оленей, да къ тому же лошади были-бы совершенно бесполезны на дальнѣйшемъ

перегонѣ, такъ какъ повсюду въ ложбинахъ лежалъ глубокой и мелкой снѣгъ, который постепенно таялъ подъ лучами майскаго солнца. Была, конечно, и тутъ проѣзжая дорога, утоптанная оленями, бѣгающими въ этихъ мѣстахъ вплоть до станціи, лежащей верстахъ въ 30 отъ рѣки Алдана; но такъ какъ оленей здѣсь запрягаютъ, обыкновенно, попарно, а лошадей, какъ сказано выше гуськомъ, то утоптанная оленями тропинка и не могли быть пригодны для ѣзды на лошадяхъ. Когда для меня стало совершенно ясно, что мы тщетно будемъ ожидать на этой станціи упряжки, я рѣшился снова постараться самому выпутаться какъ-нибудь изъ бѣды; я послалъ одного изъ моихъ ямщиковъ розыскать въ окрестностяхъ туземцевъ и уговорить нѣкоторыхъ изъ нихъ перевести меня на ту сторону Алдана, всего на разстояніи какихъ-нибудь 230 верстъ. Послѣ долгихъ тщетныхъ розысковъ получилъ я, наконецъ, благопріятное извѣстіе изъ одного якутскаго селенія, находившагося въ 10 верстахъ отъ станціи, что нѣкоторые изъ жителей явятся въ 9 часовъ вечера на станцію съ достаточнымъ количествомъ оленей.

Еще раньше того случай привелъ на эту станцію тунгуса съ упряжкой превосходныхъ и сильныхъ оленей; онъ разсказалъ мнѣ, что верстахъ въ 30 отъ станціи у него есть еще цѣлый табунъ такихъ-же животныхъ и предложилъ тотчасъ-же услужить мнѣ ими, если якуты не выполняютъ своего обѣщанія, какъ это съ ними зачастую случается. Слѣдуетъ сознаться, что, глядя на его упряжку, я охотно предпочелъ-бы его предложеніе, такъ какъ изъ моихъ наблюденій я давно уже вывелъ заключеніе, что тунгусы и ламуты гораздо честнѣе и болѣе достойны довѣрія, нежели якуты. За примѣрами ходить недалеко, и г. Бобуковъ, напримѣръ, проѣзжавшій по этой-же дорогѣ съ транспортомъ разныхъ вещей, по порученію Мельвилля, также былъ вынужденъ по близости этой-же станціи принанять нѣсколько упряжекъ у кочующихъ тунгусовъ и уплатить имъ впередъ 25 рублей. Когда на слѣдующее утро они пріѣхали за нимъ, то первымъ дѣломъ спросили, не принадлежитъ-ли и онъ къ компаніи американцевъ,

которую ждуть по этой дорогѣ; онъ отвѣчалъ утвердительно и заявилъ, что ему поручено доставить часть ихъ вещей. „Коли такъ,—возразилъ одинъ изъ тунгусовъ,—то мы не можемъ взять ваши деньги; исправникъ приказалъ намъ помогать, на сколько силъ нашихъ хватить, американцамъ, а потому и мы, и олени наши къ вашимъ услугамъ“. Съ этими словами онъ возвратилъ г. Бобукову деньги. Нѣчто похожее случилось и со мною, когда я нанялъ стараго ламута за 15 р. перевезти меня и мои вещи за 50 верстъ по достаточно-таки скверной дорогѣ. Онъ получилъ деньги вечеромъ, а въ полночь пріѣхалъ за мною; передъ тѣмъ, какъ тронуться въ путь, онъ отдалъ мнѣ 5 руб., потому что, по его словамъ, по зрѣлому обсужденію оказалось, что трудъ его будетъ прекрасно оплаченъ и 10 рублями. Было-бы чудо немалое, если-бы когда-нибудь якутъ отказался отъ денегъ и добровольно возвратилъ-бы ихъ, разъ онѣ достались ему въ руки тѣмъ или другимъ путемъ.

Однако, мои якутскіе ямщики оказались точнѣе, нежели я предполагалъ и, признаться сказать, желалъ: въ назначенный часъ они представились моимъ глазамъ съ нѣсколькими маленькими и худыми оленями, которые сначала мнѣ въ высшей степени не понравились; только впоследствии уже, въ пути, я убѣдился, что въ это время года и при этой работѣ они годятся въ дѣло гораздо болѣе, нежели сильныя и хорошо откормленныя животныя. Разстояніе отъ станціи до подошвы горы равнялось всего 10 верстамъ и, все-таки, мы успѣли пріѣхать туда лишь около 4 часовъ утра; всю ночь ямщики шли передъ упряжками съ длинными шестами въ рукахъ, пробуя поминутно глубокой снѣгъ для того, чтобы постоянно оставаться на утопанной дорогѣ. Несмотря, однако, на все это, случалось очень часто, что одинъ изъ нихъ сходилъ съ настоящей тропы и тогда проваливался въ мягкой снѣгъ вплоть до самой шеи. Когда мы приближались уже къ горному перевалу, черезъ который хотѣли, не останавливаясь, переѣхать, мы увидели, что съ высоты спускаются къ намъ сани въ четыре оленя; гора была такъ крута, что снизу

упряжка казалась какою-то гигантскою сороконожкой, лѣпящеюся по стѣнѣ. При встрѣчѣ съ этими санями мы узнали, что это — тѣ самые тунгусы, которые довели г. Бобукова до Алдана и что они только теперь возвращаются оттуда; они представили намъ состояніе дороги ужасающимъ и скоро намъ пришлось убѣдиться своими боками, что они были далеко отъ всякаго преувеличиванія.

При встрѣчѣ съ этими людьми между моимъ возницею и казакомъ завязался разговоръ; и прекрасные, мелодическіе звуки якутскаго языка впервые подѣйствовали на мой слухъ; я рѣшительно не могъ понять, какимъ образомъ я не замѣтилъ этой особенности якутскаго языка раньше; мнѣ показалось, что языкъ этотъ представляетъ собою ничто иное, какъ самое счастливое соединеніе итальянскаго съ ирландскимъ; такъ рѣзкіе и хриплые гортанные звуки послѣдняго смягчаются въ немъ при помощи самыхъ мягкихъ и музыкальных звуковъ послѣдняго и производятъ, благодаря этому, наиболѣе пріятное впечатлѣніе на слушающаго.

Не медля ни минуты, начали мы подниматься на гору, — задача была не легкая. Никто изъ насъ не могъ оставаться въ саняхъ; всѣ мы должны были, на сколько хватало силъ и умѣнья, карабкаться при помощи своихъ собственныхъ рукъ. Что касается лично меня, то я не могъ сдѣлать 6 — 8 шаговъ по глубокому снѣгу, чтобы не присѣсть отдохнуть, да и это, пожалуй, не удалось-бы мнѣ, какъ не удалось-бы взобраться наверхъ, если-бы, по счастью, снѣгъ здѣсь не былъ сравнительно крѣпокъ. Наконецъ, добравшись до вершины, мы увидали, что до спуска намъ остается сдѣлать всего лишь нѣсколько шаговъ, но спускъ этотъ, когда я увидалъ его съ вершины, показался мнѣ не только опаснымъ, но рѣшительно непроходимымъ; не смотря, однако, на это, я послѣдовалъ послушно совѣту и примѣру моего путевода, казака, сѣлъ на землю и сталъ чрезвычайно осторожно, какъ умѣлъ, спускаться; черезъ $\frac{3}{4}$ часа, оказалось, что я сдѣлалъ, по крайней мѣрѣ, $\frac{2}{3}$ всего пути отъ вершины до подошвы горы. Оглянувшись назадъ, я увидалъ, что ямщики связали наши

трое саней однѣ подлѣ другихъ и привязали къ нимъ сзади оленей, причемъ, съ каждой стороны, стояло по человѣку, назначеніе котораго было удерживать за постромку сани и при этомъ по возможности сильнѣе упираться ногами въ снѣгъ; олени, въ то-же время, изо всѣхъ силъ тянули назадъ, и только благодаря всѣмъ этимъ предосторожностямъ, сани спускались совершенно счастливо, но даже и съ того мѣста, гдѣ я находился, слѣдовательно, далеко еще отъ подошвы горы, казалось, что олени стоятъ на головахъ, а люди спускаются по совершенно вертикальной стѣнѣ. Я полагаю, что ни на одной другой дорогѣ въ мірѣ нѣтъ подобнаго перевала, и замѣтите, что я не видалъ его еще въ самое скверное время и при болѣе неудачныхъ обстоятельствахъ; весною, когда солнце еще не размягчило снѣга, говорятъ, что весь склонъ представляетъ одну сплошную ледяную поверхность, и тогда переходъ становится непомерно труднѣе. Тогда существуетъ одинъ только способъ безопасно спуститься внизъ, состоящій въ томъ, что путешественникъ садится верхомъ на палку, которая и служитъ ему въ качествѣ задержки или тормазы; само собою разумѣется, что тутъ требуется особое умѣнье регулировать свои собственные движенія, и для человѣка, не обладающаго такою способностью, переваль этотъ всегда будетъ до крайности опасенъ. Разстояніе отъ самой вершины до подошвы равняется въ этомъ мѣстѣ 10 верстамъ, и поэтому легко себѣ представить, въ какомъ страшно быстромъ темпѣ вы исполняете вашъ спускъ, приближаясь къ концу вашего путешествія. На счастье, еще въ другихъ мѣстахъ спуска находятся два террасоподобные выступа, по направленію къ которымъ вы и держите, конечно, курсъ и гдѣ вы можете собраться съ духомъ, какъ въ смыслѣ движенія, такъ и въ смыслѣ мужества, для продолженія пути. Что можетъ быть лучше для катанья съ горъ нашей молодежи! И все-же таки, я полагаю, врядъ-ли найдется хоть одинъ юноша, который рѣшится подумать даже о возможности подобной головоломной игры, между тѣмъ какъ здѣшніе жители относятся совершенно спокойно къ такому спо-

собу переправы и не желаютъ ничего лучшаго. Дорога въ долину, дѣйствительно, оказалась такъ плоха, какъ говорили намъ тунгусскіе погонщики оленей; уже въ 10 час. мы принуждены были сдѣлать приваль, съ цѣлью дожидаться того времени, когда вечерняя стужа снова закрѣпитъ снѣжную поверхность на столько, чтобы, вообще, возможно было ѣхать дальше.

Мои ямщики еще при первыхъ нашихъ переговорахъ, никакъ не хотѣли согласиться везти меня далѣе 90 верстъ на югъ отъ Кингіорахъ до станціи Бирдакулъ; но, еще раньше прибытія нашего въ это мѣсто, они сообщили мнѣ далеко не отрадную вѣсть, что мы найдемъ эту станцію совершенно покинутою и необитаемою, — подробность, о которой они сочли болѣе благоразумнымъ умолчать прежде; само собою разумѣется, что тутъ-же они поспѣшили назначить неслыханно высокую сумму за которую согласны довести меня еще за 60 верстъ до необитаемой поварни, вблизи которой живутъ ламуты, которые затѣмъ доставятъ меня до Алдана за обыкновенную цѣну, по 9 к. съ версты. Они предложили мнѣ даже, что сами отправятся въ ламутское селеніе и привезутъ оттуда нѣсколько человѣкъ въ поварню для того, чтобы я могъ уговориться съ ними въ прогонахъ. Поневоля пришлось мнѣ такъ или иначе согласиться на предложенія и условія этихъ молодецвъ; еслибы я не сдѣлалъ этого и захотѣлъ-бы остаться на станціи, то въ это время года, когда разливъ рѣкъ прекращаетъ всякое сообщеніе между отдѣльными мѣстностями въ этой странѣ я, пожалуй, умеръ-бы съ голода, сидя въ необитаемомъ мѣстѣ. Для того, чтобы хотя нѣсколько оправдаться передо мной въ своихъ безстыдныхъ требованіяхъ за эту вторую часть пути, ямщики мои заявили мнѣ, что вслѣдъ за Бирдакуломъ намъ придется переѣзжать рѣчку, на льду которой вода стоитъ уже такъ высоко, что предвидится возможность утонуть; при этомъ утѣшительномъ извѣстіи начали эти шельмы креститься и шептать свои молитвы, и вѣроятно, для того, чтобы окончательно наполнить чашу моихъ страданій, приснулъ первый сильный весеній

дождь. Я слишкомъ хорошо зналъ, какое дѣйствіе такой теплой дождь оказываетъ на ледъ, и поэтому не безъ содроганія думалъ о льдѣ на Алданѣ, чрезъ который мнѣ нужно было, во чтобы то ни стало, перебраться до ледохода. Когда намъ оставалось еще верстъ 10 до маленькой рѣки, объ опасности которой мои ямщики рассказывали мнѣ съ такимъ жаромъ, негодяи стали вдругъ увѣрять меня, что намъ необходимо сдѣлать снова приваль здѣсь въ лѣсу и сварить чаю, тогда какъ всего лишь 2 часа тому назадъ мы уже останавливались для той же цѣли и промѣшкали довольно долго. Я держалъ какъ могъ, имъ рѣчь о томъ, чтобы они хотя-бы подождали переправы черезъ рѣку, но, когда я увидалъ, что они остаются глухи къ просьбамъ и угрозамъ, я ухватился за болѣе сильное и дѣйствительное средство вытащилъ пистолеть изъ кармана. Это помогло. Едва замѣтили они это движеніе какъ закричали свое „пядшетъ“! (впередъ) и погнали оленей. Деревья по берегу рѣки были увѣшаны такими же жертвами, какія я видѣлъ уже не разъ на пограничномъ крестѣ между Колымскимъ и Верхоянскимъ уѣздами; возницы мои привѣшивали и свои пожертвованія туда же и крестились самымъ усерднымъ образомъ передъ тѣмъ, какъ мы начали переправу. Вѣроятно, молитвы ихъ были услышаны, такъ какъ мы нашли на льду гораздо менѣе воды, нежели ее было въ любой загорѣ на дорогѣ, и переправились безъ особенныхъ трудностей. Прибывъ на южный берегъ, мы остановились сварить чаю, а чтобы избѣжать всякой задержки, я послалъ одного изъ ямщиковъ въ ламутское селеніе; за это, невходившее въ расчеты порученіе, я далъ ему приличное вознагражденіе и онъ обѣщался ожидать меня въ поварнѣ вмѣстѣ съ ламутомъ. Послѣ полудня прибыли и мы въ эту поварню, представлявшую изъ себя самую мизерную хижину, съ провалившеюся и протекающею крышею. Надо сказать, что если-бы шелъ только дождь, если-бы онъ одинъ попадалъ на наши головы, то мы бы, пожалуй, не стали жаловаться, но въ томъ-то и дѣло, что вода просачивалась черезъ крышу и окачивала насъ уже въ видѣ какого-то отвратительнаго, жид-

каго ила. На полу вода стояла на нѣсколько дюймовъ, пришлось положить доски, чтобы сидѣть у стѣнъ и пробираться къ очагу сухими ногами. Трубы не было, а была простая дыра на крышѣ, какъ разъ надъ самымъ очагомъ, куда проходилъ дымъ, когда ему было угодно не оставаться въ избѣ,— иногда, онъ, впрочемъ, и выходилъ черезъ дыру внаружу. Въ этомъ неудобномъ помѣщеніи я засталъ помощника колымскаго исправника съ женою и маленькою двѣнадцатилѣтнею дочерью, съ которыми познакомился еще въ Среднеколымскѣ; они четыре дня уже ожидали въ этой отвратительной хижинѣ, когда, наконецъ, можно будетъ двинуться дальше, но до сихъ поръ все не могли получить оленей. Тутъ-же къ великой моей злости я нашелъ и моего якутскаго посланца, который вовсе и не думалъ еще побывать въ ламутскомъ селеніи, онъ увѣрялъ, что доѣхалъ до глубокой рѣки, черезъ которую, при всемъ желаніи своемъ, не могъ переправиться и теперь обѣщался попробовать пробраться туда еще разъ въ тотъ же вечеръ и притомъ въ сопровожденіи другого ямщика. Олени были поручены надзору какого-то ламутскаго мальчика, который и долженъ былъ пасти ихъ; очень неохотно пришлось мнѣ согласиться, чтобы всѣ вещи ямщиковъ были нагружены на сани, отправляющіяся къ ламутамъ. Я былъ твердо увѣжденъ, что они и не подумаютъ болѣе сдѣлать новую попытку достигнуть ламутскаго селенія, а просто подождутъ, пока мы уснемъ, захватятъ своихъ животныхъ и отправятся домой. Я сообщилъ свои подозрѣнія помощнику исправника, но онъ и мой казакъ увѣряли меня, что опасенія мои ни на чемъ не основаны, а такъ какъ, конечно, я долженъ былъ думать, что характеръ туземцевъ лучше извѣстенъ имъ, нежели мнѣ, то я и далъ, наконецъ, скрѣпя сердце, дозволеніе сдѣлать все, какъ они хотѣли. Я намѣревался, собственно говоря, оставить одного изъ ямщиковъ, въ качествѣ заложника, для того, чтобы быть въ состояніи на другой день, если ламуты не пріѣдутъ, заставить ихъ отвезти меня на Алданъ; олени ихъ были сильны и крѣпки и намъ оставалось сдѣлать всего лишь 50 верстъ до того мѣста, гдѣ я могъ-бы уже

получить лошадей для переправы черезъ рѣку. Если-бы я могъ сдѣлать такъ, какъ хотѣлъ, такъ я перебрался-бы черезъ Алданъ еще раньше половодья и отстранилъ-бы отъ себя много страха и мученій, но по глупости я положился на чужіе совѣты, вмѣсто того, чтобы слѣдовать священному и основному правилу, выведенному лейтенантомъ Схваткою изъ цѣлаго ряда путешествій и гласящему: „всякій, кто путешествуетъ по какимъ-либо неизвѣстнымъ странамъ, долженъ всегда и во всемъ полагаться только на свое собственное убѣжденіе и никогда не прислушиваться къ тому, что совѣтуютъ ему другіе“. Какъ я предвидѣлъ, мои якутскіе ямщики ночью удрали и оставили меня на мели, безъ упряжки и припасовъ въ этой жалкой избушкѣ.

Глава XXIV.

Застигнутый потокомъ.

Иркутскъ, 31 іюля 1882 года.

Мой казакъ, въ сопровожденіи ламутскаго мальчика, отправился на слѣдующій день въ ламутское селеніе, отстоявшее отъ поварни на 20 верстъ; изъ предосторожности онъ захватилъ съ собою топоръ, чтобы, если нельзя будетъ перейти черезъ маленькую рѣку, срубить первое попавшееся дерево и переплыть на немъ на другой берегъ. Поздно вечеромъ, возвратился онъ съ отрадною вѣстью, что ламуты явятся въ эту ночь и перевезутъ меня въ обитаемый домъ, гдѣ я и найду средства пробраться далѣе; они должны были сначала дожидаться возвращенія своихъ оленей, которые были угнаны довольно далеко за тремя большими лосями, только что убитыми однимъ изъ ихъ охотниковъ. Конечно; въ ту-же ночь они не пріѣхали, но прибыли тотчасъ передъ полночью на слѣдующую ночь. Между тѣмъ, явились съ Алданской стан-

ціи давно ожидаемая помощникомъ исправника 8 лошадей, и мы могли теперь забрать всѣхъ путешественниковъ на сани, а всѣ вещи нагрузить на лошадей. Въ теченіе послѣдней недѣли дороги дѣлались все хуже и хуже; вслѣдствіе продолжительныхъ и сильныхъ дождей вода стояла на дорогѣ на протяженіи нѣсколькихъ верстъ и при томъ такъ высоко, что заливалась въ сани и промачивала насквозь и людей, и вещи. Оказалось, что и въ этотъ день путешествіе было такое, что въ другой разъ не пожелаешь ничего подобнаго; усталые до смерти и промокшіе до костей, пріѣхали мы, наконецъ, вечеромъ къ избѣ, или вѣрнѣе, къ лачужкѣ; вещи наши второя особенно трудно было тащить по этимъ невозможнымъ дорогамъ, прибыли гораздо позже насъ; двухъ лошадей пришлось бросить на дорогѣ, а слѣдовательно и сопровождавшимъ транспортъ ямщикамъ пришлось пройти большую часть пути пѣшкомъ. Соображаясь съ тѣмъ, что мы слышали отъ обитателей дома, виды на удобства дальнѣйшаго нашего странствованія были далеко не утѣшительны; Алданъ, до котораго намъ осталось отсюда всего лишь 30 верстъ, до сихъ поръ былъ еще переходимъ, но, такъ какъ Лена уже тронулась и ледоходъ на ней былъ въ самомъ разгарѣ, то и онъ ежеминутно могъ вскрыться. Времени терять намъ, поэтому, не приходилось и мы уже рано утромъ расцѣлись на усталыхъ 6 лошадей, привезшихъ наши вещи, съ цѣлью продолжать путь на югъ. Кромѣ одѣяль, чайника и провіанта на одинъ день, мы, конечно, ничего не могли захватить съ собою; но это насъ неособенно беспокоило, такъ какъ мы были вполне убѣждены, что еще до вечера переправимся черезъ рѣку и достигнемъ благополучно станціи, расположенной на томъ ея берегу, гдѣ и подождемъ прибытія нашихъ вещей, находясь подъ гостепріимною кровлею и найдя пищу въ избыткѣ. Положеніе тѣхъ дорогъ, которыя намъ пришлось теперь проѣзжать, не поддается рѣшительно никакому описанію, такъ что случилось именно то, что я никакъ не могъ ожидать и этотъ день былъ еще гораздо горше вчерашняго. Почти всю дорогу ѣхали мы по замерзшему

болоту, куда стеклась, кажется, вся вешняя вода съ болѣе высокихъ мѣстъ; лошади шли по брюхо въ водѣ и только съ огромными усиліями могли держаться на ногахъ, такъ какъ были не подкованы и постоянно скользили по льду. Маленькая дѣвочка сидѣла позади казака и держалась за него; разъ лошадь оступилась и повалилась вмѣстѣ съ всадникомъ черезъ дѣвочку въ воду; я думалъ уже, что она непременно утонетъ, когда одинъ изъ ѣхавшихъ сзади соскочилъ со своей лошади и успѣлъ высвободить малютку, какъ разъ во время. Почти всѣ наши лошади по нѣсколько разъ падали въ этотъ день; къ этимъ небольшимъ задержкамъ и неприятностямъ присоединялись еще большія; таковыми были, напримѣръ, переправы черезъ сильно напучившіеся и разлившіеся уже ручьи, гдѣ мы постоянно должны были отыскивать бродъ, такъ какъ въ обычныхъ мѣстахъ переправляться было уже невозможно; иногда намъ ничего иного не оставалось, какъ соскочить прямо съ сѣдла на берегъ и по могать потомъ лошадямъ выбираться туда-же, послѣ долгихъ усилій побороть теченіе.

Только около 10 ч. вечера, мы приѣхали на берегъ Алдана, но, къ сожалѣнію, слишкомъ поздно. Ледъ разошелся и несся громадными льдинами, со скоростью 14 верстъ въ часъ, по теченію. То, чего мы такъ опасались и случилось! Вечеръ уже наступилъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ спустилась на землю и ночная темь, такъ что мы не могли и думать отправиться обратно въ покинутый нами утромъ домъ, въ которомъ могли бы переждать половодье. Прошли мы еще версты три по берегу до того мѣста, которое приходилось какъ разъ напротивъ станціи, развели огонь изъ плавучаго лѣса, сварили немного мяса и улеглись спать, съ намѣреніемъ, при наступленіи дня, начать свое отступленіе отъ береговъ Алдана, пробираясь, по возможности, черезъ сѣтъ потоковъ и ручьевъ, избороздившихъ теперь рѣшительно всю окрестную мѣстность. Мои люди сообщили мнѣ, что при благопріятныхъ обстоятельствахъ пройдетъ дней 8, а при неблагопріятныхъ и двадцать, пока рѣка до извѣстной степени освободится ото

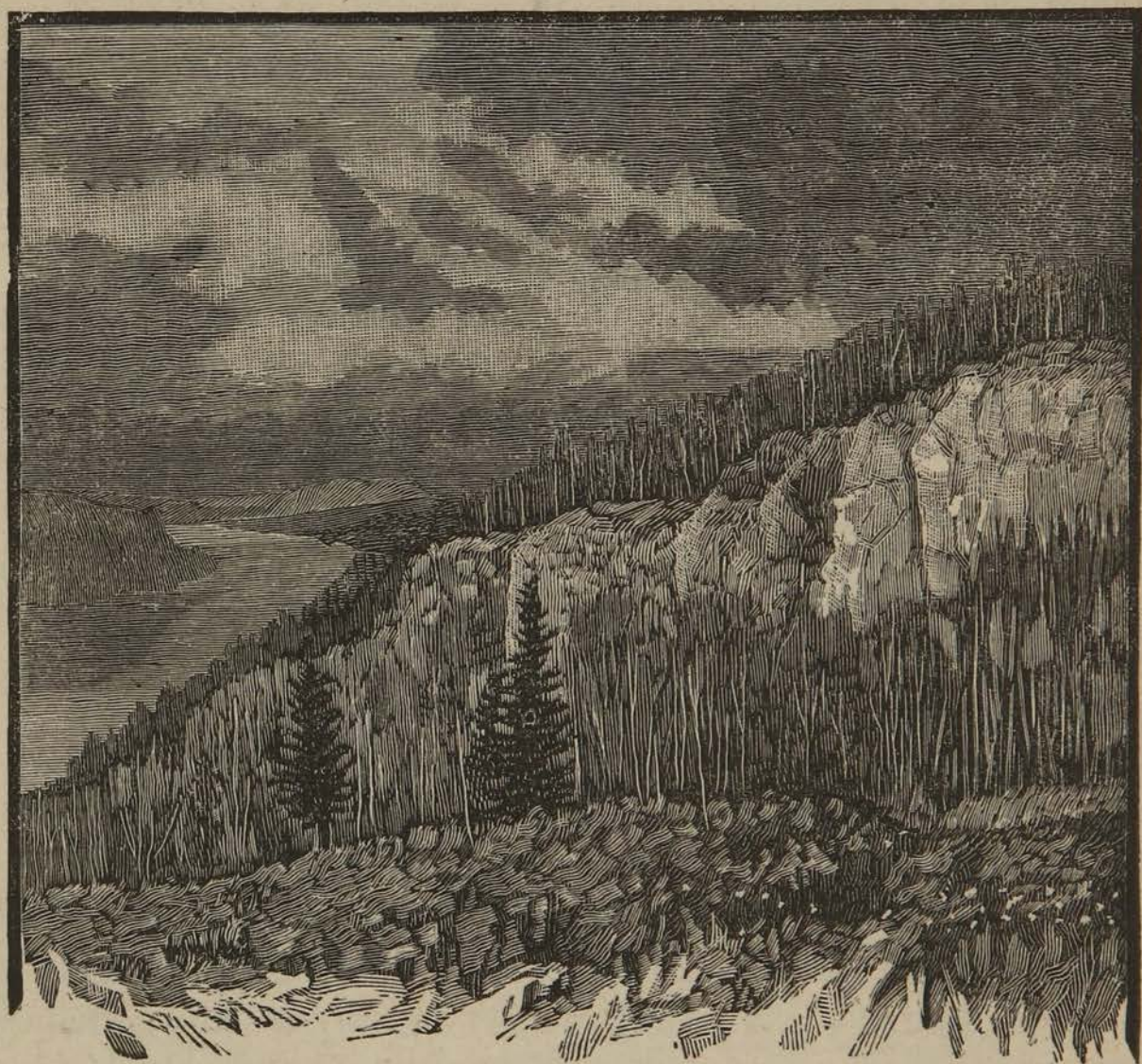
льда и мы будемъ въ состояніи переправиться черезъ нее на лодкѣ, но что верстахъ въ 10 отъ нашего бивуака есть еще хижина, въ которой мы можемъ найти прекрасное убѣжище на все время томительнаго ожиданія. Хотя я еще утромъ, при пробужденіи замѣтилъ, что рѣка поднялась значительно въ теченіе ночи, все же мнѣ и въ голову не приходило дурного, такъ что я не на шутку испугался, когда мы, проѣхавъ только одну версту, увидали, что широкая полоса воды загоразиваетъ намъ дальнѣйшій путь. Ямщикъ утѣшалъ меня, говоря, что знаетъ другую дорогу, которая пролегаетъ по берегу озера, лежащаго позади нашего бивуака, а потому мы и поѣхали тотчасъ-же назадъ, но для того лишь, чтобы и здѣсь найти все тоже препятствіе. Ничего иного намъ не оставалось, какъ розыскать самое высокое мѣсто въ этой залитой водою мѣстности и устроиться тамъ, какъ можно удобнѣе, до тѣхъ поръ, пока полая вода не спадетъ. Конечно, эта перспектива не имѣла ровно ничего привлекательнаго; вещи наши находились въ тридцати верстахъ отъ насъ, отдѣленные разлившимися потоками, а провіантъ весь нашъ былъ съѣденъ; за исключеніемъ незначительнаго количества чая. Высочайшая точка, которую мнѣ удалось, наконецъ, найти, не особенно высоко поднималась надъ уровнемъ равнины, а когда я поглядѣлъ вокругъ на деревья и увидалъ на нихъ на высотѣ четырехъ футовъ отъ земли, слѣды прежней полой воды, то наше положеніе стало казаться мнѣ и вовсе сквернымъ; къ счастью, намъ много надо было работать и потому мало осталось времени на раздумье. Мы нарубили сучьевъ и вѣтвей и устроили, какъ умѣли, нѣчто вродѣ шалаша, который могъ-бы защитить насъ до нѣкоторой степени отъ вѣтра; нѣсколько шкуръ были положены на верхъ и такимъ образомъ, благодаря вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно удачному приспособленію изъ сѣдельныхъ подушекъ, по крайней мѣрѣ, хотя нѣкоторая часть нашего убѣжища была защищена отъ дождя. Между прочимъ, я поставилъ на берегу измѣритель высоты (футштокъ) воды и увидалъ, что вода поднимается со скоростью 12 дюймовъ въ

часъ; если-бы такъ продолжалось, то уже черезъ 4 часа нашъ шалашъ былъ-бы затопленъ. Всякій пойметъ очень легко, что подобный выводъ не можетъ быть особенно утѣшителенъ, но, къ счастью, пока я, въ предупрежденіе несчастья, выискивалъ мѣстечко, куда-бы мы могли, въ случаѣ нужды, пріютить на деревѣ даму и ребенка, тогда какъ сами поневолѣ принуждены были-бы плавать нокругъ нихъ и ловить имъ рыбу—положеніе дѣлъ нѣсколько измѣнилось. Я снова посмотрѣлъ на свой измѣритель и увидалъ, что вода осталась цѣлыхъ 12 минутъ на томъ-же уровнѣ, а затѣмъ начала по немногу спадать.

Спадала она почти съ тою-же быстротою, какъ и поднималась; подъ вечеръ я замѣтилъ, что уровень ея упалъ на цѣлыхъ 6 футовъ. Огромныя, въ 1—3 фута толщиною льдины, которыя еще такъ недавно съ какою-то дикою быстротою мчались по протоку, образовавшемуся позади нашего бивуака, гоня передъ собою массы плавучаго лѣса и по дорогѣ вырывая съ корнемъ цѣлыя деревья, теперь лежали почти на землѣ. Такъ какъ у насъ было шесть лошадей, то намъ нечего было бояться голодной смерти, но что дѣйствительно, нѣсколько заботило насъ, такъ это-то, что мы не захватили съ собою топора. Подъ вечеръ ямщикъ и мой казакъ отправились верхомъ на рекогносцировку дороги къ оставшейся позади насъ хижинѣ; они возвратились съ извѣстіемъ, что дорога проѣзжая, а потому мы и порѣшили на другое-же утро туда отправиться; теперь намъ начинало казаться, что всѣ наши бѣды приходятъ къ давно желанному концу; успокоенные нѣсколько, мы розыскали свой бивуакъ и спали-бы сладкимъ и крѣпкимъ сномъ, если-бы намъ не мѣшала страшная мятель съ дождемъ и буря, которая врывалась совершенно безъ помѣхи въ отверстіе нашего шалаша.

Постоянные переходы отъ надежды къ страху, изъ чего, собственно говоря, и состояла наша жизнь втеченіе послѣдующихъ дней, то я и воспользовался для описанія этого времени нѣсколькими страницами изъ моего дневника, написанными какъ разъ на бивуакѣ въ лагунахъ Алдана.

17-го мая. Вотъ уже второй день, какъ мы живемъ въ нашемъ шалашѣ. Вѣроятно, для перемѣны сегодня цѣлый день была гроза и дождь лилъ, какъ изъ ведра, а въ промежуткахъ проглядывало солнышко, но какъ разъ на столько вре-

Видъ на Верхней Ленѣ.

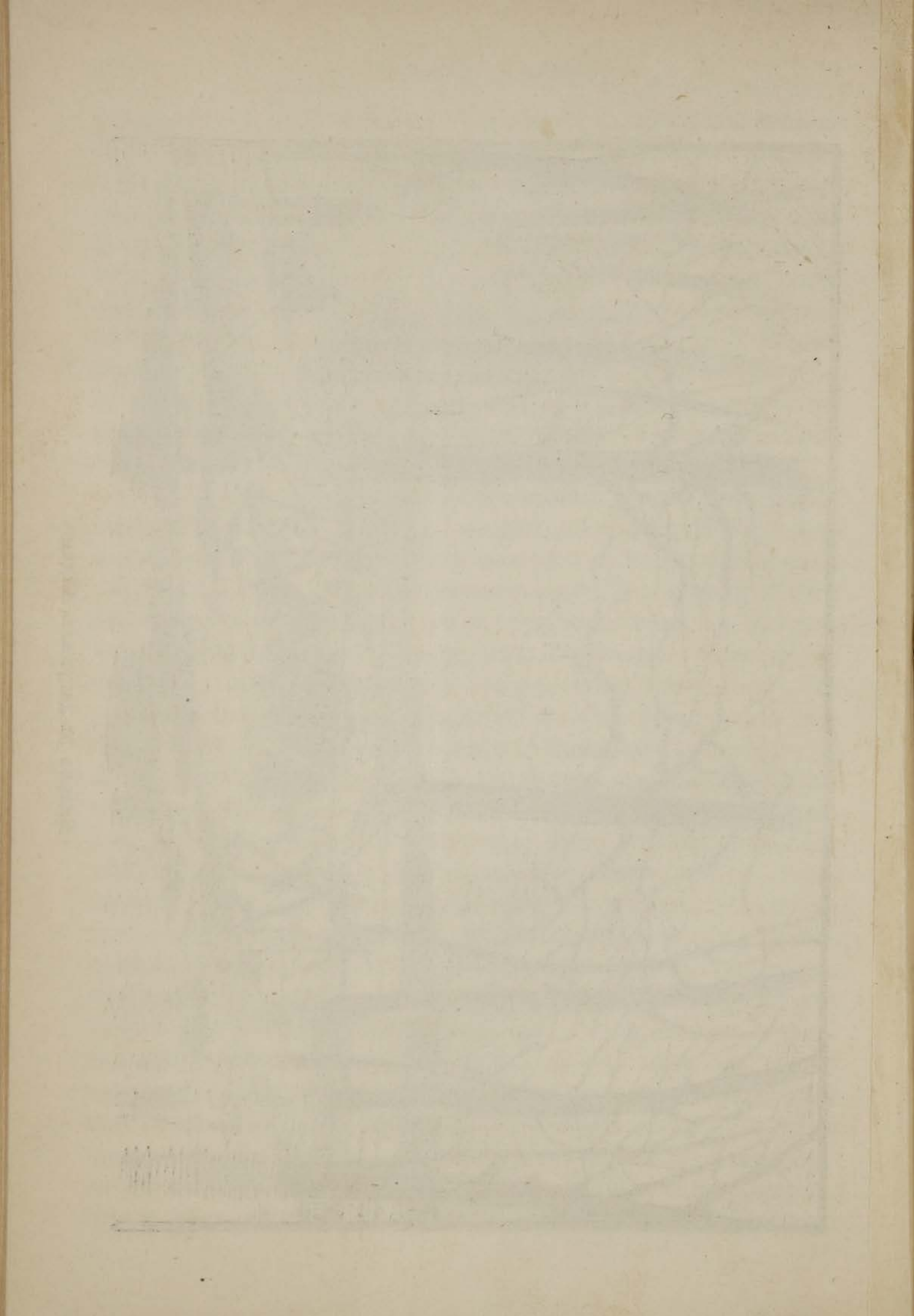
мени, чтобы мы успѣли вынести посушить наши промоченныя насквозь одѣяла и платья, развѣсили ихъ и затѣмъ поскорѣе, внесли-бы ихъ еще болѣе промоченными въ шалашъ. Я попробовалъ было пойти по дорогѣ въ поварню, но нашель эту дорогу совершенно непроѣзжею и, видно, самую судьбою

суждено намъ сидѣть въ этомъ болотѣ до тѣхъ поръ, пока не явится возможность перебраться черезъ рѣку. Послѣ полудня я отправился къ тому мѣсту на берегу, гдѣ мы провели первую ночь; почва была совершенно еще напитана водою, а огромныя льдины въ 4—5 футовъ толщиною, лежавшія на 20—30 метровъ дальняго нашего бивуака, показывали, какъ далеко заходило наводненіе. Я постоялъ нѣсколько минутъ на громадной льдинѣ и жадными взорами глядѣлъ черезъ водное пространство, версты 3 шириною, переполненное плавающимъ льдомъ, въ мѣсто, гдѣ всего верстахъ въ четырехъ отъ меня, на противоположномъ берегу Алдана, должна была находиться станція.

По возвращеніи изъ нашего бесплоднаго путешествія, имѣвшаго цѣлью пробраться на предыдущую станцію, мы держали сегодня утромъ военный совѣтъ и на немъ постановили слѣдующее: такъ какъ во всякомъ случаѣ, мы принуждены будемъ въ концѣ концовъ убить одну изъ лошадей, то лучше-же сдѣлать это тотчасъ-же, заблаговременно, а не ждать, пока насъ побудитъ къ этому голодъ. Одинъ изъ нашихъ людей получилъ приказаніе убить животное и при помощи другихъ тотчасъ-же принялся за дѣло. Привязавъ лошадь задними ногами къ дереву, мы прикрѣпили къ переднимъ ногамъ веревку, завернули другой конецъ ея за дерево, схватились за него и до тѣхъ поръ тащили изо всѣхъ силъ, пока животное не было насильно положено на землю; тогда связали и переднія ноги накрѣпко, такъ что лошадь лежала совершенно смирно, а ямщикъ въ эту минуту ловкимъ ударомъ ножа, какъ разъ за ушами, гдѣ начинаются позвонки, убилъ ее съ одного раза. Кожу содрали очень скоро и освѣжевали мясо очень искусно, а такъ какъ всѣ мы были очень голодны, то тотчасъ же и взяли большой кусокъ мяса отъ задней четверти, чтобы сварить его въ котлѣ. Когда я возвратился изъ своего похода на берегъ, меня позвали ѣсть и, такъ какъ приготовленное кушанье мнѣ очень нравилось, то я находился въ полномъ убѣжденіи, что ѣмъ говядину; я воображалъ, что у насъ осталось еще немного говядины и что спутники

Бивакъ въ лагунахъ Алдана.

мон, полагая, что мясо только что убитой лошади будетъ мнѣ противно, приготовили мнѣ похлебку изъ этой говядины. Я думаю, что я никогда бы и не замѣтилъ разницы между лошадинымъ и коровьимъ мясомъ, если-бы первое не было немного болѣе жестко и прѣсно. Вполнѣ насытившись, съ полными желудками, мы всѣ заснули крѣпко и хорошо.

18 мая. За завтракомъ и за обѣдомъ опять была конина, а время въ промежутки между ѣдою проводили все такъ же какъ и вообще все время нашего пребыванія здѣсь, т. е. въ безпрестанныхъ и притомъ въ тщетныхъ попыткахъ обсушить наше платье, что никакъ намъ не удавалось, то вслѣдствіе дождя, то изъ-за снѣга. Желаніе мое, чтобы перемѣнилось направленіе вѣтра, кажется, осуществляется: сегодня цѣлый вечеръ онъ дуетъ уже болѣе съ юго-запада и гонитъ дымъ нашего костра прямо въ отверстіе нашего шалаша; если онъ будетъ дуть все въ томъ-же направленіи, то мы можемъ, какъ я полагаю, надѣяться на лучшую погоду. Я бы охотно убилъ время писаніемъ, но не отваживаюсь въ эту обманчивую, скверную погоду открыть мой ящикъ, такъ какъ безъ всякаго сомнѣнія такое довѣріе къ погодѣ повело-бы за собою цѣлый потопъ. Съ вчерашняго вечера вода въ мѣстности, находящейся позади нашего шалаша, все время находилась на прибыли и сегодня, даже въ 2 ч. пополудни, она стояла на 6 дюймовъ выше высшей точки, достигнутой ею третьяго дня; затѣмъ, съ полтора часа она шла на убыль и опустилась на одинъ дюймъ, а съ той поры и до сей минуты, стоитъ все на томъ же уровнѣ. Я боюсь, что втеченіе 10—20 дней, которые намъ придется сидѣть здѣсь, въ ожиданіи окончанія половодья, вода останется все въ томъ же положеніи и что мы не можемъ поэтому надѣяться на присылку помощи со станціи. Приходится терпѣливо ожидать, пока рѣка освободится совершенно ото льда и насъ перевезутъ на другой берегъ въ лодкѣ. Только-бы явилась возможность получить наши вещи, чтобы хотя перемѣнить бѣлье, захватить табаку и имѣть изъ ѣды не все только одну конину,—для всѣхъ насъ это было бы истиннымъ благодѣяніемъ. Я вышелъ послѣ пополудня

посмотрѣть на рѣку, но уже не могъ добраться до того мѣста, гдѣ мы провели первую ночь; когда же я въ 6^{1/2} часовъ возвратился къ шалашу, то примѣтилъ, что вода снова поднималась, со скоростью около 3 дюймовъ въ часъ и что ей остается подняться всего на какіе нибудь два фута для того, чтобы ворваться въ наше убѣжище, которое стоитъ, однако, на самомъ высокомъ мѣстѣ, какое мы могли только отыскать. Перспектива прескверная. Это постепенное, но въ тоже время постоянное поднятіе воды вовсе мнѣ не нравится

19 мая. Проснулся въ 6 ч. и увидалъ, что вода очень сильно поднимается и почти уже достигаетъ шалаша. Пошелъ въ такое мѣсто, откуда могъ издали видѣть рѣку, и увидалъ, что она все еще переполнена быстро несущимся по ея волнамъ льдомъ и что вся мѣстность вокругъ насъ совершенно затоплена. Скоро вода достигла нашего костра и потушила его; мы отыскивали себѣ мѣстечко еще повыше и тотчасъ-же разложили тамъ новый костеръ, на которомъ и сварили конины на завтракъ. Въ 7^{1/2} ч. вода ворвалась въ нашъ шалашъ. Я открылъ мой ящикъ и спряталъ необходимѣйшія и важнѣйшія бумаги въ карманъ и подъ подкладку моего сюртука. Два раза должны мы были мѣнять свое пристанище и теперь въ 9 ч. 15 м. мы находимся на самомъ лучшемъ мѣстѣ, какое можно только найти и гдѣ мы должны обождать, какъ дѣла пойдутъ дальше. Вода все еще очень быстро поднимается. Все больше и больше ощущается отсутствіе у насъ топора; конечно, было сумасшествіемъ оставить его съ вещами. Передъ тѣмъ, какъ покинуть станцію, я видѣлъ топоръ, висѣвшій на стѣнѣ въ его кожаномъ футлярѣ и, конечно, подумалъ, что люди непременно захватятъ его; правда, что и забыли-то его въ самую послѣднюю минуту. Казакъ мой и помощникъ только что перекрестились немного и проговорили свои молитвы; они лежатъ теперь, растянувшись во всю длину и спятъ сладкимъ сномъ на большомъ древесномъ стволѣ. Мы же сидимъ на стволѣ, поджавши ноги, для того, чтобы не мочить ихъ въ водѣ, покрывающей въ настоящую минуту все кругомъ насъ. Я очень радъ, что казакъ мой спитъ,

такъ какъ, когда онъ бодрствуетъ, то не перестаетъ ругать несчастнаго ямщика, который, по его словамъ, и поставилъ насъ въ это крайне непріятное положеніе. Что касается до меня, то я именно-то, казаку и приписываю главную вину, такъ какъ никто другой, какъ онъ, вечеромъ въ день нашего прибытія на берегъ, утверждалъ, что надо не останавливаться и итти дальше до переправы. Само собою разумѣется, что я безпокоюсь гораздо болѣе о женщинѣ и ребенкѣ, нежели о насъ, такъ какъ мы, во всякомъ случаѣ, гораздо легче можемъ выпутаться изъ бѣды и при нуждѣ взлѣсть даже на дерево. Только будь у насъ топоръ, такъ мы могли-бы отлично устроить себѣ плотъ и на немъ переплыть водное пространство, находящееся позади насъ, до такого мѣста, откуда легко можно было-бы достигъ поварни, отстоящей всего на 4 версты. Я рѣшительно прихожу въ бѣшенство, когда вспоминаю о топорѣ. Въ 10 часовъ утра, вода пошла вдругъ на убыль съ тою-же скоростью, съ какою она до той поры шла на прибиль, т. е. на три дюйма въ часъ. Сегодня вечеромъ, погода сравнительно пріятная, т. е. не идетъ ни снѣгъ, ни дождь, а такъ какъ, кромѣ того, воздухъ не шелохнется, то мы и напрягли всѣ наши усилія, чтобы крикнуть черезъ рѣку; въ концѣ концовъ, насъ таки услышали и крикнули въ отвѣтъ. Я поставилъ одного ямщика разговаривать съ людьми, находящимися на томъ берегу, но дуракъ никакъ не могъ понять, что ему оттуда кричали, не смотря на то, что я, стоя далеко позади него, совершенно явственно различалъ звуки; все объяснялось тѣмъ, что онъ начиналъ самъ говорить, какъ разъ въ то время, когда начинали говорить съ того берега и перекрикивалъ ихъ голоса. Хорошо, по крайней мѣрѣ, что тамъ, на станціи узнали о нашемъ пребываніи на этомъ берегу; теперь, едва только явится возможность, они безъ новыхъ побужденій съ нашей стороны, пришлютъ за нами лодку. Къ 6 часамъ вечера вода упала на цѣлыхъ два фута, и мы можемъ снова переселиться въ нашъ шалашъ; да и ледъ по рѣкѣ плыветъ, какъ кажется, уже не такую сплошною массою.

20-го мая. Погода превосходна и рѣка почти совершенно

свободна отъ льда, только у этого берега тянется узкая и тонкая полоска. Сегодня вечеромъ, мы снова кричали черезъ рѣку и, послѣ болѣе нежели часовыхъ стараній, всетаки не услышанные съ берега, получили, наконецъ, отвѣтъ, что завтра за нами пришлютъ лодку. Сегодня я провелъ большую часть дня за писаніемъ.

Подъ вечеръ, вода снова стояла на самомъ маломъ уровнѣ, какой она имѣла вообще съ нашего пріѣзда сюда, и такимъ образомъ, всѣ дѣйствія наши пришли, наконецъ, къ исходу. Послѣ полудня, на слѣдующій день, къ намъ пріѣхала маленькая лодка съ двумя якутами, которые привезли намъ чаю муки и отвратительнаго, смѣшаннаго съ саломъ масла, изготовляемаго якутскими хозяйками! Мы поужинали по лукулловски: кушаньемъ у насъ была вареная конина и пирогъ изъ ржаной муки, причемъ тѣсто сдѣлали прямо изъ муки и воды, нарѣзали кусочками, наклеили эти кусочки на вѣточки и поставили эти послѣднія передъ огнемъ для печенія. Послѣ этого подавали еще чай, приготовленный натурально въ одномъ и томъ-же котлѣ, въ которомъ варилось и мясо, и потому онъ обладалъ до нѣкоторой степени мяснымъ вкусомъ. Послѣ чаю, Михайло, казакъ, отправился съ обоими якутами на другой берегъ затѣмъ, чтобы привести намъ молока, сахару, табаку и дикихъ гусей отъ станціоннаго смотрителя. Втеченіе нѣсколькихъ дней мы не имѣли ни крошки табаку и дошли даже до изобрѣтенія различныхъ его суррогатовъ; такъ, напр., мы смѣшивали мелко-на-мелко нарубленную сосновую кору съ тоже мелко изрубленнымъ деревомъ старой трубки, которое, будучи, конечно, за время своей службы насквозь пропитано никотиномъ, придавало смѣси до нѣкоторой степени табачный вкусъ. Нашъ ямщикъ тоже пустился въ путь въ избу, гдѣ мы оставили наши вещи, чтобы доставить ихъ намъ, но нашелъ, что земля за нашимъ бивуакомъ все еще покрыта водою и потому скоро долженъ былъ возвратиться назадъ.

На слѣдующій день, наконецъ, пришла большая лодка съ двѣнадцатью гребцами, мужчинами и мальчиками, привез-

Сибирскій ландшафтъ.

SCOTT'S EMERALD BRAND

шая сюда лошадь и быка съ санями, которые должны были доставить къ берегу наши вещи. Въ первый разъ приходилось мнѣ видѣть сани съ воловѣй упряжкой, а потому я и былъ до крайности заинтересованъ этимъ зрѣлищемъ. Сани эти употребляются только лишь тогда, когда на землѣ нѣтъ снѣга; возница, зачастую женщина или дѣвушка, никогда не сидитъ въ саняхъ, но верхомъ на волѣ; примѣненіе вола къ ѣздѣ встрѣчается здѣсь очень часто, впоследствии случилось мнѣ встрѣчать всадниковъ, сидѣвшихъ очень серьезно на волѣ и управлявшихъ имъ посредствомъ веревки, привязанной къ кольцу, продѣтому въ ноздри животнаго; подъ всадникомъ было всегда сѣдло, въ которомъ онъ сидѣлъ чрезвычайно удобно, тогда какъ жена его шлепала пѣшкомъ подлѣ него по весенней грязи, а иногда и прямо по водѣ; ну, да и то сказать, она вѣдь только женщина, а онъ мужчина! Прибывши на станцію, я нашелъ тамъ двухъ казаковъ съ почтою, уѣхавшихъ изъ Верхоянска десятью днями раньше меня и еще одного казака, сопровождавшаго какого-то ссыльнаго. Тутъ я узналъ, что г. Бобуковъ, также точно застигнутый разливомъ, находится въ избѣ, отстоящей отсюда на 10 верстъ пути, что состояніе дорогъ неслыханно скверно и путешествіе рѣшительно невозможно. Въ тотъ-же вечеръ прибылъ сюда и г. Бобуковъ, узнавшій о моемъ прибытіи на станцію; я былъ крайне радъ увидать его, такъ какъ онъ говорилъ по-французски, а я съ того времени; какъ оставилъ Верхоянскъ, не имѣлъ никого, съ кѣмъ-бы можно было поговорить хотя немного. Онъ разсказалъ мнѣ, что не будучи въ состояніи ѣхать дальше, цѣлыхъ 12 дней провелъ въ одномъ ближнемъ домѣ, и что и теперь даже онъ не предвидитъ ничего хорошаго, такъ какъ дороги покрыты еще водою, а рѣки, черезъ которыя придется переправляться, находятся еще въ такомъ разливѣ, что нельзя пользоваться обыкновенными бродами; кромѣ того, на дорогахъ трудно найти

лошадей, а на рѣкахъ—лодокъ; онъ послалъ уже одного изъ своихъ казаковъ впередъ съ донесеніемъ о положеніи дѣлъ и далъ ему порученіе прислать сюда лошадей изъ одной деревни, лежащей на половинѣ дороги въ Якутскъ и притащить къ переправамъ черезъ рѣки лодки на волахъ.

Глава XXV.

Конецъ путешествія.

Иркутскъ, 2 августа 1882 года.

Именно въ тотъ день, когда, наконецъ, пришли мои вещи, а это было 26 мая, мы пустились снова въ дорогу, и на этотъ разъ уже не одни, а въ сопровожденіи г. Бобукова, который кромѣ корабельныхъ книгъ и бумагъ съ „Жаннетты“, везъ еще въ Якутскъ цѣлое собраніе различныхъ предметовъ, найденныхъ при тѣлахъ Делонга и его сотоварищей; теперь эти вещи отправляли въ Америку на память роднымъ погибшихъ. Мы нашли дороги въ самомъ ужасномъ состояніи, а многіе мосты совершенно разрушенными. Ночью мы принуждены были развьючивать два раза нашихъ лошадей для того, чтобы переводить ихъ черезъ мосты, которые мы наскоро исправляли; лошадь, везшая тяжелый ящикъ съ книгами и предметами воспоминаній, падала разъ 6 или 7 при переправахъ черезъ безчисленные ручьи, пересѣкавшіе дорогу; впрочемъ, черезъ большую рѣку мы переправились на лодкѣ безъ всякихъ приключеній, хотя она и неслась съ удивительною быстротою. Лошади переплыли на другую сторону, привязанные къ крѣпкому, хотя и не гибкому канату, сплетенному туземцами изъ тонкихъ вѣтвей. Всѣ вещи пришлось нагрузить на лодку и само собою разумѣется, съ какимъ вниманіемъ я охранялъ при этомъ ящикъ, заключавшій въ себѣ драгоцѣнныя реликвіи несчастныхъ героевъ „Жаннетты“; когда я увидалъ, что онѣ

счастливо перевезены на противоположный берегъ, я вздохнулъ, наконецъ, во всѣ легкія и съ сердца у меня какъ камень свалился. Въ половинѣ второго часа утра, мы добрались до слѣдующей станціи и не особенно порадовались, увидавъ, что она покинута и до половины залита водою; однако, совершивъ большой объѣздъ мы выбрались, наконецъ, изъ затопленной мѣстности, а черезъ 4 часа достигли якутскаго дома, отстоявшаго отъ станціи верстъ на пять; жители выразили свое согласіе доставить насъ на своихъ лошадяхъ въ ближайшую деревню, расположенную на половинѣ дороги между Алданомъ и Якутскомъ, гдѣ жилъ мелкій русскій чиновникъ, называемый этими людьми просто „писаремъ“.

Мѣстность здѣсь оказалась гораздо гуще населенною, нежели дальше на сѣверѣ, но все-же дома были выстроены точно такъ-же, какъ мы до сихъ поръ привыкли видѣть; они всегда были срублены изъ круглыхъ неотесанныхъ бревенъ, врубленныхъ другъ въ друга по угламъ; даже и сама плоская, усыпанная толстымъ слоемъ земли, крыша состоитъ изъ плотно сложенныхъ балокъ, или накатника, а для того, чтобы сдѣлать избу совершенно непроницаемою для вѣтра, всѣ стѣны густо смазываются коровьимъ навозомъ. Образъ жизни богатыхъ якутовъ мало или даже вовсе почти не отличается отъ тѣхъ, которымъ счастье не такъ благопріятствуетъ; всѣ они живутъ въ одинаковыхъ домахъ, гдѣ только самая малая часть предоставляется семейству, тогда какъ все остальное служитъ убѣжищемъ для коровъ и телятъ. Втеченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ году,—а я какъ разъ именно и проѣзжалъ въ это время по странѣ якутовъ,—молоко ихъ стадъ составляетъ основную и почти единственную пищу и богатыхъ и бѣдныхъ; оно смѣшивается обыкновенно съ мелко истолченною сосною нижнею корою, заступающею здѣсь очень часто мѣсто муки и изъ этой смѣси варится что-то вродѣ густой похлебки; иногда это кушанье дѣлается еще болѣе вкуснымъ тѣмъ, что туда прибавляютъ нѣсколько фунтовъ мелкой рыбы, въ родѣ обыкновенной плотвы, которая ловится здѣсь по всѣмъ озерамъ и рѣкамъ большими венте-

рями. Часто случалось мнѣ дорогой ѣсть съ якутами это любимое ихъ кушанье, которое и подается просто и невкусно, да и съѣдается безъ особеннаго удовольствія; каждый членъ семьи мужскаго пола получаетъ большую деревянную ложку, которою онъ хлебаетъ по желанію и сколько ему угодно изъ горшка, стоящаго посреди стола; если человѣкъ очень голоденъ, то похлебка эта кажется ему очень вкусною, но я никогда не могъ понять, какимъ образомъ такіе сильные и здоровые люди, имѣющіе такое обиліе мяса въ своихъ стадахъ, могутъ довольствоваться этою ѣдою. Быть можетъ даже, что такая молочная діета влечетъ за собою обычную трусость этого народа.

Воспользовавшись якутскими лошадьми, мы доѣхали на второй день до деревни, гдѣ жилъ чиновникъ; затѣмъ переправившись на лодкѣ черезъ новое пространство, затопленное водою, на ночь мы были приняты въ домъ стараго очень страннаго на видъ священника, который разсыпался въ любезностяхъ и былъ къ намъ очень внимателенъ. Все, что было у него въ хозяйствѣ особеннаго, т. е. вареная говядина, сухари, чай, сахаръ и маринованная рыба,—все появилось на приготовленномъ для насъ столѣ; онъ отворилъ намъ не только свой чуланъ для съѣстныхъ припасовъ, но принесъ и бутылку водки. У священника была добрая душа и я всегда буду вспоминать съ благодарностью и удовольствіемъ о его стараніяхъ развеселить своихъ усталыхъ гостей, а также и объ услугѣ, оказанной имъ намъ снабженіемъ насъ свѣжею провизіею на дальнѣйшій путь. Съ того времени, какъ мы начали исключительно питаться кониною, только дикіе утки и гуси, покупаемые мною по дорогой цѣнѣ у встрѣчавшихся намъ якутовъ, нѣсколько разнообразили нашъ столъ.

На одной изъ слѣдующихъ станцій мы встрѣтили только что обвѣнчанную юную якутскую чету, и при этомъ мой спутникъ г. Бобуковъ, отлично говорящій по якутски, сообщилъ мнѣ кое-какія подробности о свадебныхъ обрядахъ этого народа. Обычай покупки невесты существуетъ здѣсь еще въ полной силѣ; всякій юноша покупаетъ себѣ подругу жизни у ея от-

ца за „калымъ“. т. е. за нѣкоторую сумму, которая колеблется между 50 и 500 рублями, смотря по красотѣ и другимъ качествамъ дѣвушки, а также и по степени увлеченія молодого человѣка. Послѣ уплаты калыма отецъ дѣвушки беретъ ее снова къ себѣ въ домъ, и втеченіе цѣлаго года несчастный

Золотые приеки въ Витимскѣ.

обрученный не смѣетъ ни говорить съ нею, ни видѣть ее; по истеченіи этого срока они вѣнчаются у священника, но послѣ свадьбы снова должны подвергнуться мучительной разлукѣ на цѣлые 20 дней; только по истеченіи этого срока испытанія, они могутъ броситься другъ другу въ объятія и на этотъ разъ

уже безъ боязни быть когда-нибудь разлученными. Какъ сильна и дѣйствительна должна быть любовь, пылающая въ ихъ сердцахъ, если она можетъ выдержать такую долгую разлуку, когда они не могутъ взглянуть даже хотя бы тайкомъ на предметъ своихъ возжелѣній и тѣмъ снова возбудить пылъ своей страсти. Всякія сношенія между ними запрещены, такъ что даже и письменно они не могутъ высказать другъ другу силу своей любви; да послѣднее, впрочемъ, врядъ ли могло-бы случиться, такъ какъ среди всѣхъ видѣнныхъ мною якутовъ, только одинъ умѣлъ читать и писать. Я высказалъ свое удивленіе предъ этою непоколебимою вѣрностью въ любви другу моему Бобукову, но этотъ циникъ только посмѣялся надо мною и моими идеальными взглядами на любовь и объявилъ, что все дѣло сводится здѣсь къ деньгамъ. Юноша заплатилъ большее или меньшее количество рублей и, конечно, хочетъ получить что нибудь за свои деньги, хотя-бы даже и жену только; даже самая сильная любовь должна бы потухнуть втеченіе первой разлуки за недостаткомъ побудительныхъ средствъ; юношѣ ничего болѣе не остается, какъ быть вѣрнымъ: онъ уплатилъ всѣ свои деньги и поэтому у него нѣтъ даже и средствъ сдѣлаться невѣрнымъ. Фи! я ненавижу такіе матеріалистическіе взгляды, но мой пріятель Бобуковъ — бывший ссыльный и, пожалуй, имѣетъ на этомъ основаніи право сомнѣваться въ человѣческой добродѣтели.

Усталые, голодные и въ одеждѣ, носившей слѣды нашихъ путешествій по водѣ и грязи, прибыли мы, наконецъ, послѣ полудня 30-го мая, какъ разъ на 27-й день моего отъѣзда изъ Верхоянска къ берегу Лены; мы счастливо проѣхали широкую песчаную отмель, въ которой лошади наши тонули почти по самое брюхо, и остановились у группы домовъ, выстроенныхъ на берегу, гдѣ насъ встрѣтилъ унтеръ-офицеръ Колѣнкинъ. Онъ-то и былъ тѣмъ казакомъ, который сопровождалъ г. Бобукова до избы на берегу Алдана и который былъ посланъ имъ впередъ въ Якутскъ. Теперь онъ снова пріѣхалъ къ намъ на встрѣчу изъ Якутска и привезъ съ собою нѣсколько свѣжихъ бифстексовъ, свѣжаго хлѣба и нѣсколько очень мило смот-

рѣвшихъ бутылокъ. На слѣдующее утро, мы пріѣхали въ Якутскъ, переѣхавъ ночью черезъ рѣку, имѣющую въ этомъ мѣстѣ 15 верстъ ширины. Я не могу рѣшительно ничего сообщить объ этой переправѣ, такъ какъ изможденный усталостью и въ сознаніи, что покончилъ дурную часть моего пути, заснулъ сномъ праведника. Старый другъ мой, г. Варовъ, выѣхалъ встрѣтить меня за городъ и проводилъ въ свой домъ,

Генералъ Анучинъ.

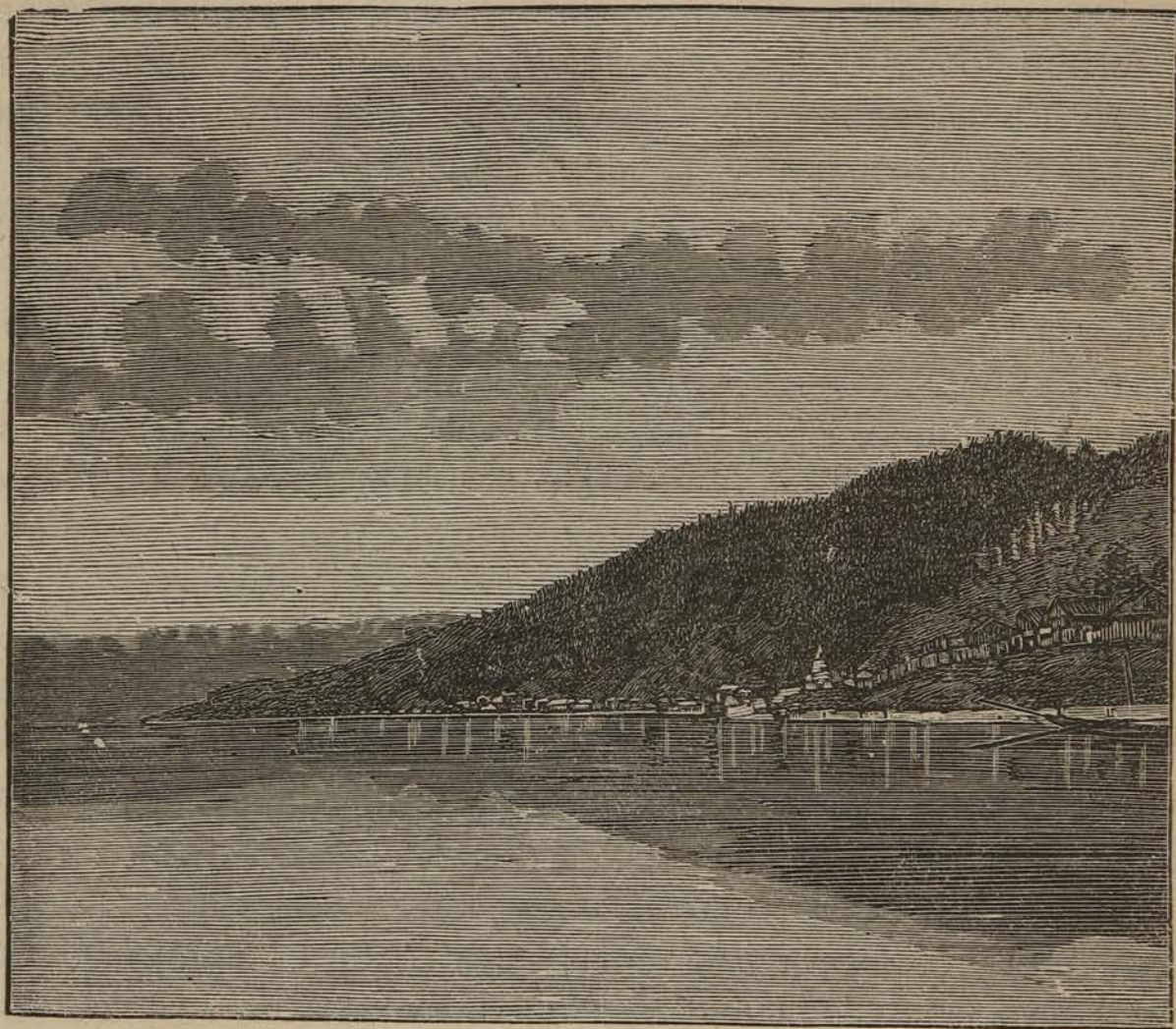
гдѣ „la petite“ Неня привѣтствовала меня съ живѣйшею радостью въ качествѣ стараго знакомаго и бывшаго спутника. Вслѣдъ за этимъ прибылъ и посланный отъ губернатора, который просилъ меня тотчасъ же отправиться къ нему, такъ какъ у него какъ разъ въ эту минуту сидитъ одинъ господинъ, говорящій по-англійски и могущій служить намъ переводчикомъ. Когда, явившись я просилъ извинить меня, что представляюсь

въ моемъ изорванномъ и грязномъ платьѣ, старый генераль возразилъ самымъ любезнымъ образомъ, что онъ сконфуженъ, что старый воинъ извиняется передъ таковымъ же въ случайности, которая является необходимымъ слѣдствіемъ такого длиннаго и тяжелаго похода; этимъ все дѣло и кончилось; я былъ принятъ съ самымъ сердечнымъ радушіемъ и долженъ былъ остаться у него обѣдать безъ церемоній, такъ какъ „à la guerre comme à la guerre“.

Нашъ переводчикъ, капитанъ русскаго флота Юргенсъ, также только проѣздомъ находился въ Якутскѣ. Онъ былъ на пути къ устьямъ Лены, гдѣ долженъ былъ устроить метеорологическую станцію, новое звено въ цѣпи мѣстъ наблюдений, которая должна опоясать земной шаръ у самага полярнаго круга. Во время моего пребыванія въ Якутскѣ, со всѣхъ сторонъ, мнѣ высказывали самую любезную предупредительность и всякое вниманіе и я нашелъ не мало случаевъ войти здѣсь въ дружбу съ людьми, о встрѣчѣ съ которыми могъ увезти только одни пріятныя воспоминанія, которыхъ я никогда не забуду. Генераль Черняевъ, якутскій губернаторъ, рѣшительно отечески заботился обо мнѣ, а вице-губернаторъ, г. Приклонскій, хлопоталъ обо мнѣ, какъ можетъ хлопотать только братъ о братѣ. И капитанъ Юргенсъ, хотя и чужой въ городѣ, былъ неутомимо внимателенъ ко мнѣ и съ неощеннымъ терпѣніемъ служилъ, въ моихъ сношеніяхъ съ людьми, переводчикомъ.

Черезъ недѣлю послѣ моего пріѣзда въ Якутскъ, пріѣхали туда и члены экспедиціи въ устья Лены и еще нѣсколько дней пользовались гостепріимствомъ любезныхъ жителей города. Главный инженеръ Мельвилль и его спутники Бертлеттъ, Ниндерманнъ и Гринбекъ были уже здѣсь хорошо извѣстны, такъ что имъ приходилось лишь возобновить тѣ дружескія сношенія, которыя они успѣли завязать прошлою зимою. Только капитанъ Берри и мичманъ Гентъ съ „Роджерса“, были совершенно новыми людьми; они въ самомъ скоромъ времени раздѣлили съ нами чувства горячей благодарности и глубокаго уваженія къ русскимъ чиновникамъ въ Якутскѣ. 11-го іюня, всѣ мы усѣлись на маленькій пароходъ „Піонеръ“; добрая полови-

на населенія провожала насъ на пристань; ни губернаторъ, ни другіе высшіе чиновники не побоялись далекаго пути, чтобы сказать намъ еще разъ „прости“. Со всѣхъ сторонъ намъ жали руки, слышались увѣренія въ вѣчной дружбѣ, а я, сдѣлавшійся такъ же скоро въ Сибири русскимъ, какъ среди чукчей—ди-

Байкальское озеро.

каремъ, я—о ужасъ долженъ былъ перецѣловаться чуть не со всѣми присутствовавшими при проводахъ мужчинами.

„Пионеръ“ былъ жалкенькій, маленькій пароходикъ, съ трудомъ выгребавшій противъ сильнаго теченія и постоянно осыпавшій насъ цѣлымъ дождемъ искръ, вылетающихъ изъ его трубы. Втеченіе двухъ недѣль, проведенныхъ нами на этомъ

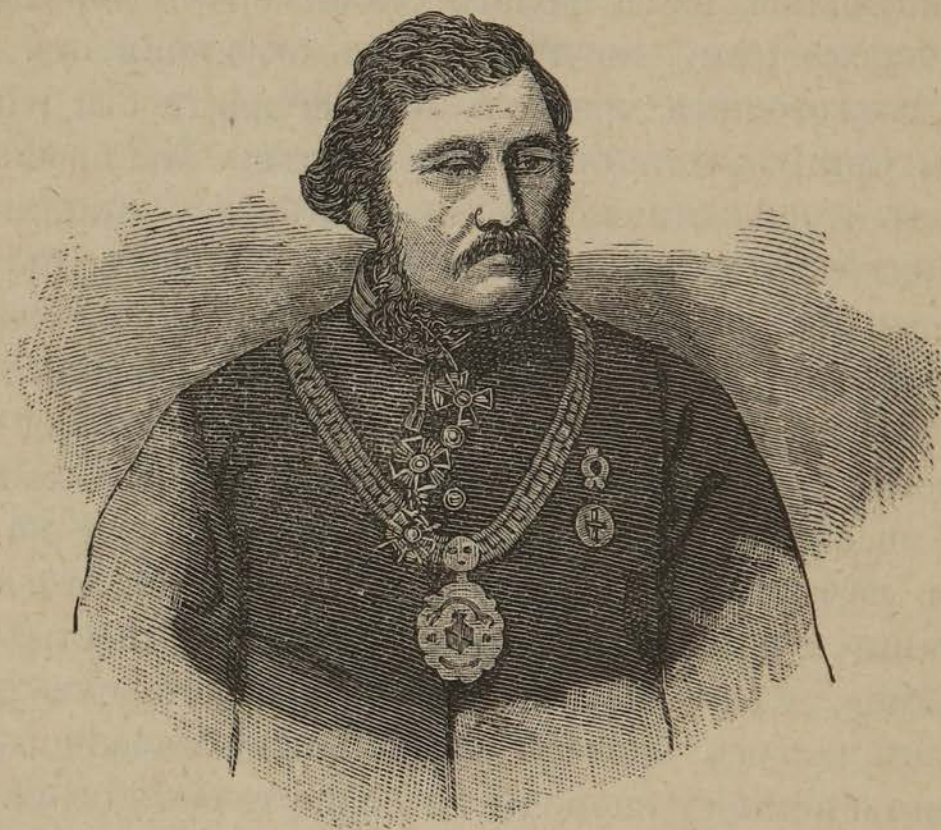
суднѣ, не разъ пускались мы въ бесплодное состязаніе съ встрѣчными лодками, которыя тянули лямкою двое простоволосыхъ мальчиковъ вверхъ по теченію. Единственнымъ, конечно, какъ и всѣ согласятся, удовольствіемъ на этомъ суднѣ было то, что почти цѣлый день можно было писать у стола въ каютѣ, такъ какъ столъ этотъ только изрѣдка употреблялся для установки кушанья къ обѣду. Послѣ нѣсколькихъ фуражировокъ въ нѣкоторыхъ деревняхъ, гдѣ мы останавливались запаслись дровами, ѣда сдѣлалась и лучше и роскошнѣе, что, однако, къ великому нашему удивленію, принудило капитана тотчасъ повесить плату за наше содержаніе.

Въ Витимскѣ мы сошли съ „Піонера“ и пересѣли на „Константина“, который оказался и больше и лучше устроенъ, мы могли тамъ ѣсть *à la carte* и въ силу этого чувствовали себя много лучше.

Кромѣ нашего общества, на пароходѣ было много другихъ пассажировъ, представлявшихъ собою пеструю смѣсь русскихъ якутовъ, тунгусовъ, татаръ, монголовъ и цыганъ; между ними находились и двѣ женщины, бывшія въ особенныхъ, излюбленныхъ въ Сибири дорожныхъ костюмахъ; одежда эта состоитъ изъ широкой, перевязанной на талии поясомъ, блузы и широкихъ, запряганныхъ въ сапоги штановъ; мягкая войлочная шляпа дополняетъ костюмъ, который полонъ вкуса и очень удобенъ.

Долина и берега Лены изобилуютъ чрезвычайно живописными видами. Отвѣсныя береговья стѣны, поднимающіяся прямо изъ рѣки, подобно высокимъ зубчатымъ крѣпостнымъ стѣнамъ, не менѣе красивы, нежели превосходно облѣсненные склоны, ограничивающіе широкую, въ нѣсколько десятковъ верстъ ширины, долину и на которыхъ то тутъ, то тамъ, огромные утесы самыхъ странныхъ формъ, подобные средневѣковымъ замкамъ, поднимаютъ свои вершины къ голубому небу. Холмистыя, обработанныя пространства, стоившія много труда, но доказывающія очень малое искусство обращаться съ землею, простираются далеко, далеко въ лѣса, а на промежуткахъ въ 20—30 верстъ красуются небольшія деревни, разсы-

павшіяся по берегамъ рѣки. Церкви, по одной, а то и по нѣсколько, въ каждой деревнѣ, придаютъ своими пестро-окрашенными, а иногда и позолоченными куполами какой-то особый отпечатокъ этимъ квадратнымъ домикамъ, разсѣяннымъ вокругъ нихъ. При ближайшемъ ознакомленіи съ сибирскою архитектурою, мнѣ бросилась въ глаза особенная любовь жи-

Томскій городской голова.

телей къ декоративности; дома въ городахъ имѣютъ всегда очень мило размалеванныя оконныя рамы, и даже водосточныя трубы заканчиваются здѣсь головами драконовъ, пастями львовъ и иными художественными орнаментами; маленькіе балкончики, устроенные чаще всего изъ того-же дерева и изъ тѣхъ-же грубыхъ бревенъ, изъ которыхъ сдѣлано большинство здѣшнихъ домовъ, пестрятъ собою однообразіе гладкихъ бревенчатыхъ стѣнъ и производятъ пріятное впечатлѣніе на

зрителя; зачастую даже тяжелыя оконныя ставни размалевываются пестрыми и яркими красками,—однимъ словомъ, почти во всемъ замѣчается большее или меньшее стремленіе народа украсить свои жилища, по силѣ возможности. Нѣкоторыя изъ деревянныхъ церквей, видѣнныхъ мною на верхней Ленѣ украсили-бы собою лучшіе европейскіе и американскіе парки.

Послѣ пятидневнаго плаванія на „Константинѣ“, мы подъѣхали къ такому мѣсту на рѣкѣ, гдѣ проѣхать на пароходѣ было невозможно; видъ цѣлаго стада коровъ переходившихъ вбродъ черезъ рѣку, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ насъ, нѣсколько подготовилъ меня къ этой непріятности раньше, нежели мы принуждены были остановиться. Мы бросили якорь, какъ разъ у находящейся здѣсь на берегу станціи и получили нѣсколько маленькихъ почтовыхъ лодокъ, въ которыхъ насъ и тянули лямкою вверхъ по рѣкѣ, впродолженіи пяти сутокъ; лошади, тащившія насъ, то весело бѣжали по берегу, то съ усиліемъ переходили вбродъ большія водныя пространства; иногда приходилось даже бросать въ воду канатъ, пока лошади не обойдутъ вокругъ глубокой бухты и не выйдутъ снова къ намъ на небольшой полуостровъ; въ это время ямщики наши пускали въ ходъ свои длинныя шесты, которыми они, вообще, удерживаютъ лодку въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берега, а тутъ борются съ сильнымъ теченіемъ и отталкиваются по немногу впередъ, гдѣ сила теченія позволяетъ это.

За этуо утомительною поѣздкою въ лодкѣ, послѣдовала четырехдневная ѣзда на почтовыхъ вплоть до Иркутска, перваго города въ собственномъ смыслѣ этого слова, который я увидалъ въ Сибири.

Мы заняли квартиру въ гостинницѣ Дьякова, удобной и хорошо содержимой хозяиномъ, гдѣ употребляли всѣ старанія, чтобы удовлетворить требованіямъ и вкусу американскихъ гостей. Была въ Иркутскѣ еще и другая большая гостинница, извѣстная подъ фирмою „Сибирь“, кухня которой была гораздо цивилизованнѣе, нежели того можно было ожидать здѣсь, и которая зачастую привлекала насъ въ свою обѣденную залу именно по этой причинѣ. Уютныя маленькія столовыя, пре-

восходное меню и прекрасныя, тонкія вина невольно наводили насъ на отрадную мысль, что, наконецъ, мы находимся въ границахъ цивилизованнаго міра.

Въ особенности одно блюдо, съ которымъ намъ пришлось здѣсь познакомиться, привлекало насъ своимъ вкусомъ, — то была, такъ называемая „окрошка“, холодный супъ—кушанье совершенно сибирское и еще квасъ, напитокъ совершенно нехмѣльной. Я не даю рецепта этого напитка, такъ какъ не желаю повредить одному своему знакомому американцу, который только и грезить о томъ, чтобы устроить въ Нью-Йоркѣ лѣтній кафе, въ которомъ будутъ подавать только окрошку, ботвинью, квасъ и черный хлѣбъ. Мой знакомый полагаетъ, что наживетъ этимъ большое состояніе; онъ совершенно правъ, потому что такое нововведеніе будетъ вполне одобрено публикою. Кушанья будутъ подавать молодыя дѣвушки въ легкихъ малороссійскихъ костюмахъ.

Въ день нашего приѣзда возвратился нѣсколько позднѣе, изъ продолжительнаго путешествія, генераль-губернаторъ восточной Сибири, генераль Анучинъ. Онъ сдѣлалъ объѣздъ ввѣренной его управленію страны, проѣхалъ вплоть до Японіи, потомъ черезъ Суэцкій каналъ отправился въ Европу и потомъ оттуда возвратился по сибирскому почтовому тракту. Его сопровождали его супруга и дочь, несмотря на всѣ затрудненія пути. Всѣ американцы отправились засвидѣтельствовать свое почтеніе губернатору; онъ принялъ насъ очень любезно, представилъ своему семейству и пригласилъ насъ къ обѣду. Все семейство губернатора бѣгло говорило по-французки, а дочь генерала Анучина еще хорошо говорила и по-англійски; генераль Анучинъ еще сравнительно молодой человѣкъ, несмотря на его сѣдые волосы, кромѣ того онъ отличается энергичнымъ характеромъ, добродушіемъ, привѣтливостью и его вообще любятъ въ Иркутскѣ.

На второй вечеръ нашего пребыванія въ Иркутскѣ мы посѣтили садъ, гдѣ игралъ оркестръ изъ струнныхъ и духовыхъ инструментовъ. Въ томъ-же городскомъ саду находится и лѣтнее помѣщеніе клуба; насъ ввелъ туда одинъ изъ

членовъ; за входъ тамъ брали по 50 коп. съ человѣка и мы пріятно провели тамъ время.

Такъ какъ мнѣ казалось, что нельзя быть въ Иркутскѣ и не видать Байкальскаго озера, то я и поѣхалъ туда, чтобы насладиться живописною и въ тоже время величественною прелестью береговъ этого громаднаго озера.

Мое путешествіе собственно и окончилось въ Иркутскѣ; теперь мнѣ оставалось только по кратчайшей и лучшей дорогѣ вернуться на родину.

Сначала намъ пришлось ѣхать по почтовой дорогѣ въ Томскъ. Здѣсь я познакомился съ городскимъ головою г. Цибульскимъ, который въ юности считался превосходнымъ охотникомъ и звѣроловомъ, а теперь одинъ изъ богатѣйшихъ людей Сибири, такъ какъ ему удалось пріобрѣсти пай въ золотыхъ приискахъ.

Изъ Томска мнѣ пришлось ѣхать въ обществѣ моего стараго пріятеля, капитана Джона О. Списера изъ Гротона, въ Коннектикутѣ на небольшомъ пароходѣ до Тюмени. Потомъ мы взяли почтовыхъ лошадей и доѣхали до Екатеринбурга, а оттуда по желѣзной дорогѣ черезъ Уралъ, прибыли въ Пермь. Здѣсь мы сѣли на пароходъ и доѣхали до Нижняго Новгорода.

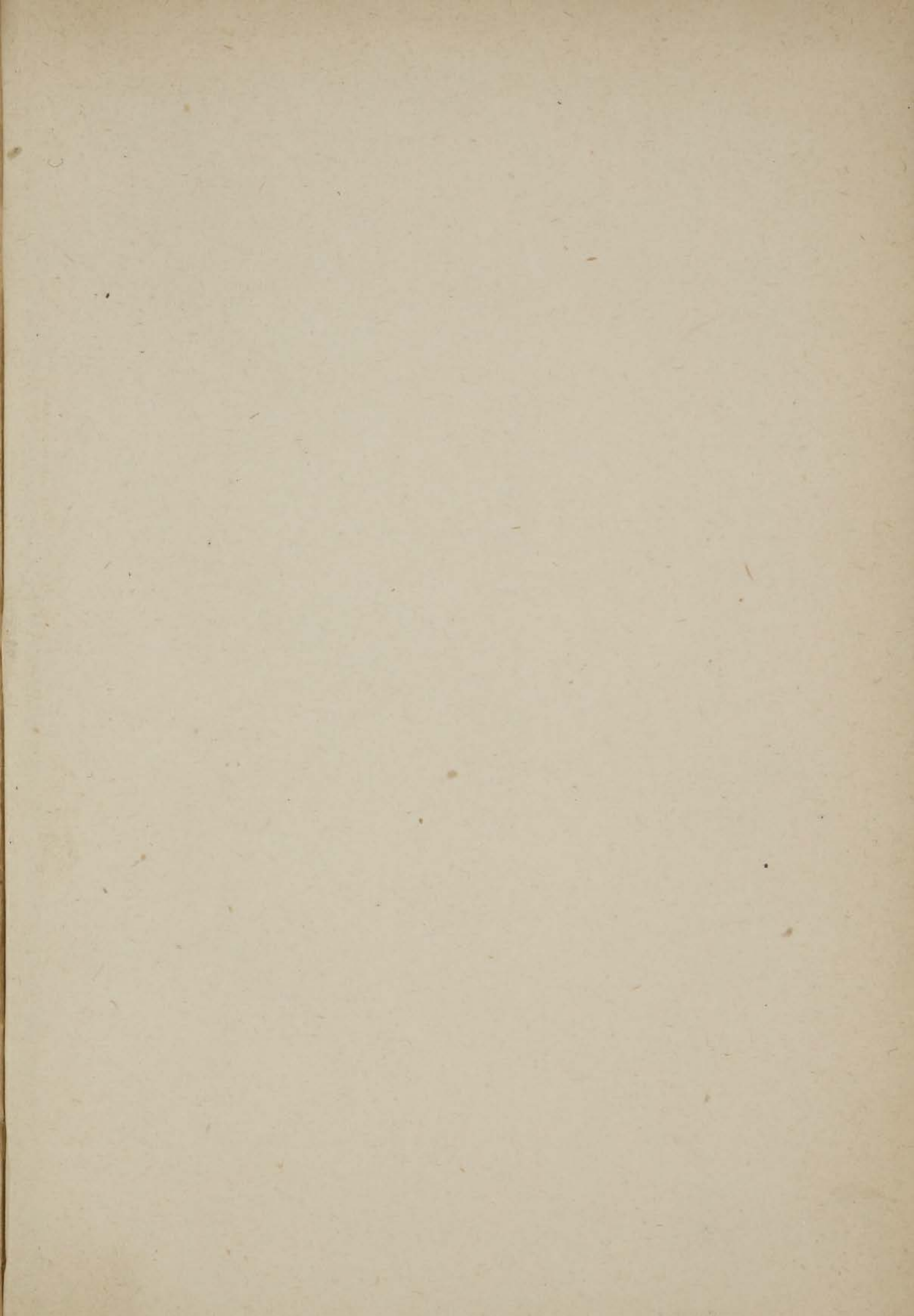
Тутъ всѣ непроѣзжія дороги остались позади насъ и передъ нами лежали теперь пути современной культуры—желѣзныя дороги и благоустроенные пароходы. Я благополучно кончилъ свою миссію, какъ курьеръ.

Содержаніе.

	Стр.
ГЛАВА I.	
На морѣ	3
ГЛАВА II.	
Въ Камчаткѣ	13
ГЛАВА III.	
Петропавловскъ	21
ГЛАВА IV.	
Фортъ Св. Михаила	37
ГЛАВА V.	
Въ бухтѣ Св. Лаврентія	51
ГЛАВА VI.	
Островъ Врангеля	55
ГЛАВА VII.	
Вокругъ острова.	69
ГЛАВА VIII.	
Среди ледяныхъ полей.	80
ГЛАВА IX.	
Идлидля	87
ГЛАВА X.	
Гибель „Роджерса“.	100
ГЛАВА XI.	
Ожиданія освобожденія	111

	Стр.
ГЛАВА XII.	
Судьба Путнэма	121
ГЛАВА XIII.	
По Сибири	134
ГЛАВА XIV.	
Дорогою	143
ГЛАВА XV.	
Средне-Колымскъ	155
ГЛАВА XVI.	
По дорогѣ къ Ленѣ	165
ГЛАВА XVII.	
Записная книжка Делонга	179
ГЛАВА XVIII.	
Розыски труповъ	196
ГЛАВА XIX.	
Плаваніе Жаннетты	203
ГЛАВА XX.	
Обратный путь	213
ГЛАВА XXI.	
Островъ Беннеттъ	233
ГЛАВА XXII.	
Ниндерманъ и Норось	251
ГЛАВА XXIII.	
У якутовъ	275
ГЛАВА XIV.	
Застигнутый потокомъ	290
ГЛАВА XXV.	
Конецъ путешествія	302

ФАБРИКА
И.В. ГЛАВСКАГО
В.О. 5ЛНН. 54
СКЛАДЪ: ЛИТЕИН. 49

Гильдербъ

Во Льдахъ
и въ
Снѣгахъ

М. Ф.